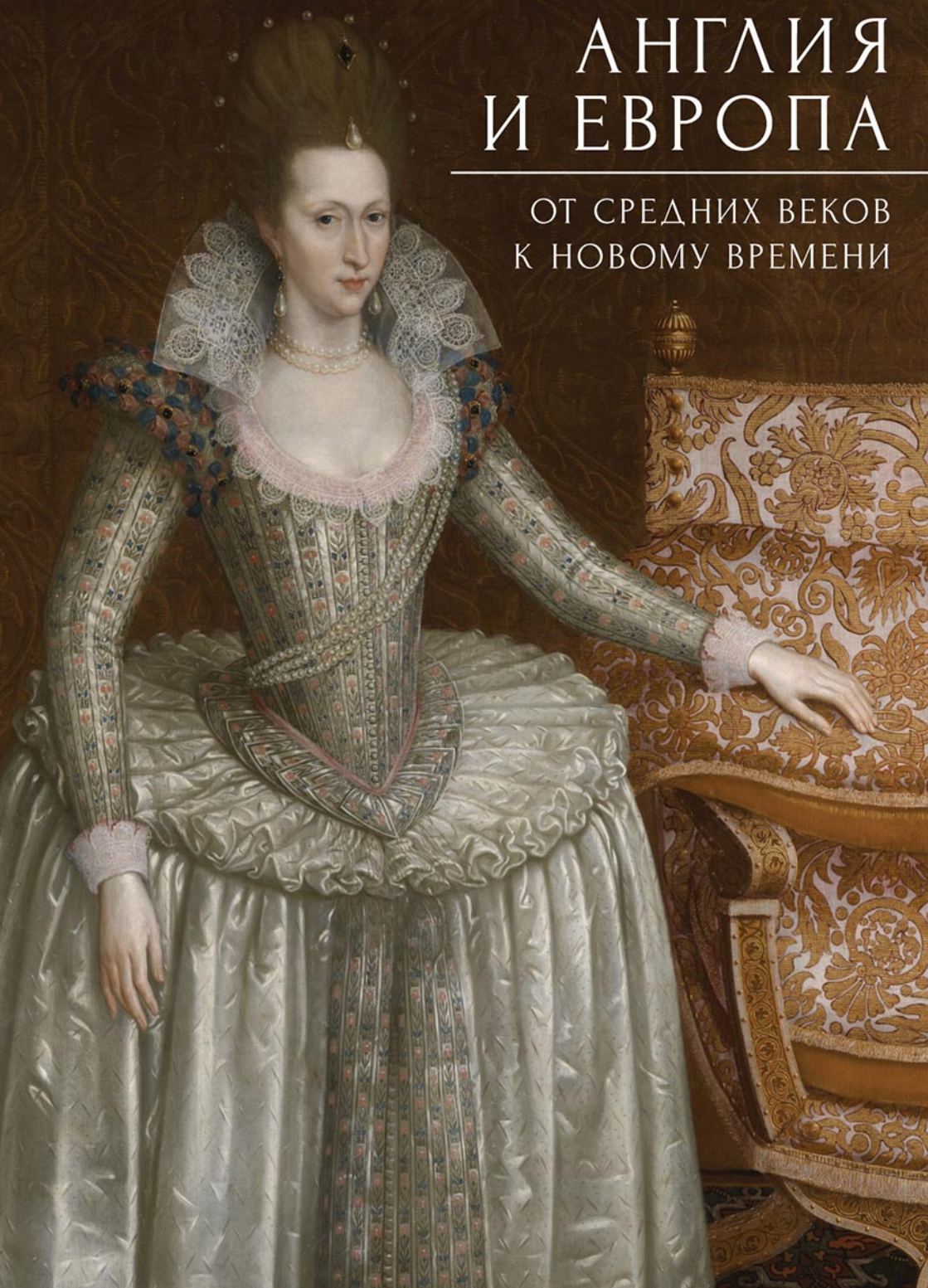

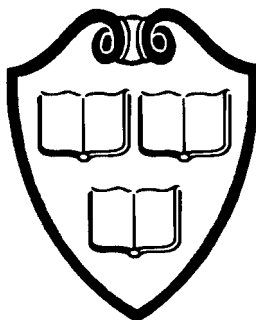
АНГЛИЯ И ЕВРОПА

ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Pax Britannica

Редколлегия серии «Pax Britannica»:

*С. Е. Федоров (председатель),
М. В. Винокурова, О. В. Дмитриева,
Т. Л. Лабутина, Л. П. Репина,
Л. П. Сергеева, А. А. Чамеев*

ENGLAND AND EUROPE

FROM MEDIEVAL
TO MODERN TIMES

A collection of papers dedicated to the
anniversary of professor Sergey Fyodorov

Edited by
A. Prokopiev

SAINT-PETERSBURG
ALETHEIA
2023

АНГЛИЯ И ЕВРОПА

ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Сборник статей к юбилею
Сергея Егоровича Федорова

Под редакцией
А. Ю. Прокопьева

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2023

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)
А 647

А 647 Англия и Европа: от средних веков к новому времени. Сборник статей к юбилею Сергея Егоровича Федорова / под ред. А. Ю. Прокопьева. – СПб.: Алетейя, 2023. – 374 с. : ил. – (Pax Britannica).

ISBN 978-5-00165-618-0

Предлагаемый сборник приурочен к юбилею одного из ведущих отечественных медиевистов-англоведов, профессора Санкт-Петербургского университета С. Е. Федорова. Представлены научные статьи с весьма широкой тематикой, дающие представления об отдельных явлениях общественной и культурной истории Британских островов и различных регионов континентальной Европы. В центре внимания – аспекты средневекового права, характерные черты организации монархической власти, представления современников о собственной «этнической» и «протонациональной» истории, особенности средневекового городского мира и церковных учреждений, свидетельства отдельных источников и политические события. Хронологические рамки охватывают собственно средневековый период и начало Нового времени. Авторы очерков – крупные ученые, представляющие различные академические и университетские центры нашей страны.

Сборник рассчитан как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей Европы.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-00165-618-0

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Содержание

Предисловие.....	7
------------------	---

М. В. Винокурова

Какие виды манориальных судов существовали в средневековой Англии?	11
---	----

Л. Н. Чернова

Городское самоуправление средневекового Лондона: принципы формирования и функционирования (XIII–XV вв.).....	43
--	----

И. А. Фадеев

Религиозная политика Марии I Тюдор: религиозная реакция или творческая реконструкция?	83
--	----

А. А. Паламарчук

Локальные хорографии и проблематика композитарной монархии в Англии раннего Нового времени	98
--	----

О.В. Дмитриева

Генри Сидни и «Образ Ирландии» Джона Деррика: политика литературной фикции	123
---	-----

Ф. Е. Левин

Периферийный взгляд на композитарную монархию: пример раннестюартовской Ирландии	156
---	-----

Т. Л. Лабутина

Борьба за свободу слова в раннебуржуазной Англии	206
--	-----

М.П. Айзенштат

Прошлое в частной и политической жизни Британии
второй половины XVIII в..... 224

С. К. Цатурова

Кто основал парламент?

Мифология, историческая память и французские эрудиты.. 250

Е. А. Терентьева

Эрудитская филология и идентитарные процессы
во Франции XVI в.: Клод Фоше о происхождении
и истории французского языка 273

Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин

От текста к знанию: Проблема достоверности сочинений
о морских путешествиях французских мореплавателей
Жака Картье (1492–1557) и Андрэ Теве (1517–1592) 291

И. А. Краснова

Законы и практики их применения в оценках граждан
Флорентийской республики (конец XIII–XIV вв.) 306

М. И. Дмитриева

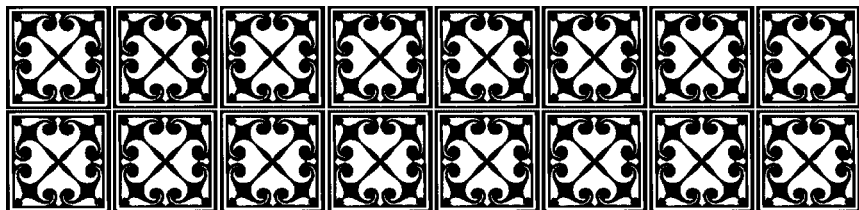
Сиена и ее святые покровители
(по материалам городских хроник XIV–XV вв.) 326

А. И. Филюшкин

«Человек пограничья германского мира»:
жизнь и творчество Пауля Одерборна..... 342

Н. А. Бережная

Поход пфальцграфа Иоганна Казимира во Францию
в 1575–1576 гг. в корреспонденции немецких князей 357

Предисловие

Историк всегда испытывает удовольствие, отправляя готовые тексты в печать: в них заключаются результаты его труда. При этом вдвойне приятно посвящать их соратнику по цеху, особенно в связи с большим событием. У нашего коллеги профессора кафедры истории средних веков Санкт Петербургского государственного университета Сергея Егоровича Федорова замечательный юбилей, и мы рады поздравить его публикуемым сборником.

Сергей Егорович принадлежит к выпускникам кафедры истории средних веков еще Ленинградского университета. Ученик выдающегося российского англоведа В.В. Штокмар, юбиляр связал свои исследования с историей Британских островов и средневековым Западом. Горизонты его научных интересов оставались всегда широки. С годами они привели к формированию не просто настоящего профессионала своего дела, но и крупного историка, одинаково успешного как на ниве теоретических разработок, так и в традиционной для ленинградской-петербургской медиевистики источниковедческой сфере.

Еще со студенческих лет Сергей Егорович пристально интересовался вопросами английской истории начала Нового времени, эпохой Тюдоров и Стюартов, когда старое еще спорило с новым, а общественные структуры бурлили частыми кризисами. Цикл статей и очерков, посвященных тогда еще только

открывшимся отечественным историкам проблемам «неформальных» институтов, увенчался рядом монографий и докторской диссертацией, успешно защищенной и ярко осветившей судьбы стюартовской монархии и аристократии с совершенно новой стороны. Именно благодаря усилиям Сергея Егоровича традиционное для отечественной медиевистики разделение тюдоровской и стюартовской эпох как самостоятельных исторических периодов уступило место комплексному подходу к их изучению и осознанию глубокой преемственности процессов, протекавших в английском обществе XVI–XVII веков. При этом можно говорить не только о тематическом, но и о институциональном объединении двух направлений в ленинградском-петербургском англоведении, до этого момента развивавшихся параллельно и на разных академических площадках: тюдоровская эпоха исследовалась под руководством В.В. Штокмар на кафедре истории средних веков ЛГУ (СПбГУ), а стюартовская – в ЛПИИ (РГПУ) им. Герцена учениками Г.Р. Левина. Зримым воплощением такого объединения стал Тюдоро-стюартовский семинар, созданный С.Е. Федоровым в 1996 г. на Историческом факультете СПбГУ и действующий уже более четверти века.

Общеизвестно: чем глубже постигается конкретный исторический рубеж, тем сильнее интерес к его истокам. Анализ социальных и политических процессов в истории Британских островов в контексте существования островного варианта композитарной монархии закономерно привел к расширению исследовательского поля Сергея Егоровича. Областью его научных интересов стали сюжеты, связанные с формированием «протонациональных» дискурсов, феномен этнической многоукладности, проблемы исторической лингвистики, а также ранняя история отдельных кельтских регионов. Сегодня профессор С.Е. Федоров — один из признанных знатоков раннесредневекового Уэльса в нашей стране и за рубежом. При этом очевидной тенденцией его исследовательской школы стал «британский

поворот», акцентирующий внимание на композитарную составляющую всей «островной» истории.

Традиционно большое внимание петербургской-ленинградской школы англоведов-медиевистов к критике источников находит продолжение в активной издательской деятельности Сергея Егоровича, в публикации им комментированных переводов источников. При активном участии С.Е. Федорова были основаны и развиваются серии *Rex Britannica* и *Bibliotheca Medii Aevi*, членом редколлегий которых он является.

Под стать растущим научным интересам протекает и активная организационная деятельность. С.Е. Федоров оказался одним из главных вдохновителей и участников новой магистерской программы «История и теория наций и проблемы национализма», успешно реализуемой в стенах Института истории СПбГУ. Острая необходимость изучения актуальных и даже злободневных проблем современного общества, пришедших из далекого прошлого, всегда ощущалась нашим юбиляром. Сегодня Сергей Егорович подготовил и читает целый ряд авторских курсов, ключевых как по программе бакалавриата, так и магистратуры. Под его руководством защищено без малого два десятка кандидатских и докторских диссертаций.

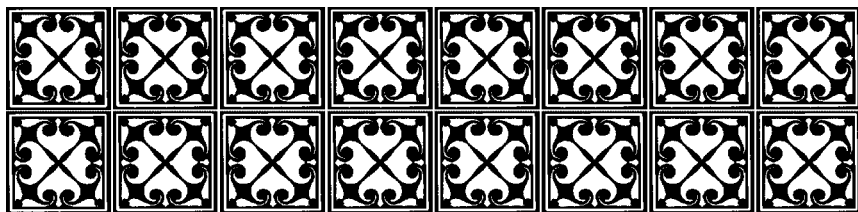
Наша наука включает в себе потребность в постоянном общении, обмене мнением, дискуссии. Конференции и встречи различных форматов давно уже стали излюбленным инструментом в руках медиевиста. Сергей Егорович стоит у истоков целого ряда важнейших регулярных научных встреч. Здесь и ежегодные всероссийские конференции студентов и аспирантов, ныне существующие как «Курбатовские чтения», берущие свое начало еще в далеких ныне 80-х годах минувшего века, и международные форумы по проблемам формирования наций и, наконец, любимое детище и кафедры, и отечественных англоведов – уже ставшая традиционной конференция «Британский мир», собирающая на своей площадке как признанных экспертов, так и молодежь.

Часто талантливый историк остается лишь кабинетным ученым, неспособным на широкий контакт с подрастающим поколением, и даже чурающимся многих учеников. Наш юбиляр является совершенно обратный пример. С.Е. Федоров совмещает в себе лучшие качества и организатора, и педагога. Многочисленные и с успехом защищенные под его руководством кандидатские и докторские диссертации, читаемые им спецкурсы, на которые с интересом записываются студенты с других кафедр, а также неизменное внимание к каждому отдельному подопечному говорят сами за себя. Конечно, не хочешь — не работай, воля студента ныне священна. Но если начинающий исследователь действительно заинтригован материалом и искренне стремится к его осмыслению, то всемерная поддержка со стороны проф. С.Е. Федорова ему гарантирована. Об этом на кафедре знают все.

История как наука всегда живет солидарностью коллег по цеху; и настоящий сборник отражает и дружеские, коллегиальные и весьма продуктивные контакты Сергея Егоровича с различными научными центрами нашей страны.

Мы искренне желаем юбиляру здоровья, дальнейших творческих успехов, неизменно кипучей энергии и оптимизма даже в трудные времена!

Друзья, коллеги, ученики

М. В. Винокурова

Какие виды манориальных судов существовали в средневековой Англии?

Вопрос о системе работы манориальных судов и корреляции их различных видов в средневековой Англии весьма непрост. По сути, он до сих пор не исследован должным образом в отечественной историографии на материале источников и таит немало познавательных возможностей.

В свое время Ф.У. Мейтленд показал,¹ что с середины XIII в. в отношении манориальных судов в источниках употреблялись три понятия: Court Leet, Court Baron и Customary Court.

Court Leet иногда именовался Tourn или View of frankpledge.² Это был суд по криминальным делам (т. н. «полицейский» суд), нарушавшим королевский мир, – но делам небольшим, которые не являлись уголовными, не вызывали в качестве наказаний конфискации имущества и смертной казни, поскольку затрагивали интересы частных лиц (а не короны), то есть представляли собой мисдиминоры. Типологически он напоминал

---

¹ *Maitland F.W.* Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. 1. Reigns of Henry III (1216–1272) and Edward I (1272–1307). L., 1889. Introduction. P. XIX–XX.

² «Leet», «Tourn» – термины, которые обозначали ту или иную единицу территориального и юрисдикционного деления «земли Англии» в целом (hundred, lordship, manor).

вид сотенного суда, проводился раз в год в присутствии шерифа, а также – лорда того манора, откуда был нарушитель, или замещавшего его стюарда. *Присутствие лорда или стюарда*, по справедливому мнению Ф.У. Мейтленда, как раз и было показателем того, что Court Leet, по типологии приближаясь к сотенным судам, все же квалифицировался в праве как вид «customary court». Что касается понятия «Court Baron», то это, согласно этимологии данного выражения, – «суд лорда» (Lord's Court, Court of the Baron; Curia Baronis, Curia Domini, Liberam Curiam, la Court de Seigneur). Для XIII века, согласно Мейтленду, это выражение означало суд конкретного лорда (аббата, сеньора) или суд конкретного места, представлявшего территорию «барона». Позже оно стало иметь более абстрактный характер и часто обозначало суд для фригольдеров в маноре, подконтрольный лорду, – с проступками, для искупления которых назначали штрафы не более 40 шиллингов. Это могли быть дела, связанные с арендой в маноре (свободными лицами) земли или движимости. При принятии присяги или клятвы на этом суде, как пишет Ф.У. Мейтленд, допускался один (не более) возглас «Oyez!» – в отличие от судов сотни, где в указанных случаях этот согласительный возглас, подтверждавший клятву, звучал трижды.

Наконец, практически во всех феодальных поместьях страны существовали местные манориальные суды непосредственно для зависимого населения: классические «customary courts» («halimote courts»³) с присущими им множественными социально-правовыми возможностями и функциями, в кото-

---

³ Бытование наименования «halimote courts» (или просто «halimotes») для вилланских судов обычного права связано с тем, что, как и в англосаксонский период, до конца XIII – начала XIV в. в такого рода судах решение в любой тяжбе частного порядка все еще принималось коллективно, всем крестьянским миром. Лишь с указанного времени эта практика постепенно заменялась принятием решения на основе деятельности Жюри присяжных, о чем ниже.

рых выражалась «воля лорда» и отчасти ограничивавший ее – в пользу крестьян – «обычай манора».⁴

Очень важным является вопрос о том, с какой периодичностью держатели должны были посещать местные феодальные суды и, в частности, «*halimote courts*». Как показал Ф.У. Мейтленд, еще Брактон отмечал, что если между лордом и держателем не существовало письменного договора (грамоты) о держании, который сопровождался принесением феодальной присяги, то такой держатель *не обязан* был посещать суд манора *периодически*. Он должен был посещать его только по делам, которые решались на основе королевских предписаний и входили в компетенцию Короны (*reasonable courts*). Это были чаще всего суды по поводу кражи или поджога; одним словом – всего того, что приводило к нарушению мира короля (а не только «мира манора») и с течением времени переходило в компетенцию судов общего права.

Если же договор о держании существовал, то такие держатели⁵ совершенно определенно должны были быть приписаны

⁴ См.: *Maitland F. W. Select Pleas...* P. XII–XIII. Отметим, что в некоторых поместьях (особенно в крупных, т. н. хонорах), помимо «*halimote courts*», предназначенных для зависимых держателей, и упомянутых выше судов для фригольдеров (*Courts Baron*), до определенного времени могли существовать еще т. н. *Courts of the Honour* (лат.: *curia ducis*; англ.: *duke's court*) – «суды благородных», которые состояли из людей, обязанных лорду рыцарской службой. Они собирались по делам, связанным с ней, – но именно внутри манора (оттого-то их и причисляют к манориальным судам, хотя для нашего восприятия, настроенного на то, что манориальные суды вроде бы должны быть связаны именно с *зависимыми* категориями населения, это несколько удивительно). Считается, что они просуществовали примерно до 60–70 гг. XIII в. См.: *Mulholland M. Trails in Manorial Courts in Late Medieval England // Judicial Tribunals in England and Europe, 1200–1700*. Ed. by M. Mulholland, B.S. Pullan. Manchester, 2018. Vol. I. P. 83. Таковы, очевидно, были особенности правового развития в стране в период Средневековья, когда формы и функции судов обычного и общего права еще не были дифференцированы основательно самой их практикой и бытованием.

⁵ Речь идет не только о копигольдерах, но и о вилланах, с которыми договор мог быть заключен, но им на руки до XIV в. не выдавалось копии,

к манориальным судам на основе «воли лорда и обычая манора». Они в полном объеме выполняли традиционные повинности и были обязаны поддерживать своим посещением *периодичность* функционирования манориальных судов, появляясь в них раз в три недели по текущим делам манора (*periodical courts*) и раз в полгода – как правило, в церковные праздники – для участия в т. н. Love Days (дни примирения). Речь могла также идти не только о вилланах, но, возможно, и о мелких свободных держателях, проживающих в манорах, которых подчас принуждали заключать подобные договоры.⁶ Таким образом, периодичность, а, по сути, – постоянство участия в заседаниях манориальной курии (о чем явно свидетельствует временной разрыв между заседаниями всего в 3 недели) и главное, *принуждение* к этому, были важными признаками держательской «несвободы». Обязанность вилланов и копигольдеров участвовать в поместных судах являлась феодальной повинностью, связанной с доменом (идущей от земли), интерпретировалась как результат держания и гораздо менее относилась к административной организации поместья⁷.

В феодальном поместье существовали несколько типов «*halimote courts*».

Одним из них был так называемый Суд признания (*Court of recognition*) – признания лорда держателем (держателями). Согласно традиции, при вступлении в держание, крестьянин должен был просить допуска у лорда. Допуск давался в курии манора во время проведения упомянутых судов, связанных с ритуалом принесения вилланом феодальной присяги (клятвы) в адрес лорда, который неукоснительно соблюдался на

а выдавалась соломина или прут. См. об этом подробно: Винокурова М.В. Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI в.? // Средние века. М., 2001. Выпуск 62. С. 84–95.

⁶ См.: Franklin P. Politics in Manorial Court Rolls: The Tactics, Social Composition and Aims of a pre-1381 Peasant Movement // Medieval Society and the Manor Court. Ed. by Zvi R., Smith R. Oxford, 1996. P. 162–198.

⁷ Maitland F.W. Op. cit. P. LII.

протяжении многих и многих веков. Так, его в почти неизменном виде упоминают источники как XIII, так и XVII в. Ритуал, связанный с клятвой (oath of allegiance или fealty) напоминал оммаж в «большом» обществе: крестьянину надо было преклонить колени перед, как правило, сидящим господином, вложить ладони в его руки и произнести следующую фразу: «I become your man from this daye forwarde of life and limb ... Hear you this my lord, that I unto shall be faithful and true...» – или подобную.⁸ После этого следовал ритуальный поцелуй со стороны лорда – он одаривал им виллана и нередко милости-во помогал ему подняться с колен.

После этого имя держателя, сроки держания, размеры участка (а также все виды держаний: пахота, пастбище, луг, лес и подлесок, огороженная земля – при ее наличии) и условия держания (rentы, файны, герiotы и прочее) вносились в текст протокола. Протокол составлялся в любом случае – для вилланов XIII в. так же обязательно, как и для копигольдеров XVI–XVII вв.; оригинал помещался в архив курии. В случае возникновения земельных споров на него можно было делать ссылки в течение многих десятилетий (и даже столетий – если записи сохранялись и не страдали, например, от пожаров). Виллану на руки, как лицу зависимому, выдавали соломинку или прут, которые символизировали составление документа о держании. А вот копигольдеру, как лично свободному держателю, находящемуся лишь в поземельной зависимости от лорда, с XIV–XV вв. часто жаловали уже «документальный» вариант – копию составленного договора, владельцем какой-вой он являлся пожизненно (при этом соломинка могла также

⁸ См.: Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke / Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909. В этой описи (и других подобных) иногда просто фиксируется сам факт принесения клятвы – как правило, с указанием имени держателя. Например: «...William Bush comes and does fealty to the lord for the land and tenements, which he holds of him...» / Op.cit. P. 88. См. также: Винокурова М.В. Как английские крестьяне передавали имущество? Обычай и манориальная практика // Средние века. М., 2021. Вып. 82 (2). С. 134–162.

присутствовать, но она просто сопровождала, а не заменяла копию – как у виллана). При этом выплачивался вступной файн. Текст договора, копия и выплата файла *прерывали старое держание* (в частности, в том случае, когда истек срок прежнего договора, а прежний держатель был все еще жив, и речь не шла о необходимости вводить в держание иное лицо). Они же *создавали новое* – несмотря на то, что это была прежняя земля и прежний держатель. Акт соблюдения ритуала при проведении courts of recognition и создания нового держания (при физическом наличии прежнего держателя) в правовом отношении подчеркивал властное право лорда прерывать линию прямой, «родственной», передачи земли внутри крестьянского домохозяйства (или ее «вольной адресации» со стороны крестьянина при смене копии). Конечно, при составлении нового договора крестьянин, по обычаю, мог выразить свое *пожелание* в плане адресации восприемника (переписать на собственное имя, сына, жены или – в некоторых случаях – даже соседа или какое-то иное лицо), но решение в любом случае оставалось за лордом.

Еще одним видом внутриманориального суда являлся т. н. *Court of survey*, призванный до мельчайших подробностей систематизировать данные обо всех типах крестьянских держаний в маноре, их площади, типах угодий, сроках держаний, повинностях, службах и т.д. – с целью составления описи (survey) поместья. Для уточнения этих данных крестьян приглашали в курию, где члены манориальной администрации вели опрос каждого (при этом крестьяне давали клятву в истинности оглашаемых ими сведений) об условиях его держания, письменно фиксируя «показания» виллана или копигольдера, а затем сверяя результаты опроса с архивными данными. Все это делалось в присутствии свидетелей – «благонадежных людей» манора; в документах часто упоминаются их имена. Добытая таким путем истина была очевидна всем, включая самих крестьян; помимо прочего она еще базировалась на обычае, из

года в год фиксирующем до мельчайшей детали условия каждого из держаний.

Далее данные объединялись по категориям держателей (в источниках разных хронологических периодов эти категории неуклонно отмечались, например: «вилланы» – с перечислением имен и условиями держаний – отдельно; «копигольдеры» – так же; далее – «свободные держатели»; а позднее, в документах XVI–XVII вв., отмечены и арендаторы). Так составлялись списки держателей с их держаниями и повинностями; они затем объединялись в свитки по каждому из маноров поместного комплекса в отдельности. Это и были манориальные описи (*surveys of the manors*), которые ныне являются основными источниками для исследователей реалий жизни средневекового английского манора.

Courts of survey проводились обычно не столь часто, как упомянутые выше *Courts of recognition*. Иногда разрыв между проведением такого рода судов мог достигать десятки лет – когда, например, речь шла о продаже имения. Если же лорду требовалось просто привести в порядок дела, то *courts of survey* собирали чаще. Разумеется, нередко для объективного «обзора» состояния дел – особенно при продаже имения или его части – в манор приглашали землемеров. Это могли быть люди «ученых профессий» (нередко адвокат или нотариус) из соседнего города.

Именно так, например, именуют в документах землемеров (юристов) Чарльза Воугена и Роберта Грова, приглашенных в поместье Вильямом Гербертом графом Пемброком для составления описей его владений в 60-е годы XVI в. Землемеры Воуген и Гров работали в течение двух лет (1563–1565) с тем, чтобы провести работы для составления описей более чем 40 маноров владельческого комплекса. В этих же манорах такого рода подробные описи были составлены уже через семь десятков лет на основе опросов крестьян и тех работ, которые были проведены землемерами (нотариусами) Робертом Дрю

и Вильямом Кентом, приглашенными в 30-е годы XVII в. уже внуками Вильяма Герберта.⁹ Отметим, кстати, что любая манориальная опись (survey of the manors) могла именоваться еще термином «экстент» (англ.: «extent of the manors»), который пришел в исследовательский обиход как раз-таки из средневековой практики составления описей. Дело в том, что описи по обмерам (surveys) в манорах составлялись не сразу, не за один день, а постепенно, «кусочками», «мерами». Для землемеров, которые производили обмеры крестьянских держаний, домена и пр., это была нелегкая и небыстрая работа (о чем в упомянутом нами примере свидетельствует, в частности, двухлетний срок работы приглашенных землемеров-юристов Воугена и Грова). И вот такими частями (мерами) все данные и сведения о земле заносились в документацию курии. Отсюда, по сути, слово «extent» стало практически синонимом слова «survey». В исследованиях по аграрной истории термин «extent», таким образом, равнозначен термину «survey», обозначающему опись земель, которая постепенно, подобно мозаике, складывалась из ежедневных «мер» (экстентов).

Самым важным видом сеньориальных судов был непосредственно суд лорда (как судебный процесс) для зависимых держателей («*Customary court*»).¹⁰ В нем наиболее зримо проявлялась власть лорда над ними. Такого рода суд осуществлял «домениальную» юрисдикцию, связанную с выполнением основанных на обычае феодальных служб и повинностей; он также придавал законную силу всем операциям с землей внутри манора и карал за нарушение норм обычая как в отношении земли (особенно строго наказывали за нарушение

⁹ Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke: 1566–1567 / Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909; Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery: 1631–1632. Devizes. 1953; Винокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004. С. 20–21.

¹⁰ Подробно о процедурных особенностях проведения такого рода судов см.: Винокурова М.В. Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // Средние века. М., 2022. Вып. 83(1). С. 92–118.

границ владения и земельные захваты – *trespasses*), так и в отношении установленных нравственных норм, направленных на поддержание мира манора. Как уже отмечалось, *customary courts* должны были проводиться в маноре раз в три недели, однако, судя по результатам работы с протоколами манориальных курий, относящимся к разным периодам, к XV–XVI вв. они стали проводиться все реже, и промежутки между ними составляли несколько месяцев, а иногда даже и полгода.

О заседании суда объявляли заранее, чаще всего громко оглашая¹¹ это известие (оно именовалось «*summons*» – что-то вроде «устной повестки») в воскресный день в церкви с уточнением места собрания (нередко им было помещение курии, но иногда крестьян собирали на площади и даже «под дубом») и времени его проведения.

Сессия манориального суда, назначенная на определенный день и нередко приуроченная к какому-либо церковному празднику,¹² начиналась с оглашения председателем (в роли которого выступал стюард или бейлиф манора) имен присутствующих.¹³ Если того или иного держателя не оказывалось на

¹¹ В XV–XVI вв. к дверям церкви уже могли прибить гвоздями и *письменное* объявление о проведении *customary court* // *Mulholland M. Trails in Manorial Courts in Late Medieval England* // *Judicial Tribunals in England and Europe, 1200–1700*. Ed. by M. Mulholland, B.S. Pullan. Manchester, 2018. Vol. I. P. 86. Это делалось обычно за три дня (иногда за день) до начала судебного заседания.

¹² В протоколах имеются такого рода записи: «...в субботу через неделю после праздника св. апостола Андрея...», «накануне праздника св. апостолов Петра и Павла...», «...в пятницу перед праздником св. Мартина» и т.д. См.: *Manors of the Abbot of Ramsey, A.D. 1278* // *Maitland F.W. Select Pleas in Manorial and Other Seigneurial Courts*. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 88–98; *Manor of King's Ripton, A.D. 1294 – 1303* // *Ibid.* P. 107 – 303; *Manor of Brightwaltham A.D. 1293 – 1296* // *Ibid.* P. 165–175; *Manors of the Abbey of Bec, A.D. 1246–1296* // *Ibid.* P. 7–47.

¹³ Как уже упоминалось, до введения в XIII–XIV вв. в манориальных судах Жюри присяжных на заседаниях должны были присутствовать и выносить решение по тому или иному делу *все держатели* манора (вилланы и копигольдеры).

месте, то в протоколе его заносили в разряд отсутствующих. В том случае, если это – без уважительной причины – повторялось и на следующем заседании, на виновного налагали штраф (*amercement*), равный 2–3 пенсам. Иногда того или иного виллана (как правило, ответчика, виновного в совершении какого-либо проступка) могла представлять его «партия» (члены которой именовались «*pledges*»¹⁴; это могли быть друзья, родственники или соседи, намеренные поддержать виллана). В качестве уважительных причин или отсрочек (*essoins*) от посещения сессии могли служить следующие: пребывание в постели ввиду тяжелого недуга (*de malo lecti*), если речь шла о свободном¹⁵ – то служба королю во время войны (*de servitio Regis*), отсутствие в стране, участие в Крестовом походе или движении пилигримов.¹⁶ Причины отсутствия оглашались членами «партии» ответчика (истцы отсутствовали реже)

¹⁴ Очевидно, это – субстантивированное существительное от глагола *to pledge* (англ.) – исполнять обязательство, осуществлять поддержку, основанную на залоге или поручительстве.

¹⁵ Ф.У. Мейтланд в своих работах отмечает (об этом же свидетельствуют и некоторые протоколы), что в XIII–XIV вв. в местных судах для вилланов и копигольдеров нередко могли принимать участие и свободные люди. Ими были, например, мелкие фригольдеры, а иногда даже лица вполне высокого сословного статуса или духовного звания. Подчас их даже и не принуждали к этому, особенно тогда, когда особого выбора не оставалось, поскольку человек невилланского статуса мог быть пострадавшей стороной в том или ином правонарушении, совершенном вилланом. Так, например, в протоколе одного из маноров аббатства Бек (находившемся в Уилтшире) сказано, что в 1249 г. вилланы Николас Драй, Генри ле Нотт и Томас Хут ворвались в жилище сэра Томаса, капеллана, и, применив насилие (*forcibly*), вытолкали оттуда двух гостей хозяина, мужчину и женщину (возможно, также благородного происхождения). На судебном заседании, в котором были вынуждены в качестве пострадавшей стороны принять участие указанные благородные лица, все виновные были оштрафованы на сумму в один шиллинг каждый. Указаны и имена четырех «*pledges*», то есть членов «групп поддержки» с каждой стороны // *Maitland F.W. Op. cit.*, P. 19.

¹⁶ Эти причины очень сходны с теми, которые выдвигались в качестве уважительных и в городских судах средневековой Англии. См.: Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб., 2021. С. 363.

и вносились в протокол в начале текста, наряду со штрафами за непосещение курии.

Затем следовала клятва свободных людей, присутствующих на судебном заседании (вилланы, то есть члены галимота, в данном случае, как лица зависимые, не могли приносить ее: они, как показано выше, приносили *fealty* – клятву верности лорду манора). Текста такой клятвы (как и описания самого ритуала) не приводится ни в известной мне специальной литературе,¹⁷ ни в самих протоколах. Так что трудно сказать, что именно она собой представляла – была ли индивидуальной или коллективной – что было бы рационально ввиду экономии времени – (текст, например, мог произноситься всеми вслед за стюардом, но это лишь предположение). Известно, однако, что ее произносили представители сторон (*pledges*), истец и (или) ответчик – но только тогда, когда они были свободными – как в приведенном выше случае, а также члены Жюри присяжных. Существо этого действия состояло, по-видимому, в том, что названные лица обещали говорить, как бы мы выразились сегодня, – «правду и только правду».

Особая роль – с XIII–XIV в. – в ходе суда отводилась судебному Жюри присяжных.¹⁸ Функции членов Жюри состояли в том, чтобы проводить предварительные расследования по каждому конкретному делу с опорой на нормы манориального обычая и затем представлять результаты расследования на сессии суда. Такого рода расследования возбуждались, как правило, истцами-вилланами (особенно по земельным делам), заинтересованными в разрешении земельных споров в свою пользу; за привилегию инициирования расследования по тому или иному делу, как правило, надо было платить некую (весьма скромную) сумму, выражавшуюся, чаще всего,

¹⁷ См.: *Mulholland M. Trails in Manorial Courts...* P. 87.

¹⁸ О их роли и особенностях введения системы *the Jury* в местных судах см.: *Винокурова М.В.* Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // *Средние века*. М., 2022. Вып. 83 (1). С. 92–118.

в шиллингах (иногда – в пенсах).¹⁹ Жюри состояло, как правило, из фригольдеров. Их могло быть от двух до 12 человек; реже – 36 и даже 48.

Здесь стоит сделать некоторое отступление, связанное с нашим повествованием. Отметим, что одним из специфических утверждений видного юриста XVI в. Эдуарда Кока в отношении теории манора является его тезис (основанный на анализе Year Books) о том, что без Суда фригольдеров (Court baron) не может быть манора. Ф.У. Мейтленд, анализируя тексты Кока²⁰ пишет о том, что, по мнению последнего, для «истинного манора (true manor)» было необходимо наличие, помимо копигольдеров, как минимум двух фригольдеров в нем; одного фригольдера недостаточно. «Один фригольдер не создаст манора», – вот постулат теории «двух фригольдеров» Э. Кока. Мейтленд, на основе собственного знакомства с Year Books, также утверждает, что не только во времена Кока, но и ранее, данное правило присутствует и в Year Books, и в протоколах манориальных курий.

Итак, необходимо как минимум два фригольдера – при наличии копигольдеров в маноре. Если нет этих двух, то – в правовой теории – нет и манора. Как это объяснить? Кок не дает прямого объяснения, Мейтленд тоже. Для чего нужны эти фригольдеры, которые могли придать «правовую обеспеченность» манору? Совершенно очевидно, что они должны были представлять в манориальных судах не только в качестве свидетелей или благонадежных истцов, но и выступать в качест-

---

¹⁹ Иногда платеж осуществлялся в натуральной форме. Так, в 1249 г. в одном из протоколов манора Огбурн в Уилтшире, который входил в состав английских владений аббатства Бек, присутствует запись о том, что держатель Адам Мозес (Moses), инициируя расследование по поводу своей ссоры с Генри Айулфом (Ayulf), который – с использованием оскорбительной лексики – обвинил Адама в краже, выплачивает за реализацию своего права не деньги, а меру вина // *Maitland F.W. Op.cit.*, P. 19.

²⁰ *Maitland F.W. Op. cit.*, P. LX–LXI.

ве присяжных. Для установления истины в том или ином деле *одного* свободного лица было недостаточно; отсюда проистекало необходимое требование как минимум двух благонадежных людей или более (как отмечено – 10, 12 и т.д.) человек. Причем людей, обладающих определенным имущественным цензом (он мог варьировать от манора к манору) и статусом свободного жителя королевства. Особенность заключается в том, что эти свободные могли выступать в качестве присяжных и свидетелей не только в Courts baron, то есть судах лорда непосредственно для фригольдеров, но и в customary courts, то есть в судах для держателей по обычаю.

В то же время один их важнейших принципов правоимущественных отношений в поместье состоял в том, что лорд не мог иметь юрисдикции над фригольдерами в маноре, если в этом же комплексе у него не было юрисдикции над вилланами (копигольдерами).²¹ В том числе и тогда, когда в маноре просто не существовало представителей этой категории зависимых. Казалось бы, теория Э. Кока о «двух фригольдерах» («без наличия минимум двух фригольдеров нет манора») и утверждение о том, что без юрисдикции лорда над копигольдерами не может быть и его юрисдикции над фригольдерами, взаимно исключают друг друга?

Но это лишь на первый взгляд. Отсутствие вилланов и копигольдеров при наличии свободных держателей в теории не составляло *правового* препятствия к существованию манора. А вот отсутствие фригольдеров при наличии копигольдеров представляло собой такое препятствие. Наличие фригольдеров с точки зрения правовой теории было важнее. Манор без фригольдеров не был «юридически чистым», поскольку в нем затруднительно было провести court baron, возможность проведения которого составляло важнейший признак манора. А без копигольдеров такой суд можно было проводить, хотя

²¹ Maitland F.W. Op. cit., P. LX–LXI.

в таком маноре (без вилланов и/или копигольдеров) и не была представлена в полной мере базовая «прекарная» система феодального господства и подчинения. Итак, манор без фригольдеров мог существовать (и примеры таких маноров есть), но в правовой теории он не считался манором (так как не имел хотя бы двух фригольдеров). Вот он, своего рода парадокс: *практически (с точки зрения обработки домена и производства ренты) манор держался на виллане и копигольдере, а с правовой точки зрения – на свободном держании.*

Но вернемся к вопросу, связанному с выборами Жюри присяжных из состава свободных держателей манора. В протоколах не отмечено, как именно происходили выборы членов Жюри, и каковы были критерии этого выбора, ясно лишь то, что, как отмечалось, в его состав входили благонадежные свободные люди. Не стоит думать, что состав Жюри присяжных в маноре был всегда постоянным и не менялся от сессии к сессии (хотя подчас могло быть именно так!). Как показывает работа с именами членов Жюри, которые зафиксированы в протоколах, выбор его членов мог быть не только непосредственным (то есть осуществляться в ходе сессии, более конкретно – в ее начале), но и *предварительным* по отношению к дате проведения заседания; он ведь был напрямую связан с проведением *inquisitions* по каждому данному случаю и, стало быть, с определенной предварительной инициативой вилланов, проявляемой по отношению к выбору лиц, участие которых именно в данном деле было наиболее предпочтительным. Этот выбор могли определять различные критерии: более тесное знакомство с тем или иным фригольдером (например, соседство с ним); большая степень уважения к этому лицу, проявляемая «общественностью» манора; возможно, – определенная степень грамотности или профессионализма в правовых вопросах.

Так, например, крестьянин Ричард Бланд, ведя в начале августа 1249 г. земельную тяжбу в маноре Бледлоу (Бекингемшир),

входившем в состав английских владений аббатства Бек,²² выплачивает половину марки (и обещает выплатить еще две в случае удачного для него исхода дела) за сбор 12 членов Жюри с проведением соответствующего расследования.²³ В этом «деле» речь идет о земельном конфликте с соседом по поводу виргаты земли. В тексте протокола упомянуты имена некоторых фригольдеров, составлявших Жюри по данному делу. Это Ричард Ден (Dene), William Халл (Halle), Джон из Сенхолта (of Senholt), Гуго Смит (Hugh Smith), Уильям Кетелбурн (Ketelburn). Но в этом же маноре, через две сессии суда, что составило около шести недель, при разборе земельной тяжбы в составе Жюри упомянуты уже другие имена. И таких примеров немало.

Центральным правовым явлением в ходе сессии суда было слушание самого дела (дел), то есть непосредственно судебная тяжба (litigation). Суть дела *оглашалась* стюардом, ведущим заседание, или тем членом Жюри, которому его члены делегировали это право. В оглашении существа тяжбы в ходе сессии на основании предварительного расследования состояла сущность института presentment. С XIII–XIV вв., когда в английском средневековом маноре в качестве основных правовых «столпов» постепенно утверждались основные институты (the Jury, presentment, documentary proof), связанные с заимствованиями из практики проведения судов общего права; в них на смену практике вчинения частного иска (to appeal) родственниками истца пришел принцип состязательности сторон, основанный на принципе «истец-ответчик».²⁴

²² Maitland F.W. Op.cit. P. 20–22 и далее.

²³ О такого рода случаях – обещаниях вилланами добавочных сумм, то есть своего рода попытках подкупа членов Жюри за расследование в пользу истца, см. Винокурова М.В. Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // Средние века. М., 2022. Вып. 83 (1). С. 92–118.

²⁴ Отметим, что с некоторых пор (со времени выхода Кларендонской ассизы, 1066 г.) процесс судебного разбирательства в отношении, в частности, правонарушений, в соответствии с ней, стал видоизменяться. Так,

Истец и ответчик представляли перед Жюри, члены которого имели право задавать вопросы. Ответы на них, по всей видимости, позволялось давать не только самим основным участникам тяжбы, но и их представителям (их «партия» или отдельным лицам, из которых впоследствии постепенно будет образован институт «присяжных» или «поверенных» – attorneys²⁵).

Во время судебного заседания предписывалось соблюдать тишину. Исключались крики, громкие разговоры – все то, что могло помешать спокойному протеканию заседания.²⁶ Нарушать тишину, возможно, могли лишь согласительные возгла-

---

потерпевший (или представитель его рода) не только мог вчинять иск (to appeal), против обидчика, предъявляя ему прямое обвинение, но и мог быть изобличен «представлением присяжных» (by presentment). К концу XIII в., как считают исследователи, институт presentment, основанный на расследовании дела и его оглашении в суде, практически заменяет собой вчинение частного иска (appeal).

²⁵ У нас есть данные, свидетельствующие о том, что институт присяжных стал формироваться в некоторых манорах довольно рано – в 70-е годы XIII в. См.: *Maitland F.W. Select Pleas in Manorial and Other Seigniorial Courts. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 141–143.*

²⁶ Отметим, что примерно те же правила существовали и в городских судах средневековой Англии, во многом основанных на действии обычаев. Так, в текстах этих обычаев есть записи о том, что, например, вежливая реакция ответчика в адрес бейлифа, проводившего заседание, обычно сводила «на нет» обвинительный пафос речи последнего. Или, если бейлиф замечал нечто несовместимое с правилами поведения присутствующих и делал замечание виновному, последнему достаточно было произнести следующую фразу вежливости и повиновения: «*Sir, you may say your will as bailiff*» («Сэр, я повинуюсь Вашей воле как воле бейлифа» [дословно: «...Вы можете, будучи бейлифом, выразить Вашу волю»] – М.В.). Если же виновный проявлял строптивость, он должен был либо платить штраф, либо в присутствии шести человек принести клятву в том, что он более не будет проявлять непослушания. Обычаи большинства городов средневековой Англии настаивали также на том, что во время проведения заседаний всем присутствующим (за исключением судей, официальных лиц города, свидетелей, истцов, ответчиков или их представителей) необходимо было хранить почтительное молчание. См. *Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии М.; СПб. 2021. С. 401–402.*

сы «Oyes!», произносимые (до появления судов присяжных) всем крестьянским собранием-галимотом. Но вообще-то непосредственный «пошаговый» порядок прохождения сессий манориальных судов детально не описан в источниках; в протоколах фиксируются в основном дела и проблемы, по поводу которых конфликтовали тяжущиеся стороны и выносились решения.

Это вопросы, связанные с земельными захватами, выплатой рент и файнов, передачей земли через «руки» лорда ввиду смерти виллана или истечения срока копии, а также многочисленные правонарушения повседневного характера: неявка в курию для принесения феодальной присяги лорду, покушения на имущество лорда, вторжение скота на чужие участки, кражи, поджоги, избиения, оскорбления, ругань на улицах, сплетни и другие «антиобщественные» проступки, вплоть до выбрасывания на улицу мусора и других отходов.

Какие доказательственные действия (как правило, совпадавшие с утвердившимся с англосаксонских времен *обычаем*) «рекомендовались» лордом и его администрацией в манориальном суде средневековой Англии? До введения судов присяжных доказательством невиновности служила очистительная клятва (compurgation), приносимая ответчиком, которого поддерживали соприсяжники. Этот процесс именовался в документах на латинском языке «fecit legem» (англ.: «making one's law»); ранее он был частично рассмотрен нами.²⁷

Американский исследователь Джон Бекерман справедливо отмечал,²⁸ что применение очистительной клятвы было основано на простой истине: справедливость и подлинное правосудие могли быть результатом чистой совести, как перед Богом, так и перед самим собой. Свидетельством этому

²⁷ Винокурова М.В. Как работали манориальные суды... // Средние века. М., 2022. Вып. 83 (1). С. 99–103.

²⁸ См.: Beckerman J. Procedural Innovations and Institutional Change in Medieval English Manorial Courts // Law and History Review. Vol. 10, № 2, 1992.

как раз и служила клятва в кругу уважаемых в обществе и надежных соприсяжников. Возможно, это была проверка совести в какой-то мере даже больше, чем реального знания фактов и обстоятельств дела. Человек, приносивший ложную клятву, подвергал свою душу риску вечного проклятия. Подобно ордалиям, клятва была также связана с божественным произволением, условием проявления которого считалось, в частности, успешное и «правильное» проведение ответчиком и его соприсяжниками необходимого ритуала.

Здесь отметим, что локальные общности средневековой Англии очень медленно переходили от формульного реликтового формализма к относительной свободе в судебных делах. Так, важное правило процесса проведения очистительной клятвы отражалось в понятии *miskenning*, которое, как считается, являлось наследием англосаксонского периода. На основании правила [*«qui cadit a sillaba, cadit a tota causa»*: (лат.)] – [*«he who drops a syllable, loses the whole case»*: (англ.)]²⁹) всем лицам, участвующим в принесении очистительной клятвы, запрещались обмолвки и неправильные выражения. Правило гласило: кто молвил неверное слово, должен забрать его назад, иначе судебное решение будет вынесено в пользу оппонента. То есть обмолвка (или в неоднозначном смысле трактуемое выражение) могла использоваться или оппонентом против лица, приносившего клятву. Такие выражения, допускающие вариативность в трактовке дела и судебных решениях (а также неясное, нечеткое выступление или ошибка в формуле в местных судах) обозначаются в документах следующими терминами: *«mislocutio»*, *«miskenning»*, *«stultuloquium»*. Нередко

²⁹ Дословно: «тот, кто пропускает [не произносит – М.В.] слог, проигрывает все дело». Правило, на основании действия которого требовался точный, формульный подход к делу как со стороны обвинения, так и со стороны защиты (в судах маноров и городских поселений – boroughs). Формульный принцип был важен и при произнесении клятвы. См.: Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб., 2021. С. 399–400.

за *miskenning* взимали штраф. Это правило было характерным не только для маноров, но и для правовой жизни средневековых городов; оно отражалось в их обычаях.³⁰

Кроме того, не поощрялись и ошибки в ритуале: так, человеку, приносившему клятву, и его соприсяжникам нельзя было отнимать руку от Евангелия, нечетко произносить слова клятвы или запинаться, произнося текст. При окончании клятвы непременно надо было поцеловать Евангелие. Отказ от клятвы не поощрялся; за него обычно взимали штраф.

В теории приносить очистительную клятву запрещалось как вилланам, так и копигольдерам – на основании того факта, что они, ввиду зависимости от лорда, не считались полноправными лицами. Однако во многих манориальных судах представители указанных категорий населения беспрепятственно допускались к принесению клятвы.³¹

Как упоминалось, каждый ответчик, приносивший клятву в своей невиновности, должен был привести с собой соприсяжников (*oath-helpers*) – честных и благонадежных лиц, пользующихся уважением в маноре или поселении городско-

³⁰ *Bateson M.* (ed.). *Borough Customs*. Vol. I // *Selden Society*. Vol. 18. 1904. *Idem.* *Borough Customs*. Vol. 2 // *Selden Society*. Vol. 21. 1906.

³¹ *Beckerman J.*, *Op. cit.* P. 204–205. См. также: *Manors of the Abbey of Bec* (1246–1295) // *Maitland F.W.* *Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts*. *Selden Society*. Vol. I. L., 1889. P. 6–87; *Manors of the Abbot of Ramsay* (1276–1296) // *Ibid.* P. 88–175. Отметим, что в протоколах курий указанных маноров слово «*compurgation*» употребляется реже, чем выражение «*donare sacramentum*» (лат.) или «*to swear an oath*» (англ.) (приносить клятву) – хотя по контексту чаще всего можно понять, что речь идет именно об «очищении» в присутствии свидетелей. Иногда, например, пишут и так: «...therefore let him go to the law six-handed» («...ideo ad legem vi manu» – лат.). См.: *Manors of the Abbey of Bec*, A.D. 1246 // *Maitland F.W.* *Select Pleas*... P. 7. В текстах часто используется формула: ... «приносит клятву со своей шестой (десятой, двенадцатой, etc.) рукой». Это означало, что количество соприсяжников (лиц, которые клали руку на Евангелие) составляло пять, девять, одиннадцать человек. Рука приносившего клятву считалась последующей (как отмечено в нашем примере – шестой, десятой, двенадцатой и т.д.).

го типа. Их численность могла варьировать от 6 до 12 и более человек. Далеко не каждый мог быть соприсяжником. В число таковых не допускались те, кто скрывался от правосудия, кто ранее был отмечен как клятвопреступник, кто подвергался общественному наказанию у позорного столба или был заключен в тюрьму. В число лиц, не допускавшихся в круг соприсяжников, не могли входить также несовершеннолетние, глухие, слепые и больные проказой. Часто к соприсяжничеству не допускали женщин (если только они не занимались профессией, которая высоко котировалась в маноре: торговлей или пивоварением). Иногда в манориальных судах требовали, чтобы деятельность соприсяжников относилась к тому же роду занятий или профессии, что и приносившего клятву. Так было, например, в маноре Брайтуолтхэм (Brightwaltham) в Беркшире со священником, обозначенном в тексте манориального протокола аббатства Бек (1296 г.)³² как «сэр Уильям». Его обвинили в клевете на стюарда лорда и заставили – что само по себе необычно – принести очистительную клятву в вилланском суде упомянутого манора. При этом в качестве соприсяжников должны были непременно присутствовать пять «людей церкви» (chaplains and clerics). Священник принес клятву, но, как отмечено в протоколе, вскоре презрительно покинул курию ввиду того, что его дополнительно обвинили в порче изгороди на участке лорда и краже домашней птицы последнего. Ф.У. Мейтленд, опубликовавший в Selden Society протоколы судов аббатства Бек, отмечает, что это могло быть также демонстрацией презрения к факту принуждения присутствовать именно в вилланском суде.

Часто число соприсяжников зависело от тяжести обвинения. Обычным было число от 3 до 6 человек; число 12 характеризовало наиболее тяжкие проступки и даже преступления. И все же, несмотря на распространенность клятвы, ее при-

³² Maitland F.W. Ibid. P. 173.

менение едва ли можно считать надежным «средством беспристрастности» в деле вынесения справедливого вердикта. Клятва, как отмечалось выше, была делом совести, а совесть могла быть и нечистой. Недаром, как пишет Мейтленд, судья общего права Берефорд на одном из процессов 1294 г. назвал компанию соприсяжников (закадычных друзей обвиняемого) «кучкой шести негодяев (six rascals)».³³

Конечно, куда надежнее были состязательные суды, постепенно организуемые в маноре по примеру судов общего права на основании принципа «истец-ответчик» и с участием Жюри присяжных, оглашением обстоятельств дела (*presentments*), а также с опорой на письменные документы. Но в том-то и дело, что становление такого рода судов на манориальном уровне было делом небыстрым, и этот процесс на протяжении десятилетий и даже веков сопровождался многими реликтами «былой старины», отраженными в прецедентах и стародавних обычаях.

Примерно к началу XIV в. сложилась традиция не применять очистительную клятву в делах, связанных с очень «тяжелыми», вопиющими преступлениями (*heavy offences*). И, в частности, с теми, которые нарушали мир короля (различного рода кровопролития, поджоги, разбой и пр.). К такого рода случаям относили и те, которые могли инициировать т. н. *detinues* (иски, связанные с покушением на движимое имущество) или вызывали различного рода серьезные диффамации и взаимные оскорбления, по поводу которых, согласно обычаю манора, соседи должны были поднять крик на улице (обычай «*of rising the hue*»). В такого рода делах в локальных судах все чаще прибегали к опоре на процессы с использованием – по примеру судов общего права – судебного Жюри.

Другим видом доказательственного поиска истины (особенно в случае земельных споров) – как считают исследова-

³³ *Maitland F.W.* (ed). *Year Books*. Vol. II. *Year Books of 2 and 3 Edward II*. Selden Society. Vol. 19. L., 1904. P. 196.

тели – с XIV в. становится ссылка на документальные архивы, находившиеся в помещении самой манориальной курии (списки обычаев, списки рент и файнов, земельные описи, протоколы курии, отчеты бейлифов) – иногда вековой давности.³⁴ Так что анализируемые нами в этой работе протоколы курий сами по себе являются очень важным источником при анализе специфики деятельности средневековых поместных судов и тех основных правовых принципов, на которые они опирались.

Итоги судебной сессии (судебные решения) тщательно заносились в протокол курии – поэтому ныне исследователи могут составить представление о том, какие именно проблемы были представлены в манориальных судах. В итоговых протоколах фиксировали также штрафы за провинности (*amercements*)³⁵. Их высота зависела от состава правонарушения,³⁶ степени его тяжести и норм обычая (часто уровень штрафа за определенную провинность предписывался именно обычаем и не мог меняться из года в год). Нередко суммы этих штрафов были

---

³⁴ Обратим внимание на то обстоятельство, что исследователи подчеркивают важность фактора грамотности, возросшей в среде манориальных служащих и свободного населения манора к XIV в., что реально позволяло обращаться уже не только к очистительной клятве, но и не давало пренебрегать важностью «пыльной архивной тайны». Тем более, что в результатах документального подтверждения (включая, между прочим, и копии составленных в курии протоколов о держании, выдававшихся с этого времени на руки копигольдервам) своих прав были заинтересованы и неграмотные крестьяне: оно, несомненно, представлялось им более надежным. См.: *Mulholland M. Trails in Manorial Courts...* P. 91.

³⁵ Считалось, что, когда виллан поступал под «опеку» манориального суда, он находился в его милости (*in misericordia*; англ.: «*in mercy*»), включая необходимые и справедливые санкции (штрафы) со стороны суда. Отсюда – происхождение слова «*amercement*».

³⁶ В некоторых манорах существовал, например, файл за адюльтер (т. н. *leyewite*), который налагали на незамужнюю женщину, которая допускала близкие отношения с мужчиной (по соглашению или вопреки ему). Иногда за подобное действие дочери могли наложить штраф на ее отца – за отсутствии должного воспитания. См. *Mulholland M. Ibid.*

весьма внушительными³⁷: правосудие было выгодным делом для лорда. Вдобавок к штрафам – в качестве «внутриманориальных санкций» – использовался такой социально-правовой рычаг воздействия на зависимое от лорда население манора как исполнение им феодальных служб, налагаемых в качестве своеобразного наказания. Это могла быть чистка канав и выгребных ям, починка изгородей, постройка загонов для свиней и других животных – с тем, чтобы уменьшить частые потравы в маноре, прополка сорняков, сверхурочные работы на поместье и т.д. С конца XIII в. за серьезные правонарушения, допущенные жителем того или иного манора (убийство, поджог, разбой, грабеж, кража со взломом – особенно в ночное время) лорд манора, как правило, уже не мог пользоваться правом «частной виселицы» (то есть вздернуть «вора» на месте преступления).³⁸ Осуществление кары за подобного рода пре-

³⁷ Так, например, за одну только сессию суда 1275-6 г. в маноре Бледлоу (Нортхемптоншир, владения аббатства Бек) с villanov (всего 13 чел.) – в качестве штрафов за провинности и платежей за вхождение в сейзину – было получено 14 фунтов 3 шиллинга, 8 пенсов. В маноре Коттисфорд (Оксфордшир) в том же году (с 4 человек) – 50 шиллингов (за одну сессию), в маноре Уидон Бек (Нортхемптоншир) с 8 человек также лишь за сессию – 14 фунтов 4 пенса и т.д. // *Maitland F.W.* Op. cit. P. 20–23 и далее. Конечно же, тема о выгодности манориального правосудия, ввиду своей важности, требует отдельного рассмотрения. Здесь мы только упоминаем о ней.

³⁸ Отметим, однако, что в протоколах курий отмечены случаи помещения преступников – согласно вердикту местного суда – в городскую или местную тюрьму. Тюрем в то время, конечно, еще не были «стационарными» (за исключением крупнейших, Лондонских) и не несли пенитенциарной нагрузки, связанной с необходимостью осознания преступником важности фактора покаяния – ввиду длительной утраты им свободы. В качестве тюрем нередко использовали подземелья местных замков, их башни и даже мельницы, а также – подчас – здания самих курий манора или, по соглашению с хозяином, частные дома. Интересные подробности, связанные с тюремным заключением и обычаями, которые регламентировали условия пребывания в заключении, см.: *Винокурова М.В.* Обычаи городов средневековой Англии. М.: СПб. 2021. С. 201, 221 и др. *Она же.* Преступления и наказания в английском маноре конца XIV в. // *Право в средневековом мире.* СПб. 2001. С. 37–47.

ступления (и некоторые другие – измену, подделку подписей и печатей) в указанное время переходит в руки королевского правосудия.

Далее. После характеристики основного типа сеньориальных судов (для вилланов и копигольдеров), стоит сказать еще несколько слов о другом их виде, который играл важную роль в повседневности манора. Это *Court of Leet*³⁹, в практике манориальной жизни средневековой Англии именуемый также «Court Baron»: как упоминалось выше, – суд для свободных держателей по т. н. мисдиминарам, то есть «небольшим» делам, не связанным с пролитием крови. Первоначально Court of Leet развивался как подвид сотенного суда.

Дело в том, что все сотни каждого графства Англии (сотня включала сто гайд⁴⁰ – то есть, по сути, сто домохозяйств) были поделены на десятки (tithes), в каждом из которых существовал view of frankpledge – суд круговой поруки, занимающийся решением каждодневных дел и проблем⁴¹ и отвечающий за нормальное «социальное поведение» представителей каждого из 10 (или 12) домохозяйств.

Но, поскольку эти суды круговой поруки вместе с хозяйствами, объединенными в десятки, находились одновременно и на территории «частных» маноров (а не только сотен), то суд манора, под юрисдикцией которого состоял ряд указан-

³⁹ История слова Leet не слишком ясна. Согласно энциклопедии «Британника», этот термин появляется в документах англо-французского и англо-латинского происхождения в качестве слова «leta», что означало место пересечения дорог. Этот термин соотносится также со словом «lathe» – земельное владение в ряде сотен средневекового Кента. См.: Encyclopædia Britannica. 1911. Vol. 7. P. 327.

⁴⁰ Гайда в средневековой Англии могла варьировать от 40–50 до 120 акров, в зависимости от природных условий, качества земли и интенсивности того хозяйства, которое велось на ней. Эта площадь была призвана полностью обеспечить потребности одного свободного домохозяйства.

⁴¹ Серьезные криминальные дела, как уже отмечалось, связанные с королевской прерогативой, поступали в суд графства или высшие королевские суды.

ных «view of frankpledges», стал представлять собой территориальный манориальный суд, находящийся, можно сказать, на *пересечении правовых компетенций* – сотенной и манориальной.⁴² Он и получил название «Court of Leet», осуществляя одновременно и манориальную юрисдикцию, и сотенную (в частности, по делам, связанным с королевским правосудием в сотне на основе writs – королевских предписаний или приказов о праве). Поскольку «Court of Leet» был предназначен в основном для свободных, которые, ввиду их полноправного положения в ряду других граждан королевства, именовались в маноре «баронами» (в отличие от бесправных вилланов), то данный вид суда, по всей видимости, стал именоваться также и «Court baron» – суд для фригольдеров непосредственно внутри поместья. Он представлял собой вид апелляционного суда, решения которого должны были быть представлены в письменной форме (т. н. «court of record» – «суд записи»). Это означало, что, как правило, после каждого заседания, проводимого в «устной» форме, ученые клерки непременно должны были сделать запись процесса; она помещалась в архив и была доступна в случае апелляции. Courts baron проводились, как и описанные выше сеньориальные суды для вилланов и копигольдеров, с применением таких правовых институтов как Жюри присяжных, члены которого проводили предварительное расследование по тому или иному делу и системы «presentment», состоявшей в оглашении на процессе его обстоятельств. Такого рода суды проводились реже, чем сеньориальные: несколько раз, а иногда – всего один раз в год.

Какие дела решались в такого рода судах для свободных?

⁴² Думается, что именно суды сотни представляли собой основу для рецепции традиционными манориальными судами процедурных нововведений из области общего права (особенно – the Jury), с применением которых – по сути, со времен Кларендонских ассиз – уже проводились в то время сотенные суды, а также суды графств и городов. См. об этом: *Beckerman J. Procedural Innovations and Institutional Change in Medieval English Manorial Courts* // *Law and History Review*. Vol. 10. № 2. 1992.

По сути, они были весьма сходны с делами, представленными в сеньориальных судах и относились к «глубинной жизни» манора, хотя и были в большей степени нацелены на соблюдение «публичных прав».

Так, именно в этих судах должны были проходить процессы, связанные с охраной общинных прав (пресекались незаконные огораживания, вторжения, нарушения в области межевания, снос и порча изгородей, порча воды в общественных садах и незаконная ловля рыбы в них, регулировался общинный выпас, состояние луга и пастбища и т.д.). Здесь же решались вопросы, связанные с содержанием мельниц и общественных строений (включая здание манориальной курии), ремонтом дорог, охраной прав назначаемой в маноре опеки, правилами выпечки хлеба и изготовления эля, соблюдением мер и весов, проведением рыночных дней (в том случае, если манор обладал правом иметь рынок – обычно это было наиболее характерным для крупных поместий, хоноров). В обязанности лиц, представляющих Court baron в маноре (а в число этих лиц входила практически вся его администрация), входило следить за соблюдением нравственных и поведенческих норм (особенно на улицах и в общественных заведениях) и наказывать за их несоблюдение. Так, карались ссоры и взаимные оскорбления, немотивированные крики и шум на улице,⁴³ чрезмерное употребление крепких напитков, поджоги, нанесение увечий, убийства и многое-многое другое. За указанные правонарушения наказывали штрафами разной высоты (в целом они зависели от тяжести нарушений, но в то же время, как показывает изучение документов, их уровень ограничивался обычаем) и тюремным заключением. Очень серьезные правонарушения, связанные с пролитием крови, как уже подчеркивалось

---

⁴³ Мотивированным крик на улице в манорах и городах средневековой Англии считался в том случае, если он был поднят в качестве реакции на опасную ситуацию. Обычай даже предписывали непременно поднимать такого рода крик. Это называлось так: «... to rise hue and cry...».

выше, с конца XII – начала XIII в. передавались в королевские суды общего права.

Заключая, возвращусь к теме постепенного становления в правовой действительности английского средневекового манора новых юрисдикционных норм «локального уровня». Это становление выражалось в появлении и развитии в нем различного типа судов для держателей с их особой судебной процедурой, частично реципируемой из практики протекания судов общего права. Эти процедурные изменения выражались в закреплении в манориальной правовой повседневности института Жюри присяжных, специальных расследований его членами обстоятельств того или иного дела и последующего их оглашения на заседаниях (*presentments*), применении принципа опоры на документальные свидетельства (*documentary proof*).

Несомненно, что отмеченные правовые нововведения и особенности проведения судов обычного права в маноре способствовали началу более цивилизованного подхода к ведению судебных тяжб в крестьянском мире. Однако, наряду с некоторыми выгодами, которые предоставлял теперь этот «новый путь», основанный, в частности, на рецепции ряда норм общего права и все менее апеллирующий к реликтам былой старины англосаксонского периода (ордалии, клятвы), он все-таки уменьшал прямое участие во внутриманориальном «правовом процессе» всего крестьянского мира, выраженного ранее в действии «вилланских галимотов».

Пожалуй, несмотря на защиту обычая, он мог превращать виллана в очевидный объект приложения властной воли господина – не только на «рендном», но и на правовом уровне. С введением института Жюри кажущееся расширение демократии в маноре на самом деле подчас оборачивалось – и именно для зависимого населения – призрачностью этой демократии по сравнению с положением свободных в крестьянском мире. Учтем здесь и то обстоятельство, что имен-

но вилланы со времен реформ Генриха II были обязаны, в отличие от фригольдеров, посещать лишь сеньориальные суды.

Еще Ф. У. Мейтленд писал о том, что фригольд был юридически привилегированным видом отношений внутри манора; с введением суда присяжных, в которых фригольдеры являлись членами Жюри, степень этой привилегированности очевидным образом стала еще выше. Для обычных же держателей и вилланов, в целом лишенных возможности апеллировать в городские и королевские суды и вынужденных поэтому обращаться в поместную курию, держателей, *униженных*, как выразился Мейтленд, введением в маноре института Жюри присяжных,⁴⁴ обеспечившего правовую исключительность и без того более привилегированного фригольда, «обычай манора» нередко оборачивался «волей лорда». В то время как даже самый скромный свободный держатель (фригольдер-крестьянин) имел нечто гораздо большее, чем «обычай манора», поскольку он мог положиться на королевские ассизы общего права и статуты парламента, а внутри манора выступал в качестве члена Жюри.

Но все же думается, что Мейтленд не вполне учел роль правовых нововведений в манориальных судах – в их исторической перспективе. Несмотря на многовековую правовую ограниченность вилланства, с XIV в. эволюционировавшего в копигольд, ограниченность, действительно выражавшуюся прежде всего в недопущении массы зависимого крестьянства в суды общего права, введение в манорах более цивилизованной судебной процедуры, и – особенно – Жюри присяжных (что явно сближало эту процедуру, по меньшей мере, с процессами городских судов⁴⁵) могло усиливать степень развития

⁴⁴ *Maitland F.W.* Select Pleas in Manorial and Other Seigniorial Courts. Selden Society. L., 1889. Vol. I.: Reigns of Henry III and Edward I. Introduction. P. LXXII–LXXIII.

⁴⁵ См. Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб., 2021. С. 394–411.

принципа состязательности в местном правосудии и в конечном итоге способствовать рождению более объективной истины, вынесению более основательных и справедливых вердиктов внутри крестьянского мира, чем в конечном итоге могла быть обеспечена его жизнеспособность не только на протяжении Средневековья, но и раннего Нового времени.

Разумеется, что в дальнейшем, под воздействием глобальных социально-экономических процессов указанного периода крестьянский мир трансформировался, преображался. В частности, аграрная революция наложила свой особенный отпечаток на развитие манора, претерпевавшего под ее напором невиданные перемены, что привело в конечном итоге в XVIII в. к исчезновению английского крестьянства как класса самостоятельно хозяйствовавших тружеников и замене крестьянского хозяйства крупной фермой капиталистического типа. Но разве не свершились бы эти «превращения» с английским крестьянством раньше, чем это произошло в действительности, не будь в его распоряжении, пусть и несовершенных, но все-таки обладавших с XIII в. относительно цивилизованной процедурой (напоминавшей процедуру судов общего права) манориальных судов, во многом ограничивавших, наряду с обычаем, владельческое всевластие господина? Судов с активно работающим в них Жюри присяжных, весьма, как мы видели, беспристрастных, опиравшихся на документальные свидетельства и обеспечивавших процесс расследования практически каждого дела из крестьянской повседневности? Поэтому представляется очевидным, что, наряду с решающим значением обычая в деле защиты держателей от проявлений властной воли лорда, стоит принять во внимание классификацию и роль тех правовых учреждений и процедурных нововведений, исследованию которых посвящена эта работа.

Classification of Medieval England's Manorial Courts

Винокурова Марина Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Москва, Ленинский проспект, 32-а. E-mail: vinocurova@mail.ru, vinokurova@igh.ru.

Vinokurova Marina V., Dr.Sc. (History), Dept. of Medieval and Early Modern History, Institute of General History of the RAS, Moscow, Leninsky Prospect, 32-a. E-mail: vinocurova@mail.ru, vinokurova@igh.ru.

Аннотация. Статья посвящена вопросу о системе работы манориальных судов в средневековой Англии – недостаточно изученному в отечественной историографии. На основании работы автора с описями маноров и протоколами курий, представлены виды манориальных судов и освещен вопрос о периодичности их созыва. Особенное внимание уделено практике работы судов для зависимых держателей (customary courts). Показаны специфика ведения заседаний и заимствования из практики работы судов общего права. Они постепенно входили в жизнь английского манора на протяжении XIII–XIV вв. Эти заимствования включали в себя такие правовые основания как оглашение дела, предварительные расследования крестьянских тяжб (особенно по поводу земли), введение Жюри присяжных и использование в качестве доказательственного фактора практики опоры на документальные свидетельства (взамен очистительных клятв, применявшихся ранее).

Ключевые слова: средневековая Англия, манор, суды обычного права, судебные тяжбы, Жюри присяжных, расследования и оглашение дел, очистительная клятва, опора на документальные свидетельства.

Abstract. This paper deals with a problem connected with a specificity of English medieval manorial courts' functioning. Mentioned problem is still insufficiently researched in native historiography. Basing on the manorial court rolls as well as on manorial surveys' research, the author classifies types of manorial courts and covers the problem of their

convocation's frequency. Special attention is given to customary courts, including specificity of litigations and borrowings from the common law of England, which were gradually coming into English medieval manor's life during XIII–XIV c. Mentioned borrowings included such legal pillars as presentments (based on inquisitions, concerning land transfers and trespasses), the Jury and documentary proof (instead of compurgation as previous practices).

Key words: medieval England, customary courts, litigations, the Jury, inquisitions and presentments, compurgation, documentary proof.

Библиография:

Винокурова М.В. Кто такие «последние вилланы» в Англии XVI в.? // Средние века. М., 2001. Выпуск 62. С. 84–95.

Винокурова М.В. Мир английского манора. М., 2004.

Винокурова М.В. Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб., 2021.

Винокурова М.В. Как английские крестьяне передавали имущество? Обычай и манориальная практика // Средние века. М., 2021. Вып. 82 (2). С. 134–162.

Винокурова М.В. Как работали манориальные суды средневековой Англии: становление процедуры // Средние века. М., 2022. Вып. 83(1). С. 92–118.

Bateson M. (ed.). Borough Customs. Vol. I // Selden Society. Vol. 18. 1904.

Bateson M. (ed.). Borough Customs. Vol. 2 // Selden Society. Vol. 21. 1906.

Beckerman J. Procedural Innovations and Institutional Change in Medieval English Manorial Courts // Law and History Review. Vol. 10. № 2. 1992.

Franklin P. Politics in Manorial Court Rolls: The Tactics, Social Composition and Aims of a pre-1381 Peasant Movement // Medieval Society and the Manor Court. Ed. by Zvi R., Smith R. Oxford, 1996. P. 162–198.

Encyclopædia Britannica. 1911. Vol. 7. P. 327.

Maitland F.W. Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. 1. Reigns of Henry III (1216–1272) and Edward I (1272–1307). L., 1889.

Manors of the Abbot of Ramsey, A.D. 1278 // *Maitland F.W.* Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 88–98.

Manor of King's Ripton, A.D. 1294 – 1303 // *Maitland F.W.* Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 107–303.

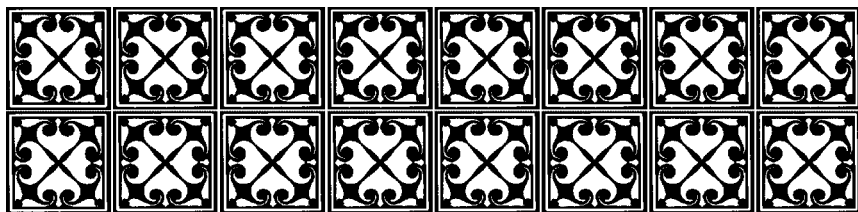
Manor of Brightwaltham A.D. 1293 – 1296 // Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 165–175.

Manors of the Abbey of Bec, A.D. 1246–1296 // Select Pleas in Manorial and Other Seignorial Courts. Selden Society. Vol. I. L., 1889. P. 7–47.

Mulholland M. Trails in Manorial Courts in Late Medieval England // Judicial Tribunals in England and Europe, 1200–1700. Ed. by *M. Mulholland, B.S. Pullan*. Manchester, 2018. Vol. I.

Survey of the Lands of William the First Earl of Pembroke / Ed. by Ch. Straton. Oxford, 1909.

Survey of the Manors of Philipp the First Earl of Pembroke and Montgomery: 1631–1632. Devizes. 1953.

Л. Н. Чернова

Городское самоуправление средневекового Лондона: принципы формирования и функционирования (XIII–XV вв.)

Средневековый Лондон в силу своего богатства, политического значения, экономического и финансового потенциала был наиболее привилегированным городом средневековой Англии. Еще Вильгельм I Завоеватель (1066–1087) пожаловал ему две хартии, подтвердив «все права и обычаи короля Эдуарда»¹. Генрих I (1100–1135) в 1131 г. предоставил городу за 300 фунтов право фирмы – уплаты в Казначейство ежегодной фиксированной денежной суммы взамен произвольных поборов с правом горожан самостоятельно делать раскладку этих средств и самим их собирать². От Генриха II (1154–1189), крайне неохотно шедшего на уступки горожанам, Лондон получил хартию лишь в самом начале своего правления: «Настоящим подтверждаю, что дарую им [горожанам] ... права, как и все те вольности и свободные обычаи, которыми владели они во времена Генриха, моего деда, в большем объеме, лучше

---

¹ The First Charter of William the Conqueror. Second Charter of William the Conqueror // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / ed. by W.G. Birch. London, 1887. P. 1–2.

² Charter of Henry I // Ibid. P. 3–4.

и свободнее, где бы они ни были»³. Ричард I (1189–1199), остро нуждавшийся в деньгах (особенно в связи с участием в Крестовом походе), предоставил городу две хартии – 23 апреля 1194 г. и 14 июля 1197 г.⁴ В правление Иоанна Безземельного (1199–1216) Лондону было дано 5 хартий: 3 – в 1199 г. и по одной – в 1202 и 1215 гг.⁵ Значение столицы отражено и в «Великой Хартии вольностей» (1215 г.): «... и город Лондон должен иметь все древние вольности и свободные свои обычаи, как на суше, так и на воде...»⁶. От Генриха III (1216–1272) город получил 10 хартий в период с февраля 1227 г. по март 1268 г.⁷ Эдуард I (1272–1307) даровал одну хартию 28 мая 1298 г.⁸ и все последующие монархи не обходили вниманием столицу: Эдуард II (1307–1327) пожаловал ей 2 хартии (в 1319 и 1321 гг.)⁹; Эдуард III (1327–1377) – 6 (по две – в 1327 и 1376 гг., по одной в 1337 и 1354 гг.)¹⁰; Ричард II (1377–1399) – одну в 1377 г.¹¹; Эдуард IV (1461–1470, 1471–1483) – 4 (по одной – в 1462 и 1463 г. и две в 1478 г.)¹²; Генрих VII (1485–1509) – одну в 1485 г.¹³

По сути, уже с XIII в. Лондон обладал практически всеми привилегиями, предоставляемыми королевской властью и сводившимися к следующим: – привилегия городского держания, освобождавшая горожан от отработочных повинно-

³ Charter of Henry II // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 5–6.

⁴ The First Charter of Richard I. The Second Charter of Richard I // Ibid. P. 7–10.

⁵ Charters of King John // Ibid. P. 11–20.

⁶ Magna Charta, 1215 // English Historical Documents: in 10 vols. Vol. 3: 1189–1327 / ed. by H. Rothwell. London, 1975. P. 318.

⁷ Charter of Henry III // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 21–42.

⁸ Charter of Confirmation of the City Privileges by Edward I // Ibid. P. 43–44.

⁹ Charters of Edward II // Ibid. P. 45–51.

¹⁰ Charters of Edward III // Ibid. P. 52–69.

¹¹ Charter of Richard II // Ibid. P. 69–70.

¹² Charters of Edward IV // Ibid. P. 74–93.

¹³ Charters of Henry VII // Ibid. P. 94–96.

стей, дававшая им свободу распоряжаться своими наделами и пользоваться городскими сервитутами бесплатно или за небольшую плату; – привилегия «городской свободы», превращавшая в лично свободного человека всякого, кто прожил в городе определенный срок (обычно – год и день) и получил право городского гражданства; – различные торговые привилегии: право горожан держать свой рынок и самим собирать на нем пошлины в свою пользу (иногда деля доходы с сеньором), право монополии на производство определенных товаров в городе и торговлю на городском рынке, право беспошлинной торговли в пределах всего королевства; – право фирмы; – судебные привилегии: право иметь свой суд и судиться только в пределах города; – привилегии, связанные с самоуправлением города: право иметь своих выборных должностных лиц, включая мэров, а также выборный Городской совет¹⁴.

Главными должностными лицами муниципального самоуправления Лондона были мэр (Mayor), шерифы (Sheriffs) и олдермены (Aldermen). Кроме них, городскую власть формировали рикордер (Recorder of London) – высший судебский чиновник, утверждаемый, как правило, лорд-канцлером из числа избранных горожан для рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде магистрата и передачи наиболее серьезных из них в суды высших инстанций; коронер (Coroner) – судебский чиновник, расследовавший (обычно с присяжными) дела о насильственной или скоропостижной смерти при сомнительных обстоятельствах; чемберлен, или городской казначей (City Chamberlain) – высшее должностное лицо городской корпорации, избиравшееся и смещавшееся в случае необходимости городской общиной, несшее полную материальную ответственность за состояние финансов городской общины (только он имел непосредственный доступ к городской казне и лично следил за служебными расходами); городской

¹⁴ Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. С. 197–198.

клерк (Common Clerk), избравшийся городской общиной и отвечавший не только за всю административную документацию, но и за муниципальный церемониал¹⁵.

В городе также имелись сборщики пошлин, констебли, сержанты-приставы и другие мелкие служащие. В отличие от должностей мэра и олдерменов служба чиновников среднего и низшего уровня изначально оплачивалась из городской казны. Но суммы оплаты были невелики. Например, сержанты в английских городах получали в 2–3 раза меньше жалования квалифицированного ремесленника¹⁶. Видимо, недостаток средств стимулировал поиск дополнительных источников дохода. Не случайно в хартии Лондона от 1319 г. было записано, что «городской клерк и городской сержант не должны получать что-либо еще за свою службу, а должны довольствоваться обычным вознаграждением»¹⁷.

Все упомянутые высшие должностные лица и мелкие служащие заполняли лондонский муниципалитет, располагавшийся в здании Гилдхолла (Guildhall) – городской ратуши, выстроенной на средства горожан и являвшейся символом престижа городской общины и городского самоуправления.

Структура столичного муниципалитета представляется следующей:

1. «Совет олдерменов», куда входили олдермены в составе 23–26 человек (в зависимости от количества административных округов) и мэр, осуществлял судебную и исполнительную власть, утверждал избрание олдерменов, мэра, шерифов и назначение рикордеров, коронеров и прочих судебных чиновников, рассматривал вопросы, связанные с законностью выборов на различные муниципальные должности. Как

¹⁵ British Borough Charters, 1307–1660 / ed. by M. Weinbaum. Cambridge, 1943. P. 75.

¹⁶ Мосолкина Т.В. Традиции самоуправления в городах Англии // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 189.

¹⁷ British Borough Charters, 1307–1660. P. 75.

исполнительный орган он пользовался правом осуществления расходов из городской казны и в связи с этим утверждал в должности городского казначея – чемберлена, контролировал действия городской полиции. До ноября 1545 г. (когда были установлены единые часы заседаний – с 8 до 11 часов утра независимо от времени года) заседания «Совета олдерменов» проходили в разное время в зависимости от сезона: осенью и зимой четыре сессии начинались в 9 часов утра, с 25 марта по 29 сентября – с 8 часов; в обоих случаях утренние заседания заканчивались к 11 часам. Предусматривались и специальные собрания олдерменов, участники которых могли собираться в любое время, даже до 8 часов утра, но чаще всего – после обеда. «Совет олдерменов» должен был заседать в Гилдхолле каждый вторник и четверг в течение всего года, исключая праздники (неделю до Рождества, вторник на масленой неделе и неделю перед Пасхой) и августовские каникулы (до дня св. Варфоломея – 24 августа). Две ассамблеи в неделю были минимумом, нормальной же практикой было проведение трех-четырёх заседаний¹⁸.

Видимо, причастные к власти лондонцы не всегда должным образом исполняли свои обязанности. Иначе не появилась бы в городских документах запись следующего содержания. «В субботу, следующую за праздником святого Данстана [19 мая], на 28-м году правления короля Эдуарда III [1354 г.] состоялось собрание мэра, олдерменов, шерифов и огромного множества общинников города Лондона; на собрании присутствовали самые мудрые и богатые люди (the wiser and wealthier men) из всех приходов упомянутого города»¹⁹. Здесь «было по-

¹⁸ Foster F. The politics of stability. A portrait of the Rulers in Elizabethan London. London, 1977. P. 77–80.

¹⁹ Enactment that the Aldermen and other Citizens shall be fined, if not punctual in their attendance at the Guildhall // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419 / ed. by H. Riley. London, 1868. P. 274.

становлено и предписано, что, когда в будущем олдермены и другие полноправные горожане Лондона будут вызваны в Гилдхолл по трудному делу, касающемуся вышеупомянутого сообщества горожан, то они должны явиться сразу после первого утреннего звона колокола собора Святого Павла [6 часов]; если кто этого не сделает, будет оштрафован на сумму в 2 шиллинга, которая должна взиматься в пользу общины»²⁰.

2. «Совет избранных», комплектовавшийся за счет мэра, олдерменов и 150–212 советников, избиравшихся по административным округам, обладал законодательной властью: имел право вносить изменения в обычаи и законы Лондона. Кроме того, ему принадлежало право контроля над поступлением и расходованием всех денежных средств города; в его ведении находились городские земельные владения и городская печать.

3. «Совет Ассамблеи горожан» состоял из мэра, олдерменов, шерифов и «гильдейских старшин», занесенных в списки фрименов и носивших ливрею. Его деятельность была связана с избранием чемберлена и выдвижением кандидатов на должности мэра и шерифов²¹.

Гражданская администрация города была тесно связана с судебной властью. В Лондоне еще с XII в. действовали Суд мэра (этот чиновник не имел права подавать судебный иск «ни в какой другой городской суд, кроме своего собственного»²²) и Суд шерифа. В первые десятилетия XIII в. здесь появляется Суд 24-х (позднее, после 1394 г., – 25-ти) олдерменов, «покаявшихся всегда и во всем поступать в согласии с мэром»²³. Суды

²⁰ Enactment that the Aldermen and other Citizens shall be fined, if not punctual in their attendance at the Guildhall // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 274.

²¹ Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016. С. 99, 101.

²² British Borough Charters, 1307–1660. P. 74–75.

²³ The London Encyclopedia / ed. by B. Weinreb and Ch. Hibbert. London, 1984. P. 12–13.

олдерменов и шерифа, как правило, рассматривали дела, связанные с имущественными, торговыми и всякого рода спорными вопросами материального характера. В городе функционировали также Суды округов во главе с олдерменами: их компетенция распространялась на организацию защиты административных районов и обеспечение их общественной безопасности и санитарного состояния²⁴. Действовал и так называемый Court of Husting, имевший статус Суда графства и собиравшийся по понедельникам и вторникам для рассмотрения споров о долгах, торговле, недвижимости и земле²⁵. В качестве высших судейских чиновников на этих заседаниях обязательно присутствовали 6 олдерменов, которые фактически контролировали принятие решений.

Неизбежно возникает целый ряд вопросов, которые касаются самих принципов формирования и функционирования властных институтов Лондона. Из кого комплектовался штат должностных лиц Гилдхолла? Каков был электоральный процесс? Чьи интересы в первую очередь представляли и отстаивали мэр, шерифы и олдермены? Каким образом выстраивались отношения между городской властью и горожанами Лондона, с одной стороны, официалами столицы и короной, – с другой.

Начнем с того, что резервом для комплектования учреждений муниципальной власти и должностных лиц высшего уровня – мэра, шерифов и пр. – служили олдермены. Мэр – обязательно, а шерифы, как правило, избирались из числа олдерменов, «reputable men», возглавлявших административные округа города и принадлежавших к самой богатой части «Двенадцати Больших ливрейных компаний». Таким образом, разработка и практическое воплощение политики городских

²⁴ Thomas G.H. *Town Government in the Sixteenth Century*. Cambridge, 1933. P. 16.

²⁵ Barron C.M. *London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500*. Oxford, 2004. P. 128.

властей почти безраздельно являлись полем деятельности торговцев предметами роскоши (*merciers*), импортировавших дорогие шелковые и бархатные ткани и аксессуары, бакалейщиков (*grocers*), уже в XIV в. поглотивших торговцев пряностями, торговцев тканями (*drapers*), которые занимались реализацией шерсти и сукна, преимущественно шерстяного, а также торговцев рыбой (*fishmongers*), ювелиров (*goldsmiths*), отвечавших за проверку качества золота и серебра, регулировавших работу золотых дел мастеров и поставлявших на рынок произведенные ими изделия, меховщиков (*skinners*), специализировавшихся на дорогостоящем импорте меха, торговцев готовым платьем (*merchant taylor's*), галантерейщиков (*haberdashers*), контролировавших производство и продажу тканей, швейных изделий, лент, перчаток, булавок, колпаков и шляп, торговцев солью (*salters*), торговцев железными изделиями (*ironmongers*), торговцев вином (*vintners*).

Ясно, что олдермены, мэры, шериф и прочие официалы представляли далеко не все городское сообщество, но весьма узкий слой полноправных горожан – фрименов, допущенных к пользованию городскими привилегиями. По некоторым оценкам, к XIII в. только треть лондонцев могла пользоваться правами горожан²⁶; во второй половине XIV в. лишь каждый четвертый житель Лондона был фрименом, а в середине XV в. только 3 тыс. мужчин из 20 тыс. (при общей численности населения, примерно, 60 тыс.) имели статус полноправных горожан²⁷, а около $\frac{3}{4}$ взрослых мужчин, проживавших в столице XV в., не являлись фрименами²⁸. Очевидно сокращение числа лондонских фрименов на протяжении XIII–XV вв., что отражает общие тенденции социально-политического развития как английского, так и континентального города: усиление

²⁶ Gray R. A History of London. London, 1978. P. 81.

²⁷ Barron C.M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. Vol. 1. 600–1540 / ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 400.

²⁸ Berry Ch. The Margins of Late Medieval London, 1430–1540. London, 2022. P. XX.

имущественной и социальной дифференциации и поляризации населения, активизация процесса «замыкания» цеха.

Права фрименов были весьма значительны. Только они имели право розничной торговли и право торговли различными товарами в пределах территории, которую контролировал город. Ни один чужеземец не мог купить товар, на который претендовал фримен (конечно, если последний предлагал равную плату). За каждым фрименом признавалось право переменить свою профессию. Фримен имел юридическую и финансовую защиту в случае столкновения с жителями других городов. Наконец, только фримены могли участвовать в городском управлении и выборах должностных лиц города²⁹.

Электоральные принципы в отношении высших должностных лиц городского магистрата, которые оформились предположительно к середине XIII в. и сохранялись на протяжении всего рассматриваемого периода, были заточены под интересы исключительно фрименов.

Городское законодательство предъявляло особые требования к претендентам на должность олдермена. Во-первых, это принадлежность к числу полноправных горожан – фрименов. Во-вторых, членство в одной из купеческих «Двенадцати Больших ливрейных компаний», причем олдермены входили в самую богатую и влиятельную часть компании – верхушку ливреи. В-третьих, наличие определенного уровня материальной обеспеченности: постановлением Городского совета от 1469 г. имущественный ценз для олдерменов был определен в тысячу фунтов «в товарах и кредитах»³⁰. В-четвертых, необходимо было родиться в Англии, и отец должен быть англичанином³¹.

²⁹ British Borough Charters. 1307–1660. P. 74–75; English Historical Documents: in 10 vols. Vol. 4: 1327–1485 / ed. by A.R. Myers. London, 1969. P. 569–570.

³⁰ Beaven A.B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. London, 1913. Vol. 2. P. XXXIX.

³¹ Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book I (1400–1422). London, 1909. P. 117.

Олдермены избирались на собрании *probi homines* каждого городского округа, как правило, из числа советников, входивших в «Совет избранных»³². Изначально своих 4-х кандидатов, «самых достойных и знающих горожан», *probi homines* представляли мэру и олдерменам, которые имели право выбрать одного из предложенных претендентов и либо утвердить его в должности, либо отвергнуть все кандидатуры. В последнем случае процедура избрания олдермена проводилась повторно. Со временем, по-видимому, такая практика претерпела значительные изменения, и, судя по всему, на собрании округа избирали только одного кандидата на должность олдермена. В городских документах Лондона сохранилась информация об избрании Уильяма Уолворта олдерменом округа Бридж. 11 ноября 1368 г. он был выбран «уважаемыми и законопослушными людьми района Бридж в Лондоне и представлен мэру, чтобы занять должность олдермена... и упомянутый Уильям был допущен к должности и принес присягу»³³.

Принесение клятвы происходило в Гилдхолле, в присутствии мэра, олдерменов и должностных лиц Суда мэра. Новый олдермен клялся «добросовестно выполнять все, что касается этой должности, в соответствии с обычаями указанного города...»³⁴.

Городские власти были весьма лояльны к поведению олдерменов и защищали их от возможных нападок и обвинений. Показателен в этом отношении документ, датированный 1299 г. и носящий название «Наказание за клевету на олдерменов». «Во вторник, следующий после праздника святого

³² Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn // Munimenta Gildhallae Londoniensis: in 2 vols. / ed. by Th. Riley. London, 1859. Vol. 1. Pts. 1–2. P. 34–35.

³³ Election of William Walworthe as Alderman of Bridge Ward // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 336.

³⁴ The Prior of Christ Church, Aldgate, sworn ex officio as Alderman of Portsocken Ward // Ibid. P. 415.

апостола Матфея [24 февраля], на 27-м году правления короля Эдуарда, Генри ле Галей, мэр, и олдермены установили, что Страго, уборщик мусора (the sweeper of litter) в приходе Чип, должен быть схвачен и заключен в тюрьму ... потому что он, этот упомянутый Страго, шокировал олдерменов, заявив, что они берут общественные деньги, хранящиеся в Гилдхолле, под предлогом опеки над сиротами, а затем тратят их ради собственной выгоды. И он был отправлен в тюрьму Тун и должен находиться там ... по усмотрению мэра»³⁵. Важно, что никакого расследования в отношении олдерменов не проводилось, об этом даже речи не шло. Они априори были вне подозрений. Трудно представить иную реакцию от власти, состоящей из самих олдерменов!

Высшим должностным лицом Лондона был мэр, осуществлявший общее руководство городом и городской корпорацией. В официальных документах – хартии Иоанна Безземельного – лондонский мэр впервые упоминается 20 марта 1202 г.³⁶ Но из контекста хартии следует, что эта должность появилась в Лондоне раньше. В «Хронике» Уильяма Грегори зафиксировано, что во времена борьбы за власть при Иоанне Безземельном в конце XII в. именно лондонский мэр выступал представителем горожан в переговорах с королем³⁷. Тем не менее, ясности в вопросе о дате учреждения этой должности в английской столице нет. Сама корпорация лондонского Сити признает в качестве таковой 1189 г.³⁸ Ф. Шеппард

³⁵ Punishment for defaming the Aldermen // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 40–41.

³⁶ Fourth Charter of King John // The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London. P. 18.

³⁷ William Gregory's Chronicle of London // The Historical Collections of a citizen of London in the fifteenth century / ed. by J. Gairdner. Westminster, 1876. P. 59–60.

³⁸ Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. Berkeley; Los Angeles, 2000. P. 22.

называет 1193 г. и приводит имя первого мэра Лондона³⁹, известного также из хроник – это Генри Фиц-Элвин, преуспевавший купец, скорее всего, суконщик, занимавший должность градоначальника в течение 20 с лишним лет – с 1191 г. вплоть до своей кончины 19 сентября 1212 г.⁴⁰

Должность мэра (с конца XIII в. – лорд-мэра) надлежало занимать представителю «лучших людей», способных проявлять «мудрость, добросовестность, честность и беспристрастность, порядочность, инициативность и предприимчивость»⁴¹, этот человек должен быть «благоразумен и пригоден для управления городом»⁴², что обеспечивало бы эффективность функционирования всей административной системы Лондона.

Мэр избирался ежегодно («они каждый год могут избирать себе мэра, который будет верен нам»⁴³) и только из числа олдерменов. Формально само избрание проходило на собрании Ассамблеи горожан в Гилдхолле. Реально здесь лишь называли имена двух олдерменов – кандидатов на должность, а действующий мэр и олдермены выбирали одного из них, т. е., фактически мэра избирал Совет олдерменов⁴⁴. «И когда наступит такое время, когда нужно избирать нового мэра на следующий год, прежний мэр должен созвать совет состоятельных людей города, которые лучше всех других знают конституцию города, и этот совет должен провести выборы в соответствии с ранее установленными порядками»⁴⁵. Так, в городских книгах 13 октября 1439 г. были записаны имена двух олдерменов, которых

³⁹ *Sheppard F.* London. A History. Oxford, 1998. P. 83.

⁴⁰ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London: in 2 vols. London, 1908. Vol. 1. P. 225; *William Gregory's Chronicle of London.* P. 60.

⁴¹ *Liber Albus.* P. 521–522.

⁴² Fifth Charter of King John // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London.* P. 19.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Keen M.* English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. London, 1990. P. 99.

⁴⁵ *Liber Albus.* P. 521–522.

собравшиеся фримены представили Совету олдерменов в качестве кандидатов для избрания мэром на следующий год. Это были торговец шелковыми и бархатными тканями Роберт Ладж, олдермен с 1429 г., шериф 1430–1431 гг., и олдермен-портной Ральф Холланд. Олдермены выбрали Роберта Ладжа⁴⁶.

Были предусмотрены и случаи непредвиденного развития событий. Один из них зафиксирован в городских записях, относящихся к 17 июня «на 16-м году правления короля Эдуарда III» (1342 г.). «Джон де Оксенфорд, мэр Лондона, скончался во время церковной службы; и когда о его смерти было объявлено Роджеру де Дефаму, олдермену и рикордеру, этот Роджер немедленно, от имени нашего господина короля и общины, отдал приказ Ричарду де Беркингу и Джону де ла Рокелу, шерифам упомянутого города, чтобы они незамедлительно, отложив все дела, через своих сержантов призвали всех олдерменов и наиболее богатых и уважаемых горожан (*the more wealthy and more reputable commoners*), в то время находившихся в упомянутом городе, явиться в тот же день, не позднее трех часов дня, в Гилдхолл Лондона, чтобы там избрать мэра вместо упомянутого Джона.

И в тот же день олдермены и наиболее уважаемые горожане избрали мэром Саймона Фрэнси, олдермена, который, по обычаю, был сразу же приведен к присяге»⁴⁷. Выбор на Саймона Фрэнси пал не случайно: он был заместителем почившего Джона де Оксенфорда.

Надо сказать, что электоральная процедура постоянно дополнялась, претерпевала изменения, которые определялись складывавшейся политической конъюнктурой. В частности, в 1315 г. появился королевский указ, касавшийся порядка избрания мэра и шерифов Лондона. Согласно ему, на выборах

⁴⁶ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7.*

⁴⁷ *Death of John de Oxenford, Mayor, and election of Simon Fraunceys, on the same day // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 212–213.*

шерифов 21 сентября и мэра 13 октября могли присутствовать только специально приглашенные для этого горожане (по 4 представителя от каждого административного округа⁴⁸, т. е. 100 человек): «несколько наиболее зажиточных и знающих горожан» поименно вызывались на выборное собрание и избирали там мэра и шерифа⁴⁹.

Впоследствии, судя по всему, количество выборщиков периодически то увеличивалось, то вновь возвращалось к отметке в 100 человек (как, например, при Эдуарде III⁵⁰). 8 октября 1426 г. столичный градоначальник переиздал королевский указ 1315 г., стремясь избежать ненужных эксцессов и установить контроль над составом избирателей, что, безусловно, было очень важно для власти. Не случайно с завидным постоянством городские власти постановляют, что «... выборы мэра должны производиться олдерменами и другими наиболее благоразумными (*more discreet*) и могущественными (*powerful*) горожанами на основании старых обычаев» (10 октября 1442 г.⁵¹, 23 сентября 1467 г.⁵²).

Городской клерк Дж. Карпентер, автор «Белой книги Лондона» (1419 г.), весьма правдоподобно объясняет установление таких порядков волнениями в народе, которые происходили при каждых очередных выборах: «Ввиду того, что на выборы мэров и шерифов стекалась к зданию муниципалитета огромная толпа народа, и так как народных сборищ следует бояться ... ибо при этом может подняться ропот и шум, мэр и олдермены за несколько дней до дня выборов имели обычай

⁴⁸ Liber Albus. P. 19.

⁴⁹ Ibid. P. 241.

⁵⁰ Ibid. P. 19.

⁵¹ Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharp. Letter-Book K (1422–1461). London, 1911. P. 274–275.

⁵² Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharp. Letter-Book L (1461–1497). London, 1912. P. 73.

сходиться и обсуждать, каким образом провести эти выборы, чтобы избежать волнений и народного ропота»⁵³. Дж. Карпентер не скрывает, что целью ограничения числа избирателей было устранение широких слоев населения Лондона от участия в избрании главных должностных лиц города. Надо сказать, что лондонская модель самоуправления была эталоном для целого ряда провинциальных городов Англии⁵⁴.

Часто на должность мэра баллотировались одни и те же люди, нередко нарушался и принцип ежегодного замещения этой должности, зафиксированный в хартии 1319 г.: «Никто не будет мэром два года подряд»⁵⁵. А составитель «Белой книги» Лондона оставляет весьма показательное замечание: «... если горожане изъявят и на будущий год иметь мэром того, кто был им в течение прошедшего года, я советую ему не брать снова в свои руки управление, да и трудно допустить, чтобы повторное несение этой должности было приятно всем»⁵⁶. Но далеко не все и не всегда следовали такому совету. Слишком привлекательной казалась эта должность, и, надо думать, не только с точки зрения престижа, но, что важнее, благодаря тем колоссальным возможностям, которые она предоставляла своим обладателям.

Нередко выборы мэра превращались в ожесточенную борьбу, в которой участвовали не только представители власти, но и простые горожане. Показательна в этом смысле история единственного олдермена-ремесленника (портного) XV в. Ральфа Холланда, который, реализуя собственные амбиции, не только последовательно продвигался по карьерной лестнице в городском управлении, но и стал самым заметным лидером оппозиции, отстаивавшей права полноправных горожан

⁵³ Liber Albus. P. 19.

⁵⁴ Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford, 2019. P. 119, 123–124.

⁵⁵ British Borough Charters, 1307–1660. P. 74–75.

⁵⁶ Liber Albus. P. 521–522.

из числа ремесленников. В поведения этого человека отразились глубинные противоречия в городском социуме Лондона, основанные на столкновении интересов тех, кто своими руками производил те или иные изделия, и тех, кто доминировал на рынке.

К сожалению, мы очень мало знаем о Ральфе Холланде. Возможно, он родился в конце XIV в. в Суррее, в приходе Ньюингтон, расположенном на пересечении дорог, ведущих от Лондонского моста в Кент (через Пекхэм) и в Суррей (через Кеннингтон и Стритхэм)⁵⁷. О его родителях совсем ничего не известно. Незадолго до 1419 г. он женился на некой Матильде, которая была допущена в ливрею компании торговцев тканями. Ральф упоминает о ней как об умершей жене в своих завещаниях, датированных 2 мая⁵⁸ и 3 мая 1452 г.⁵⁹ В браке с этой женщиной у него был, по крайней мере, один сын, тоже Ральф. Можно утверждать, что отпрыск Холланда также входил в гильдию портных, в 1435–1436 гг. даже вступил в ливрею, но, судя по всему, умер раньше своего отца. По крайней мере, уже в самом раннем завещании Ральфа Холланда-старшего, которое он составил 24 октября 1445 г., упоминаний о сыне, как, впрочем, и о других родственниках, нет⁶⁰.

В документах лондонских корпораций имя Ральфа Холланда впервые встречается в записях компании дрейперов за 1413–1414 гг. В это время он занимал там достаточно прочное положение, поскольку смог взять на обучение ученика. Однако, уже в 1414–1416 гг. Холланд вступил в ливрею гильдии портных, заплатил 20 шиллингов, а в 1419 г. был избран мас-

⁵⁷ Чернова Л.Н. Лондонский портной XV века Ральф Холланд и попытки реформирования городского управления // Британские исследования. М., 2022. Вып. VII. С. 93.

⁵⁸ Holand (Ralph) // Calendar of Wills Proved and Enrolled in the Court of Husting, London: in 2 pts. / ed. by R.R. Sharpe. London, 1890. Pt. 2: 1358–1688. P. 525–526.

⁵⁹ Holand (Ralph), citizen and tailor // Ibid. P. 526.

⁶⁰ Holand (Ralph), draper // Ibid. P. 563–564.

тером этой корпорации. В это же время его имя все еще встречается в записях компании торговцев тканями. Даже в завещании 1445 г. Ральф Холланд обозначен как дрейпер⁶¹, хотя очевидно, что к этому времени он воспринимал себя членом гильдии портных, с которой отождествлял свои интересы. Так или иначе, но Холланд принадлежал к обеим корпорациям одновременно. Благо, что действовавшее в городе право на совмещение профессий предоставляло такую возможность. В ситуации, в которой оказались гильдия портных и компания торговцев тканями в начале XV в., такое поведение Холланда представляется вполне естественным. Как человек честолюбивый и обладавший необходимыми материальными возможностями, он предпочел стать не только портным, но и торговцем тканями, пользуясь привилегиями обоих братств.

Свое несогласие с политикой городского правительства Ральф Холланд стал проявлять довольно рано. Сохранилось свидетельство того, что 5 сентября 1426 г. его заключили в тюрьму за критику мэра Лондона, якобы притеснявшего портных⁶². На этот раз Ральф отделался лишь предупреждением, на что, впрочем, не обратил должного внимания. Но этот выпад в адрес мэра не остался незамеченным властью, которая последовательно игнорировала Холланда при избрании мэра. Первый раз это произошло 13 октября 1439 г., когда из двух кандидатур, Роберта Ладжа и Ральфа Холланда, олдермены выбрали Ладжа⁶³. Затем 13 октября 1440 г. Ральф вновь оказался в числе двух кандидатов на пост мэра. Его соперником стал ювелир Джон Паддесли, которого и избрали мэром⁶⁴. И 13 октября 1441 г. лондонские фримены, собравшиеся в Гилдхолле, выбрали двух кандидатов: портного Ральфа Холланда

⁶¹ Holand (Ralph), draper // *Calendar of Wills*. P. 563–564.

⁶² *Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron* / ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017. P. 337.

⁶³ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7.

⁶⁴ *Ibid.*

и торговца тканями Роберта Клоптона⁶⁵. После этого олдермены отправились совещаться узким кругом, а толпа, затаив дыхание, ожидала решения у входа в здание магистрата. Наконец, Джон Паддесли, действующий на тот момент мэр, появился, ведя по правую руку от себя избранника олдерменов – Роберта Клоптона.

Дальше события разворачивались стремительно. Мгновенно поднялась суматоха. Портные и другие «ремесленники» начали кричать: «Нет, не этот человек, а Ральф Холланд»⁶⁶. Ни мэр, ни его сержант ничего не могли сделать, чтобы успокоить разъяренных людей, которые не только отвергли Клоптона, но неофициально объявили Холланда избранным мэром. В конце концов, шерифам пришлось принять меры, чтобы задержать протестующих и отправить их в тюрьму. Специальное жюри из 18-ти присяжных заявило, что за нарушение мира короля ответственны 11 человек: 6 портных и 5 скорняков, которые были заключены в тюрьму Ньюгейт⁶⁷.

Беспорядки в Лондоне, в которых участвовали в основном ремесленники, вдохновляемые сподвижниками Ральфа Холланда, выступавшего против изменения избирательных процедур за счет сокращения электоральной базы, происходили еще на протяжении нескольких лет. По показаниям свидетелей, которые впоследствии были озвучены в Суде олдерменов, в городе готовы были восстать 2 тысячи человек из корпораций портных, шорников, скорняков, оловянщиков, ювелиров и пивоваров. У портных были люди, вооруженные мечами, секирами и другим оружием. В качестве своего рода агитатора и организатора движения выступал портной Джон Бейл⁶⁸. В ходе последовавшего разбирательства Суду олдерменов стало известно о том, что у Холланда было много помощников,

⁶⁵ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 8.

⁶⁶ *Chronicles of London* / ed. by C. L. Kingsford. Oxford, 1905. P. 154–155.

⁶⁷ *Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron*. P. 342.

⁶⁸ *Ibid.* P. 348.

на протяжении 6 лет специально занимавшихся организацией оппозиции властям города. При таких обстоятельствах окончание карьеры олдермена-ремесленника было неизбежным: 18 мая 1444 г. его отстранили от должности.

О последующей жизни Ральфа Холланда вплоть до его смерти в 1452 г.⁶⁹ ничего не известно. Можем лишь утверждать, что он продолжал жить в Лондоне, видимо, успешно занимаясь коммерческими делами. Судя по его завещаниям, у Холланда была собственность в Суррее и внушительная недвижимость в столице, которую он предпочитал сдавать в аренду. Это были участки земли и разного рода строения, главным образом доходные дома (не менее 7), а также две гостиницы – «Бассет Инн» и «Пенбридж Инн». Располагались эти объекты в семи центральных приходах Лондона, в том числе рядом с рынками Истчип и Корнхилл⁷⁰.

Социальный статус, престиж лондонских мэров был очень высок: согласно постановлению парламента от 1379 г., они облагались так же, как герцоги – в 4 фунта⁷¹. За публичное оскорбление мэра предусматривались разные виды наказания, которые были призваны защитить честь и достоинство градоначальника, персонифицировавшего всю городскую власть.

Интересный случай произошел в январе 1355 г. Вот как его зафиксировали в городских записях. «Во вторник, в праздник Богоявления [6 января], на 28-м году правления короля Эдуарда III [1355 г.], некто Роджер Торолд, горожанин и виноторговец города Лондона, находясь в доме Уильяма Брангуэйна, в приходе Лэнгборн, в присутствии Джона де Драйтона, Джона Уорендера и Томаса де Сэйма, а также других заслуживающих доверия людей из вышеупомянутого города, совершенно потеряв рассудок, постыдно бранил Томаса Легги, мэра того

⁶⁹ *Beaven A.B. Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 7.*

⁷⁰ *Calendar of Wills. P. 522–523, 525–526, 563–564.*

⁷¹ *Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. P. 9.*

же города, оскорбительными и ужасными словами, сказав так: «Я, Роджер Торолд, бросаю вызов упомянутому мэру на весь этот праздничный день и весь следующий год, и, более того, на всю его жизнь». И далее угрожал, что если бы он только мог схватить упомянутого мэра за пределами вышеупомянутого города, он, мэр, никогда бы не вернулся в город живым. Поскольку эти слова были так глупо произнесены развязавшимся языком, вышеупомянутые Джон де Драйтон, Джон Уорендер и Томас де Сэйм в среду явились к мэру и рассказали ему все»⁷². Далее события разворачивались следующим образом. В тот же день мэр Томас Легги прибыл в Гилдхолл и, созвав олдерменов и шерифов, рассказал им обо всех ранее изложенных фактах. После совещания, «по общему согласию», Томасу де Галдфорду, сержанту Ричарда Смолта, одному из шерифов, было дано поручение известить Роджера Торолда о необходимости явиться в четверг в Гилдхолл, «чтобы держать ответ как перед нашим господином королем, так и упомянутым мэром»⁷³. В четверг Роджер предстал перед Судом мэра «и в присутствии Эндрю Обри, Саймона Фрэнси и других олдерменов, Уильяма де Тоденхэма и Ричарда Смолта, шерифов, и многих других уважаемых людей упомянутого города ... признал, что он действительно говорил все то, что было вменено ему упомянутым мэром, и положился на благосклонность мэра и олдерменов»⁷⁴.

Мэр, олдермены, шерифы и «община» сошлись на том, что для вынесения решения по этому вопросу необходимы серьезные консультации. Предстояло не просто наказать Роджера, но сделать так, чтобы это наказание «в будущем внушало

⁷² Process against Roger Torold, for abusing the Mayor // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 275–276.

⁷³ Ibid. P. 276.

⁷⁴ Ibid.

страх другим»⁷⁵. Следующее заседание Суда мэра должно было состояться «в среду после праздника святой Хилари [13 января]. Роджер на это время был заключен в тюрьму. В назначенный день он предстал перед мэром, олдерменами, шерифами и «огромным количеством простых людей. И в их присутствии, по собственному желанию, он предложил упомянутому мэру 100 бочонков вина в качестве возмещения за проявленное неуважение и оскорбление»⁷⁶. Мэр был удовлетворен и простил незадачливого виноторговца. Суд же вынес следующее решение: виновному надлежало внести в городскую казну залог в размере 40 фунтов, и «если он [Роджер] впоследствии нанесет Томасу Легги какой-либо ущерб или обиду, делом или оскорбительными и ужасными словами, или любым другим способом, или проявит неуважение к любому другому мэру, олдерменам, шерифам или должностным лицам вышеупомянутого города оскорбительными, клеветническими и возмутительными словами или любыми угрозами, он будет надлежащим образом наказан за это мэром, олдерменами, добрыми и заслуживающими доверия людьми вышеупомянутого города, и тогда его залог в размере 40 фунтов останется в городской казне»⁷⁷. Заметим, что внесение залога или залоговой расписки в качестве меры предупреждения правонарушений было весьма распространенной практикой, применявшейся городскими властями Лондона.

Вопиющий, с точки зрения городских властей, случай произошел в 1382 г. Некий изготовитель солода по имени Стивен Скот «ходил по разным местам, как внутри города, так и за его пределами, лживо говорил и злонамеренно лгал, рассказывая множеству людей, что мэр Лондона заключен в Тауэр»⁷⁸.

⁷⁵ Process against Roger Torold, for abusing the Mayor // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 276.

⁷⁶ Ibid. P. 277.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Punishment of the Pillory, for slandering the Mayor // Ibid. P. 476.

Он предстал перед мэром и олдерменами, был допрошен и признался в содеянном. Решение по делу этого Стивена было весьма суровым. Сначала его доставили в тюрьму Ньюгейт, а оттуда в тот же день – к позорному столбу на Корнхилл, «чтобы оставался там в течение одного часа, с точильным камнем, подвешенным к его шее ... затем – обратно в указанную тюрьму, где он должен оставаться до тех пор, пока не будет отдан приказ о его освобождении»⁷⁹.

Вынесение столь жесткого приговора Суд мэра мотивировал тем, что «из-за такой лжи и других подобных ей в упомянутом городе часто происходят позор и бесчестие, а это может в наше время [курсив наш. – Л.Ч.] легко вызвать беспорядки как в вышеупомянутом городе, так и в других частях королевства»⁸⁰. Не будем забывать, что совсем незадолго до этого Англия пережила крупнейшее волнение крестьян и городской бедноты, известное как восстание (крестьянская война) под предводительством Уота Тайлера. Действия Стивена Скота – явный отголосок тех событий, на что указывают сами лондонские официалы выделенной нами фразой «в наше время».

В том же году в Суде мэра Лондона рассматривалось еще одно резонансное дело. Торговец рыбой Джон Филиол, недовольный политикой мэра Джона Нортхемптона, 28 октября находясь в доме Томаса Дадингтона, в присутствии еще трех человек заявил, что «названный мэр – лживый негодяй, и он хотел бы с ним сразиться...»⁸¹. 6 ноября Джон предстал перед мэром и олдерменами и признал, что действительно произнес эти слова, что подтвердили хозяин дома и все, кто в то время там находился. Филиол был отправлен в тюрьму Ньюгейт, где

⁷⁹ Process against Roger Torold, for abusing the Mayor // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 476.

⁸⁰ Ibid. P. 477.

⁸¹ Punishment of imprisonment, for reviling the Mayor // Ibid. A.D. 1276–1419. P. 473.

дождался вынесения приговора. 10 ноября мэр и олдермены решили, что виновный будет заключен в Ньюгейтскую тюрьму сроком на один год, «если не заслужит милости»⁸². По просьбе и под поручительство своих друзей Джон Филиол вышел на свободу 6 декабря 1382 г.

Приведенные выше свидетельства источников показывают, насколько не простая обстановка сложилась в Лондоне, сколь неоднозначным было отношение к мэру, олицетворявшему городскую власть, которая стремилась защищаться, используя судебные инструменты. Суровость наказания (денежный залог, позорный столб и тюремное заключение) за оскорбление мэра, клевету на него и пр. зависела, как нам представляется, и от имущественного и социального статуса обвиняемого, и от степени общественной опасности содеянного.

Недоразумения, недопонимание и даже неприязнь иногда проявлялись во взаимоотношениях между самими официальными. Судя по одной из записей в городских книгах, датированной 1299 г., тогдашние шерифы Ричер де Рефэм и Томас Сели каким-то образом оскорбили мэра сэра Генри ле Галея, за что предстали перед 13-ю олдерменами (перечислены поименно). Суд олдерменов вынес следующее решение: если в будущем провинившиеся, занимая должность шерифа, проявят неуважение к власти, «делом или словом выступят против сэра Генри ле Галея, в то время мэра Лондона, они будут обязаны заплатить общине Лондона 100 фунтов; половина этой суммы будет внесена в казну Гилдхолла и использована с пользой для упомянутой общины, а другая половина – зрителям Лондонского моста на его ремонт»⁸³. В данном случае обращает на себя внимание, во-первых, что речь идет о штрафе, причем очень крупном, во-вторых, что эти денежные средства факти-

⁸² Punishment of imprisonment, for reviling the Mayor // *Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419.* P. 473–474.

⁸³ Conduct of the Sheriffs to the Mayor // *Ibid.* P. 41.

чески использовались на нужды не только всей общины (т. е. передавались на усмотрение самой власти), но и на городскую благотворительность.

Известно также, что олдермен с 1499 г. сэръ Ричард Хэддон (зять шерифа Роберта Уэйфелда) был оштрафован мэром Ричардом Гарднером «за прилюдное оскорбление его персоны»⁸⁴. К сожалению, ни размер штрафа, ни способы его использования в данном случае не указаны.

Под судебной защитой находились и помощники мэра – сержанты. В этом отношении показательна история, произошедшая с Николасом, пекарем из Корнхилла, который прилюдно оскорбил сержанта мэра Томаса де Кента. Было проведено расследование с привлечением свидетелей, по результатам которого 8 сентября 1301 г. пекарь предстал перед Судом мэра. Озвученные факты со всей очевидностью доказывали виновность Николаса и позволили вынести судебное решение следующего содержания. Николас публично представил залоговую расписку на 20 шиллингов, обеспечением которой стало его движимое имущество. И «если в будущем будет установлено, что упомянутый Николас вновь нанес оскорбление вышеупомянутому Томасу или любому другому королевскому сержанту в городе Лондоне, что подтвердится показаниями двух соседей, заслуживающих доверия людей, то упомянутый Николас должен будет заплатить означенные 20 шиллингов на нужды Лондонского моста»⁸⁵. Вновь, как отмечалось ранее, в качестве средства предупреждения правонарушений власти Лондона используют залоговую расписку, а денежное возмещение по суду предполагают направить на поддержку городской инфраструктуры.

Еще одним высшим официальном Лондона был шериф. В иерархии должностных лиц он следовал сразу за мэром: по образному выражению Дж. Карпентера, «был его глазами»⁸⁶.

⁸⁴ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 437.

⁸⁵ Assault upon a serjeant of the Mayor // *Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419.* P. 46.

⁸⁶ *Liber Albus.* P. 306–307.

Важно, что именно служба в качестве шерифа позволяла претендовать на избрание мэром Лондона⁸⁷.

Оформление этой должности относится ко времени правления Генриха I: по хартии 1131 г. король приравнял Лондон к графству, что повысило его статус, и лондонцы получили право избирать шерифа графства Миддлсекс, которое отныне считалось неотделимым от города⁸⁸. Лондон приобрел очень важную привилегию: шериф фактически являлся главой королевской администрации в графстве⁸⁹, и отныне его избирали сами горожане чаще всего из числа олдерменов⁹⁰. Кроме того, горожанам удалось укрепить свое положение и расширить влияние, выбирая отныне двух шерифов – собственно Лондона и графства Миддлсекс⁹¹. Подтверждение находим в источнике. «В субботу, в праздник святого апостола Матфея [21 сентября], на 44-м году правления короля Эдуарда III [1370 г.], в Гилдхолле города Лондона собрались Джон де Чичестр, мэр, Уильям де Холден, Адам Фрэси, Джеймс Андрою, Стивен Кавендиш, Саймон де Мордон, Джон де Бернес, Джон де Митфорд, Джон Литл, Уолтер Форстер, Джон Олбон, Джон Пайел, Джон Уард и Джон Обри, олдермены, и огромное количество простых людей; Уильям Уолворт и Роберт Гейтон были выбраны шерифами Лондона и Мидлсекса на следующий год. А в субботу, накануне дня святого Михаила [29 сентября] упомянутые шерифы были приведены к присяге ...»⁹².

⁸⁷ *Inwood S.* A History of London. P. 59; *Barron C.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. P. 159.

⁸⁸ Charter of Henry I // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London*. P. 3; *British Borough Charters. 1307–1660*. P. 74. (Preface to Charters of London).

⁸⁹ *Lander J.R.* Government and community: England 1450–1509. London, 1980. P. 52.

⁹⁰ *Beaven A.B.* Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 121–469; Vol. 2. P. 1–420.

⁹¹ *Mitchell R.J., Leys M.D.R.* A History of London life. London; New York, 1958. P. 3–4.

⁹² Election of William Walworth and Robert Gaytone as Sheriffs // *Memorials*

Шериф был обязан защищать интересы горожан, охраняя мир и осуществляя судопроизводство. Его служба оплачивалась из городской казны: в 1199 г. была установлена немалая сумма в 20 фунтов⁹³, а с XIV в. – 50 фунтов в год⁹⁴.

Шериф имел собственный штат помощников. Согласно хартии 1319 г., ему полагалось «не больше двух клерков и двух сержантов, за которых он нес полную ответственность»⁹⁵. В начале XV в. (в 1403–1404 гг.) количество сержантов в штате шерифа было увеличено до 8 человек с общим содержанием в 20 фунтов⁹⁶. Это связано с территориальным ростом и увеличением численности населения города и графства и, соответственно, с возрастанием объема выполняемой шерифом работы.

Немаловажно, что шериф и его помощники были защищены законом. С этой точки зрения любопытен документ о судебном разбирательстве в отношении некоего Роберта де Саттона, датированный 1291 г.⁹⁷ Роджер де Портленд, клерк шерифа Лондона Томаса Ромейна, обратился к олдерменам с жалобой на Роберта, который на заседании Суда шерифа, на котором рассматривался вопрос о его отстранении от некой должности, бросил в адрес клерка «гнусное оскорбление на английском языке, тем самым выказав презрение не только упомянутому Роджеру, но и нашему господину королю»⁹⁸. Речь не идет о том, что оскорбление клерка приравнивалось к оскорблению, нанесенному королю. Данный пассаж явно отсылает к тому, что шериф – это должностное лицо короны.

---

of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 345.

⁹³ British Borough Charters, 1042–1216. P. 241–242.

⁹⁴ Gray R. A History of London. P. 83.

⁹⁵ British Borough Charters, 1307–1660. P. 74–75.

⁹⁶ Letter-Book I (1400–1422). P. 32–33.

⁹⁷ Insult offered in the Sheriff's Court // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 27–28.

⁹⁸ Ibid.

Роберт де Саттон все отрицал и, «еще более выражая явное презрение, он вновь произнес эти оскорбления по-английски, в то же время поднимая свой большой палец в знак неуважения... Следовательно, он должен был быть заключен в тюрьму за оскорбление и вышеупомянутое неуважение к суду»⁹⁹.

Хотя лондонские официалы избирались самими горожанами, пусть и ограниченной их частью, королевская власть, исходя из складывавшейся ситуации, имела право вмешаться в электоральный процесс. Так, для олдерменов, как правило, предусматривалось пожизненное пребывание в должности¹⁰⁰. Но периодически эта практика нарушалась. В частности, королевская хартия Лондону 1319 г. зафиксировала, что «олдермены будут переизбираться каждый год в марте»¹⁰¹. В 1378 г. парламент подтвердил практику ежегодных выборов олдерменов, что нашло отражение и в королевском распоряжении, и в хартии, предоставленной Лондону: выборы олдерменов должны были проходить 12 марта каждого года¹⁰². Поводом для такого решения послужили серьезные разногласия, существовавшие между королевским судом, юрисдикция которого распространялась на всю территорию в пределах 12 миль от королевского дворца, и городскими судами, которые оспаривали право королевского маршала вести тяжбы горожан даже в случаях, когда они оказывались в пределах дворцовой юрисдикции. На этой почве нередко возникали острейшие конфликты. В 1377 г. произведенный королевским маршалом арест одного из горожан, воспринятый лондонцами как незаконное посягательство на городские вольности, вызвал небывалое возмущение и вылился в прямое насилие. Горо-

⁹⁹ Insult offered in the Sheriff's Court // *Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries*. A.D. 1276–1419. P. 27–28.

¹⁰⁰ *Liber Albus*. P. 35–36.

¹⁰¹ *British Borough Charters, 1307–1660*. P. 74–75.

¹⁰² *Ibid.* P. 76.

жане во главе с представителями муниципалитета ворвались в резиденцию маршала, захватили арестованного им в городе человека и переправили его в городскую тюрьму Ньюгейт. Власти Лондона, солидарные с массами горожан в отношении защиты лондонских привилегий, не предприняли никаких попыток, чтобы прекратить бунт, но затем, обеспокоенные реакцией короля на беспорядки в столице, направили к нему примирительную делегацию¹⁰³. Однако окончательно помириться с монархом не удалось: город на время (до 1394 г.) лишился права избирать олдерменов пожизненно.

Король мог отстранить от должности даже мэра. Яркий пример – сторонник Джона Нортхемптона Адам Стэбл, который был смещен с должности мэра 21 марта 1377 г. по распоряжению короля¹⁰⁴. Причинами такого монаршего решения стали вспыхнувшие в Лондоне городские волнения, вызванные проповедями Дж. Уиклифа, но главное – противостояние двух группировок в правящей элите города. Одну из них, пользовавшуюся поддержкой Джона Гонты, возглавлял суконщик и олдермен Джон Нортхемптон; другую – бакалейщик и олдермен Николас Брембр, сторонник Ричарда II, который, кстати, в тот же день был избран новым мэром по указанию короля¹⁰⁵.

Столь неприкрытое вмешательство короля в жизнь лондонской общины и функционирование городского управления может быть объяснено двойственностью положения высших городских официалов. С одной стороны, задачей лорд-мэра Лондона провозглашалась защита доходов, владений, вольно-

---

¹⁰³ Ретина Л.П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. 1. С. 343.

¹⁰⁴ Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 333.

¹⁰⁵ Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R. W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 18.

стей и привилегий горожан. Но в то же время он официально рассматривался как королевский чиновник: отвечал перед королем за «поведение» горожан, прежде всего, в финансовой и политической сферах. Уже к началу XIII в. была установлена практика, когда вновь избранный мэр Лондона являлся в Вестминстер для принесения ежегодной клятвы королю или его представителям¹⁰⁶. Сошлемся в данном случае на хартию Иоанна Безземельного от 5 мая 2015 г.: «... когда он [мэр] будет избран, то должен быть представлен нам или судьям нашим (если мы будем отсутствовать); и должен поклясться быть верным нам...»¹⁰⁷.

В клятве, произносившейся мэром при вступлении в должность, достаточно четко разъяснялись обязанности главы города. В ней содержалось обещание, в первую очередь, верно служить королю и оберегать все его права и интересы, а также справедливо управлять горожанами, охранять права всех, одинаково относясь к богатым и к бедным, к полноправным лондонцам и к чужакам (*forinseci*)¹⁰⁸. «...Защищай вдов и сирот против злобы сильных, но не в такой степени, чтобы эти сильные могли потерпеть ущерб из-за слез слабых...»¹⁰⁹.

Таким образом, с одной стороны, декларировалось «безразличие» к статусу человека, с другой, – горожане четко различались по предпочтению: «свои» и «хорошие» – на одном полюсе, все «чужие» – на другом. От мэра официально требовалось проявлять заботу обо всех категориях горожан, не допуская ущемления интересов и «слабых», и наиболее состоятельных, пользующихся определенным влиянием лондонцев, к числу которых принадлежал и он сам. Другой вопрос – насколько этот идеал воплощался в реальной политике главы муниципалитета? Ответ очевиден: лондонские хроники и судебные

¹⁰⁶ Fox S. *Londoners*. London, 1987. P. 12.

¹⁰⁷ Charters of King John // *The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London*. P. 19.

¹⁰⁸ Liber Albus. P. 521–522.

¹⁰⁹ Ibid.

протоколы буквально пестрят фактами о притеснениях «слабых» «сильными», о злоупотреблениях представителей власти имущих.

О необходимости вновь избранного мэра предстать перед королем или баронами Казначейства сообщают наши источники. Так, во вторник, 13 октября 1372 г., мэром был избран Джон Пайел, торговец шелковыми и бархатными тканями (мерсер), олдермен 1369–1382 гг., шериф 1370–1371 гг.¹¹⁰ Произошло это в присутствии Джона Бенеса, уходящего мэра, Уильяма Хэлдена, рикордера, 12-ти олдерменов и двух шерифов – «с их согласия и согласия общины Лондона»¹¹¹. В четверг, 28 октября, в праздник святых Симона и Иуды, в Гилдхолле Джон произнес клятву, в которой обещал справедливо управлять горожанами и охранять их права, а на следующий день предстал перед баронами Казначейства в Вестминстере и принес клятву им, обещая верно служить королю и оберегать все его права и интересы¹¹².

Николас Брембр был избран мэром 21 марта 1377 г., а 29 марта он торжественно принес клятву и присягу на верность городу в Гилдхолле и Ричарду II в Тауэре¹¹³.

Яркой иллюстрацией сказанного служит и история с избранием мэром Николаса Элвина. Этот торговец шелковыми и бархатными тканями был избран на высшую городскую должность в 1499 г., в возрасте 64 лет, что стало кульминацией

¹¹⁰ Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book F (1337–1352). London, 1904. P. 276–303; *Barron C.M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333.

¹¹¹ Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book G (1352–1374). London, 1905. P. 296–306.

¹¹² Ibid.

¹¹³ *Barron C.M.* London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Appendix I: Mayors and Sheriffs. P. 333.

его карьеры. 28 октября 1499 г. в присутствии уходящего со своего поста прежнего мэра, а также олдерменов и шерифов Элвин произнес клятву в Гилдхолле, а затем устроил по случаю своего избрания «пир мэра» – на собственные средства и в собственном доме в приходе св. Марии на Кордуэйнер-стрит. На следующий день, 29 октября, он направился по Темзе в Вестминстер, чтобы поклясться перед баронами Казначейства. В этой процессии его сопровождали представители всех ливрейных компаний, расположившиеся на принадлежавших им баржах, а мерсеры заняли почетное место в окружении менестрелей, с трубами и развевающимися знаменами. После присяги Элвин вернулся домой, где продолжилось праздничное пиршество, а вечером того же дня побывал в соборе св. Павла, где помолился у надгробия родителей св. Томаса Беке-та, и при свете факелов вернулся домой¹¹⁴.

Подобные публичные ритуалы имели важное значение для городского общества. Они служили мощным фактором формирования авторитета городской власти, ее утверждения и поддержания. Благодаря публичным церемониям мэр мог не только презентовать себя и свое могущество, но и расположить к себе горожан, заручившись их поддержкой и доверием¹¹⁵.

Избрание шерифа также утверждалось королем или его представителями¹¹⁶, что подтверждает источник. Уильям Уолворт и Роберт Гейтон были избраны шерифами Лондона и графства Мидлсекс 21 сентября 1370 г., 28 сентября они были приведены к присяге, о чем говорилось выше. «А затем, на следующий день после дня святого Михаила [30 сентября],

¹¹⁴ Medieval Londoners: essays to mark the eightieth birthday of Caroline M. Barron. P. 194–195.

¹¹⁵ Шайхутдинова Е.Н. Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XX – начала XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 64.

¹¹⁶ Mitchell R.J., Leys M.D.R. A History of London life. P. 55.

упомянутые шерифы были допущены к баронам казначейства в Вестминстере»¹¹⁷.

Этот фрагмент источника показывает, что шериф, как и мэр, формально рассматривался в качестве королевского чиновника, призванного защищать финансовые интересы короны (он должен был собирать третью часть судебных штрафов в пользу короля, контролировать соблюдение королевских законов). Здесь уместно напомнить разбивавшееся в Суде шерифа в 1291 г. дело Роберта де Саттона, оскорбившего клерка этого суда, что было расценено как проявление неуважения к суду и выражение презрения не только в отношении данного служащего, но и «нашего господина короля»¹¹⁸, за что Роберт был заключен в тюрьму.

По сути, представители высшего эшелона лондонской правящей элиты, представляя перед короной интересы фрименской верхушки городской общины, в то же время служили проводниками политики короля, выступали своеобразным каналом связи между определенной частью столичного социума и королевской властью. И когда тот или иной король «приветствует наших горячо любимых / возлюбленных мэра, олдерменов и шерифов города Лондона», то это не только фигура речи, но и отражение реальной практики взаимоотношений между монархом и высшими должностными лицами столичного муниципалитета.

Королевская власть регулировала и регламентировала и такие, казалось бы, повседневные вопросы, как организация охраны города и наведение элементарного порядка в нем. В качестве подтверждения сказанного приведем фрагменты из источников XIV в. В послании Эдуарда II от 1312 г. предпри-

¹¹⁷ Election of William Walworth and Robert Gaytone as Sheriffs // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 345.

¹¹⁸ Insult offered in the Sheriff's Court // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 27–28.

сано, «чтобы наш город охранялся так надежно, насколько это возможно... чтобы все ворота были хорошо и прочно сделаны и отремонтированы... и закованы внутри и снаружи двойной цепью. И чтобы стены были починены во всех местах, где есть какие-либо дефекты, а рвы без стен хорошо обследованы и очищены, и углублены по всему городу, где есть необходимость. И чтобы барбаканы были хорошо и прочно сделаны и полностью отремонтированы. И чтобы все набережные, обращенные к Темзе ... и все переулки, ведущие к Темзе, были хорошо и надежно окованы цепями... и чтобы у каждого ворот города каждый день было по шесть человек, очень сильных, хорошо обученных и вооруженных, для наблюдения за входящими и выходящими... и чтобы каждую ночь все большие ворота закрывались специальными стражами до восхода солнца... и общая стража должна нести свою службу каждую ночь по всему упомянутому городу от заката до восхода солнца, и это должны быть хорошие люди, крепкие и хорошо вооруженные... и чтобы каждую ночь назначались одна или две сотни хорошо вооруженных людей, которые должны ходить по всему городу, чтобы поддерживать мир. И чтобы ночью на Темзе были две крепкие лодки с хорошо вооруженными людьми...»¹¹⁹. Конечно, король был обеспокоен состоянием и степенью защиты своей столицы в очень сложные для него времена, по сути, гражданской войны. Но в данном случае для нас важен характер взаимоотношений между монаршей властью и должностными лицами Лондона.

В этом смысле показателен и ответ мэра и олдерменов, который они направили Эдуарду II: «Принимая во внимание, сир, что вы потребовали от нас в своих письмах, чтобы мы обеспечили охрану и безопасность вашего упомянутого города ...

¹¹⁹ Letters of King Edward, sent to John de Gisorz, Mayor of London, the Aldermen, and the Commonalty, for the safe-keeping of the City in his behalf; and Ordinances made thereon // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 93.

согласно вашему мандату, [то] знайте, государь, что того же самого желаем и мы сами, и всегда желали, и всегда будем желать в меру наших законных сил, если Богу будет угодно...»¹²⁰.

Известно также, что 7 июля 1321 г. «Хэмо де Чигвел, мэр, и олдермены Лондона были вызваны, чтобы предстать перед нашим господином королем ... и его советом в Зеленой палате Вестминстера...», где «доложили о способах обеспечения безопасности города...», чтобы «жители вашего города, живущие торговлей и тем, что произведут ... могли безопасно входить в город и выходить из него, как и подобает мирным людям»¹²¹.

В «Королевском распоряжении об очистке улиц города и берегов Темзы», появившемся 29 августа 1357 г., во время правления Эдуарда III, читаем: «... проходя по водам Темзы, мы видели навоз, помои и другую грязь, скопившиеся в разных местах в упомянутом городе [Лондоне], на берегу реки [Темзы], а также заметили дым и другие отвратительные запахи, исходящие оттуда, от распространения которых, если допустить это, возникнет большая опасность как для людей, проживающих в указанном городе, так и для знати и других лиц... Мы, желая принять должные меры предосторожности против таких опасностей и сохранить честь и доброе имя того же города, насколько это возможно, приказываем вам [мэру и шерифам], чтобы вы привели в порядок берега упомянутой реки, а также улицы и переулки города и его пригороды; они должны быть очищены от навоза, мусора и другой грязи без промедления и содержаться в таком чистом виде...»¹²².

¹²⁰ Letters of King Edward, sent to John de Gisorz, Mayor of London, the Aldermen, and the Commonalty, for the safe-keeping of the City in his behalf; and Ordinances made thereon // Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419. P. 98.

¹²¹ The manner of the safe-keeping of the City, in the King's behalf // Ibid. P. 143–144.

¹²² Royal order for cleansing the streets of the City, and the banks of the Thames // Ibid. P. 295–296.

Понятна забота короля о своей столице. Но вызывает некоторое удивление то, что «отцы города» без монаршего указания не могли заняться решением проблем безопасности и санитарного состояния Лондона.

Весь приведенный выше материал конкретизирует и подтверждает устоявшийся в научной литературе тезис, что Лондон сумел добиться высшей степени муниципальной независимости, которая была мыслима в средневековой Англии, но он не стал полностью независимым от короны.

City self-government of Medieval London: principles of formation and functioning (XIII–XV Centuries)

Чернова Лариса Николаевна – д-р ист. наук, проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского; larisachernova@mail.ru.

Larisa N. Chernova – Doctor in History, Professor, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation; larisachernova@mail.ru.

Аннотация. В XIII–XV вв. активным участником социально-политического пространства в Англии становится городская община Лондона, выступающая как новый социальный субъект властных отношений. Городская община полноправных фрименов представляла собой социальный институт, состоявший исключительно из горожан, допущенных к пользованию городскими привилегиями, включая право участвовать в городском управлении и выборах должностных лиц города. Власть в городе находилась в руках олдерменов и избравшихся из их числа прочих официалов, в том числе высших – мэра и шерифов. Олдермены принадлежали к самой богатой и влиятельной части фрименов, входили в состав купеческой верхушки ливреи «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона. Отталкиваясь от принципа выборности, городские официалы должны были действовать от имени и по поручению сообщества горожан, в рамках делегированных им полномочий. Однако принцип

выборности имел ограничения, отражавшие противоречивость пространства власти в рассматриваемый период. При избрании олдерменов последнее и решающее слово фактически оставалось за самими олдерменами, которые на практике избирали мэра и шерифов. «Община» Лондона была отстранена от участия в выборах. Представители лондонской правящей элиты не только должны были представлять интересы фрименской верхушки городской общины, но и выступали своеобразным каналом связи между определенной частью столичного социума и королевской властью. Мэр и шерифы избирались горожанами, пусть и ограниченной их частью, и из числа горожан, но в то же время официально рассматривались как королевские чиновники.

Приведенный в статье материал конкретизирует и подтверждает устоявшийся в научной литературе тезис, что Лондон сумел добиться высшей степени муниципальной независимости в средневековой Англии, но он не стал полностью независимым от короны.

Ключевые слова: Лондон XIII–XV вв., городская община, фримены, городская власть, олдермены, мэр, шериф, электоральные принципы, королевская власть.

Abstract. In the 13th – 15th Centuries the city community of London becomes an active participant in the public socio-political space in England, acting as a new social subject of power relations. The city community of Freemen was a social institution consisting exclusively of citizens who were allowed to enjoy city privileges, including the right to participate in city government and the election of city officials. Municipal government was in the hands of the Aldermen and elected from among their other officials, including the highest – the Mayor and Sheriffs. The Aldermen constituted the wealthiest and most influential part of the Freemen, and they were part of the merchant top of the livery of the “Twelve Great Livery Companies” of London. The City officials had to act on behalf of the community of citizens within their delegated authority based on the principle of electability. However the principle of electability had limitations that reflected the contradictoriness of the space of authority in the period under review. In electing Aldermen the last and decisive word was actually left to the Aldermen themselves, who in practice elected the

Mayor and Sheriffs. The Community of London was removed from the election. Representatives of the London ruling elite not only had to represent the interests of the Freeman's upper class of the city community, but also acted as a kind of channel of the connection between a certain part of the capital's society and the Royal authority. The Mayor and Sheriffs were elected by the townspeople, though a limited part of them, and from among the townspeople, but at the same time they officially considered as Royal officials.

The presented in the article material concretizes and confirms the thesis established in the scientific literature that London managed to attain the highest degree of municipal independence in medieval England, but it did not become completely independent of the Crown.

Keywords: London of 13th – 15th Centuries, city community, freemen, city administration, Aldermen, Mayor, Sheriff, electoral principles, Royal authority.

Библиография

Источники

Beaven A.B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. London: E. Fisher and Co, 1913. Vol. 2. 374 p.

Beaven A.B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. London: E. Fisher and Co, 1908. Vol. 1. 458 p.

British Borough Charters, 1307–1660 / ed. by M. Weinbaum. Cambridge: Cambridge University Press, 1943. 241 p.

Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book I (1400–1422). London: John Edward Francis, 1909. 348 p.

Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharp. Letter-Book K (1422–1461). London: John Edward Francis, 1911. 530 p.

Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. /

ed. by R. Sharp. Letter-Book L (1461–1497). London: John Edward Francis, 1912. 424 p.

Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book F (1337–1352). London: John Edward Francis, 1904. 384 p.

Calendar of Letter-Books preserved among the archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall: in 11 vols. / ed. by R. Sharpe. Letter-Book G (1352–1374). London: John Edward Francis, 1905. 392 p.

Calendar of Wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A.D. 1258–1688: in 2 тт. / ed. by R. Sharpe. London: John Edward Francis, 1890. Pt. 2. 996 p.

Chronicles of London / ed. by C. L. Kingsford. Oxford: Clarendon Press, 1905. 368 p.

Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384–1425 / ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. Oxford: The Clarendon Press, 1931. P. 18–33.

English Historical Documents: in 10 vols. Vol. 3: 1189–1327 / ed. by H. Rothwell. London: Eyre & Spottiswoode, 1975. 1032 p.

English Historical Documents: in 10 vols. Vol. 4: 1327–1485 / ed. by A.R. Myers. London: Eyre and Spottiswoode, 1969. 1236 p.

Liber Albus, Liber Custumarum, et liber horn // Munimenta Gildhallae Londoniensis: in 2 vols. / ed. by Th. Riley. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1859. Vol. 1. Pts. 1–2. 817 p.

Memorials of London and London Life in the XIIIth, XIVth, XVth centuries. A.D. 1276–1419 / ed. by H. Riley. London: Longmans, Green, and Co., 1868. 800 p.

The Historical Charters and Constitutional Documents of the City of London / ed. by W. G. Birch. London: Whiting, 1887. 131 p.

William Gregory's Chronicle of London // The Historical Collections of a citizen of London in the fifteenth century / ed. by

J. Gairdner. Westminster: Printed for the Camden society, 1876. P. 57–239.

Исследования

Barron C.M. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200–1500. Oxford: Oxford University Press, 2004. 472 p.

Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain: in 3 vols. Vol. 1. 600–1540 / ed. by D.M. Palliser. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 395–440.

Berry Ch. The Margins of Late Medieval London, 1430–1540. London: University of London Press, 2022. 356 p.

Foster F. The politics of stability. A portrait of the Rulers in Elizabethan London. London: Royal Historical Society, 1977. 219 p.

Fox S. Londoners. London: Thames a. Hudson, Cop., 1987. 272 p.

Gray R. A History of London. London: Hutchinson, 1978. 352 p.

Hartrich E. Politics and the Urban Sector in Fifteenth-Century England, 1413–1471. Oxford: Oxford University Press, 2019. 288 p.

Keen M. English Society in the Later Middle Ages. 1348–1500. London: Macmillan, 1990. 581 p.

Lander J.R. Government and Community. England 1450–1509. London: Edward Arnold, 1980. 406 p.

Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / ed. by M. Carlin, J. T. Rosenthal. Kalamazoo: Western Michigan University, 2017. 626 p.

Mitchell R.J., Leys M.D.R. A History of London life. London; New York: Longman, 1958. 302 p.

Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. 408 p.

Sheppard F. London. A History. Oxford: Oxford University Press, 1998. 442 p.

The London Encyclopedia / ed. by B. Weinreb and Ch. Hibbert. London: Macmillan, 1984. 1029 p.

Thomas G.H. Town Government in the Sixteenth Century. Cambridge: George Allen & Unwin Ltd, 1933. 192 p.

Thrupp S. The Merchant Class of the Medieval London (1300–1500). Chicago: University of Chicago Press, 1948. 401 p.

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. (Из истории английского общества и государства XIII века). М.: Изд-во МГУ, 1960. 582 с.

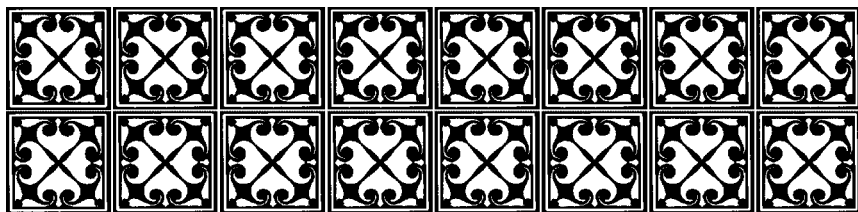
Мосолкина Т.В. Традиции самоуправления в городах Англии // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 185–194.

Репина Л.П. Лондон – столица и мегаполис // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. / отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 1999. Т. 1. С. 341–348.

Чернова Л.Н. Лондонский портной XV века Ральф Холланд и попытки реформирования городского управления // Британские исследования. М.: Аквилон, 2022. Вып. VII. С. 89–120.

Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.

Шайхутдинова Е.Н. Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XX – начала XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 60–61.

И. А. Фадеев

Религиозная политика Марии I Тюдор: религиозная реакция или творческая реконструкция?

Несмотря на успехи ревизионистской традиции английской историографии, которая, начиная с трудов Хильды Прескотт¹ и Кристофера Хэйга², внесла значительный вклад в переоценку значения правления Марии I Тюдор для политической, экономической и религиозной истории Англии середины XVI в., его оценка вигской историографической традицией – особенно ее патриархом Артуром Диккенсом³ – как «реакции» остается преобладающей в массовом сознании. Роли и месту марианской религиозной политики в контексте исследований «оспариваемой идентичности» Церкви Англии уделяется очень мало внимания и, несмотря на труды представителей ревизионистской историографии (особенно – Имона Даффи), ей не отведено хоть сколько-нибудь заметного места в таком авторитетном издании как «Оксфордская история

¹ *Prescott H.F.M.* A Spanish Tudor: The Life of “Bloody Mary”. New York: Columbia University Press. 1940.

² *Haigh C.* English Reformations. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 203–234.

³ *Dickens A.G.* The English Reformation. B.T. Bastfold Ltd., 1966. P. 259–282.

Англиканства». Так, ни в главе «Литургия и богослужение»⁴, ни в главе «Конфессиональная идентичность»⁵ первого из пяти томов – «Реформация и идентичность, ок. 1520–1603 гг.» – о ней нет ни слова. На нескольких страницах главы «Модели устройства: Церковь Англии, 1553–1603 гг.» дается очень сжатое изложение общеизвестных фактов и оценок оных⁶. Куда чаще, по совокупности, упоминаются «марианские изгнанники»⁷ и «марианские преследования/мученики»⁸. В данном очерке мы постараемся предложить иной взгляд на религиозную политику Марии I Тюдор в контексте проблемы идентичности английской реформированной церкви.

Консерватизм генриховой и радикализм эдвардианской реформы. После разрыва общения с Римом при Генрихе VIII в Церкви Англии не произошло каких-либо изменений ритуальной практики в наиболее важной для Церкви сфере – в Святой Мессе: сарумский обиход римского обряда и латынь как язык богослужения были сохранены, что, однако, произошло «за счет» пожертвования многими другими традиционными английскими литургическими традициями (Вестминстерской, Йоркской, Бангорской, Херефордской и т.д.).⁹ Наиболее важной для литургической жизни стала реформа текста покаянной и просительной по своему характеру литании всем святым 1544 года. Эта реформа была частью

⁴ *Spinks B.D.* Liturgy and Worship // Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Vol. I: Reformation and Identity, c. 1520–1622. Ed. by Anthony Milton. Oxford University Press, 2017. P. 148–167.

⁵ *Hampton S.* Confessional Identity // Oxford History of Anglicanism. Vol. I. P. 210–227.

⁶ *Marshall P.* Settlement Patterns: The Church of England, 1553–1603 // Oxford History of Anglicanism. Vol I. P. 46–48.

⁷ Oxford History of Anglicanism. Vol I. P. 47–48, 53, 105, 118, 159, 248, 299, 302, 326–328, 334, 353–354, 396, 420.

⁸ Oxford History of Anglicanism. Vol I. P. 47, 54, 302–305, 344, 354, 356, 398–399.

⁹ *Nichols A.* The Panther and the Hind. Edinburgh: T&T Clark, 1994. P. 11.

кампании против культа святых, инициированной Короной в 1536 году и включавшей как отмену «некоторых лишних святых дней», так и запрет «выставлять или прославлять какие-либо изображения, реликвии или чудеса» и «привлекать народ какими-либо соблазнами к паломничеству к какому-либо святому»¹⁰.

Значительные изменения произошли в правление Эдуарда VI. Первым шагом на пути литургических преобразований эдвардианского периода, главным архитектором которых стал архиепископ кентерберийский Томас Кранмер, был Акт парламента от 1547 года, требовавший, помимо прочего, причащения мирян под двумя видами¹¹. Литургически важным следствием это акта стало «Чинопоследование причастия» (*Order of the Communion*) 1548 года, в котором ясно прослеживается влияние лютеранского церковного чина архиепископа-курфюрста Кельнского Германа фон Вида (14 января 1477 – 15 августа 1552) *Simplex ac Pia Deliberatio*, составленного Мартином Бucerом и Филиппом Меланхтоном в 1543 году¹² и опубликованного на английском языке в 1547 году¹³. Данное чинопоследование причастия мирян представляло собой английскую вставку в латинский текст Мессы, который во всем остальном должен был оставаться неизменным, и следовало сразу за обрядом причастия священника.

Акт об единообразии от 21 января 1549 года определил первое издание *Книги общей молитвы*, вобравшей в себя многое из

¹⁰ The First Royal Injunctions of Henry VIII, A.D. 1536 // Documents Illustrative of English Church History. London: MacMillan and Co., 1914. P. 271.

¹¹ Act Against Revilers, and for Receiving in Both Kinds, A.D. 1547 (1 Edward VI, Cap. 1) // Documents Illustrative of English Church History. London: MacMillan and Co., 1914. P. 322–328.

¹² Order of the Communion, 1548. London: Harrison and Sons, 1908. P. 47–52; Bieritz K.-H. Liturgik. Berlin: Walter de Gruyter, 2011. S. 498; Jacobs H.E. The Lutheran Movement in England During the Reigns of Henry VIII and Edward VI and Its Literary Monuments. Philadelphia: G.W. Frederick, 1890. P. 224; Spinks B. Liturgy and Worship. P. 153.

¹³ Spinks B. Liturgy and Worship. P. 153.

литургического материала сарумского миссала и бревиария¹⁴, единственной законной формой богослужения в Англии, тем самым поставив католические литургические практики вне закона. Священники по всей Англии должны были совершать литургию лишь по данному служебнику начиная с праздника Пятидесятницы (9 июня) 1549 года¹⁵. Реформационный акцент на необходимости и важности проповеднической деятельности нашел свое выражение также в решении, согласно которому гомилии должны были произноситься в течение года каждое воскресенье из предписанного сборника, опубликованного в 1547 году и вошедшего в историю как «Первая книга гомилий»¹⁶. Однако уже тремя годами позже, с праздника Всех Святых (1 ноября 1552 года), вторая редакция *Книги общей молитвы*, которая значительно отличалась от первой, была введена в употребление новым Актом об единообразии¹⁷. Во второй версии *Книги общей молитвы* заметен не только фундаментальный отказ от традиционной структуры, унаследованной от католической Мессы, но и разрыв по линии текста целого ряда классических молитв, вошедших в римскую литургию в период поздней античности – раннего средневековья.

Творческая реконструкция Марии I Тюдор. 19 июля 1553 года английский престол заняла единственная дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария. Осенью того же года Парламент принял первый Акт об отмене, упразднив все эдвардианское законодательство, касавшееся религии. Согласно данному акту, с 20 декабря 1553 года восстанавливал-

¹⁴ Nichols A. The Panther and the Hind. P. 14; Bieritz K.-H. Liturgik. S. 502.

¹⁵ The First Edwardian Act of Uniformity, A.D. 1549 (2 & 3 Edward VI, cap. 1) // Documents Illustrative of English Church History. London: MacMillan and Co, 1914. P. 365.

¹⁶ The Two Books of Homilies Appointed to be Read in Churches. Oxford: At the University Press, 1859. P. 4–5.

¹⁷ The Second Edwardian Act of Uniformity, A.D. 1552 (5 & 6 Edward VI, cap. 1) // Documents Illustrative of English Church History. P. 369–372.

ся религиозный *status quo*, установившийся в последний год правления Генриха VIII (29 января 1546 – 28 января 1547)¹⁸. В частности, было возвращено использование сарумского миссала в Церкви Англии, с одной стороны, и литургический календарь (и ряд ритуальных практик) в той форме, которую он принял после отделения Церкви Англии от Рима¹⁹, с другой. В 1555 г. кардинал-легат Реджинальд Пул (12 марта 1500 – 17 ноября 1558) возобновил общение между Английской церковью и Святым Престолом, став последним архиепископом Кентерберийским в общении с римским понтификом.

Итак, две первые редакции *Книги общей молитвы* (1549 и 1552 г., соответственно) пробыли в официальном употреблении около четырех лет, что, очевидным образом, было недостаточно для формирования устойчивой идентитарной тенденции.

За пять лет правления королевы Марии привычная для англичан до-реформационная литургическая жизнь была осторожно и последовательно реконструирована. Кардинал Пул, который был одним из виднейших католических реформаторов в Италии, привез в Англию обновленное католичество – католичество сильной приходской системы, оснащенное новыми сборниками проповедей, катехизисами и часословами для обучения прихожан по всей стране, которые, в основной массе своей, оставались приверженными «старой религии»²⁰.

Правительство Марии I активно использовало книгопечатание для достижения своих целей. Как отмечает И. Даффи,

¹⁸ Mary's First Act of Repeal, A.D. 1553 (1 Mary, statute 2, cap. 2) // Documents Illustrative of English Church History. P. 379; Bowers R. The Chapel Royal, the First Edwardian Prayer Book, and Elizabeth' Settlement of Religion, 1559 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. No. 2. P. P. 323.

¹⁹ Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400 – c. 1580. New Haven; London: Yale University Press, 2005. P. 526; Bowers R. The Chapel Royal, the First Edwardian Prayer Book, and Elizabeth' Settlement of Religion, 1559. P. 323.

²⁰ Nichols A. The Panther and the Hind. P. 16.

в течение пяти лет свет увидело пять изданий миссала, восемь изданий процессионала, восемь изданий бревиария, а также тридцать четыре издания часослова для мирян²¹. Эти часословы публиковались либо на английском языке, либо на английском с параллельным латинским текстом²². Такое количество переизданий свидетельствует, во-первых, о высоком спросе на католические молитвословы, и, во-вторых, о приоритетах королевской власти этого периода.

Католическое литургическое возрождение сопровождалось значительной катехетической и проповеднической работой. Руководство марианской Церкви Англии во время легатского синода, проведенного под председательством Р. Пула в 1555–1556 годах, сделало обязательным регулярное проповедование в епархиях и приходах,²³ а также предписало создание сборника гомилий, «так как во многих церквях нет проповедников, [а также] чтобы люди не лишались необходимой пищи здравого вероучения по причине невежества настоятелей, викариев и других лиц, имеющих заботу о душах»²⁴. Данное

---

²¹ *Duffy E.* Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven, CT: Yale University Press, 2009. P. 59; *Spinks B.* The Rise and Fall of the Incomparable Liturgy: The Book of Common Prayer, 1559–1906. London: SPCK, 2017. P. 1.

²² The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum): with many godlye and devoute prayers, as in the contentes doth appeare. Whereunto is added a playne and godly treatise, concerning the Masse and the blessed Sacrament of the Aulter, for the instruccion of the unlearned and simple people. London: John Wayland, 1555; The primer in Englishe and Latine, set out along, after the use of Sarum: with many godlie and devoute praieris: as it apeareth in the table. London: John Kyngston, Henry Sutton, 1557.

²³ The Legatine Synod of 1555–1556: The legatine constitutions (10 February 1556) // Records of Convocation. Vol. VII. Canterbury 1509–1603. Ed. Gerald Bray. Woodbridge: The Boydell Press, 2005. P. 362–363; The Legatine Constitutions of Cardinal Pole, 1556 // The Anglican Canons 1529–1947. Ed. by G. Bray. Woodbridge: The Boydell Press, 1998. P. 100–103.

²⁴ The Legatine Synod of 1555–1556: The legatine constitutions (10 February 1556) // Records of Convocation. Vol. VII. Canterbury 1509–1603. P. 363–364;

решение синода находилось в очевидной преемственности с эдвардианской политикой, реализованной Т. Кранмером: создавая Первую книгу гомилий, он стремился к тому, чтобы «все викарии, какой бы ученостью они ни обладали, могли бы иметь благочестивые и плодотворные наставления в готовности к прочтению и провозглашению прихожанам для их поучения, наставления и утешения»²⁵.

1 июля 1555 года, священники Джон Харпсфилд (1516–1578) и Генрих Пендлтон (ум. 1557) опубликовали собрание гомилий, которое часто печаталось единым томом с «Полезным и необходимым вероучением»²⁶ – катехетическим сочинением, составленным в 1555 году для его епархии Эдмундом Боннером (ок. 1500 – 5 сентября 1569), епископом Лондонским (1539–1549, 1553–1559), и пережившим десять переизданий, свидетельствующих о высоком спросе на него²⁷. Данный труд представлял собой расширенную переработку «Необходимого учения и знания для каждого христианина»²⁸, более известного как «Королевская книга» и составленного комиссией под председательством епископа Винчестерского Стивена Гардинера (27 июля 1483 – 12 ноября 1555), который в 1543 году являлся секретарем Генриха VIII, а с 1553 по 1555 – лордом-канцлером Марии I²⁹. Цель данного сочинения – предоставить священникам готовый вероучительный материал, содержащий подробное обсуждение и цитирование библейских и патристических

The Legatine Constitutions of Cardinal Pole, 1556 // *The Anglican Canons 1529–1947*. P. 104–105.

²⁵ The Two Books of Homilies appointed to be read in churches. Oxford: Oxford University Press, 1859. P. 4; *Duffy E.* The Stripping of the Altars. P. 530.

²⁶ A profitable and necessarye doctrine, with certayne homelies adioyned therunto. London: Imprinted in London in Poules churchyarde, at the sygne of the holy Ghost, by Ihon Cawodde, 1555. (unpaginated)

²⁷ *Duffy E.* Fires of Faith. P. 60.

²⁸ A necessary doctrine and erudition for any Christen man. London: Thomas Barthelet, 1543.

²⁹ *Duffy E.* Fires of Faith. P. 65.

источников, необходимый как для их проповеднической деятельности и просветительской работы среди прихожан, так и для полемики со сторонниками радикальной реформы³⁰. В 1556 году кардинал Р. Пул предписал каждому приходскому священнику в Англии приобрести данный том и использовать именно его в своей проповеднической деятельности, читая гомилии публично с кафедры каждую неделю³¹. При этом не только само издание «Гомилий» по распоряжению легатского синода было свидетельством преемственности с религиозной политикой Эдуарда VI, но и содержание, например второй и пятой гомилий, написанных Харпсфилдом и Боннером соответственно³², представляет собой незначительно откорректированные тексты одноименных проповедей из Первой книги гомилий³³.

Сказанное позволяет заключить, что марианские правительство и церковная иерархия обладали реалистичным набором целей, подкрепленным обоснованной оценкой влияния реформы на население страны: «Отнюдь не следуя программе слепой реакции, правительство Марии последовательно стремилось содействовать утверждению той версии традиционного католичества, которая вобрала в себя все, что они считали положительным в эдвардианской и генриховой реформах, и которая малозаметно, но вполне определенно отличалась от католичества 1520-х годов. Его программа была не реакцией, а творческой реконструкцией, и оно не отбрасывало всего того, что было сделано с 1534 года»³⁴.

³⁰ *Duffy E.* Fires of Faith. P. 65.

³¹ *Duffy E.* The Stripping of the Altars. P. 525; *Duffy E.* The Voices of Morebath: Reformation and Rebellion in an English Village. New Haven – London: Yale University Press, 2003. P. 167; *Duffy E.* Fires of Faith. P. 59, 65.

³² «О ничтожестве всего человечества и об осуждении на вечную смерть его собственным грехом» и «О христианской любви и милосердии». См.: A profitable and necessary doctrine, with certayne homelies adioyned therunto. (unpaginated).

³³ The Two Books of Homilies. P. 16–23, 66–72.

³⁴ *Duffy E.* The Stripping of the Altars. P. 525–526.

Такая продуманная программа реставрации и развития традиционной религии в Английском королевстве,³⁵ на наш взгляд, демонстрирует неоправданность и тенденциозность в описании оной как «отсталой», «лишенной воображения», «склонной к репрессиям и слабой в убеждении»³⁶ «католической реакции»³⁷. Не была марианская церковь лишена «практического лидерства» и «чувства возможного в реальном мире, которое всегда оказывалось более полезным в английских делах, чем высокие принципы и строгая логика, основанная на узких предпосылках», на чем настаивал патриарх вигской историографической традиции А.Г. Диккенс³⁸. Визитации 1557 года показали, «до какой поразительной степени опустошение, совершенное эдвардианским режимом, было исправлено, а также насколько большие усилия прикладывались клиром, церковными старостами и прихожанами для восстановления ритуальной и сакраментальной структуры традиционной религии».³⁹

Данная программа католической реконструкции проводилась в жизнь не только активной работой в области распространения и укоренения ортодоксального католического вероучения, основанного на библейских и патристических источниках, свидетельством чему является как проект нового перевода Нового Завета на английский язык, инициированный легатским синодом под председательством кардинала Р. Пула,⁴⁰ так и ранее упомянутые труды Э. Боннера,

³⁵ Pogson R.H. Revival and Reform in Mary Tudor's Church: A Question of Money // The English Reformation Revised. Ed. C. Haigh. Cambridge University Press, 1987. P. 140.

³⁶ Duffy E. Fires of Faith. P. 1.

³⁷ История религии. В 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2002. С. 400.

³⁸ Dickens A.G. The English Reformation. P. 282.

³⁹ Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 526.

⁴⁰ The Legatine Synod of 1555–1556: Session 4 (Monday 16 December 1555). Session 5 (Friday 20 December 1555) // Records of Convocation. Vol. VII. Canterbury 1509–1603. P. 345; Dixon R. History of the Church of England. In 6 vols. Vol. IV. Mary. – A.D. 1533–1558. London: George Routledge and Sons, 1891. P. 457.

Дж. Харпсфилда и Г. Пендлтона, которые не только обильно цитировали Писание, но и обращались к текстам отцов церкви, греческим, не менее, чем к латинским⁴¹.

Особое внимание уделялось религиозному ритуалу как основному инструменту восстановления традиционной религии. Для марианской церкви **ритуализм** не являлся чем-то оторванным от проповеднической и просветительской деятельности. Епископ Э. Боннер в своих наказах (*injunctions*) клиру лондонской епархии требовал, чтобы священники, «наставляя людей, точно и тщательно излагали истинное значение церемоний Церкви»⁴². Для Р. Пула церковный ритуал был частью церковного служения, направленного, помимо прочего, на просвещение верных, так как «с соблюдения церемоний начинается само обучение детей Божиих (*the very education of the chylderne of God*), как старый закон [*the olde lawe* т. е. Ветхий Завет – И.Ф.], полный церемоний, которые св. Павел называет *pedagogiam in Christum*, демонстрирует»⁴³. Поэтому в одном лишь диоцезе Лондона клирикам предписывалось четыре раза в год проповедовать «о значении и подлинном смысле... достохвальных и благочестивых церемоний, с древних времен использовавшихся в сей Церкви Англии...»⁴⁴.

⁴¹ Так, в основание гомилии «Об искуплении человека» положено греческое патристическое богословие, раскрывающее достоинство человеческой природы, облагороженной Воплощением. (*Duffy E. Fires of Faith. P. 67.*)

⁴² Bonner's Injunctions for London Diocese. 1555. // Visitation Articles and Injunctions of the period of the Reformation. In 3 vols. Vol. II, 1536–1558. London: Longmans, Green & Co., 1910. P. 361.

⁴³ *Strype J. Ecclesiastical Memorials, relating chiefly to Religion, and the Reformation of it, and the emergencies of the Church of England, under King Henry VIII. King Edward VI. And Queen Mary I. Vol. III. Pr. II. Oxford: Clarendon Press, 1822. P. 502.*

⁴⁴ Bonner's Injunctions for London Diocese. 1555. P. 362. И. Даффи отмечает, что прецедент подобному объяснению смысла церковного ритуала можно обнаружить еще в 1540-х годах, когда, например, клирикам Донкастера предписывалось каждое воскресенье объяснять, отчетливо и понятным языком, например, значение окропления святой водой, символизм евхаристического хлеба и оскулатория. (*Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 533;*

Старания правительства принесли свои заметные плоды, многие из которых проявляли себя даже по прошествии первой декады правления Елизаветы I Тюдор (17 ноября 1558 – 24 марта 1603). Д. Паллисер отмечает, например, что епископские визитации 1567 года в Йорке и 1569 года в Чичестере выявили высокий уровень выживания католического ритуала⁴⁵. В 1570 году северные диоцезы демонстрировали высокий уровень ритуального консерватизма,⁴⁶ что вызывало беспокойство архиепископа Йоркского Эдмуда Гриндала (1519 – 6 июля 1583), писавшего государственному секретарю Уильяму Сесию (13 сентября 1520 – 4 августа 1598), что «среди народа существует много остатков старой [религии]»⁴⁷. Тексты многих завещаний также свидетельствуют о сохранении традиционных ритуальных практик: так, в 1559 году Ричард Руссел из города Льюис в своем завещании просит о заупокойных Мессе и Утрене (*dirige, dirge*),⁴⁸ а в 1582, 1583 и 1585 годах встречаются образцы завещаний, авторы которых вверяют свои души Богу, Деве Марии и святым⁴⁹.

Заключение

Подводя итог нашему очерку, мы полагаем возможным утверждать, что правление Марии I и проводимая ею и кардиналом Реджинальдом Пулом религиозная политика демонстрирует черты не «религиозной реакции», но являет собой связующее звено между реформами Генриха VIII и Эдуарда VI,

---

Royal Injunctions for Doncaster. 1548. // Visitation Articles and Injunctions of the period of the Reformation. Vol. II, 1536–1558. P. 172.)

⁴⁵ Palliser D.M. Popular reactions to the Reformation // English Reformation Revised. Ed. C. Haigh. Cambridge University Press, 1987. P. 103.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ The Remains of Edmund Grindal, D.D. successively Bishop of London and Archbishop of York and Canterbury. Cambridge: Cambridge University Press, 1843. P. 325.

⁴⁸ Duffy E. The Stripping of the Altars. P. 564.

⁴⁹ Palliser D.M. Popular reactions to the Reformation. P. 103.

с одной стороны, и «елизаветинским религиозным устройением», с другой, в силу той преемственности, которую мы наблюдаем между генриховой и эдвардианской реформами и марианской реконструкцией. «Религиозное устройство», реализованное в период правления последней королевы из династии Тюдоров, будет демонстрировать склонность Елизаветы к консервативному компромиссу и стремлением взять лучшее из религиозных программ ее отца, брата и сестры. Переоценка религиозной политики марианского правительства и ее истории в этом ключе, на наш взгляд, открывает новые исследовательские возможности.

Mary I Tudor's Religious Policy: Religious Reaction or Creative Reconstruction?

Фадеев Иван Андреевич – к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН.

Fadeyev Ivan – Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Аннотация. В настоящем эссе автор делает попытку переоценки места и роли религиозной политики Марии I Тюдор в истории английской реформации. Он рассматривает ряд составных элементов данной политики (книгопечатание, проповедническая программа, ритуализм), целью которой была творческая реконструкция религиозного ландшафта Англии, а не традиционно приписываемая первой королеве из тюдоровской династии «религиозная реакция». Более того, автор полагает, что марианская реконструкция является связующим звеном между конфессиональной политикой Генриха VIII и Эдуарда VI, с одной стороны, и религиозной программой Елизаветы I, вошедшей в историю как «елизаветинское религиозное примирение», с другой.

Ключевые слова: Англия, шестнадцатый век, реформация, Мария I Тюдор, Реджинальд Пул, ритуал, месса, гомилии, конфессиональная идентичность.

Abstract. In this essay the author attempts to reassess the place and role of Mary I Tudor's religious policy in the history of the English Reformation. He examines a number of the constituent elements of this policy (book printing, preaching programme, ritualism), whose aim was to creatively reconstruct the religious landscape of England, rather than the "religious reaction" traditionally attributed to the first Tudor Queen. Furthermore, the author suggests that the Marian reconstruction is a link between the confessional policies of both Henry VIII and Edward VI on the one hand, and the religious agenda of Elizabeth I, which has gone down in history as the 'Elizabethan Religious Settlement', on the other.

Keywords: England, Sixteenth Century, Reformation, Mary I Tudor, Reginald Pole, Ritual, Mass, Homilies, Confessional Identity.

Список литературы / References

- История религии. В 2 т. Т. 2. М.: Высш. шк., 2002.
- The Anglican Canons 1529–1947. Ed. by G. Bray. Woodbridge: The Boydell Press, 1998.
- Bieritz K.-H.* Liturgik. Berlin: Walter de Gruyter, 2011.
- Bowers R.* The Chapel Royal, the First Edwardian Prayer Book, and Elizabeth' Settlement of Religion, 1559 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43. No. 2. P. 317–344.
- Dickens A.G.* The English Reformation. B.T. Bastfold Ltd., 1966.
- Dixon R.* History of the Church of England. In 6 vols. Vol. IV. Mary. – A.D. 1533–1558. London: George Routledge and Sons, 1891.
- Documents Illustrative of English Church History. London: MacMillan and Co., 1914.
- Duffy E.* Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven, CT: Yale University Press, 2009.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400 – c. 1580. New Haven; London: Yale University Press, 2005.
- Duffy E.* The Voices of Morebath. New Haven; London: Yale University Press, 2003.

English Reformation Revised. Ed. C. Haigh. Cambridge University Press, 1993.

Haigh C. English Reformations. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Jacobs H.E. The Lutheran Movement in England During the Reigns of Henry VIII and Edward VI and Its Literary Monuments. Philadelphia: G.W. Frederick, 1890.

A necessary doctrine and erudition for any Christen man. London: Thomas Barthelet, 1543.

Nichols A. The Panther and the Hind. Edinburgh: T&T Clark, 1994.

Order of the Communion, 1548. London: Harrison and Sons, 1908.

Oxford History of Anglicanism. In 5 vols. Vol. I: Reformation and Identity, c. 1520–1622. Ed. by Anthony Milton. Oxford University Press, 2017.

Prescott H.F.M. A Spanish Tudor: The Life of “Bloody Mary”. New York: Columbia University Press. 1940

The primer in Englishe and Latine, set out along, after the use of Sarum: with many godlie and devoute praiers: as it apeareth in the table. London: John Kyngston, Henry Sutton, 1557.

The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum): with many godlye and devoute prayers, as in the contentes doth appeare. Whereunto is added a playne and godly treatise, concerning the Masse and the blessed Sacrament of the Aulter, for the instruction of the unlearned and simple people. London: John Wayland, 1555.

A profitable and necessarye doctrine, with certayne homelies adioyned therunto. London: Imprinted in London in Poules churcheyarde, at the sygne of the holy Ghost, by Ihon Cawodde, 1555. (unpaginated)

Records of Convocation. Vol. VII. Canterbury, 1509–1603. Ed. Gerald Bray. Woodbridge: The Boydell Press, 2005.

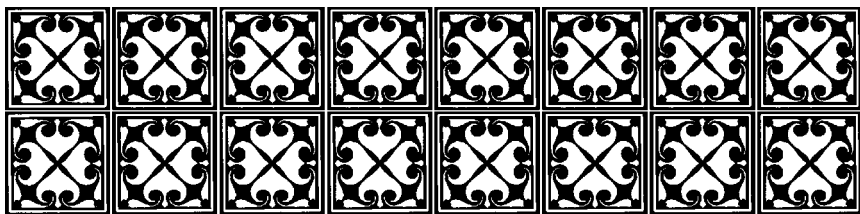
The Remains of Edmund Grindal, D.D. successively Bishop of London and Archbishop of York and Canterbury. Cambridge: Cambridge University Press, 1843.

Spinks B. The Rise and Fall of the Incomparable Liturgy: The Book of Common Prayer, 1559–1906. London: SPCK, 2017.

Strype J. Ecclesiastical Memorials, relating chiefly to Religion, and the Reformation of it, and the emergencies of the Church of England, under King Henry VIII. King Edward VI. And Queen Mary I. In 3 vols. I. Oxford: Clarendon Press, 1822.

The Two Books of Homilies Appointed to be Read in Churches. Oxford: At the University Press, 1859.

Visitation Articles and Injunctions of the period of the Reformation. In 3 vols. London: Longmans, Green & Co., 1910.

А. А. Паламарчук

Локальные хорографии и проблематика композиционной монархии в Англии раннего Нового времени

Дискуссия о явлении композиционности и его пределах, начатая в российском научном сообществе С.Е. Федоровым на заседании группы «Власть и общество» в 2002 г., оказалась исключительно продуктивной, позволив не только разработать материал, касающийся обширных исследовательских областей, таких, как династическое строительство в условиях композиционной монархии¹, взаимодействия универалистского и партикуляристского дискурсов², реактуализация этногенетических мифов в пространстве «Британского мира»³

---

¹ Итоги исследований С.Е. Федорова по данной теме изложены в монографии *Федоров С.Е.* Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб.: Алетей, 2018. 270 с.

² Среди работ на эту тему см.: *Федоров С. Е.* Универсализм vs. этноцентризм: империя и монархии к исходу Средних веков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 176–189; *Федоров С. Е.* «Restored to the whole Empire & name of Great Britaigne»: Композиционная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: Наука, 2011. С. 202–225; *Федоров С. Е.* Власть как публичный процесс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 1 (111); *Федоров С. Е.* Логика L'état Moderne // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 10 (96).

³ *Федоров С. Е.* Рождение легенды о британском Константине // Исто-

и т.д. Недавние дискуссии, нашедшие отражение в статье, посвященной верховной власти и этнокультурным процессам в раннестюартовской Британии⁴, побуждают обратиться к осмыслению того, в какой степени явление композитарности (в значительной степени скорректированное по сравнению с изначальным пониманием композитов Кенигсбергером и Эллиоттом) применимо к реалиям английского королевства в период, предшествовавший унии корон 1603 г. Как известно, для изучения «композитарной» проблематики, прежде всего в ее связи с формированием протонациональных идентичностей, первостепенное значение имеют хореографии, создававшиеся антиквариями тюдоровского и раннестюартовского периода – Лиландом и Кемденом, в трудах которых современники открывали для себя и постигали пространство великой Британии, целое, сотканное из частей⁵. Однако партикуляристский дискурс, определявший аналитический подход интеллектуалов к рассмотрению тех явлений, которые для средневекового мышления представляли завершенную, а потому неделимую целостность, побуждал антиквариюв проецировать его на само «ядро» композитарной монархии – королевство Англии.

Долгое время тексты, которые были написаны авторами, либо напрямую связанными с деятельностью Антикварного общества, либо воспринявшими критические методы антикварной школы, но при этом своим происхождением или должностными обязанностями связанными с английской перифе-

---

рия Британии: Современные исследования / отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 47–58; Федоров С. Е. «Британская» история Уильяма Кемдена // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2016. Т. 7. Выпуск 2 (46).

⁴ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. Выпуск 5. С. 34–45.

⁵ Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021.

рией, оставались вне исследовательского поля. Подчеркну, что в данном очерке речь пойдет не о тех нарративах, которые создавались на широко понимаемой «кельтской периферии» – то есть в Шотландии, Ирландии и Уэльсе, регионах с яркой и самобытной традицией антикварного историописания, а именно о периферии английского королевства. Появление обширного ряда так называемых локально ориентированных антикварных текстов и хорографий отражало сохранявшуюся к рубежу XVI–XVII столетий внутреннюю неоднородность английского королевства, которая для локальных элит и выражавших их запрос интеллектуалов представлялась настолько значимой, что требовала выражения и осмысления в антикварных трактатах. Тексты, о которых речь пойдет ниже, были ориентированы не на внутреннюю аудиторию локальных сообществ, а на аудиторию внешнюю – интеллектуалов Лондона и всех заинтересованных англичан. Практически во всех локально ориентированных хорографиях встречаются устойчивые элементы: указание на периферийное положение той или иной автономии; локальный этногенетический миф; сведения, позволяющие совершить интеллектуальную спецификацию конкретной локальной автономии (хорография, описание законов, нравов и т.д.). Можно было бы заключить, что локально ориентированные хорографии воспроизводили на более «низовом» уровне описательные структуры, определенные в хорографиях «общebritанских». Однако более интересным видится предположение о том, что формирование протонациональных и национальных идентичностей шло параллельно с поиском локальными сообществами – как правило, восходившими к этнокультурным регионам раннего Средневековья – таких форм выражения собственной идентичности, которые находились бы в созвучии с композитарным способом организации государства на разных уровнях его существования.

Самый ранний и, несомненно, самый известный из локально ориентированных нарративов, первый образец «истории

графства» – «Путешествие по Кенту»⁶ Уильяма Ламбарда – стал своего рода архетипом для всех последующих текстов данного жанра. Представления Ламбарда о композитарной природе английской монархии опирались на реактуализированную им для английского интеллектуального дискурса концепцию Гептархии, или семи германских королевств, постепенная интеграция которых открыла путь для становления королевства Англия. Впервые концепция «семикоролевья», значительно упрощавшая реальный этнополитический ландшафт Британии в период после германской экспансии,⁷ была представлена в Хронике Генриха Хантингтонского⁸; после публикации хорографии Ламбарда идея Гептархии приобретет новое звучание в контексте построения композитарной державы Стюартов и будет последовательно развиваться антиквариями – приверженцами идей англосаксонизма, Селденом и особенно Генри Спелманом⁹.

Однако для Ламбарда, который значительную часть своей карьеры посвятил земле Кента, став мировым судьей графства и, по меткому выражению М. Целла, «кентцем по усыновле-

⁶ *Lambarde W. The Perambulation of Kent: Containing the Description, Hystorie, and Customes of That Shyre ... Imprinted in London, 1576.*

⁷ Так, «Племенная опись» («Tribal hidage») — документ, составленный между VII и IX веками, — включает перечисление 35 германских и бриттских этнотерриториальных образований с соответствующими объемами занимаемых земель.

⁸ *The Chronicle of Henry of Hintingdon. Comprising the History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry II / Ed. and transl. by Th. Forrester. London, 1853. See Book 2. AD 685. P. 64–65.*

⁹ *Goffart W. The First Venue into "Medieval Geography": Lambarde's Map of the Saxon Heptarchy // Alfred the Wise: Studies in Honor of Janet Bateley / Ed. by J. Roberts et al. Cambridge, 1997. P. 53–60.* О проблеме Гептархии в средневековом историописании см. p. 55 прим. 10. Также см.: *Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England. Lawrence Nowell, William Lambarde and the Study of Old English. Cambridge, 2012; Grant R. J. S. Laurence Nowell, William Lambarde and the Laws of Anglo-Saxons. Amsterdam; Atlanta, 1996.*

нию»¹⁰, Гептархия была призвана стать тем общебританским ракурсом, в пределах которого нарратив приобретает конкретную локальную направленность. «Путешествие по Кенту» открывается репрезентацией изначальной сложности британского этнического и потестарного ландшафта (в издании 1576 г. текст предваряется визуализацией этой сложности – картой Британии с указаниями англосаксонских названий королевств). Семь королевств и владения их соседей – скоттов, пиктов, бриттов, франков указывали на разнообразие законов и обычаев.

Ламбард пишет: «Так как, следовательно, каждая страна имеет собственные законы, обычаи и жизненный уклад, нет сомнений, что народы, собранные из многих племен, имели разнообразные правила, порядки и установления (*institutes*). Сегодня самые известных из них те, которые наши древние авторы называли датским правом, уэссекским правом, и мерсийским правом, первое из которых принесли даны, второе использовали западные саксы, а третье бытовало в королевстве Мерсия»¹¹.

Как известно, Кент расположен на юго-восточной части британского побережья; Ламбард представляет его не в качестве периферии, но, в соответствии с традицией, которая была определена еще Цезарем, а позднее – Бедой Достопочтенным – в качестве врат английской земли, пограничного региона, лежащего между очередной волной завоевателей и остальными землями Британского острова¹². «Цезарь и другие древние писатели называли его *Cancium* и *Cancia* на латыни; именование, происходящее либо от *Cainc* (слова из языка бриттов, которых встретил Цезарь, прибыв сюда), что озна-

¹⁰ Early Modern Kent, 1540–1640 / Ed. by M. Zell. Woodbridge, 2000. Introduction. P. 3.

¹¹ Lambard W. The Perambulation of Kent ... P. 5.

¹² Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England... P. 138 et al.

чает сучья, или леса ... либо от Cant, или Canton, что значит угол или оконечность (Angle or Corner) земли»¹³. Показательна и предлагаемая Ламбардом версия первого заселения Англии. Он полностью игнорирует хорошо известный гальфридианский миф о гигантах, населявших Британию до прихода туда Брута, и предлагает «самотский» вариант, который подчеркивал наличие общих кельтских корней народов, населявших Галлию и «Кантию». «Могу сделать заключение, что Кент был первой заселенной частью наших земель ... Самот начал править этой державой почти 150 лет после того, как прибыл в ту часть Франции, которая называется кельтской и насадил свой народ там; что может быть более правдоподобным, чем то, что из Франции он пришел в Кент?»¹⁴ Сам же Кент представлен как община, которая изначально обладала сложной внутренней структурой (четыре короля Кента до-римского периода, упомянутые Цезарем), однако после прихода германцев трансформировавшаяся в монолитное королевство. Последовательность из семнадцати кентских королей, открывающаяся Хенгистом и завершающаяся Бальдредом хронологически ограничена интеграцией с «английским» королевством Эгберта. Однако все административные и правовые нововведения, навязанные Кенту королями Уэссекса (создание шайров, латов и сотен) не смогли уничтожить сущностный элемент кентской правовой самобытности – гавелькайнд. Наконец, автономию Кента подтвердил Вильгельм Завоеватель, «из рук которого народ Кента с великой честью получил право впредь придерживаться своих древних обычаев, несмотря на то, что все остальное королевство претерпело изменения и перемены»¹⁵.

Финальная часть «Путешествия» выходит за рамки стандартной хорографической схемы и превращается в историко-правовой трактат о гавелькайнде. Гавелькайнд – обычай

---

¹³ *Lambard W.* The Perambulation of Kent ...P. 7.

¹⁴ *Ibid.* P. 14.

¹⁵ *Ibid.* P. 22.

разделения земельного держания между всеми наследниками мужского пола¹⁶ (в отличие от права майората в общем праве), который, с точки зрения Ламбарда, являлся наиболее самобытной кентской практикой. Ламбард подчеркивает, что гавелькайнд является институтом, прочно укорененным в древнегерманском обществе; он успешно прошел поворотный рубеж нормандского завоевания и преодолажает, по мнению антиквария, определять кентский образ жизни. По мысли Ламбарда, которую он развивал во всех своих сочинениях, право и обычай определяют облик общины: именно поэтому он предпочитает «нисходить к объяснению сути обычаев, не перечисляя их в том порядке, в каком они изложены в трак- тате, но раскрывая их согласно тому, предмету, которого они касаются: самой ли земли, или персон, о которых я упомяну, то есть сеньора и держателя, мужа и жены, ребенка и опекуна ... и так, прибавляя некоторые частные детали, доведу дело до конца»¹⁷. Парадоксальным образом, сравнение гавелькайнда с общим правом было необходимо, чтобы продемонстрировать уникальный характер кентских традиций, в то время как королевские хартии, парламентские акты и другие правовые тексты включались Ламбардом, дабы представить королевскую власть в качестве гаранта континуитета и должного регулирования гавелькайнда в структуре постнормандского королевства Англии.

Несмотря на то, что свое «Путешествие по Кенту» Ламбард писал задолго до Унии корон, существование и описание «кентского обычая», бытовавшего и применявшегося в пределах Англии, открывало путь для обоснования идеи параллельного сосуществования разнообразия правовых систем и практик как в границах одного королевства, так, позднее, и в пространстве композитарной монархии при Стюартах.

¹⁶ Zell M. Landholding and the Land Market in the Early Modern Kent // *Early Modern Kent, 1540–1640* / Ed. by M. Zell. Woodbridge, 2000. P. 40.

¹⁷ *Lambard W. The Perambulation of Kent ...* P. 390–391.

В трактате «Eirenarcha»¹⁸ Ламбард более четко формулирует данную мысль: роль верховной власти состоит в том, чтобы при необходимости корректировать практики общего права и применение локальных обычаев. Сосуществование общего права, гражданского права и права справедливости с обычаями графств, представленными в книге Ламбарда кентским гавелькайндом («the Custom of Kent») представляло собой модель, структурно аналогичную композитарному принципу организации государства. Р. Бракманн полагал, что в своем описании Кента Ламбард стремился изобразить идеальное графство, Англию в миниатюре¹⁹, и это, безусловно, одна из возможных трактовок данного текста; однако важно подчеркнуть, что Кент предстает перед читателями в качестве специфической общности с четко определенными границами, которые являются одновременно территориальными (пространственно определенными извне) и семантическими (определяемыми изнутри областью применения локального обычая). Процесс создания полного хорографического описания английского королевства, по мысли Ламбарда, можно было бы сравнить с созданием мозаичной картины из отдельных частиц: «В каждом из графств кто-то мог бы осуществить этот труд ради своей страны, чтобы в конце, объединив наши перья и соединив наш труд подобно символу²⁰, мы сумели путем сложения многих частей и сочинений выстроить полный и совершенный корпус и книгу наших английских древностей»²¹.

¹⁸ *Lambarde W. Eirenarcha, or, of the Office of the Justices of Peace. London: Printed for the Company of Stationers, 1619. See also: Williams I. Developing a prerogative Theory for the Authority of the Chancery // Law and Authority in British Legal History, 1200–1900 / Ed. by M. Godfrey. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 33–60.*

¹⁹ *Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England... P. 136.*

²⁰ Речь идет об античном значении слова «символ» – таблички или монеты, разламывавшейся надвое, и служившей для идентификации посвященных в таинства или торговых партнеров.

²¹ *Lambard W. The Perambulation of Kent ... P. 387.*

Дж. М. Адриан²² предложил оригинальную и конструктивную трактовку «Путешествия по Кенту» как текста, выстроенного вокруг идеи порядка. Бесспорно, сочинение Ламбарда – один из важных шагов по направлению к выработанной антиквариями XVII столетия модели описания английского как совокупности всех существующих титулов и достоинств, которые в результате составляли уже не феодальное держание короля Англии, но общину королевства, «community of the Realm», власть над которой король осуществляет не как сюзерен, но как суверен. Позднее, при первых Стюартах, в английском интеллектуальном поле появятся многочисленные описания знатного сообщества как иерархии «порядков»; подобные описания будут интегрироваться в геральдические и правовые трактаты в качестве структурообразующего принципа нарратива, а поддержание иерархического порядка в соответствии с инсулярной традицией воспринималось авторами в качестве одной из главных миссий верховной власти. В «Титулах достоинства» Джона Селдена иерархия достоинств и знатных титулов как таковая была представлена в качестве универсального явления, возникшего еще в древних монархиях библейского Востока; в современном мире, по убеждению автора, это явление существовало в многообразии региональных вариаций, что открывало перед антикварием путь к сопоставлению «порядков» в европейских монархиях и давало возможность продемонстрировать превосходство английской «конституции». Однако Ламбард, структурировавший описание кентской знати в соответствии с рамистской схемой, еще не абстрагировал титул или достоинство от его конкретного обладателя; кроме того, в его цели не входило встраивание кентской знати в общую картину знати английского королев-

²² *Adrian J.M. Tudor Centralization and Gentry Visions of Local Order in Lambard's «Perambulation of Kent» // English Literary Renaissance. 2006, Vol. 36, No. 3. P. 307–334.*

ства. «Собирание» кентской знати строилось им исключительно в пределах однозначно очерченных территориальных границ данного графства.

Один из самых показательных примеров локально ориентированных хорографий раннего Нового времени – «Описание Корнуолла», принадлежащее перу Ричарда Керью. Керью родился в знатной корнуольской семье около 1555 г., получил образование в Оксфорде, где познакомился с Уильямом Кемденом, и под его непосредственным влиянием присоединился к деятельности Антикварного общества, а позднее занял должность Главного шерифа Корнуолла. В своей хорографии, опубликованной в 1602 г.²³ с посвящением Уолтеру Рэли, лорду-хранителю станнариев, генеральному лейтенанту Корнуолла с 1585 он предлагает корнуоллориентированную версию первого заселения Британии. Повествование Керью, в некоторых аспектах следовавшее «Британии» Кемдена, развивало и совершенствовало локально ориентированную нарративную схему, предложенную Ламбардом.

Сочинение Керью отчетливо демонстрирует характерную для «локальных» хорографий модель адаптации для авторских целей и соответствующей интерпретации этногенетических мифов двух уровней: локального и общеанглийского. Согласно тексту Керью, существует три версии возникновения топонима «Корнуолл». Первые две версии характеризуют его географическое положение: либо как производное от «Cornu Galliae, то есть от рога, или выступа Франции», либо от «Cornu Walliae, что, по моему мнению, наиболее правдоподобно»²⁴. Третья версия – этногенетическая: Корнуолл получил свое название от Коринея, кузена Брута Троянского: «Этот Кориней прибыл из Трои с Брутом, высадился в Плимуте, сразился с ги-

---

²³ Carew R. The Survey of Cornwall. London, 1602.

²⁴ Carew R. The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. With the Life of the Author. London, 1769. P. 1–2.

гантом Гог-Магогом, низверг его в море и в награду за свою мощь получил эту страну».²⁵

Данный краткий фрагмент был призван вызывать у современников Керью хорошо известные исторические ассоциации. Описание эпической битвы Кориней с Гогмагогом восходит к тексту Гальфрида Монмутского. В «Истории королей Британии» (кн. 1, 17–21)²⁶ Кориней приходит в Британию вместе с Брутом после длительной войны в Галлии, и затем сражается с гигантами. Мы видим, как Кориней на локальном уровне повторяет схему действий Брута: «Наконец, Брут по собственному имени нарекает его Британией, а своих сотоварищей бриттами; ведь ему хотелось в этих названиях запечатлеть навсегда свое имя. Отсюда и язык народа, который прежде прозывался троянским или исковерканным греческим, впоследствии стал именоваться бриттским. Что касается Кориней, то ту долю королевства, которую ему даровал жребий, он назвал по собственному своему имени Коринеей, последовав в этом примеру вождя, а свой народ коринейским». (Кн. 1, 21). Гальфрид указывает на Плимут как на место победы Кориней над гигантом²⁷.

В Хронике Холиншеда версия победы над Гогмагогом изложена схожим образом, однако с иной локализацией. «Он одержал верх над гигантом и низверг его со скалы неподалеку от Дувра, и таким образом избавился от него; потому это место много лет спустя получило название “прыжок Гогмагога”, а еще позже – “Дуврским падением”. За сие доблестное деяние ... Брут отдал всю землю Корнуолла Коринею»²⁸. Как сле-

²⁵ Carew R. The Survey of Cornwall, 1769. P. 2.

²⁶ Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / Ed. by M.D. Reeve. Transl. by N. Wright. Woodbridge, The Boydell Press, 2007. P. 20–21.

²⁷ Dutton R. Shakespeare and British History // The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles / Ed. by R.Kewes, J.W. Archer, F. Heal. Oxford, 2013. P. 527–543. P. 534.

²⁸ Holinshed R. The firste volume of the chronicles of England, Scotlande, and Irelande conteyning the description and chronicles of England, from the first inhabiting vnto the conquest. London: Imprinted for Iohn Hunne, 1577. P. 15.

дует из приведенного фрагмента, именно Брут отдает власть над Корнуоллом, в то время как Кориней лишь пассивно ее принимает.

Выбирая из двух в равной степени известных версий, Керью предпочел гальфридианский миф, где Кориней становится «вторым Брутом», повторяя его действия на локальном уровне. Оценивая достоверность различающихся этногенетических мифов и версий первого заселения Британии, Керью отмечает: если считать дегенду о Бруте правдивой, следует согласиться и с тем, что его первая высадка на Британскую землю случилась не в Дувре, а в Тотнесе в графстве Девон.

Все описанные выше пояснения традиционного Гальфридианского мифа, которые делает Керью, должны были позиционировать Корнуолл в качестве отправного пункта всей британской истории. Несмотря на то, что «природа отнесла Корнуолл в самую далекую часть страны и окружила его океаном»²⁹, по мнению Керью, Корнуолл является не периферией, а центром, перекрестком торговых путей между Уэльсом, Ирландией, Испанией и Нидерландами, что позволяет корнуолльцам «пользоваться и извлекать выгоду из тех товаров, которые есть в их собственной или других странах»³⁰. Корнуолл – самодостаточная, богатая, процветающая земля, ни по одному из критериев не уступающая Англии в целом (единственный недостаток, который упоминает Керью – это долгий путь из Корнуолла до центральных судов в Лондоне).

Созданное Керью описание Корнуолла состоит из двух частей (не полностью соответствующих делению на книгу 1 и книгу 2 трактата), каждая из которых отражает специфический способ репрезентации автономии. В первой части содержится описание земли Корнуолла, во второй – описание общины; вместе взятые, обе части образуют объемную умозрительную структуру. Первая часть разворачивает перед

---

²⁹ Carew R. The Survey of Cornwall, 1769. P. 3

³⁰ Ibid. P. 4

читателем природный ландшафт и естественные ресурсы страны, начиная с самых низших ступеней творения (земли и их качество, минералы, растения, реки, леса) к высшим (животные дикие и домашние, рыбы, птицы и т.д.) и, наконец, заканчивая описанием обычаев и характера «корнуольского джентльмена» – венца творения в отдельно взятом корнуольском микрокосме. Это община с прочными внутренними связями (Керью цитирует пословицу «все корнуольские джентльмены – друг другу кузены» и иронично замечает, что только у короля здесь нет кузенов³¹) включает «ученых мужей», юристов, врачей, государственных деятелей, имеет собственные праздники и дни местночтимых святых. При этом для понимания сущности этой общины необходимо внимательное знакомство с ее формальным статусом, системой управления и феодальной юрисдикцией³². Вторая концептуальная часть (Корнуолл как община) состоит из двух элементов: краткой хроники, начинающейся с римского завоевания и заканчивающейся последним из корнских восстаний 1549 года³³, а также последовательным хорографическим описанием сотен герцогства³⁴. Во время этого ментального путешествия Керью разворачивает перед читателем внутреннюю структуру сообщества, при этом не иерархическую, как в первой части, но горизонтальную; мы видим Корнуолл не монолитным территориальным образованием, но в определенном смысле «композитарной» структурой. Через упоминаемые Керью многочисленные персональные и административные связи корнуольская община интегрирована в общebritанский контекст, поскольку автономия и четко определенные границы предполагают спецификацию, но не изоляцию. Примечательно, что путешествие по Корнуоллу заканчивается в той же

³¹ *Carew R. The Survey of Cornwall, 1769. P. 64*

³² *Ibid. P. 78–85*

³³ *Ibid. P. 95–98*

³⁴ *Ibid. P. 98*

точке, откуда оно и началось: в Лендс-энде, у легендарной могилы гиганта. «Неподалеку от Края Земли есть небольшая деревенька называемая Требеган, по-английски – «город могилы Гиганта». Рядом с ней в достопамятные времена (как мне сказали) рабочие, искавшие олово, обнаружили длинный квадратный склеп, в котором лежали кости невероятно крупного скелета, что доказывает правильность этимологии названия этого места»³⁵. Историческая, семантическая и географическая граница Корнуолла замкнулась, описав полный круг.

В непосредственной связи с хорографией Керью следует рассматривать сочинение Роберта Риса (Reyse или Ryese), озаглавленное «Бревиарий Саффолка»³⁶. Рис, представитель саффолкского джентри, посвятил свой текст сэру Роберту Крейну, рыцарю, совему земляку, исполнявшему обязанности Главного шерифа графства. Рис имел косвенное отношение к антикварному кругу: знаменитый герольд Джон Гвиллим восхвалял его ученость, и, как отмечает К. Дж. Харлоу, его «Обозрение геральдики» послужило импульсом для Риса в написании собственного труда.³⁷ С «Описанием Корнуолла» текст Риса имеет ряд заметных различий. В отличие от Керью, Рис не создал развернутую хорографию, описание земель Саффолка выглядит крайне лаконичным, этногенетический миф южных саксов отсутствует в тексте, а географические объекты, за исключением течений рек, не сопровождаются детальным описанием³⁸. Лишь однажды Рис упоминает о периферийном положении Саффолка: «это графство – одно из самых отдаленных графств Англии на востоке»³⁹. Тем не менее, Рис ощущает себя плотью

---

³⁵ Carew R. The Survey of Cornwall, 1769. P. 159.

³⁶ Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary of Suffolk by Robert Reyce, 1618. Now published for the first time from the MS in the British Museum with notes by Lord Francis Hervey. London, 1902.

³⁷ Harlow C.G. Robert Ryce of Preston (1555–1638) // Suffolk Archaeology and History. Vol. 32. Part 1. 1970. P. 43–70.

³⁸ Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary ... P. 7–13.

³⁹ Ibid. P. 5.

от плоти саффолкской земли: «плоды и результаты моих увлечений, которые я всеми силами постарался собрать воедино ради блага этого графства, которому первому после Господа Бога я обязан тем немногим, что имею: моим рождением, моим образованием и моим домом. И конечно, что может быть более похвальным (по моему скромному мнению), чем с увлечением предаться поиску лучших украшений своей родной земли?»⁴⁰ В рамках антикварного дискурса представление о том, что земля сама по себе способна определять дух и обычаи живущих на ней народов, была достаточно распространена, достигнув наиболее последовательного выражения в трудах Селдена, Кока и Спелмана, однако с одним существенным отличием: для упомянутых антиквариов – юристов речь шла о земле всей Англии, которая питала и взрастила английскую монархию и общее право. Рис очевидным образом обособляет Саффолк как отдельное, почти идиллическое пространство, «которое предоставляет своим обитателям богатейший выбор наиболее здоровых и приятных мест для их благопристойных домов»⁴¹ и которое «Господь одарил столькими выдающимися милостями»⁴².

Рис в целом воспроизводит предложенную Керью модель конструирования локального сообщества как совокупности различных порядков (orders), однако если Керью дает описания лишь избранных важных для него страт корнуольского общества, то Рис действует более последовательно. Он начинает с самых низших страт – «бедняков», и следует до самой высшей ступени локальной общины, которую занимают герцоги Саффолки⁴³. Рис очевидным образом черпает вдохновение из той группы геральдических трактатов, которые можно

⁴⁰ Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary ... P. 2.

⁴¹ Ibid. P. 25.

⁴² Ibid. P. 21.

⁴³ Ibid. P. 56–82

условно обозначить как «каталоги достоинств»⁴⁴. Целью подобных трактатов была репрезентация знатного сообщества в масштабе всей Англии. Отмечу, что среди всех авторов локально-ориентированных нарративов Рис больше всех других авторов испытал влияние интеллектуального наследия английских герольдов. Он включает в свой текст блазоны гербов саффолкской знати, а также в ряде фрагментов, касающихся генеалогии семейств, в точности воспроизводит стиль геральдических визитаций графств. Интересная аналогия к труду Риса обнаруживается в сочинении каролинского антиквария Джеймса Йорка «Уния достоинств»⁴⁵, который к «каталогу достоинств» английской и шотландской высшей знати добавил отдельный каталог гербов всех знатных семейств своего родного Ланкашира.

Созданное Рисом описание общины Саффолка объемно и имеет несколько измерений. Образ общины выстраивается из функциональных характеристик каждой группы (бедняков, крестьян, йоменов, джентльменов, рыцарей и нобилитета; в дополнение к ним – духовенства, юристов, воинов, государственных мужей), персональных и семейных связей и родословий, краткой истории ряда знатных семейств с упоминанием первой креации этого семейства в Саффолке, и, наконец, гербов. Кроме того, Саффолк показан в качестве административной единицы с соответствующей системой управления,

⁴⁴ К изданным в Англии «каталогам знатности» относятся следующие трактаты: *Milles Th.* The Catalogue of Honour, or Treasury of True Nobility. London, printed by W. Jaggard, 1610; *Brooke R.* A Catalogue and Succession of the Kings, Princes, Dukes... London, printed by W. Stanseby, 1622; *Yorke J.* The Union of Honor, containing the Armes, Matches and Issues of the Kings, Dukes, Marquesses and Earles of England from the Conquest until 1640. London: Printed by Edward Griffin for William Leake, 1640; *Wyrley W.* The True Use of Armorie... London, printed by J. Jackson, 1592.

⁴⁵ *Yorke J.* The Union of Honor, containing the Armes, Matches and Issues of the Kings, Dukes, Marquesses and Earles of England from the Conquest until 1640. London, 1640. P. 19–53

в которой поименно назван держатель каждой должности. Наконец, в текст включены описания локальных мест памяти, а именно – церкви, в которых демонстрировались щиты или изображения гербов высшей знати и монархов Британии. Рис «приводит» читателя внутрь храма в Престоне, где наряду с гербами местной знати в убранстве церкви присутствовали гербы правителей Британии. Первое и самое почетное место принадлежало «имперскому» гербу Елизаветы I⁴⁶; после блazonа которого начинается путешествие вглубь британской истории. Рис описывает гербы⁴⁷ Эдуарда исповедника, Эдуарда Мученика, «короля Норвегии», то есть Свейна Вилобородого, «короля Дании, Англии, Норвегии, Шотландии и Швеции; Юлия Цезаря, Брута, Белина, святого Георгия, Родерика Великого – короля Гвинед, а также гербы Шотландии и Ирландии⁴⁸. Так, «находясь» в церкви на просторах Саффолка читатель видел перед собой грандиозную ретроспективу «композиционного» государства Тюдоров.

Уильям Смит, автор хорографического нарратива «Королевская долина Англии»⁴⁹, строит свое описание палатного графства Честер, почти полностью опираясь на Хроники Рафаэля Холиншеда⁵⁰. В то время как Холиншед видит историю Британии как протяженный во времени процесс собирания территорий и сменяющих друг друга династий в единое целое, как свидетельство континуитета королевской власти в Англии – королевстве, возникшем в результате постепен-

⁴⁶ Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary ... P. 188.

⁴⁷ Речь идет, разумеется, о так называемой «вымышленной геральдике» – гербах, которые традиция приписывала тем или иным историческим и даже литературным персонажам.

⁴⁸ Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary ... P. 192–201.

⁴⁹ The Vale-Royall of England, or, The County Palatine of Chester Illustrated... Performed by William Smith, and William Webb, Gentleman; published by Mr. Daniel King. London: printed by J. Streamer, 1656.

⁵⁰ Holinshed R. The firste volume of the chronicles of England, ... Фрагменты, касающиеся Мерсии: p. 143, 165, 176, 189 et al.

ной интеграции гетерогенных компонентов, Смит применяет сходный принцип к истории локальной общины, к конкретной этнокультурной автономии. Он показывает, что название, статус и характер автономии подвержены историческим трансформациям. История общины Мерсии начинается как история пограничного региона: «Королевство Марки (March), простиралось от Лондона до реки Мерси, которая отделяет Чешир от Ланкашира; некоторые пишут, что от этой реки оно и получило название. Но я не могу поверить в это, и полагаю, что название происходит от того, что его территория граничила (marched) со всеми остальными»⁵¹ Без какой-либо рациональной критики Смит воспроизводит текст Холиншеда, утверждая, что «Крида был первым королем Марки... Он был потомком Водана и десятым после него по прямой линии»⁵². Далее мерсиецентричная версия британской истории приобретает вид краткой хроники. Королевство Марки трансформируется в королевство Мерсии⁵³ и в герцогство Мерсия при последних англосаксонских королях⁵⁴; затем становится графством Честер и, наконец, Палатным графством⁵⁵. Последование двадцати двух королей Мерсии продолжается вассалами Вильгельма Завоевателя. При этом константы, формирующие и обеспечивающие тождественность и континуитет общины воплощены в административно-правовых институтах, потестарных структурах и локальных привилегиях, конституирующих территориальную интегральность. В соответствии с принципами антикварного историописания Смит включает в текст трактата три документа, определяющих пределы и сущность автономии: это «Прошение, представленное королю Генриху VI жителями палатного графства Честер (1450),

---

⁵¹ The Vale-Royall of England... P. 1.

⁵² Ibid. P. 2.

⁵³ Ibid. P. 2–6

⁵⁴ Ibid. P. 7–8

⁵⁵ Ibid. P. 49–54.

ответная королевская прокламация и «Подтверждение свобод Палатного графства», изданное Елизаветой I (1568)⁵⁶.

Джон Доджридж, автор «Истории древнего и современного состояния Княжества Уэльс, Герцогства Корнуолл и графства Честер»⁵⁷ родился в Девоне, сделал успешную карьеру в суде Королевской скамьи в Лондоне и был счастливым обладателем нескольких поместий в своем родном графстве, одно из которых, Бремридж, было упомянуто еще в Книге Страшного суда. В своем небольшом по объему сочинении Доддридж подчеркивает, что три упомянутые в заглавии книги автономии составляют три части титула наследника королевского трона, а также охватывают ключевую часть земель королевского домена, таким образом обеспечивая доход короны и благосостояние династии. Прямое королевское волеизъявление, выражаемое в даровании привилегий и формализации статуса данных автономий по отношению к прочим землям королевства, автор считает гарантией и основой их существования.

Все три феодальные автономии, являющиеся держаниями наследника престола, расположены на периферии, на что Доддридж специально указывает; при этом история этих периферийных территорий уходит в бриттский период, предшествующий возникновению королевства Англия и таким образом отсылает к идее бриттского единства. «Эта часть острова, называемая Уэльс (в горы которой бежали уцелевшие бритты, дабы не быть покоренными) ... в древности звалась саксами Wallia, а ее народ – валлийцами, то есть для них – чужаками»⁵⁸. «Наиболее удаленная к западу часть этого острова, далеко простирающаяся в океан, называется графством Корнуолл

⁵⁶ The Vale-Royall of England... P. 9–15

⁵⁷ *Doddridge J.* The history of the ancient and moderne estate of the principality of Wales, dutchy of Cornewall, and earldome of Chester Collected out of the records of the Tower of London, and diuers ancient authours. By Sir Iohn Doddridge Knight, one of his Maiesties iudges in the Kings Bench. And by himselfe dedicated to King Iames of euer blessed memory. London, 1630.

⁵⁸ Ibid. P. 1–2

и лежит она напротив герцогства Бретань во Франции. Населяющие ее люди зовутся корнуольцами, и их называют потомками бриттов, в давние времена населявших нашу землю. Они говорят на особом языке, называемом корнуольским (правда, сегодня почти вышедшим из употребления) и немного отличным от валлийского»⁵⁹; «это графство [Честер], граничащее с Северным Уэльсом, призвано защищать нашу страну»⁶⁰. Описание каждой автономии строится по одинаковой схеме: указание местоположения на воображаемой карте Британии, становление правового статуса (переход от графства к герцогству в случае с Корнуоллом, дарование статуса палатината), внутренняя территориальная структура (графства и маноры), объем доходов и, наконец, описание системы управления и юрисдикций административно-правовых институтов. Центральное место Доддридж отводит тому, как посредством правовых решений (Доддридж приводит цитаты из соответствующих парламентских актов и хартий монархов в их хронологическом порядке) формируется общность – ее территории, ее автономии и ее институты. Антикварный текст демонстрирует, как из «чуждого» и «периферийного» монарх формирует порядок, определяет статус, фиксирует способ креации. Конструируя процесс «присвоения территории», автор одновременно демонстрирует, как старинная бриттская периферия становится одной из ключевых составляющих в процессе наследования самой монархии.

---

⁵⁹ *Doddridge J.* The history of the ancient and moderne estate ... P. 77–78

⁶⁰ *Ibid.* P. 123

Local Chorographies and the Issues of the Composite monarchy in the Early Modern England

Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-армянского (Славянского) университета, г. Ереван, Республика Армения.

Anastasia A. Palamarchuk, Doctor in History, professor, Russian-Armenian (Slavonic) University, Chair of the Universal History and Regional studies. Republic of Armenia, Yerevan.

Аннотация. Статья посвящена локально-ориентированным хорографиям тюдоровского и раннестюартовского периода. С одной стороны, локально ориентированные хорографии воспроизводили описательные структуры, определенные в хорографиях «общebritанских»; с другой – формирование протонациональных и национальных идентичностей шло параллельно с поиском локальными сообществами, восходившими к этнокультурным регионам раннего Средневековья, таких форм выражения собственной идентичности, которые находились бы в созвучии с композитарным способом организации государства на разных уровнях его существования. Практически во всех локально ориентированных хорографиях содержались устойчивые элементы: указание на периферийное положение той или иной автономии; локальный этногенетический миф; сведения, позволяющие совершить интеллектуальную спецификацию конкретной локальной автономии (хорография, описание законов, нравов и т.д.).

Ключевые слова: композитарная монархия, хорография, антикварный дискурс, периферия, Тюдоры, Стюарты, Англия.

Abstract. The paper discusses several local chorographies created by the English antiquaries under the Tudors and the Stuarts. On the one hand, local chorographies mirrored the descriptive structures defined by the «pan-British» chorographies of Leland and Camden; on the other hand, the rise of proto-national and national identities developed simultaneously with the rise of the local regional identities within the

English counties and ancient ethno-cultural autonomies, tracing their histories to the early Medieval and pre-feudal period. Narrative structures used for structuring both national and local identities were represented in conformity with the structures of the composite monarchy. Every local chorography contained a number of structure elements, necessary for the creation of a regional identity: indication of the peripheral territorial position, local ethno-genetical myth, description of the local customs.

Keywords: Composite Monarchy, Chorography, Antiquarian discourse, Periphery, the Tudors, the Stuarts, England.

Литература

Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 308 с.

Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. Выпуск 5. С. 34–45.

Федоров С. Е. «Restored to the whole Empire & name of Great Briteigne»: Композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: Наука, 2011. С. 202–225;

Федоров С. Е. «Британская» история Уильяма Кемдена // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7. Выпуск 2 (46).

Федоров С. Е. Власть как публичный процесс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 1 (111); Фёдоров С. Е. Логика L'état Moderne // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 10 (96).

Федоров С. Е. Рождение легенды о британском Константине // История Британии: Современные исследования / отв.

ред. М. П. Айзенштат. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. С. 47–58;

Федоров С. Е. Универсализм vs. этноцентризм: империя и монархии к исходу Средних веков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 6. С. 176–189;

Федоров С.Е. Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. СПб. Алетейя, 2018. 270 с.

Adrian J.M. Tudor Centralization and Gentry Visions of Local Order in Lambarde's «Perambulation of Kent» // English Literary Renaissance. 2006, Vol. 36, No. 3. P. 307–334.

Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England. Lawrence Nowell, William Lambarde and the Study of Old English. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 256 p.

Brooke R. A Catalogue and Succession of the Kings, Princes, Dukes... London, printed by W. Stanseby, 1622. 340 p.

Carew R. The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. With the Life of the Author. London, for B. Law, 1769. 392 p.

Carew R. The Survey of Cornwall. London, 1602.

Doddridge J. The history of the ancient and moderne estate of the principality of Wales, dutchy of Cornewall, and earldome of Chester Collected out of the records of the Tower of London, and diuers ancient authours. By Sir Iohn Dodridge Knight, one of his Maiesties iudges in the Kings Bench. And by himselfe dedicated to King Iames of euer blessed memory. London: By Tho. Harper, 1630. 169 p.

Dutton R. Shakespeare and British History // The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles / Ed. by R.Kewes, J.W. Archer, F. Heal. Oxford, 2013. P. 527–543.

Early Modern Kent, 1540–1640 / Ed. by M. Zell. Woodbridge: The Boydell Press, 2000. 340 p.

Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / Ed. by M.D. Reeve. Transl. by N. Wright. Woodbridge, The Boydell Press, 2007. 388 p.

Goffart W. The First Venue into “Medieval Geography”: *Lambarde’s Map of the Saxon Heptarchy // Alfred the Wise: Studies in Honor of Janet Bateley / Ed. by J. Roberts et al. Cambridge, 1997. P. 53–60.*

Grant R. J. S. Laurence Nowell, William Lambarde and the Laws of Anglo-Saxons. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1996. 196 p.

Harlow C.G. Robert Ryece of Preston (1555–1638) // *Suffolk Archaeology and History. Vol. 32. Part 1. 1970. P. 43–70.*

Holinshed R. The firste volume of the chronicles of England, Scotlande, and Irelande conteyning the description and chronicles of England, from the first inhabiting vnto the conquest. London: Imprinted for Iohn Hunne, 1577. 657 p.

Lambarde W. Eirenarcha, or, of the Office of the Justices of Peace. London: Printed for the Company of Stationers, 1619. 353 p.

Williams I. Developing a prerogative Theory for the Authority of the Chancery // *Law and Authority in British Legal History, 1200–1900 / Ed. by M. Godfrey. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 33–60.*

Lambarde W. The Perambulation of Kent: Conteyning the Description, Hystorie, and Customes of That Shyre ...London: Ralph Newbery, 1576. 226 p.

Milles Th. The Catalogue of Honour, or Treasury of True Nobility. London, printed by W. Jaggard, 1610.

Suffolk in the Seventeenth century. The Breviary of Suffolk by Robert Ryece, 1618. Now published for the first time from the MS in the British Museum with notes by Lord Francis Hervey. London: by John Murray, 1902. 306 p.

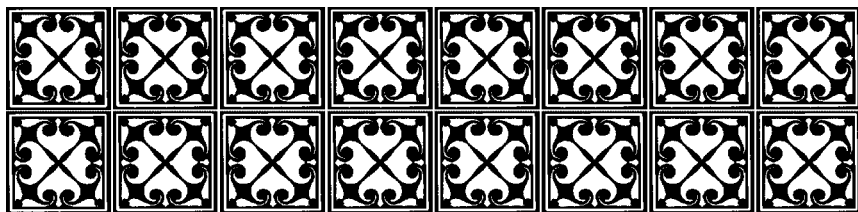
The Chronicle of Henry of Huntingdon. Comprising the History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry II / Ed. and transl. by Th. Forrester. London, 1853. 442 p.

The Vale-Royall of England, or, The County Palatine of Chester Illustrated... Performed by William Smith, and William Webb, Gentleman; published by Mr. Daniel King. London: printed by J. Streamer, 1656.

Wyrley W. The True Use of Armorie... London, printed by J. Jackson, 1592.

Yorke J. The Union of Honor, containing the Armes, Matches and Issues of the Kings, Dukes, Marquesses and Earles of England from the Conquest until 1640. London: Printed by Edward Griffin for William Leake, 1640;

Zell M. Landholding and the Land Market in the Early Modern Kent // Early Modern Kent, 1540–1640 / Ed. by M. Zell. Woodbridge, 2000.

О.В. Дмитриева

Генри Сидни и «Образ Ирландии» Джона Деррика: политика литературной фикции

Сэр Генри Сидни (1529–1586), отец известного поэта Филипа Сидни, был одним из столпов тюдоровской администрации в Уэльсе и Ирландии. Его видные позиции при английском дворе определялись близостью в молодые годы к королю Эдуарду VI и женитьбой в 1551 г. на дочери Джона Дадли, герцога Нортумберленда. Сидни удалось сохранить расположение Марии Тюдор, несмотря на то, что Нортумберленд был казнен ею по обвинению в государственной измене. В правление Елизаветы I связи с семейством Дадли снова стали играть важную роль в его карьере. Сидни был естественным политическим союзником Роберта Дадли, графа Лейстера, фаворита королевы Елизаветы, со временем – главы придворной фракции, стремившейся контролировать важнейшие посты в государственной администрации и определять характер внешней политики королевства¹.

Восшествие на престол Елизаветы застало Сидни в Ирландии, где он служил вице-казначеем под началом другого своего родственника – наместника Ирландии (Lord Deputy of Ireland) Томаса Рэдклиффа, третьего графа Сассекса, женатого

---

¹ О его роли в политике и борьбе придворных фракций см.: *Adams S. Leicester and the Court. Essays on Elizabethan Politics. Manchester; N.Y., 2002.*

на его сестре. В отсутствие Сассекса Сидни нередко весьма успешно выполнял его обязанности. Со временем их пути разойдутся, Сассекс будет смещен со своего поста (во многом вследствие интриг Лейстера и Сидни) и станет заклятым врагом последнего.

Служба в Ирландии в 1556–1559 гг. дала Г. Сидни бесценный административный и политический опыт. Он столкнулся с проблемами, которые оставались неразрешимыми для английских властей на протяжении многих десятилетий: с необходимостью подчинения независимых вождей ирландских кланов, пресечения межплеменных распрей и грабежей, реорганизации местной земельной системы на основе английского феодального права и вассальной службы короне. При графе Сассексе англичане ввели военное положение на острове, чтобы справиться с вооруженным сопротивлением мятежных кланов, периодическими вторжениями шотландцев на север страны и продолжить покорение территорий за пределами Пэйла. Сидни принимал личное участие в военном походе на Ольстер. Ему приходилось иметь дело и с проблемой организации поселений английских колонистов, финансировавшихся частными лицами, поскольку корона была не в состоянии оплачивать эти начинания, и с оппозицией старой англо-ирландской аристократии Пэйла эмиссарам королевы². В 1559 г. Елизавета назначила Генри Сидни президентом Совета Уэльса, и он покинул Ирландию, однако в 1565 г. вернулся туда уже в статусе наместника, сменив Николаса Арнольда, преемника графа Сассекса,

---

² Об общих проблемах завоевания и колонизации Ирландии в раннее Новое время см.: Сапрыкин Ю.М. Английская колонизация Ирландии в XVI – первой половине XVII в. М., 1959; *Falls C. Elizabeth's Irish Wars*. L., 1950 (2nd ed. – L., 1996); *Ellis S.G. Tudor Ireland*. L., 1985; *Canny N.P. The Elizabethan Conquest of Ireland: A Pattern Established, 1565–1576*. L., 1976; *Lennon C. Sixteenth Century Ireland: The Incomplete Conquest*. Dublin. 1995; *Canny N.P. Making Ireland British, 1580–1650*. Oxford. 2001; *Edwards D. Age of Atrocity: Violence and Political Conflict in Early Modern Ireland*. Dublin. 2010.

который продержался на этом посту всего один год³. На протяжении своей жизни Г. Сидни трижды с перерывами занимал эту должность – в 1565–1567, 1568–1571, 1575–1578 гг. Позднее он писал: «Трижды Ее Величество посылала меня ее наместником в Ирландию, и каждый раз я сталкивался там с великим и мощным восстанием, которое я подавлял и, заключив почетный мир, оставлял страну в спокойствии. Я возвращался после каждого из этих трех поручений на три тысячи фунтов беднее, чем был, отправляясь туда»⁴.

Объективные трудности, с которыми сталкивалась елизаветинская администрация в Ирландии, не находили понимания в Лондоне. От Сидни ждали чудес, не желая при этом финансировать содержание английской армии. Реформы, предлагаемые наместником, подвергались резкой критике его недоброжелателей при дворе (графа Сассекса и Томаса Батлера, десятого графа Ормонда), которые стремились дискредитировать Сидни в глазах королевы, а также жалобщиков из Дублина. Предметом особых нападок стала его финансовая стратегия и идея установления ежегодной единой «композиции» на нужды содержания английских гарнизонов, которая должна была заменить прежние сборы (*cess*), утверждавшиеся ирландским парламентом. Новое обложение, введившееся без согласия парламента, в рамках королевской прерогативы, вызвало протесты как старой англо-ирландской знати, прежде свободной от подобных сборов, так и юристов. В Лондон

³ Оценку теоретических подходов к управлению и практической деятельности различных английских наместников в Ирландии см.: *Bagwell R. Ireland under the Tudors. 3 vols. L., 1885*; *Gilbert J.T. History of the Viceroy of Ireland. Dublin. 1865*. По мнению крупнейшего специалиста по истории тюдоровской Ирландии, К. Брэди, подлинным новатором в управлении этой страной был граф Сассекс, политику которого по дезинтеграции земельных владений ирландских кланов продолжил Г. Сидни. – *Brady C. The Chief Governors: The Rise and Fall of Reform Government in Tudor Ireland, 1536–1588. Cambridge. 1994*.

⁴ SP 12/159. F. 2.

отправилась депутация барристеров во главе с лордом-канцлером Ирландии, чтобы ходатайствовать об отмене композиции. Их обвинения в адрес Сидни нанесли большой ущерб его репутации. Королева окончательно охладела к своему наместнику, и в марте 1578 г. он был отозван из Ирландии.

Болезненно переживая отставку, Г. Сидни не торопился вернуться в Лондон и остался в Дублине до начала осени, чтобы сохранить лицо, завершить дела, подготовиться к дальнейшей конфронтации при дворе и, возможно, организовать пропагандистскую кампанию в защиту собственной репутации. Он рассчитывал на поддержку в Тайном совете со стороны Лейстера и государственного секретаря Ф. Уолсингема, с которым они должны были в скором времени породниться, заключив брак между детьми. На своего старшего сына Филиппа, будущего зятя Уолсингема, сэр Генри, по-видимому, возлагал особые надежды в предстоящей политической борьбе, на что недвусмысленно намекал сыну в письме от 1 августа 1578 г.⁵ В 1576 г. Филип Сидни навещал отца в Ирландии, по-видимому, присматриваясь к потенциальному театру своей будущей политической деятельности, поскольку сэр Генри прочил его в свои преемники на посту наместника. Добиться этого назначения в 1578 г. не удалось. Тем не менее, Филип Сидни оправдал ожидания отца и написал апологию его деяний в Ирландии (к сожалению, текст его «Рассуждения об ирландских делах» сохранился лишь фрагментарно)⁶.

⁵ В нем Г. Сидни говорит о том, «что размышляет о своем собственном положении и вспоминает о том, какие происки, слухи и враждебные обвинения выдвигаются против него...» – *The Correspondence of Sir Philip Sidney* / Ed. by R. Kuin. 2 vols. Oxford. 2012. Vol. II. P. 853. Письмо, одновременно адресованное Лейстеру, в котором Сидни выражает нежелание отпускать сына воевать в Нидерланды, поскольку рассчитывает на его перо в политической полемике дома, опубликовано и проанализировано в статье Брэдли Айриша: *Irish B.J. The Sidneys and Foreign Affairs, 1575–1578* // *English Literary Renaissance*. Vol. 45. No. 1. 2012. P. 90–119.

⁶ *Sidney Ph. A Discourse on Irish Affairs* // *The Prose Works of Sir Philip Sidney* / Ed. by A. Feuillerat. Vol. 3. Cambridge. 1962. P. 46–50.

Сэр Генри умело использовал и собственное перо, отставляя свои представления о том, какими средствами можно добиться успехов в «приведении Ирландии к порядку»: на протяжении своей службы и по ее завершении он писал пространные реляции в Тайный совет, отчитываясь в своих действиях, разъясняя их логику и мотивы, обосновывая предпринятые им военные и административные реформы. Важным этапом в полемике о подходах к управлению Ирландией и способах добиться лояльности ирландских подданных английской короне стали мемуары Генри Сидни, которые он написал в 1583 г., адресовав их Фрэнсису Уолсингему⁷. Этот автобиографический текст, по мнению современных исследователей, был не только апологией «pro opera sua». Автор, по сути, бросал в нем вызов своим политическим противникам, доказывая, что распри аристократических англо-ирландских семейств, деструктивный характер их действий в Ирландии и «дьявольских» придворных интриг в Лондоне – одна из ключевых причин неудач англичан в установлении мира и порядка в этой стране⁸. Факты, приводимые Сидни, и его оценки должны были послужить группировке Лейстера-Сидни-Уолсингема в борьбе, которая разворачивалась в Лондоне вокруг очередной кандидатуры на должность губернатора Ирландии (на этот пост претендовал граф Ормонд, в противовес которому Лейстер выдвигал своего племянника Филипа Сидни или Артура Грэя, четырнадцатого барона Грэя из Уилтона).

⁷ Впервые они были опубликованы в 19 веке в нескольких номерах Ольстерского археологического журнала как «Sir Henry Sidney's Memoir of His Government of Ireland. 1583» // *Ulster Journal of Archaeology. First Series*. Vol. 3. 1858. P. 32–52, 85–109, 336–357; Vol. 5. 1857. P. 299–323; Vol. 8. 1860. P. 179–195. В 2002 г. Киран Брэди предпринял очередное издание, выполненное на основе сверки нескольких рукописей, предложив новую интерпретацию этого текста, с точки зрения авторской стратегии, политического подтекста и основных идейных линий, которые проводит Г. Сидни. – *A Viceroy's Vindication? Sir Henry Sidney's Memoir of Service in Ireland. 1556–78* / Ed. C. Brady. Cork. 2002.

⁸ Ibid. P. 49, 52. 58–58.

В контексте идейной полемики о методах управления Ирландией и постоянной борьбы Г. Сидни с его оппонентами, по-видимому, следует рассматривать ряд произведений об этой стране, написанных в разных жанрах, и вышедших с посвящениями наместнику или представителям его круга. Сидни был одним из самых активных патронов интеллектуалов и литераторов, ему, как и другим членам его просвещенного семейства, посвящали свои произведения многие авторы, пользовавшиеся его расположением и поддержкой. Одним из ярких примеров того, как сэр Генри пытался поставить их таланты на службу своему делу, была идея написания истории Ирландии, заказанной известному интеллектуалу и блестящему полемисту, другу Филипа Сидни, Эдмунду Кэмпioniу. Пикантность ситуации состояла в том, что Кэмпioni, отрекшись от официальной веры и перейдя в католичество, был вынужден перебраться в Ирландию, где у него нашлось немало покровителей, среди которых был спикер ирландского парламента Джеймс Стонихерст, выступивший посредником в отношениях между Э. Кэмпioniом и Г. Сидни. Губернатор предупредил Кэмпioniа о грозящем ему аресте, и попустительствовал тому, что Стонихерст укрыл его у надежных людей. (Несмотря на свои протестантские убеждения, сэр Генри не делал особого акцента на необходимости обращения католиков в англиканскую веру и не устраивал преследований по чисто религиозным соображениям, руководствуясь здравым смыслом и удовлетворяясь демонстрацией лоялизма со стороны местного дворянства.) Кэмпioni выполнил свое обещание и, в 1571 г., несмотря на то, что за ним буквально по пятам следовали охотники за крипто-католиками, завершил работу над Историей Ирландии (в основном представлявшей собой компиляцию из трудов Гиральда Камбрийского и средневековых хронистов), которую посвятил графу Лейстеру⁹. В последнем

⁹ *Campion E. A Historie of Ireland, written in the Year 1571. By Edmund Campion, sometime Fellow of St. John's College, in Oxford. Dublin. 1633. Reprinted...by John Morrisson. Dublin. 1809.*

разделе рукописи, где рассматривались события новейшей истории, он дал чрезвычайно лестную характеристику Сидни как мудрому губернатору, высоко оценивая его ученость и выдающиеся личные качества. Он опубликовал полный текст речи сэра Генри в ирландском парламенте 1570 г., в которой тот обосновывал необходимость содержания сильных военных гарнизонов в Ирландии и связанных с этим финансовых реформ. Финалом «Истории» Кэмпiona стал, по сути, восторженный панегирик наместнику, покидавшему Ирландию в 1571 г., возвращения которого на этот пост ждали все верные подданные (в отличие от его предшественников, не снискавших такой любви)¹⁰.

Авторство еще одного текста об Ирландии, который, собственно, и является основным предметом нашего рассмотрения, принадлежало Джону Деррику¹¹. Его произведение с интригующим названием «Образ Ирландии, а также Открытие лесных разбойников»¹² было адресовано Филипу Сидни, с которым автор был хорошо знаком. Посвящение Сидни-младшему едва ли что-то принципиально меняет в наших представлениях о политическом и литературном патронате сэра Генри. Джон Деррик служил под началом Генри Сидни в Ирландии, и его памфлет был написан в бытность того наместником, на что указывает дата завершения работы – 1578 г. Однако текст

---

¹⁰ «He tooke ship towards England...accompanied to sea with the Estates & Worshipfull of Ireland, with innumerable hartly prayers, & with that which of his returne, whereof but few Governours in these last 60 years, have held possession». – *A Historie of Ireland...* P. 204.

¹¹ О Джоне Деррике историкам известно очень немного. В определенный период жизни он служил на таможне в Дрохеде. Считается, что он был художником, который делал точные зарисовки бытовой жизни и сцен войны с натуры. Возможно, Деррик принимал участие в военных экспедициях Г. Сидни, позднее – отправился в Нидерланды (1585–1587) в составе армии графа Лейстера. – *Morgan H. The Messenger in John Derricke's Image of Ireland (1581) // History Ireland* – <http://www.historyireland.com/early-modern-history-1500-1700/the-messenger-in-john-derrickes-image-of-ireland-1581/>.

¹² *Derricke J. The Image of Ireland, With a Discoverie of Woodkarne* (Reprint of original edition, London, 1581) / Ed. by J. Small. Edinburgh. 1883.

Рис. 1. Рори Ог О'Мор, скрывающийся в лесу от преследователей

был издан лишь в 1581 г., когда сэр Генри, оставив свой пост, уже вернулся в Англию. Безусловно, публикация, осуществленная известным печатником Джоном Дзем¹³, которому покровительствовал Лейстер, была частью кампании, по защите репутации Г. Сидни и апологии его действий в Ирландии. С другой стороны, по мнению авторитетной исследователь-

¹³ Джон Дэй (1522–1584) – убежденный протестант, издатель, снискавший славу «главного печатника» английской реформации, пользовался патронажем членов елизаветинского Тайного Совета, в том числе, графа Лейстера. Возможно, именно Лейстер способствовал привлечению Дэя к изданию «Образа Ирландии». Это мог быть и сам Генри Сидни, вернувшийся в Лондон и занявший свое место в Тайном совете. Однако выбор типографии Дэя мог определяться и желанием автора, поскольку Джон Деррик намеревался проиллюстрировать текст рядом гравюр, а мастерская Дэя славилась высококачественными гравюрами на дереве.

В 19 веке памфлет был издан Вальтером Скоттом в составе коллекции так называемых «Трактатов Сомерса» (1809). Современное комментированное издание было подготовлено Д. Куинном в 1985 г.

ницы Кэтрин Дункан-Джонс, автор, возможно, рассчитывал на патронат Сидни-младшего, если бы тот в будущем унаследовал пост своего отца.¹⁴ В любом случае произведение Деррика – это самый яркий текст, прославляющий решительные действия елизаветинской администрации и лично Генри Сидни в Ирландии.

Несмотря на то, что о самом авторе известно немного, из его текста со всей очевидностью следует, что он был убежденным протестантом. Особенности его индивидуального языка сближают его с так называемыми «благочестивыми» (*godly people*), ему присущи морализаторский тон, постоянные ссылки на божественное провидение, споспешествующее англичанам, избранному народу, осуществляющему в Ирландии цивилизаторскую миссию, угодную Творцу.

Формат, жанровые и стилистические особенности позволяют отнести труд Джона Деррика к памфлетной литературе: это небольшое по объему публицистическое произведение, апеллирующее к самой широкой публике и посвященное актуальным событиям 1570-х гг. в Ирландии, где англичанам пришлось подавлять мятежи местного населения. Памфлет был написан в стихотворной форме в стилистике народной баллады и проиллюстрирован уникальной для подобного издания серией из двенадцати гравюр на дереве. Автором некоторых из них, помеченных монограммой JD, возможно, был сам Джон Деррик, слывший художником (при этом трудно судить, выполнял ли он одни лишь эскизы или сам резал доски для ксилографической печати). Ряд гравюр, отмеченных монограммой FD, приписывается брату Деррика, однако серьезных оснований для такой атрибуции нет. Большеформатные гравюры, складывавшиеся вдвое (что свидетельствует о больших затратах издателя), были распределены по всему тексту. Впоследствии их, по-видимому, изымали из книг и использовали как популярные плакаты. Это объясняет тот факт, что из

¹⁴ *Duncan-Jones K. Sir Philip Sidney, Courtier Poet. New Haven. 1991. P. 299.*

девяти дошедших до нашего времени экземпляров памфлета только в двух сохранились гравюры. Полный же набор из двенадцати ксилографий уцелел лишь в одном экземпляре, обладателем которого является библиотека Эдинбургского университета.

Книга Деррика имела сложную и многослойную структуру. Она включала ряд «пара-текстов» – посвящение Ф. Сидни, обращение к лордам ирландского Пэйла, к «добрым и благородным читателям», в особенности – к англичанам; две основные части, из которых вторая имела пролог. Сравнительно небольшие третья и четвертая части представляли собой монологи персонажей, которые были действующими лицами ирландской истории (каждому из них был предпослан свой пролог). Наконец, завершающая и самая краткая пятая часть была, по сути, монологом отрубленной головы поверженного ирландского мятежника. Исследователи чаще всего обращались к анализу первых двух разделов памфлета, наиболее интересных с точки зрения оценки образа Ирландии, который бытовал в интеллектуальном пространстве елизаветинской Англии, клише и стереотипов, связанных с восприятием «диких ирландских варваров», которым противопоставлялась «цивилизованность» англичан. По мнению Джеймса Кнаппа, труд Деррика, занимал центральное положение в литературе, посвященной Ирландии XVI в., и ознаменовал собой определенный перелом в английском общественном сознании, суть которого состояла в переходе от программы реформ, которые надо было провести, чтобы «цивилизовать» ирландцев и включить их в состав единой с англичанами нации, к обоснованию жестких репрессий по отношению к гэльскому населению, якобы в принципе не способному воспринять блага цивилизации в силу изначальной испорченности его натуры¹⁵. В первой

¹⁵ Knapp J.A. "That moste barbarous Nacion": John Derricke's "Image of Ireland" and the "delight of the well disposed reader" // *Criticism*. Vol. 42. No. 4. 2000. P. 416.

части книги Деррик предлагает аллегорическую «генеалогию» ирландцев, произошедших от нимф, сатиров, эльфов и других обитателей лесов и болот, при этом природа потомков этих мифических существ неуклонно деградировала. Дикие ирландцы, предававшиеся всем возможным порокам, так и не стали настоящими христианами, в обращении их не преуспел даже Св. Патрик. Автор приходит к неутешительному выводу о том, что население этой страны в принципе лишено божьей благодати, это отверженные, лишенные разума, понимания истинных ценностей и уважения к законам. Во второй части своего памфлета Джон Деррик изображает бытовые нравы гэльского населения, обитающего за пределами английского Пэйла, которых он именует «лесными разбойниками» (*woodkarne*). При всей ценности его уникальной с этнографической точки зрения информации, она служит обоснованию тезиса о глубокой культурной пропасти, которая отделяет избранный народ – английскую протестантскую нацию, от ирландцев, которые остаются почти язычниками и лишены благодати¹⁶.

В рамках данной работы нас будут в большей степени интересовать те разделы «Образ Ирландии», в которых речь идет не о мифологии или этнографии, а о событиях новейшей для автора истории, которые имели место в период правления Генри Сидни. Какое отражение нашли в этом тексте действия наместника и как они оцениваются? Можно ли говорить о специфическом образе вице-короля и каких-то особых приемах и идеях в ее репрезентации?

В третьей части памфлета Джон Деррик задался целью проиллюстрировать свой рассказ о «разнузданных диких ирландских разбойниках» (*wantone Irish wilde Woodkarne*) конкретными примерами. Из множества известных мятежников

¹⁶ См. анализ этих идей Д. Деррика в работах: *Knapp J.A.* “That moste barbarous Nacion”; *Moroney M.* Apocalypse, Ethnography, and Empire in John Derricke’s “Image of Ireland” (1581) and Spenser’s “View of the Present State of Ireland (1596)” // *English Literary Renaissance*. Vol. 29. No. 3. 1999. P. 355–374.

он выбрал некоего Рори О'Мора в качестве «живейшего образчика и воплощения бунтовщика» (a lively image and patterne of rebellion).¹⁷ На протяжении ряда лет тот, действительно, создавал серьезные проблемы для английской администрации. Рори Ог О'Мор (Ruairi Oge O Mordha) был главой немногочисленного ирландского септа, лишившегося своих земель в Лейнстере в 1556 г., после того как при Марии Тюдор в Ирландии было проведено перераспределение земельного фонда и создана система графств, подобных английским. О'Мор находился в постоянной оппозиции англичанам и принимал участие во многих восстаниях против их правления. В то же время следует признать, что, по сути, он был предводителем отряда разбойников, которые жили грабежом не только англичан, но своих соотечественников, угоняли скот, захватывали их имущество и сжигали деревни.

По женской линии О'Моры состояли в родстве с влиятельным семейством Батлеров, графов Ормондов. Поручительство Томаса Батлера, 10-го графа Ормонда, лорда-казначея Ирландии, обеспечило Рори Огу амнистию за его преступные деяния, дарованную королевой Елизаветой в 1565–1566 г. Однако в начале 1570-х гг. он снова вступил в конфликт не только с англичанами, но и с Ормондом, в отсутствие которого О'Мор терроризировал так называемое Графство Королевы (современный Лейш¹⁸), земли которого некогда принадлежали его семейству. Он участвовал в заговорах различных оппозиционных английской администрации сил – в первом восстании Джералда ФитцДжералда, четырнадцатого графа Десмонда (1569–1573), и в заговоре Джералда ФитцДжералда одиннадцатого графа Килдера (1574)¹⁹.

¹⁷ The Image of Ireland ...Р. 69.

¹⁸ В русском языке нет устойчивой традиции передачи названия этого графства, встречаются варианты Лишш, Лэйиш, Лаоис.

¹⁹ Подробнее об участии двух ветвей ирландских ФитцДжералдов в политической борьбе см.: Carey V. Surviving the Tudors. The 'Wizard' Earl of Kildare and English Rule in Ireland, 1537–1586. Dublin. 2002.

В 1574 г. Р. О'Мор был схвачен англичанами, но сумел бежать из плена и продолжил захваты земель и грабеж своих бывших держателей в Лейше. Его дерзость и жестокость заставили Генри Сидни в 1575 г. двинуть против него свою армию. Впечатленный силами англичан, Рори Ог покорился наместнику: прибыл в Килкенни, где в кафедральном соборе клятвенно заверил Сидни в своем раскаянии и твердом намерении отныне «вести лучший образ жизни, ибо вести более дурной, чем он вел прежде, было невозможно».²⁰ 4 июня 1576 г. мятежнику была дарована амнистия. Однако спустя полгода он снова нарушил данные обещания, причем ответственность за это во многом лежала на английской стороне. Как полагают, сенешаль Графства Королевы Фрэнсис Косби и один из организаторов частных английских поселений Роберт Хартпол при негласном поощрении со стороны ряда англо-ирландских аристократов и губернатора Г. Сидни решили одним ударом избавиться от неблагонадежных ирландских вождей. Под предлогом заключения политического союза их пригласили на мирную встречу в замок Муллагмаст (графство Килдер), куда съехалось около сорока предводителей кланов с семьями и сторонниками. После того, как Генри Сидни покинул собрание, англичане окружили безоружных ирландцев и устроили резню. Среди жертв оказались жена Рори Огга и все его люди, чьи головы стали трофеями английской армии²¹. Сам он чудом сумел ускользнуть вместе с единственным уцелевшим слугой.

Одержимый жаждой мести, О'Мор собрал большие силы, объединившись с людьми из клана О'Конноров, и вторгся на территорию английского Пэйла, что было неслыханной дерзостью. Вместе с Кормаком МакКормаком О'Коннором они,

²⁰ Г. Сидни – Тайному совету, 16 декабря 1575 // Sidney Letters and Memorials / Ed. by A. Collins. L., 1746. Vol. I. P. 83.

²¹ Возможно, на гравюре V, сопровождавшей текст Деррика, в сцене триумфального возвращения английских солдат с головами поверженных ирландцев, изображена и отрубленная голова жены Рори О'Мора.

подобно «адским фуриям», сожгли рыночный городок Наас²². Сидни назначил за голову мятежника огромную по тем временам награду – 1000 ф.ст. Его армия упорно преследовала О’Мора, о чем губернатор регулярно докладывал Тайному совету, однако мятежник избегал решающего сражения и чудом ускользал от противника.

В конце концов, Рори Огг пал жертвой собственных интриг и клановой вражды: пытаясь заманить в ловушку своего давнего врага Барнаби Фитцпатрика, барона Верхнего Оссори лояльного Сидни, он попал в руки противника и был убит в июне 1578 г. Победитель доставил его голову в Дублинский замок (официальную резиденцию наместника в Ирландии), где она заняла свое место среди множества отрубленных голов ирландских мятежников, выставленных на стенах²³.

В памфлете Джона Деррика образ Рори Ога О’Мора несет особую нагрузку: с одной стороны, это реальный человек, обладающий яркой индивидуальностью, с другой – персонификация всех «диких ирландцев» и их мятежных вождей, не признающих власти английской короны. Во вступлении к этой части своего труда Деррик обещает читателю со временем создать целую «галерею» портретов знаменитых предводителей ирландских бунтовщиков, поскольку действительность предоставляет ему широкий выбор, а образ Рори Ога, по его сло-

²² Introduction // *The Image of Ireland...* P. XIX–XX.

²³ Обычай отрезать или скальпировать головы врагов, выставляя их как трофеи, англичане переняли у ирландцев, активно прибегая к столь варварской демонстрации военной победы. Этой практике в контексте «ирландизации» английского населения Пэйла и жесткой политики властей посвящено немало исследований. См., в частности: *Bradshaw B. Sword, Word and Strategy in the Reformation in Ireland // The Historical Journal. Vol. 21. No. 3. 1978. P. 475–502; Palmer P. “A headlesse Ladie” and “a horses loade of heads”: writing the beheading // Renaissance Quarterly. Vol. 60. 2007. P. 25–57; Covington S. ‘Realms so barbarous and cruell’: Writing Violence in Early Modern Ireland and England // History. Vol. 99. No. 3 (366). 2014. P. 487–504; Kane B. Ordinary Violence? Ireland as Emergency in the Tudor State // History. Vol. 99. No. 3 (336). 2014. P. 444–467.*

вам, должен стать «краеугольным камнем» этого масштабного замысла. В то же время сам О'Мор – совершенное воплощение мятежника, и его история достаточно показательна, чтобы сделать из нее необходимые политические умозаключения и моральные выводы²⁴.

Проблема выбора жанра и авторской стратегии в репрезентации Рори Ога заслуживает особого внимания. Несмотря на то, что Деррик прекрасно знал факты, связанные с противостоянием О'Мора сэру Генри Сидни, а, возможно, и сам принимал участие в военной кампании последнего, его текст не является документальным историческим репортажем или мемуарами очевидца. Избрав форму пропагандистского памфлета, содержащего предостережение непокорным ирландцам и пророчество о неминуемой расплате за их грехи, Деррик создает литературный опус, в котором с легкостью размывается граница между реальностью и фикцией. Он помещает Рори Ога в некое ирреальное пространство (тот изображен одиноким изгнанником, прозябающим среди дикого леса и топких болот) и вкладывает в его уста вымышленный монолог-исповедь, по сути – самообличение поверженного мятежника. По словам автора, Рори Ог готов публично раскаяться в том, что отвергал милосердие, проявленное к нему королевой по ходатайству сэра Генри Сидни, и неоднократно предавал ее, за что теперь покинут Богом и людьми. Предвидя свою неминуемую судьбу, разбойник обливается слезами (однако автор называет их «волчьими», намекая на то, что раскаяние мятежника не абсолютно, его жалобы полны отчаяния и озлобления)²⁵.

На протяжении всего фиктивного монолога Рори Ог признается в извращенности и порочности собственной натуры: ему присущи склонность ко всяческим раздорам, неблагодарность и лисья хитрость. Он – воплощение зла, предатель и клятвопреступник, грабитель, опустошающий и сжигаю-

²⁴ The Image of Ireland ...P. 69.

²⁵ Ibid. P. 69–70.

щий все на своем пути, порочный негодяй (*vilaine vile*), гордящийся своей дурной славой. Он одержим Сатаной, который подталкивает его к греху. Проклятый грешник, которому отказано в благодати, он наяву предчувствует муки Ада, которые невозможно описать человеческим языком. Эти разоблачения, якобы сделанные от первого лица, тут же повторяются еще раз, благодаря подробнейшим авторским комментариям на полях, содержащим оценку поступков О'Мора с официальной точки зрения. Подобное дублирование одних и тех же идей, безусловно, подчинено целям автора как проповедника, который должен убедить своих читателей в пагубности и бессмысленности мятежа.

Более того, те же мотивы в третий раз воспроизводятся в стихотворном тексте, сопровождающем гравюру XI, изображающую Рори Ога, закутанного в длинную ирландскую мантию, в чаще леса (Рис. 1). На «бандероли», исходящей из его уст, помещен латинский текст (что, по-видимому, должно было служить отсылкой к ложной католической вере мятежника): «*Ve mihi misero*». Лишь дикий волк в чаще вторит ему – «*ve atque dolor*». В комментарии к гравюре поднимается тема Фортуны, которая поддерживала его «дьявольские начинания» (*devilish enterprice*) и ненадолго позволила вознестись «закоренелому мятежнику» (*rebell stoute*). Слепленный амбициями, он узурпировал титулы, на которые не имел прав, поправ законы и развязал войну, но когда королева лишила его своей милости, был, в мгновение ока, низвергнут. Завершается комментарий пророчеством о том, что подобная судьба постигнет каждого, кто восстанет против власти своей законной государыни.

В воображаемом монологе раскаявшийся мятежник неоднократно превозносит английскую королеву – мощь ее армии, справедливость законов и милосердное правление. И в тексте его «исповеди», и в маргиналиях прославляются также доблести и заслуги сэра Генри Сидни. Несмотря на то, что в реаль-

ности губернатор Ирландии так и не смог пленить Рори Ога, в тексте Деррика тот всецело приписывает Г. Сидни решающую роль в его окончательном разгроме²⁶.

Губернатор представлен в памфлете как верный слуга королевы, воплощение ее законной власти. Он – орудие, как ее милосердия, так и справедливого правосудия. Рори Ог признается, что не питал ни малейшего уважения к английским законам, однако «политика Сидни» (*Sidneis pollicie*) вынудила его склониться под тяжестью «могучей длани королевы» и пасть ниц перед ее законом, внушающим трепет²⁷. Амнистии за прежние преступления, неоднократно дарованные ему губернатором, он называет «дарами», которых недостойн, и сокрушается, что возможности отплатить за них у него уже не будет²⁸.

Сидни – не только вице-король, наместник королевы, он – инструмент высших сил. Сам Господь решает, что время О’Мора истекло, и наступил черед Справедливости / Правосудия (*Justice*) выйти на первый план. Аллегорическая фигура Справедливости насылает на мятежника свои войска (*warlike crew*), преследующие его подобно «хищным ястребам», и нет такой норы или щели, куда могла бы забиться их добыча. Сидни оказывается включенным в аллегорический нарратив, поскольку в примечании на полях Д. Деррик истолковывает этот поэтический образ в том смысле, что, благодаря хорошо поставленной информации, губернатору известны все места, где мятежник мог бы укрыться, и его армия будет неотступно преследовать свою жертву²⁹. Рори Ог превозносит стратегию (*strategemes*) и мудрость Сидни, исключительно благодаря которому он оказался побежден и доведен до столь жалкого состояния.

²⁶ «...brought into great miserie by Sir Henry Sidney the Lorde Deputies daily instigation...» – *The Image of Ireland ...* P. 69.

²⁷ *Ibid.* P. 72.

²⁸ *The Image of Ireland ...* P. 74.

²⁹ *Ibid.*

Мятежнику не помогли ни Марс, ни Юпитер, низвергнуть его оказалось по силам только Генри Сидни, который предстает колоссальной фигурой, готовой потягаться с языческими богами.

Д. Деррик заставляет Рори Ога вспомнить прежние столкновения с губернатором, в ходе которых тот освобождал его пленников, а мятежник терял своих родных и друзей. В маргинальных комментариях автор без колебаний одобряет жестокость, проявленную англичанами по отношению к ирландским вождям в Муллагмасте, когда погибла жена Рори Ога, – «цветок его молодости», или когда тринадцать его сподвижников были окружены английскими солдатами в хижине и заживо сожжены. В обоих случаях ответственность за эти потери возлагается на самого Рори Ога, который не держал слова и был ненадежен, за что и понес заслуженную кару. Его преступления привели в ярость сами небеса, и Юпитер попустительствовал страшной гибели его близких³⁰.

Отдавая должное жанру народной баллады, Д. Деррик позволяет О'Мору поведать занимательную историю о том, как он чудом ускользнул от англичан, однако, дабы у читающей публики не возникло сочувствия к разбойнику (что нередко случается с балладами), автор тут же возвращается к рассуждениям об испорченности натуры Рори Ога и его соратников. Среди погибших оказывается ближайший советник О'Мора, которого он именует «хитрым лисом» (*craftie foxe*), потакавший любым его беззакониям, поскольку их роднила подверженность соблазну (*lust*)³¹. Лишившись советника, Рори Ог утратил кураж и способность думать, он не знал, что делать дальше, тем более, что у него больше не было ни отряда, ни продовольствия, которое они добывали грабежом.

Единственный путь из его убежища на болотах вел прямоком в Ад, ибо на его пути стоял «трижды прославленный ры-

³⁰ The Image of Ireland... P. 75.

³¹ «For whilst he liu'ed, my harte possest his lust / And lust enioyede, what so it could inuent...» – Ibid. P. 76.

царь» – Сидни, образ которого у Деррика все более утрачивает реальные и обретает аллегорические черты. «В поле» на поединок выходит рыцарь королевы, чтобы доказать ее правоту, наделенный храбрым сердцем, подобным вечнозеленому лавру, мужеством, упорством и мудростью. Фанфары трубят ему славу по всей ирландской земле³². Таким образом, его противостояние с Рори Огом воспринимается как поединок Божьего суда, в котором обнаруживается истина и проявляется воля Творца. Наряду с Сидни мятежник отдает должное его опытным воинам (*his marshall knights, et expert men of warre*), хотя исключительная заслуга в том, что англичане одерживают верх, принадлежит, конечно, губернатору³³.

В конце монолога Рори Ог пророчествует, истолковывая различные небесные знамения, и предсказывает неминуемый конец всему своему мятежному племени, которому суждено исчезнуть с лица земли³⁴. Тем более, замечает в маргиналии Д. Деррик, что он осознает твердое намерение Сидни уничтожить его. О'Мору видится десница Господа, угрожающая ему косою (под этим, как разъясняет автор, подразумевается

³² «For Sidney now, that thrice (renowmed knight,) T'augment the same, and service of his queene Stands out in feeld, by sworde to trie her right: (Whose valiant hart, like to the Laurell greene, For courage stoute, and prudence mixt betweene, Is had in Price) renowmed for the same, Through Irishe soile, in trompe of happie fame» – Ibid. P. 77.

³³ «He sondrie waies, doeth aggrauate my smart, He, he, I saie, hath wrought me sore anoye, His wisdomes skill, hath daunted sore my hart: And my attemptes, doeth utterly destroye, He daie from daie, his accions doeth imploye, False Rories daies, to breuiate with speede; Because that he, so vile a life doeth leede...» – Ibid.

³⁴ «...howre is at hande In which the cept of my rebellious race, Shall be extirp't, and bolishte clene the lande...» – The Image of Ireland... P. 79.

меч правосудия в руке Сидни, которым он покарает всех преступников)³⁵. Когда же он скошит свой урожай, наступит время мира и безопасности. Рори Ог предсказывает, что после его гибели люди будут ходить в диких горах, не страшась ни тигров, ни волков, ни медведей, дети станут мирно засыпать рядом с леопардами, не останется повода для страха, поскольку его источник будет уничтожен мечом «сурового завоевателя»³⁶.

Творец будущего идеального мира – сэр Генри – воссядет, увенчанный короной Славы, и будет прославлен в веках среди правых, и, хотя брненное тело его со временем обратится в прах, его имя будет цвести, подобно вечнозеленому лавру³⁷. После этого панегирика наместнику О’Мору остается лишь в последний раз предостеречь всех живущих от греха и измены, ибо, хотя приход Правосудия может быть на время отсрочен, он все же неминуем. Таким образом, история Рори Ога органично вписывается в апокалиптический контекст вселенской борьбы Добра и Зла. Недавние события служат подтверждением концепции Деррика о том, что мятежные ирландцы не поддаются исправлению ввиду изначальной испорченности их природы, они одержимы Дьяволом, о чем свидетельствуют собственные признания О’Мора. Это оправдывает применение насилия со стороны англичан, получающих божественную санкцию на жестокое и полное истребление «закоренелых мятежников».

Поэтическое аллегорическое видение Генри Сидни уживается с его более чем реалистическим образом, представлен-

³⁵ The Image of Ireland... P. 80.

³⁶ Ibid.

³⁷ «Then H. & S. through whom this peace doth spring,
For his desartes, shall crouned sitte with Fame,
And ouer that, which is a better thyng:
He shall possesse an euerlasting name,
Emongest the iuste, that well deserue the same,
And through y tyme, shall turne his corps to clay
Yet shall his name, still floriske as the Baye». – The Image of Ireland ... P. 80.

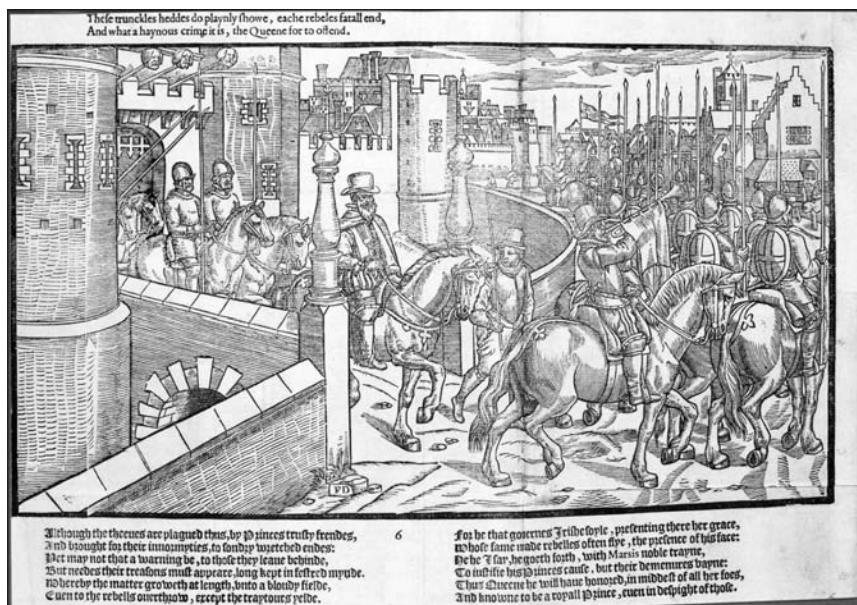

Рис. 2. Генри Сидни выступает в поход из Дублинского замка

ным в иллюстрациях к портрету. Проблема взаимодействия и взаимодополнения текста и визуального материала – уже неоднократно упоминавшихся выше ксилографий, заслуживает отдельного внимания. Исследователи давно подметили, что гравюры, иллюстрирующие разные части издания, существенно отличаются по степени художественной проработки и качеству исполнения³⁸. Первые пять, иллюстрирующие нравы диких местных жителей, выглядят менее изысканными, чем те, что изображают мир англичан, самого Генри Сидни и его армию. Едва ли это было изначально задумано автором. Более вероятным представляется, что важные с идейной точки зрения гравюры, связанные с репрезентацией наместника,

³⁸ См., в частности: Knapp J.A. “That moste barbarous Nacion”: John Derricke’s “Image of Ireland” and the “delight of the well disposed reader” // Criticism. Vol. 42. No. 4. 2000. P. 415–450.

Рис. 3. Генри Сидни принимает ирландского гонца

были выполнены по заказу Джона Дэя более искусным резчиком. Нас будут интересовать именно гравюры VI–XII, прославляющие победы и деяния Сидни, который выступает как могущественный вице-король, не только представляющий в Ирландии свою госпожу, но и воплощающий всю мощь английской монархии.

Гравюра VI, на которой впервые появляется Г. Сидни, (Рис. 2) выявляет цивилизационные различия между «дики-ми лесными разбойниками» и англичанами. Последние принадлежат к городской цивилизации, в то время как ирландцы всегда изображены среди полей и лесов. Наместник выезжает из ворот Дублинского замка в сопровождении конницы, вооруженной копьями, и трубачей. Мощные фортификационные сооружения, занимающие центральное место в композиции гравюры, по-видимому, могли напомнить о том, что именно Сидни укрепил главную цитадель Дублина. На стенах замка

Рис. 4. Английская армия во главе с Генри Сидни на марше

выставлены головы «преступников», «оскорбивших королеву». Величественная поступь коня, мерное торжественное движение процессии подчеркивают уверенность губернатора в себе и в силе его армии. В стихах, поясняющих смысл изображения, говорится, что слава Сидни заставляет мятежников обращаться в бегство. Наместник выступает в поход с сопровождением, достойным Марса, чтобы доказать, что дело его госпожи – правое и прославить ее.

Пространство гравюр VII–IX заполнено бесчисленными солдатами и офицерами, окружающими наместника, лесом знамен, копий и аркебуз. На первой из иллюстраций войско находится в ожидании, в то время как Сидни милостиво беседует с посланцем от вождя клана О’Доннеллов (Рис. 3) и хотя, как гласит подпись, солдаты готовы отдать свою кровь и жизнь за королеву, «безопасность которой – залог безопасности всех», Генри Сидни все же предпочитает благословенный мир

Рис. 5. Английская армия обращает ирландцев в бегство

жестокоей войне. Если ирландцы этого не оценят – пусть пеняют на себя, тогда он пойдет на них огнем и мечом, чтобы они почувствовали на себе всю мощь королевы.

Далее движение неуклонно нарастает: на гравюре VIII (Рис. 4) армия на марше, гравюра IX изображает англичан, атакующих и преследующих врага. Английское войско, ошестинившееся сотнями копий, мечей и аркебузов, выглядит устрашающей железной машиной, которую направляет Сидни. Как утверждается в подписи, ни один из диких разбойников не сможет противостоять ему на поле брани и минуты, не сможет даже выдержать одного вида этого славного рыцаря. В стихах к гравюре IX (Рис. 5), изображающей бегство ирландцев и их гибель под копытами английской конницы, снова звучит тема законности наказания «зверских бестий» (beastly beasts), разрушающих законы королевы. Английское войско – это не просто одержимые яростью солдаты: сама Дама Справедливость выступает против преступников, и скоро Марс завершит вой-

Рис. 6. Триумфальное возвращение Генри Сидни в Дублин

ну, поразив сердца чрезмерно возгордившихся мятежников своим мечом.

На гравюре X (Рис. 6) Генри Сидни, одержавший победу над врагом, вступает в Дублин, принимая приветствия мэра и олдерменов города, облаченных в парадные мантии. В торжественной процессии ему предшествуют трубачи, йомены-телохранители и герольд. Здесь впервые фигурируют инсигнии вице-короля Ирландии – скипетр, увенчанный короной, и меч. Это поистине королевская процессия. Данная гравюра, единственная из всех, имеет картуш с датировкой – 1581 год, и текстом, прославляющим победу Сидни над «предателями». В стихотворной подписи есть любопытный момент – упоминание о том, что Слава доставила известия об успехах наместника ко двору его суверенной правительницы (and Fame unto our Soueraignes Courte report thereof doth yeld), однако дальнейших упоминаний о реакции на эти новости в Англии нет, в то время как в Дублине Сидни повсюду

встречают выражениями радости (he is receiued with joy on euery parte).

Гравюра XII (Рис. 7) представляет апогей политической карьеры Сидни в Ирландии, когда, как утверждается в подписи, известия о его военных успехах заставили всех признать законность действий англичан и «священное право Девственной Королевы заботиться о благополучии ее подданных», и «великий О'Нил» (Турло О'Нил) по собственной воле пришел к нему, чтобы просить милости и благосклонности королевы, которой он клятвенно обещал стать верным подданным и «защищать ее имя и честь». Встреча Сидни и О'Нила изображена на гравюре дважды: на заднем плане губернатор милостиво поднимает ирландского вождя, преклонившего колено, на первом плане Сидни восседает в богато украшенном шатре, в курульном кресле. Одесную от него – государственный меч на церемониальной подушке, перед ним – преклонившие колени ирландцы, приносящие присягу, во главе с Турло О'Нилом, которого отличает от остальных английское платье, подчеркивающее «цивилизованность» нового союзника Сидни. На этой гравюре сэра Генри представлен в истинно монаршем величии, однако это не должно было вызвать беспокойства у английских властей и обвинений в чрезмерных амбициях или сепаратизме, поскольку красной нитью через все сопроводительные тексты к изображениям проходит утверждение о том, что он лишь представляет королеву, верным слугой которой является. Это подчеркивается и в финальных строках подписи к гравюре, где говорится, что Генри Сидни, восседающий на почетном месте – рыцарь, достойный представлять персону королевы (Lo where he sites in honours seet, most comely to be seene / He worthy for to represent the person of a Queen).

Примечательно, что завершая свой труд историей добровольного подчинения Т. О'Нила сэру Генри Сидни, которую иллюстрирует эта великолепная гравюра, Джон Деррик нарушает истинную хронологию событий, происходивших в Ир-

Рис. 7. Генри Сидни принимает присягу верности у Т. О'Нила

ландии. Присяга О'Нила имела место в 1567 г., то есть, прежде, чем развернулось основное противостояние губернатора с Рори Огом О'Мором. Однако, автор считал, что мирное подчинение вождя клана, представители которого в прошлом доставляли немало хлопот елизаветинской администрации, с идейной точки зрения будет более эффектной кульминацией его рассказа о деяниях Сидни. В прологе к четвертой части своего памфлета, повествующей о том, как Сидни принимал присягу О'Нила, Деррик обосновывает свое решение тем, что будет несправедливо бесконечно описывать мятежи и войны, обойдя вниманием прецедент добровольного подчинения ирландцев (a president of humble submission) наместнику королевы³⁹. Кроме того, этот сюжет создавал возможность более оптимистического и радостного финала, в том числе, и в сотериологическом плане. В небольшом разделе памфлета,

³⁹ The Image of Ireland... P. 82–84.

посвященном союзу Сидни и О'Нила, Д. Деррик снова возвращается к рассуждениям о благодати, которую получает каждый верный подданный королевы, о том, какую неземную радость дарит каждому ее расположение – сокровище, которое дороже жемчугов и алмазов. В одной из маргиналий автор утверждает, что если в ком-то из новых подданных королевы есть хоть капля божественной благодати, он уже не сможет с легкостью снова стать мятежником⁴⁰. Отсюда следует неизбежный вывод о том, что закоренелые мятежники совершенно лишены благодати, поэтому пребывают в постоянном беспокойстве и страхе. В противовес им блаженны те, кто не приемлет восстания против властей, этой «забавы глупцов» (*fooles games*), любит свою государыню и служит ей верой и правдой⁴¹.

Подводя итоги, можно констатировать, что памфлет Д. Деррика, безусловно, является апологетическим пропагандистским текстом, призванным впечатлить читающую публику, как в Ирландии, так и в Англии, колоссальными усилиями Генри Сидни по приведению Ирландии к порядку и полному подчинению, а также его многочисленными военными победами (масштабы которых явно преувеличены). Деятельность наместника практически сводится к экспедициям с целью подавления или умиротворения ирландских кланов. Деррик в первую очередь представляет Сидни как военачальника, который неотступно теснит врагов и готов применять к ним самые суровые меры, которые оправдываются порочной «дьявольской» природой гэльских разбойников. В то же время следует заметить, что автор не отказывает наместнику и в мирных, «конституционных» устремлениях, подчеркивая его готовность проявлять милосердие. Сидни у него предпочитает не воевать, а заключать мирные договоренности с теми, кто готов покориться и соблюдать английские законы.

⁴⁰ The Image of Ireland... P. 86.

⁴¹ Ibid. P. 88.

В определенном смысле Д. Деррик признает за частью непокорных «лесных жителей» толику благодати и разума, благодаря которым для них сохраняется шанс стать частью английского общества и верными подданными английской королевы. Заметим, подобные допущения, которые содержатся в четвертой части памфлета, остаются почти не отрефлексированными в научной литературе, посвященной «Образу Ирландии».

Амбивалентность образа Сидни явственно обнаруживает себя в иллюстрациях к памфлету, при этом ряд гравюр, изображающих его во главе армии, транслирующих идею мощи и неизбежного подавления любого мятежа, коррелирует с основным текстом, в то время как представление Сидни как «вице-короля мира», милостиво принимающего ирландцев, не находит параллели в тексте. Тем важнее присутствие в книге этого визуального образа, который служит зримым воплощением торжества порядка, закона и «цивилизованности».

Принимая во внимание, что среди читателей его памфлета могли оказаться и королева, ревниво относившаяся к циркуляции гравюр, прославлявших ее военачальников, и недоброжелатели Сидни, готовые указать ей на чрезмерно возвысившегося наместника, Деррик очень тщательно поддерживает баланс между прославлением Сидни и самой королевы как суверенной правительницы Англии и Ирландии, чью власть и персону наместник лишь представляет. В панегирическом тексте нет ни единого пассажа, в котором можно было бы усмотреть декларацию неуместных политических амбиций Сидни. Его образ как верного рыцаря, «чемпиона» королевы, выступающего за нее на аллегорическом «судебном поединке», выдержан в неокуртуазном духе, и это свидетельствует об удивительной многослойности текста Деррика, в котором иллюстрированная баллада, нацеленная на простонародного читателя, естественным образом переплетается с мотивами рыцарской литературы и средневековой аллегории. Сидни –

христианский рыцарь-протестант, чьи победы, по мнению автора, обеспечат ему вечную славу, но главное – спасение и место среди праведников в лучшем мире. В аллегорическом измерении он выступает орудием Божественной справедливости и правосудия, фигурой поистине космического масштаба, апокалиптическим «косцом», под корень срезающим Зло. Таков был язык политической культуры, с помощью которого автор, издатель и их заказчики рассчитывали восстановить пошатнувшуюся репутацию Генри Сидни и вооружиться для очередного раунда борьбы за контроль над административной системой Ирландии.

Henry Sidney and John Derricke's «Image of Ireland»: The Policy of Literary Fiction

Дмитриева Ольга Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Dmitrieva Olga V. – Doctor of Sciences in History, Professor, Moscow State (Lomonosov) University, Department of Medieval Studies.

Аннотация. В работе анализируется памфлет Джона Деррика, сыгравший важную роль в формировании образа Ирландии и ирландцев в решающий период елизаветинской колонизации этой страны. Исследователи отмечали, что этот текст знаменовал собой переход от традиционного дискурса «варварства» и «цивилизованности» в описании взаимоотношений англичан и ирландцев, к «апокалиптическому» дискурсу, в котором ирландцам приписывалась изначально порочная натура, обрекавшая их на вечное проклятие. Якобы лишённые благодати, они не поддавались «цивилизаторским» усилиям, не были способны воспринять английские законы и стать частью единого с англичанами политического тела, из чего вытекало оправдание жестких мер по отношению к «мятежным ирландцам» вплоть до их истребления. В данной статье автор сосредоточивает преимущественное внимание на анализе политического

контекста, в котором был написан памфлет, представлявший апологию деятельности вице-короля Ирландии Генри Сидни, а также на использовании им литературного патроната в полемике о способах управления этой страной. В работе анализируются основные составляющие образа Сидни, представленного в памфлете верным слугой королевы, победоносным военачальником, христианским рыцарем и «апокалиптическим» небесным «косцом» – воплощением Божественного правосудия.

Ключевые слова: елизаветинское завоевание Ирландии, «Образ Ирландии», наместник в Ирландии, Генри Сидни, Филип Сидни, Джон Деррик.

Abstract. The article deals with John Derricke's pamphlet which has contributed to the formation of the image of Ireland and Irish people at the crucial moment of Elizabethan conquest of Ireland. This text is thought to be a key one that marked a shift from the traditional lexicon of "barbarism" and "civilization", used for the description of the relationship between the English and Irish peoples, to the soteriological discourse which accentuated the corrupt nature of the Irish. As reprobates they were immune to the civilizing efforts and lacked any ability to embrace English law and become an integral part of body politic common for both nations. Such perception led to the justification of severe measures towards the Irish "rebels", including their total extermination. The present article focuses on Derricke's book as an apologia of Viceroy Henry Sidney's strategy in Ireland and places the pamphlet in a wider context of discussions concerning the English policy in this country. The image of Sir Henry Sidney, created by John Derricke, is also under discussion. The Lord Deputy was represented as a loyal subject to the Queen, victorious commander, Christian knight and "apocalyptic haymaker" – the embodiment of Heavenly Justice.

Key words: Elizabethan conquest of Ireland, «The Image of Ireland», Lord-Deputy of Ireland, Henry Sidney, Philip Sidney, John Derricke.

Библиография

Источники

Campion E. A Historie of Ireland, written in the Year 1571. By Edmund Campion, sometime Fellow of St. John's College, in Oxford. Dublin. 1633. Reprinted...by John Morrisson. Dublin. 1809.

The Correspondence of Sir Philip Sidney / Ed. by R. Kuin. 2 vols. Oxford. 2012.

Derricke J. The Image of Ireland, With a Discoverie of Woodkarne (Reprint of original edition, London, 1581) / Ed. by J. Small. Edinburgh. 1883.

Sidney Ph. A Discourse on Irish Affairs // The Prose Works of Sir Philip Sidney / Ed. by A. Feuillerat. Vol. 3. Cambridge. 1962. P. 46–50.

Letters and Memorials of State: in the Reigns of Queen Mary, Queen Elizabeth, King James... // Ed. by A. Collins. L., 1746.

A Viceroy's Vindication? Sir Henry Sidney's Memoir of Service in Ireland. 1556–78 / Ed. C. Brady. Cork. 2002.

Литература

Сапрыкин Ю.М. Английская колонизация Ирландии в XVI – первой половине XVII в. М., 1959.

Adams S. Leicester and the Court. Essays on Elizabethan Politics. Manchester; N.Y., 2002.

Bagwell R. Ireland under the Tudors. 3 vols. L., 1885.

Brady C. The Chief Governors: The Rise and Fall of Reform Government in Tudor Ireland, 1536–1588. Cambridge. 1994.

Bradshaw B. Sword, Word and Strategy in the Reformation in Ireland // The Historical Journal. Vol. 21. No. 3. 1978. P. 475–502.

Canny N.P. The Elizabethan Conquest of Ireland: A Pattern Established, 1565–1576. L., 1976.

Canny N.P. Making Ireland British, 1580–1650. Oxford. 2001.

Carey V. Surviving the Tudors. The 'Wizard' Earl of Kildare and English Rule in Ireland, 1537–1586. Dublin. 2002.

Covington S. 'Realms so barbarous and cruell': Writing Violence in Early Modern Ireland and England // *History*. Vol. 99. No. 3 (366). 2014. P. 487–504.

Duncan-Jones K. Sir Philip Sidney, Courtier Poet. New Haven. 1991.

Edwards D. Age of Atrocity: Violence and Political Conflict in Early Modern Ireland. Dublin. 2010.

Ellis S.G. Tudor Ireland. L., 1985.

Falls C. Elizabeth's Irish Wars. L., 1950 (2nd ed. – L., 1996).

Gilbert J.T. History of the Viceroyes of Ireland. Dublin. 1865.

Irish B.J. The Sidneys and Foreign Affairs, 1575–1578 // *English Literary Renaissance*. Vol. 45. No. 1. 2012. P. 90–119.

Kane B. Ordinary Violence? Ireland as Emergency in the Tudor State // *History*. Vol. 99. No. 3 (336). 2014. P. 444–467.

Knapp J.A. "That moste barbarous Nacion": John Derricke's "Image of Ireland" and the "delight of the well disposed reader" // *Criticism*. Vol. 42. No. 4. 2000. P. 415–450.

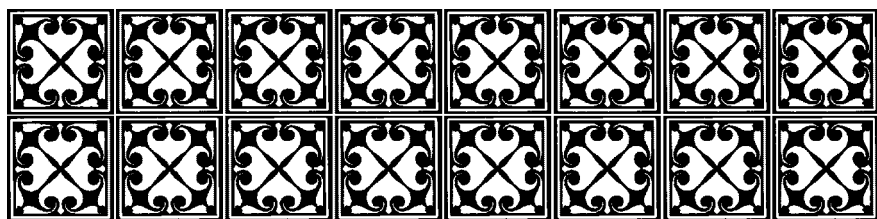
Lennon C. Sixteenth Century Ireland: The Incomplete Conquest. Dublin. 1995.

Morgan H. 'Never Any Realm Worse Goverened': Queen Elizabeth and Ireland // *Transactions of the Royal Historical Society*. 2004. Vol. 14. 2004. P. 295–308.

Morgan H. The Messenger in John Derricke's Image of Ireland (1581) // *History Ireland* – <http://www.historyireland.com/early-modern-history-1500-1700/the-messenger-in-john-derrickes-image-of-ireland-1581/>.

Moroney M. Apocalypse, Ethnography, and Empire in John Derricke's "Image of Ireland" (1581) and Spenser's "View of the Present State of Ireland (1596) // *English Literary Renaissance*. Vol. 29. No. 3. 1999. P. 355–374.

Palmer P. "A headlesse Ladie" and "a horses loade of heads": writing the beheading // *Renaissance Quarterly*. Vol. 60. 2007. P. 25–57.

Ф. Е. Левин

Периферийный взгляд на композитарную монархию: пример раннестюартовской Ирландии

Новая британская история и современные вызовы

Известный историк Дж. Моррилл в свое время отмечал, что интерес к «проблеме Британии» всякий раз возрастает в периоды потенциального или реального смещения тектонических плит, на которых покоится архипелаг¹. Брекзит запустил процесс дезинтеграции внутри Соединенного королевства и в очередной раз обнажил кризис британской идентичности, что стало заметно в различных дискуссиях о выходе Соединенного Королевства из ЕС, о государственной границе между Северной Ирландией и Ирландией и о нового референдуме о независимости Шотландии. Происходящие события спровоцировали новый этап рефлексии в гуманитарных науках по поводу комплексности и множественности идентитарных процессов в Соединенном Королевстве и Ирландии; по поводу взаимоотношений между народами, населяющими архипелаг, и опосредующими их властными структурами, и по поводу

---

¹ *Morrill J. Thinking about the New British History// British political thought in history, literature and theory, 1500–1800 / ed. by D. Armitage. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 29.*

того, что такое Британия и британскость вообще². Описанные выше дискуссии характеризуются двумя чертами: преимущественным доминированием модернистской перспективы и нациоцентричных подходов.

Низкий уровень вовлеченности в обсуждение специалистов по истории раннего Нового времени представляется странным не только потому, что они стояли у истоков новой британской истории,³ позволяющей выйти на более широкий уровень концептуальных обобщений по поводу общности или, наоборот, своеобразия, взаимообусловленности и взаимовлияния процессов, происходивших на архипелаге, но и потому, что анализ источников XVI–XVII вв. позволяет глубже взглянуть на генезис современных идентитарных процессов.

В то же самое время не приходится удивляться малой представленности британской оптики осмысления в связи с ее сравнительной непопулярностью у историков, особенно у ирландских и шотландских, из-за ее англоцентризма, который так

² См.: *Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the myth of British national identity // Interpreting Brexit: reimagining political traditions / ed. by M. Bevir and M. Beech. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 1–16; Hayward K., McManus C. Neither/Nor: The rejection of Unionist and Nationalist identities in post-Agreement Northern Ireland // Capital & Class. 2019. Vol. 43(1). 139–155; Henderson A., Jones R. W. Englishness: the political force transforming Britain. Oxford: Oxford University Press, 2021; Todd J. Unionism, identity and Irish unity: paradigms, problems and paradoxes // Irish Studies in International Affairs. 2021. Vol. 32. N. 2. P. 53–77; Literature and Union: Scottish Texts, British Contexts / ed. by C. Kidd, G. Carruthers. Oxford: Oxford University Press, 2018; McEwen N. Irreconcilable sovereignties? Brexit and Scottish self-government // Territory, Politics, Governance. 2022. Vol. 10. Iss. 5. P. 733–749; Schwyzer P. The age of the Cambro-Britons: hyphenated British identities in the seventeenth century // The Seventeenth Century. 2018. Vol. 33. Iss. 4. P. 427–439.*

³ См. *Pocock J. British History: A Plea for a New Subject // Journal of Modern History. 1975. Vol. 47. N. 4. P. 601–621*; о различных подходах к способам написания «новой британской истории» см.: *Федоров С. Е. Новая британская история: единый дискурс или контексты национальной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000968-3-1> (дата обращения: 20.10.2022); Morrill J. Thinking about the New British History... P. 25–29.*

и не смогла преодолеть новая британская история. Еще одним фактором является восприятие понятий «Британия» и «Британские острова», структурирующих географическое пространство анализа, как политически нагруженных.⁴ Отвечая на эти вызовы, ученые пытаются противопоставить британской оптике более широкие – трансатлантические и европейские, или более узкие – национальные или локальные рамки.

Однако, как мне кажется, существуют области исследования, где использование британской оптики методологически обосновано и где возможно полностью реализовать потенциал «новой британской истории» при учете критических замечаний ее оппонентов. Речь идет об исследовании не-английских вернакулярных дискурсов о Британии в XVI–XVII вв.

Во-первых, подобное исследование позволит не только сместить фокус самой новой британской истории путем обращения к периферийным голосам, ранее забытым или маргинализированным, но и разнообразить ее в языковом плане благодаря привлечению материала на кельтских языках.⁵ Несмотря на призывы ученых обратить внимание на не-английские концепции Британии и британскости в раннее Новое время⁶, альтернативные видения нового территориального

⁴ Brown K. British history: a sceptical comment // *Three Nations – a Common History? England, Scotland, Ireland and British History c. 1600–1920* / ed. by R. Asch. Bochum: Universitätsverlag N. Brockmeyer, 1993. P. 117–127; Canny N. 1) Irish, Scottish and Welsh responses to centralisation, c. 1530 – c. 1640: a comparative perspective // *Uniting the Kingdom? The enigma of British history* / ed. by A. Grant, K. Stringer. London: Routledge, 1995. P. 147–169; 2) *Writing Early Modern History: Ireland, Britain, and the wider world* // *The Historical Journal*. 2003. Vol. 46. No. 3. P. 723–747.

⁵ На языковую ограниченность новой британской истории уже указывали: Canny N. Irish, Scottish and Welsh... P. 49; Coolahan M.L. Whither the archipelago? Stops, starts, and hurdles on the four nations front // *Literature Compass*. 2018. Vol. 15. Iss. 11. P. 3–8.

⁶ Kidd C. The matter of Britain and the contours of British political thought // *British political thought in history...* P. 47–66; Langlands R. Britishness or Englishness? The historical problem of national identity in Britain // *Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. Iss. 1. P. 60–64; Pocock J.G.A. Two kingdoms and

образования изучены гораздо хуже англоцентричных версий композитарной монархии и британской идентичности. Они по-прежнему остаются изолированными во всех смыслах. Такое невнимание порождает ошибочные интерпретации, согласно которым идеи композитарной монархии, по сути, оставались не востребованными за пределами Лондона. Это не так, ибо шотландские, валлийские и ирландские интеллектуалы также пользовались новыми дискурсивными возможностями, предоставленными фактом включения их регионов в состав Британской монархии. В процессе полемики они также адаптировали и переосмыслили английские (и не только английские) концептуальные схемы и размышляли по поводу Британии и отношений между композитами. Таким образом, с моей точки зрения, интегрированное исследование всех имевшихся тюдоровских и раннестюартовских дискурсов, так или иначе преодолевавших региональные границы, позволит представить британское дискурсивное пространство как пространство полемики и диалога между региональными и английскими интеллектуалами, где коммуникация разворачивается не только с центром, но и между композитами.

Во-вторых, такое исследование способствовало бы пересмотру доминирующих в национальных историографиях эссенциалистских интерпретаций идентитарных процессов в раннее Новое время⁷. Оно позволило бы представить аль-

---

three histories? Political thought in British contexts // *Scots and Britons. Scottish political thought and the union of 1603* / ed. by R. A. Mason. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 293–312.

⁷ К примеру см.: *Williamson A.* Scottish national consciousness in the age of James VI: the apocalypse, the union and the shaping Scotland's public culture. Edinburgh: John Donald, 1997; *Levack B.* The formation of the British state: England, Scotland, and the Union 1603–1707. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 169–213; *Caball M.* Faith, culture and sovereignty: Irish nationality and its development, 1558–1625 // *British consciousness and identity. The making of Britain, 1533–1707* / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 112–139; *Jenkins P.* Seventeenth-century Wales: definition and identity // *Ibid.* P. 213–235; *Bradshaw B.* 'And so began the Irish

тернативную картину формирования британской монархии, в рамках которой дискурсы эпохалистской британской идентичности и региональных эссенциалистских идентичностей не только противостояли, но и взаимодействовали друг с другом.⁸ В таком случае оно могло бы показать, что эпохалистские сценарии были востребованы и в композитах.

Несмотря на то, что я планирую сконцентрироваться преимущественно на практически не изученных, в отличие от валлийских⁹ и шотландских¹⁰, концепциях британскости и Британии в раннестюартовских гэльской и гаэлизированной среде, я помещу их в общебританский дискурсивный контекст и тем самым намечу контуры исследования, предложенного в вводной части статьи. Акцентируя лишь только конфликтный характер ирландской идентичности в XVI–XVII вв., кристаллизовавшейся в противовес англизации и Реформации на Зеленом

---

nation': nationality, national consciousness and nationalism in pre-Modern Ireland. Furnham: Ashgate, 2015. P. 45–116.

⁸ Об эпохализме и эссенциализме см.: *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. С. 275–285. Подробнее об эпохалистских и эссенциалистских конструктах идентичности см.: Федоров С. Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. N. 3. С. 75–81; *Fyodorov S., Levin F.* Cultural practices and local identities in early modern Britain // *Figurationen und Personifikationen des Nationalen im frühneuzeitlichen Europa | National Figurations and Personifications in Early Modern Europe* / hrsg. von M. Müller, K. Pietschmann, T. Maissen. Bielefeld: Transcript Verlag, 2023 (in print).

⁹ К примеру, см.: *Pryce W.* Writing Welsh history: from the early middle ages to the twenty-first century. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 91–185; *Schwyzer P.* The age of the Cambro-Britons...

¹⁰ По этой теме историография довольно обширна. Из недавних работ см.: *Mason R. A.* 1) Debating Britain in seventeenth-century Scotland: multiple monarchy and Scottish sovereignty // *Journal of Scottish Historical Studies*. 2015. Vol. 35. N. 1. P. 1–24; 2) 1603: Multiple monarchy and Scottish identity // *History*. 2020. Vol. 105. Iss. 366. P. 402–421; *Williamson A. H.* David Hume, Richard Verstegan, and the Battle for Britain // *The Oxford Handbook of the Age of Shakespeare* / ed. by R. M. Smuts. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 322–45.

острове¹¹, исследователи зачастую упускают из виду вариативность сценариев формирования идентичностей в эту эпоху.¹² Историки уделяют внимание лишь только европейскому измерению ирландского протонационального дискурса в раннее Новое время¹³, вытесняя на второй план практики воображения ирландской идентичности в рамках британского пространства.

Считается, что ирландские интеллектуалы в раннестюартовскую эпоху не были вовлечены в полемику о «сущности Британии». В первую очередь этот аргумент можно найти у В.Морли, единственного, кто попытался контекстуализировать понятие «Британия» (*Breatain*) в ирландоязычном дискурсе XVII–XVIII вв. Наряду с традиционными для гэльской традиции ассоциациями Британии с Уэльсом¹⁴, он фиксирует

¹¹ Bradshaw B. 'And so began the Irish nation'... P. 57–117; Caball M. Faith, culture and sovereignty...; Canny N. 1) Irish, Scottish and Welsh responses...; 2) Imagining Ireland's pasts: Early modern Ireland through the centuries. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 30–59; Morley, V. Ó Chéitinn go Raiftearaí: mar a cumadh stair na hÉireann. Baile Átha Cliath: Coiscéim, 2011.

¹² Дж. Олмайер и Б.Кейн подчеркивают размытость границ между «английскостью» и «ирландскостью» и возможность межкультурного переключения в ирландской знатной среде в XVII в., однако не затрагивают британскую перспективу. Kane B. The politics and culture of honour in Britain and Ireland, 1541–1641. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 158–193; Ohlmeyer J. The aristocracy in seventeenth-century Ireland: wider contexts and comparisons // History Compass. 2014. Vol. 12. N. 1. P. 33–39. Эта перспектива констатируется С. Эллисом и Н. Магинном, но без особой детализации. Ellis S., Maginn C. The making of the British Isles the state of Britain and Ireland, 1450–1660. London: Routledge, 2013. P. 297–298, 375–378.

¹³ Canny N. Imagining Ireland's pasts ... P. 30–59; Carroll C. 1) Circe's cup: cultural transformations in early modern writing about Ireland. Cork: Cork University Press, 2001. P. 104–123; 2) Exiles in a Global City: the Irish and early modern Rome, 1609–1783. Leiden: Brill, 2018; Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth century Ireland. Dublin: Four Court Press, 2004. P. 122–140; McQuillan P. 'Nation' as pöbäl in seventeenth-century Irish // Early modern Ireland: new sources, methods, and perspectives / ed. by S. Covington, V.P. Carey, V. McGowan-Doyle. London: Routledge, 2019. P. 113–129.

¹⁴ Electronic Dictionary of the Irish language. URL: <https://dil.ie/6755> (дата обращения: 01.11.2022).

и более широкие коннотации данного понятия. В этот период речь могла идти как об исторической Британии, отождествляемой с пространством римской Британии, то есть исключаящей Шотландию, так и о географической¹⁵. При этом островная коннотация постепенно начинает преобладать над другими только после унии 1707 г., и даже впоследствии случаи использования понятия не позволяют сказать однозначно, подразумевали ли ирландцы часть Британии или все же весь остров¹⁶. В то же самое время неизменной чертой данного понятия было то, что оно никогда не включало в себя Ирландию.

Таким образом, Морли констатирует недостаток интереса в ирландоязычной среде к британскому вопросу, связывая это с островным партикуляризмом. Ирландцы, во-первых, были так увлечены статусом Зеленого острова как одного из трех композитов, что не заметили появление политически интегрированной Британии после акта об Унии, а, во-вторых, их волновали гораздо больше собственные отношения с Англией, чем Британия как таковая, до последней четверти XVIII в.¹⁷ Проблема выводов Морли заключается не только в том, что он подверг тексты достаточно поверхностному понятийному анализу, не проработав ни внутренний, ни внешний контекст¹⁸, но и в том, что он упустил из виду альтернативные видения Британии, ограничившись поиском лишь только англоцентричных концепций Британии. В этой связи его выводы нуждаются в серьезной корректировке.

На примере панегириков «Три короны в хартии Якова» Фергала Ога Мак ан Вардя и «Много чего не хватает в работе Овидия» Эохайда О'Хоса, а также исторического нарратива «Основы знаний об Ирландии» Джоффри Китинга об истории

¹⁵ *Morley V. The idea of Britain in eighteenth-century Ireland and Scotland // Studia Hibernica. 2004/2005. N. 33. 103–110.*

¹⁶ *Ibid. P. 119–123.*

¹⁷ *Ibid. P. 123–124.*

¹⁸ По сути, Морли ограничился анализом ключевого слова.

Ирландии до англо-нормандского завоевания XII в. я попробую показать, каким образом в раннестюартовской Ирландии виделся статус Зеленого острова, как вообще воспринимались британское пространство, и каким образом легитимировалась власть английского короля в Ирландии.

Фергал Ог Мак ан Вардь «Три короны в хартии Якова»

Несмотря на то, что Ирландия считалась королевством с 1541 г., для гэльской и гаэлизированной знати не только британская, но и порою даже общеирландская перспектива оставалась далекой в силу доминирования локальных настроений¹⁹. Гэльская и гаэлизированная знать и ученое сословие начали больше идентифицировать себя с ирландским королевством после воцарения Якова I, обладавшего гэльскими генеалогиями и олицетворявшего большие надежды в контексте религиозной политики²⁰. Еще одним фактором, побудившим гэльскую и гаэлизированную среду обратиться к британскому историко-культурному пространству, была рецепция английских, шотландских и валлийских исторических нарративов, в которых затрагивался британский вопрос.

Гэльские интеллектуалы так же, как и интеллектуалы и литераторы из других композитов,отреагировали на смену

---

¹⁹ *Leerssen J.* Mere Irish & fior-ghael: studies in the idea of Irish nationality, its development, and literary expression prior to the nineteenth century. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co, 1986. P. 203–215; *Mac Craith M.* Creideamh agus athartha. Ide-éolaíocht pholaitíochta agus aos léinn na Gaeilge i dtús an seachtú haois déag // *Nua-Léamha: gnéithe de chultúr, stair agus polaitíocht na hÉireann* c. 1600 – c. 1900. Baile Átha Cliath: An Clóchomhar, 1996. P. 7–8; *McQuillan P.* Native and natural: aspects of the concepts of “right” and “freedom” in Irish. Notre Dame, 2004. P. 22–51, 55–92.

²⁰ *Ó Buachalla B.* 1) *Na Stíobhartaigh agus an taos léinn: Cing Séamas* // *Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature*, 1983. Vol. 83C. P. 81–134.; 2) *James our true king: the ideology of Irish royalism in the seventeenth century* // *Irish political thought since the seventeenth century* / ed. by D. G. Boyce, R. R. Eccleshall, V. Geoghegan. London: Routledge, 1993. P. 7–36.

династии. Фергал Ог Мак ан Вардъ, кто еще в 1602 оплакивал смерть графа Тирконелла Хью Ро О’Донелла²¹, одного из активных участников Девятилетней войны, с восторгом встретил восшествие на престол Якова. В панегирике «Три короны в хартии Якова», написанном, как предполагается, по поводу восшествия короля Шотландии на английский престол, он изображает монарха как владельца трех корон.

1. Trí coróna i gcairt Shéamais
— cia dhíobh nachar dheighfhé-
aghais? —

....

2. Cuirfidhior — is cubhaidh lais
—
trí coróna um cheann Séamais...

3. An chéaduaire — cóir a cuimhne
— coróin Alban iathghuirme
— rí ’n-a chló cia ler cuireadh? —
ó Dhia dhó do deonoigheadh.

4. An dara huair — aithnidh
dhamh —
cuirfidhior coróin Sagsan
an sduadh mhín ghoirdhear-
cach ghlan.
um rígh n-oirbheartach n-Alban.

5. Prionnsa óg go n-aigheadh ard
biaidh sise ag Séamus Stíobhard
onóir nach iomarcach leam
coróin iongantach Éireann.

1. Три короны в хартии Якова
— Разве ты их не видел —
...

2. Три короны — он достоин их —
Должны быть на голове у Якова...

3. Первая — правильно вспомнить
Корона черноземной Шотландии
Богом вторая (корона) дана
— Кто еще думал о таком короле,
как он?

4. Второй — я знаю —
Должна быть отдана корона Анг-
лии
Доблестному королю Шотландии.
Знатному голубоглазому благород-
ному герою.

5. Такому возвышенному молодому
властителю
По имени Яков Стюарт
Следует владеть чудесной короной
Ирландии,
По мне, он вполне достоин этой
честь.

²¹ См.: Marbhna Aodha Ruaidh Uí Dhomhnaill / ed. by P. A. Breatnach // Éigse: A Journal of Irish Studies. 1973. Vol. 15. P. 31–50.

6. Inneosad a adhbhar soin
na trí coróna i gcartaigh
ag rígh slóigh Gall is Gaoidheal,
ós am cóir dá chraobhsgaoileadh

6. Я сейчас расскажу о том
(Пришло время рассказать),
Почему три короны по праву
У короля племен чужеземцев и гэ-
лов.

7. Más chead leis a éisdeacht uaim
sloinnfid a cheart an chéaduair
ar fhionnAlbain na n-iath mín
triath ionnarbaidh gach eissídh

7. Если властитель, искоренивший
все распри,
пожелает выслушать меня,
Я расскажу о праве на первую ко-
рону
Светлой плодородной Шотландии.

8. Trí chéad bliadhan – buan a
mbríogh! –
a-tá sí ag sliocht an airdríogh;
fa rígh Alban ní hiongnadh
tír na n-ardbhraigh n-imiolghlan.

8. Нет ничего удивительного
В том, что он правит Шотландией,
Окаймленной грядой светлых гор,
Три сотни лет – несокрушима их
сила –
Она была в руках предков верхов-
ного короля.

16. Mithidh dhamhsa a chur i gcéill
do cheart feasda, a bhas bhláithré-
idh,

16. В этом месте я должен поведать
О твоём праве, о, светлая милости-
вая длань,

...
ar fhonn [seamhar]ghlan Sagsun.

...
на светлую землю саксов

17. Bhar seanseanmháthair —
seol glan —
[inghean] airdríogh fhóid Sagsan
crioch a sgéal linn gá leanmhain
do fhéagh sinn i seinleabhraibh

17. Обнаружил я историю
В старых книгах,
Что была прабабушка, благород-
ных кровей,
[дочерью] правителя Англии.

18. Críoch Sagsan na gcoll gcorcra
gan innte d'fhuil rioghochta
acht éinríoghan dá gclaon coill,
craobh ler léirlíonadh Lonndoin

18. На земле саксов, земле пурпур-
ных орехов,
Не было королевской крови,
За исключением одной королевы,
перед которой преклоняются оре-
ховые деревья,
Правительницы, для которой за-
полнился Лондон.

19. Ó ló na mnásoin a-mach
a-tá id chaitse go cosgrach
triath ríolunndan do rádh ruibh
rádh na bhfíorghdar fíorthair.

19. После кончины королевы
Настало время твоей хартии,
Все мудрые умы подтверждают,
Что ты царственный правитель
Лондона.

21. A lámh as díorgha dligheadh
– a-nois i gcéill cuirfidhear–
ná [bí ag] teacht ar éineing d'uaim
's do cheart ar Éirinn armruaidh.

21. О ты, кто судит справедливо,
Сейчас пришло время сказать —
Не говори о том, что ты присоеди-
нил новую землю,
Ибо твоя по праву Ирландия алых
мечей.

22. I gcúirt Shagsan na sreabh se-
ang
a-tá ardchoróin Éireann;
tuar maothchroidhe a bheith san
mbrugh
fa bhreith laochroidhe Lonndon.

22. В Англии, где струятся чистые
реки,
При дворе находится благородная
корона Ирландии,
Печалится сердце из-за того, что
она в той земле,
Поскольку захватили ее воины из
Лондона.

23. Fada a-tá i dtairngire dhuit
críoch Sagsan – is iul orrdhruic;
duit is dú Éire amhlaidh;
is tú a céile ar chomhardhaib

23. Хорошо известно, что англий-
ская земля
Была давно завещана тебе,
Так же и Ирландия твое владение,
Ты ее супруг по всем признакам.

24. A mheic Hannraoi na dtreas dte
ag sin mar dleaghar dhaoibhse
gan toibhéim, a rí, ar do reacht
na trí hoiléin i n-aoineacht.²²

24. Сын Генриха горячих битв,
Таким образом, это верно,
Бесспорно, ты король по праву
Одновременно трех островов.²³

²²²³Мак ан Вардь нативизирует основания суверенитета Яко-
ва в соответствии с туземными представлениям о власти,

²² Aithdioghluim dána: a miscellany of Irish bardic poetry, historical and religious, including the historical poems of the Duanair in the Yellow Book of Lecan / ed. by L. McKenna. Dublin: Irish Texts Society, 1989. P. 177–179.

²³ Aithdioghluim dána: a miscellany of Irish bardic poetry, historical and religious, including the historical poems of the Duanair in the Yellow Book of Lecan. Vol. 2 / ed. by L. McKenna. Dublin: Irish Texts Society, 1989. P. 104–105.

представляя монарха как типичного ирландского верховного короля, легитимность правления которого обуславливается пророчествами, знатным происхождением, военной доблестью и справедливым правлением.²⁴

Однако данная поэма интересна не столько этим обстоятельством, сколько британским фокусом. Несмотря на отсутствие ключевого понятия, поэт рефлексировал по поводу трехчастной структуры композитарной монархии, обозначенной в метонимии «трех корон», объясняя по очереди законность претензий Якова на каждый из композитов. Мак ан Вард воспринимает британскую монархию как династическую унию трех королевств, основания власти над каждым из которых разнятся. М. Пиа Койра обращает внимание на то, что Яков изображен супругом только Ирландии, но не всей Британии, и связывает это с консерватизмом панегириков, распространявших мотив супружества только на Ирландию²⁵. Однако изображение Якова как супруга только Ирландии было, возможно, не только данью традиции, но и следствием стремления подчеркнуть различные основания легитимности власти нового монарха в трех композитах.

Кроме того, поэт указывает на самодостаточность композитов, уподобляя их трем «островам». В подобной репрезентации трехчастности необходимо обратить внимание на отсутствие упоминания о связях между Ирландией и Шотландией. Наоборот, Мак ан Вард описывает их как два разные королевства. Эта тенденция была связана с процессом территориализации ирландской идентичности в раннее Новое

²⁴ *Ó Buachalla B.* 1) *Na Stíobhartaigh agus an taos léinn...* P. 86–87; 2) *James our true king...* P. 10–11. Об атрибутах легитимного правления в ирландской бардической поэзии см.: *Siegfried B.R. Recognising Elizabeth I: grafting, sovereignty, and the logic of icons in an instance of Irish bardic poetry // Elizabeth I and Ireland / ed. by B. Kane, V. McGowan-Doyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 97–98.*

²⁵ *Coira Piá M. By poetic authority: the rhetoric of panegyric in Gaelic poetry of Scotland to c. 1700. Edinburgh: Dunedin Academic Press, 2012. P. 306.*

время, помешавшим возможному складыванию пан-гэльской идентичности по обеим сторонам Северного пролива²⁶.

Описывая британскую монархию именно как союз трех корон, Мак ан Вардь предлагает альтернативное понимание статуса Ирландии в составе композитарной монархии по сравнению с парламентским актом 1541, согласно которому ирландская корона была тесно связана с английской короной²⁷. Эта поэма является одной из первых, где встречается понятие «корона Ирландии» как таковое²⁸. Несмотря на признание Мак ан Вардя, что ирландская корона находится в Англии по праву завоевания, он намекает на ее особый статус. В частности, он сообщает Якову о том, что тот правит Ирландией по хартии (*cairt*)²⁹, а не по праву завоевания. Благородное гэльское происхождение короля обуславливает более древние корни его права на Ирландию, нежели само завоевание. Характерно, что в отличие от Елизаветы, Яков воспринимается в поэме именно как король Ирландии³⁰. Более того, можно

²⁶ Ellis S. The collapse of the Gaelic world, 1450–1650 // *Irish Historical Studies*. 1999. Vol. 31. N. 124. P. 166–169; McLeod P. Divided Gaels: Gaelic cultural identities in Scotland and Ireland 1200–1650. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 112–113, 174–193.

²⁷ An act that the king of England, his heirs and his successors be king of Ireland // *Irish historical documents 1172–1922* / ed. by E. Curtis and R. B. McDowell. New York: Barnes & Noble, 1968. P. 77.

²⁸ Б. О'Буахалла фиксирует его появление в XVI в., связывая с рефлексией по поводу присвоения Ирландии статуса королевства, однако именно в XVII в. «корона Ирландии» стала восприниматься как основной символ легитимности правления в ирландоязычном политическом дискурсе. O'Buachalla B. The crown of Ireland. Galway: Arlen House, 2006. P. 27–32.

²⁹ Понятие *cairt* в гэльском политическом словаре в широком смысле обозначало различные знаки, подтверждавшие право на власть: письменный документ, победа в битве, пророчество и т.д. Kane B. The Nine Years' War in Ireland (1594–1603) as problem of government // *Political and religious practice in the early modern British world* / ed. by P. Bulman, F. C. Dominguez. (Manchester: Manchester University Press, 2022). P. 190–193.

³⁰ McCabe R. Ireland's Eliza: queen or cailleach? // *Elizabeth I and Ireland...* P. 21–23, 37; Siegfried B.R. Recognising Elizabeth I... P. 99–100, 109–110.

предположить, что Мак ан Вардь подразумевает, что воцарение Якова означает выполнение пророчества о возвращении в Ирландию гэльского верховного короля³¹, в чем он, как и многие его современники, видели залог процветания Зеленого острова.

Эохайд О'Хоса «Много чего не хватает в работе Овидия»

Рефлексия по поводу композитарности содержится и в панегирике Эохайда О'Хоса «Много чего не хватает в работе Овидия», также написанным в честь смены династии на английском престоле. Если Мак ан Вардь вписывает власть Якова в контекст туземных конвенций, то О'Хоса, наоборот, обращается к классическим аллюзиям, высказывая уверенность в том, что если бы Овидий был жив, то он мог бы использовать перемены в Ирландии в качестве еще одного сюжета для своих «Метаморфоз»³². Поэт связывает восшествие на престол Якова с началом новых лучших времен.

3. Rob iomdha ní — gá ttám dhó —
ar dtús a n-olc do iompó;
fearr an cinneadh dho-ní a-nos
gach ní d'fhilleadh ar fheabhas.

3. Много чего — стоит ли мне
говорить об этом —
Вначале повернулось в сторону зла,
Теперь судьба благоволит
И все становится лучше.

7. Suaimhnighthea gan ghoimh
gan ghliaidh
díosgoir dian 'sa dá dheirbhshiair;
trí gaothmhná dob fhearr san olc,
do chlaochlá ceann a ccumhocht.

7. Свирепая и неистовая и ее две
сестры
Были умиротворены без злобы и
без битвы,
Поменялась голова, откуда
проистекала власть
Трех хитрых женщин, лучше всего
творящих зло.

³¹ О пророчествах: *Leerssen J.* Mere Irish & fíor-ghael... P. 179–181.

³² Metamorphosis 1603: dán le hEochaidh Ó hEódhása / ed.by P. A. Breatnach // *Éigse*. 1977–78. Vol. 17. P. 171, st. 1–2.

9. Do ceangladh le a cceannaibh
fēin
naithre fraochdha a bhfolt
n-aimhréidh;
lán a mbailgcnis: giodh beó bhead
aingcis ná gleó ní gheinead.

10. Do éirigh d'aithrighthibh ann
éincheann ar iomad colann,
cosg gach uile d'aobhdhacht ré
a n-ucht: cuirp a n-aonchorp ré
hannsacht.

13. An ghrian loinneardha do las;
sgaoileadh gach ceó Cing Séamas;
tug 'na glóir comhorchra cháigh;
móir na comhortha claochláidh.

14. Ionganta thrá ná sin sionn,
popal imshníomhach Éirionn,
gur dhearmaid gach duine dhíon
treabhlaid na n-uile imshníomh.³³

9. Головы свирепых гадин
растрепанными прядями своими
Связаны друг с другом,
Их распухшие тела едины: даже
если они будут живы
Они не смогут ни навредить, ни
сопротивляться.

10. Среди изменений сейчас —
Одна голова над многими телами,
Их ждет радость, которая пресечет
все зло:
Тела объединились в одно тело по
любви.

13. Яркое солнце зажглось;
Разогнал весь туман король Яков;
Своей славой затмил траурный
плач,
Велики признаки изменений.

14. Действительно, еще прекраснее
То, что мы, измученный народ
Ирландии,
Забыли обо всех
Невзгодах и беспокойствах.

В отличие от Мак ан Вардя, О'Хоса больше акцентирует единство трех композитов, уподобляемых им Фуриям или Горгонам, объединенных одной главой³⁴. Его поэма изобилует органонологическими метафорами. Несколько раз О'Хоса использует числительное *aon/éin* (один) в составных существительных, вторая часть которых обозначает человеческие органы – *éincheann*, *aonchorp* – чтобы указать на единство нового политического тела.

³³ Metamorphosis 1603. P. 171–174.

³⁴ Бретнах не предлагает однозначной интерпретации этой аллюзии. Ibid. P. 179.

С его точки зрения, именно воцарение Якова, связавшего воедино головы трех враждующих сестер, несет с собой мир. Новый союз основан на любви, под которой подразумевается лояльность правителю. Однако поэт не пишет о взаимной любви частей: их вредоносная сущность все еще сохраняется, но фигура монарха нейтрализует возможные конфликты.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что ирландские панегирики по поводу вступления Якова на престол Англии и Ирландии признавали не только короля из новой династии в качестве своего и описывали его власть над Ирландией в рамках туземных конвенций, но и отличались более широкими пространственным фокусом, рефлексирова о трехчастной структуре формирующейся монархии, где Ирландия была наравне с другими композитами.

Джоффри Китинг «Основа знаний об Ирландии»

Более содержательное высказывание о положении Ирландии в составе Британской монархии, и вообще об отголосках британской перспективы, содержатся в «Основе знаний об Ирландии», написанной потомком англо-нормандских завоевателей, старым англичанином, Джоффри Китингом уже в период правления Карла I, в 1634–1635 гг. Несмотря на то, что Китинг во многом воспроизводит средневековый нарратив «Книги захватов Ирландии» (*Lebor Gabála Érenn*), повествовавшей о заселении Ирландии и королях, правившей ею, от Потопа до англо-нормандского завоевания, в духе своего времени он расширяет границы исторической репрезентации³⁵.

³⁵ Об этом: *Herendeen W.* William Camden: A life in context. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. P. 230–242; *Maccoll A.* The construction of England as a protestant 'British' nation in the sixteenth century // *Renaissance Studies*. 2004. Vol. 18. N. 4. P. 582–608; *Schwytzer P.* Archipelagic History // *The Oxford handbook of Holinshed's chronicles* / ed. by F. Heal. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 592–608; *Паламарчук А. А.* Национальный дух или англоцентричная империя // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв.ред. Н.А.Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 474–488.

Рассматриваемые им события касаются не только Ирландии, но и всей Британии.

Само понятие «Британия» в ирландском варианте (*Breatain*) и на латыни (*Britannia*) встречается в тексте 119 раз. Морли отмечает, что в «Основе знаний» это понятие используется в трех значениях: оно обозначает либо сам остров (1), либо Римскую Британию или южную часть Британии, исключая Шотландию (2), либо Уэльс (3). При этом термин *Breatain* без определяющего прилагательного мог использоваться и в узком смысле (в отношении Уэльса), и в широком (в отношении острова целиком или его южной части)³⁶.

Однако наблюдения Морли нуждаются в небольшом уточнении. Применение данного понятия в тексте «Основе знаний» характеризуется еще большей непоследовательностью, чем отмечает сам историк. К примеру, словосочетание **an Bhreatain Mhór** (Великая Британия) могло подразумевать как остров целиком, так и его южную часть в географическом и историческом смысле:

- Adeir Cormac naomhtha mac Cuileannáin i n-a Shaltair, gurab ó Bhriotán gairthear **Britannia** do'n oiléan d'á ngairthear **Breatain Mhór** indiu;...

Святой Кормак, сын Куленнана, в своем псалтире, указывает, что от Британа пошло название **Британия**, того острова, что сейчас зовется **Великой Британией**...³⁷

- Feuchtar an-daoine na h-Alban, brusgarshluagh na **Breatan Móire**, fodhaoine Flondruis, faingidhe na Fraince, spriosáin na Spáinne...

Взгляните на простолюдинов Шотландии, полчища черни Великой Британии, отребье Фландрии, бездельников Испании...³⁸

³⁶ Morley V. The idea of Britain... P. 104–105.

³⁷ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 186–187.

³⁸ Ibid. P. 56–57.

- Is iongnadh liom Hanmer, do bhí ‘na Shacsanach nach faca agus nachar thuig seanchus Éireann riamh, cionnus do bhiadh a fhios aige cia an rí do bhí ar Éirinn re linn Chríost do bhreith, agus gan a fhios aige go cinnte cia an rí do bhí ar an m-**Breatain mhóir** féin.

Я удивляюсь, как Ханмер, будучи англичанином, не видевшим и не понимавшим ирландской старины, может знать, кто был королем Ирландии, когда был рожден Христос, когда он не имеет представления, кто точно был королем самой **Великой Британии**³⁹.

Латинский же аналог, *Britannia*, в «Основе знаний» применялся в отношении как всего острова, так и только Уэльса⁴⁰.

Любопытно, что в одном случае Китинг все же включает и Ирландию в Британские острова:

... is móide mheasaim sin mar adeir Caesar san seiseadh leabhar da Stair gurab ó **oiléanaibh na Breatan** do chuadar draoithe don Fhraingc... Is inmheasta gurbh é oiléan na h-Éireann an t-**oiléan** soin as a thrialladar na draoithe don Fhrainc do bhrígh gur bh’ í Éire tobar draoidheachta iarthair Eorpa an tan soin...

... я придерживаюсь этого мнения еще больше, поскольку Цезарь в шестой книге своей истории пишет, что именно с **Британских островов** друиды прибыли в Францию... Возможно, что тем **островом**, с которого друиды приплыли во Францию, был остров Ирландия, ибо Ирландия была источником друидизма для Западной Европы в то время...⁴¹

В случае Китинга подобная терминологическая непоследовательность определялась не только консервативностью ирландской традиции, но и семантическим разнообразием понятия в тех источниках, с которыми он работал. Более того, частота употребления термина в «Основе знаний» свидетельствует о том, что Китинга как раз очень интересовало прошлое Британских островов.

³⁹ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 46–47.

⁴⁰ К примеру: Keating G. 1) FFÉ. Vol. I. P. 186; 2) FFÉ. Vol. II. P. 400.

⁴¹ Ibid. Vol. II. P. 62–65.

Британское измерение исторической рефлексии Китинга было порождено рецепцией средневековых и ранненововременных произведений английских, шотландских и валлийских авторов — Гальфрида Монмутского; Гиральда Камбрийского; Эдмунда Кэмпiona; Рафаэля Холиншеда; Ричарда Станихерста; Эдмунда Спенсера; Уильяма Кэмдена; Джона Дэвиса; Гектора Боэция; Джона Мэйджора; Джорджа Бьюкенена и Мередита Ханмера⁴² — в полемику с которыми создатель «Основы знаний» вступал на страницах своего текста. В центре этой полемики был вопрос о «сущности Британии», провоцировавший различные группы интеллектуалов, представлявших композиты, занимавшие подчинённое положение, оспаривать правомерность притязаний англичан на господство.

Англоцентричная версия прошлого Британских островов покоилась на «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. В отношении Ирландии Гальфрид писал о том, что Гургунт пожаловал остров Ирландия племени Партолона в дохристианские времена, а затем король Артур подчинил ирландцев⁴³. Впоследствии Гиральд Камбрийский разовьёт эту тему до пяти аргументов в пользу законности притязаний английского короля на Ирландию⁴⁴. Английские интеллектуалы реактуализировали гиральдианские аргументы, позволявшие им не только удревнить основания сюзеренитета Англии над Ирландией, поместив его во времена, предшествующие англо-нор-

⁴² С некоторыми работами Китинг был знаком непосредственно, некоторые знал через транслирующие источники. Об этом см.: *Cronin A. Sources of Keating's Forus Feasa ar Éirinn* // Éigse. 1945. Vol. IV. P. 235–279; *Cunningham B. The world of Geoffrey Keating*... P. 69, 83–101.

⁴³ *Гальфрид Монмутский. История бриттов* // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. / под ред. А. С. Бобовича, А. Д. Михайлова, С. А. Ошерова. М.: «Наука», 1984. С. 34, 101–102.

⁴⁴ *Giraldus Cambrensis. Topografia Hibernica* // *Giraldi Cambrensis opera*. Vol. V / ed. by J. Dimock. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1867. P. 148–149, cap. VIII–IX.

мандскому завоеванию, но и лишить Ирландию исторических оснований собственной территориальной субъектности.⁴⁵ В таком ракурсе Ирландия представлялась органичной частью Британии, британской провинцией. Дальше всех пошли Уильям Кэмден и Джон Спид, легитимировавшие принадлежность Ирландии британскому пространству ссылками на античных географов, называвших Ирландию «Британским островом» или «малой Британией»⁴⁶.

Признавая англо-нормандское завоевание и принадлежность Ирландии композитарной монархии, Китинг совершенно иначе видел историческую роль Ирландии в прошлом Британских островов и ее современный статус. Полемизируя с Гиральдом Камбрийским и его современными последователями, он, по сути, дезавуирует саму гальфридианскую схему⁴⁷. Ирландский историописец утверждает, что Ирландия вплоть до XII в. не подчинялась иноземцам⁴⁸. С его точки зрения, ни Гургунт, ни Артур не имели никакой возможности владеть Ирландией⁴⁹. Китинг подчеркивает, что британский миф не

⁴⁵ *Hadfield A.* Edmund Spenser's Irish experience: wilde fruit and salvage soyl. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 86–111.

⁴⁶ *Camden W.* Hibernia // *Camden W. Britannia* / ed. by D. F. Sutton. §8. <https://philological.cal.bham.ac.uk/cambrit/irelandlat.html#ireland1> (дата обращения: 31.10.2022). Спид в целом воспроизводит Кэмдена: *Speed J.* The theatre of the empire of Great Britaine presenting an exact geography of the kingdomes of England, Scotland, Ireland, and the iles adioyning: with the shires, hundreds, cities and shire-townes, within ye kingdome of England, divided and described by Iohn Speed. London: By William Hall, 1611. P. 138, §12. Оба также подчеркивали, что именно бритты первыми заселили Ирландию. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A68764.0001.001/1:27.1?rgn=div2;view=fulltext> (дата обращения: 31.10.2022).

⁴⁷ А. Кронин считает, что Китинг был знаком с «Историей бриттов» Гальфрида только через транслирующие источники. *Cronin A.* Sources of Keating's Foras Feasa ar Éirinn // *Eigse*. 1945. Vol. IV. P. 269.

⁴⁸ *Keating G.* Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by D. Comyn. in 4 vol. Vol. I. London: Irish Texts Society, 1902. P. 16–17 (далее FFÉ);

⁴⁹ *Keating G.* 1) FFÉ. Vol. I. P. 16–17; 2) Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by P.S. Dineen. Vol. II. London: Irish Texts Society, 1905. P. 74–76.

имеет под собой доказательного базиса, обосновывая это отсылками как к ирландской традиции, так и к английскому историописанию. Более того, он указывает, что только ирландцы, будучи никогда никем не завоеванными, сохранили свои древние записи в нетронутom виде, в отличие от бриттов, чьи аутентичные письменные памятники были уничтожены римлянами и саксами⁵⁰. Под этим тезисом Китинг подразумевает, что авторитетное знание о древнем прошлом Британских островов можно получить только из ирландских источников.

Необходимо обратить внимание на то, что Китинг не просто опровергал гальфридианский британский миф, как обычно это позиционируют исследователи⁵¹, а предлагал ему гальскую альтернативу. Он отдавал историческое первенство на Британских островах именно гэлам Ирландии. К примеру, он пересматривает этимологию Британии: «... неправдоподобно, что от Брута она [Британия] берет свое имя, так как, если бы она происходила от него, скорее всего она бы называлась Брутанией; и, кроме этого, такое название стало бы еще более запутанным из-за детей Брута; согласно [Гальфриду] Монмутскому, так как Лоэгр, сын Брута, назвал Лоэгрией часть Британии, отошедшей к нему; Камбер, второй сын Брута, назвал унаследованную им часть Камбрией в свою честь, а Альбанакт, третий сын Брута, назвал Альбанией свою долю той же территории.»⁵² На самом деле своим происхождением слово «Британия» обязана внуку Немеда, одного из предков гэлов, заселившего до них Ирландию, Британу Лысому (*Briotan Maol*)⁵³: «Святой Кормак, сын Куленнана, в своем псалтире, указывает, что от Британа пошло название Британия, того

⁵⁰ *Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 46–47, 82–83.*

⁵¹ *Canny N. Intersections between Irish and British political thought of the early-modern centuries // British political thought in history... P. 77.*

⁵² *Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 188–189.*

⁵³ *Ibid. 1) FFÉ. Vol. I. P. 186–187; 2) FFÉ. Vol. II. P. 66–67.*

острова, что сейчас зовется Великой Британией»⁵⁴. Британ бежал в Британию от фоморов и принес на остров ирландский язык.⁵⁵

Масштаб заявления Китинга становится понятным, если реконструировать, как он пришел к этому умозаключению. Китинг приходит к этой мысли при помощи наложения ирландских источников (все редакции «Книги захватов Ирландии»⁵⁶, а также поэма «Отец Адам, источник наших полчищ» (*Adam athair sruith ar sluag*) из «Книги из Лекана»⁵⁷ возводят бриттов к Британу), и английских (в латино-английском словаре Джона Райдера в редакции Фрэнсиса Холиоука выражается скепсис по поводу возможности происхождения названия острова от Брута⁵⁸). Таким образом, Китинг обращает в свою пользу внутреннюю критику мифа о Бруте, характерную для позднетюдоровского и раннестюартовского

⁵⁴ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 186–187.

⁵⁵ Ibid. Vol. II. P. 66–67.

⁵⁶ *Lebor Gabála Éirenn*. The book of the taking of Ireland: Part III / ed. by R. A. S. Macalister. Dublin: Irish Texts Society, 1940. P. 127–128, 176–177. В прозаическом фрагменте «Книги захватов» упоминается, что потомки Фергуса Лехдерга и Британа Лысого заселили остров Британия, однако напращивающегося комментария по поводу происхождения названия острова там не содержится. Китинг либо домысливает эту этимологию, либо находит ее в местном источнике, который пока не удастся установить. Так или иначе, эта этимология в современном для Китинга контексте и в контексте его произведения играла совершенно другую роль, чем в возможном первоисточнике.

⁵⁷ Dublin, Royal Irish Academy, MS 23 P 2 (The Book of Lecan) // Irish scripts on screen. F.31r. Lines 31–32. URL: https://www.isos.dias.ie/RIA/RIA_MS_23_P_2.html (дата обращения: 02.11.2022) А. Кронин утверждает, что Китинг использовал поэму именно из этой рукописи. Cronin A. Sources of Keating's Forus Feasa ar Éirinn: 2, manuscript sources // Éigse. 1945–47. Vol. V. P. 26, 29.

⁵⁸ Riders dictionarie corrected, and with the addition of above five hundred words enriched. Hereunto is annexed a dictionarie etymologicall deriving every word from his natiue fountaine, with reasons of the derivations, and many Roman antiquities, never any extant in that kinde before / ed by J. Holyoake. 3rd ed. Oxford: Printed by Ioseph Barnes, 1612. P. Yyy 6.

английского дискурса о Британии⁵⁹, указывая на ирландские корни самой Британии.

Ирландский историописец не только обращает типичный антикварный этимологический прием против своих оппонентов⁶⁰, но и полностью переворачивает аргумент Кэмдена, предлагая гэллоцентричную картину заселения Британии. Если автор «Британии» позиционирует бриттов самыми древними жителями Британских островов, которые в том числе и колонизировали Ирландию, то Китинг пишет об обратном: в древности Британия заселялась племенами, так или иначе обладавшими гэльскими корнями: бриттами, скоттами и пик-тами⁶¹.

Китинг переворачивает и культурный аргумент Кэмдена и Мередита Ханмера о культурном сходстве между валлийцами (бриттами) и ирландцами, основанном на общности языка и манер⁶². Если для оппонентов Китинга это сходство свидетельствует о британском влиянии на Ирландию и о заселении Зеленого острова бриттами, то для ирландского историописца это свидетельствует об обратном: о том, что гэлы оказывали влияние на валлийцев, ведь в свое время гэльское племя бригантов заселило Уэльс. Китинг признает наличие общих связей между Уэльсом и Ирландией: валлийские принцы находили убежище в Ирландии, а ирландские вожди — в Уэльсе⁶³.

⁵⁹ *Ferguson A.* Clio unbound: perception of the social and cultural past in renaissance England. Durham: Duke University Press, 1979. P. 105–108; *Asche L.* Holinshed and Mythical History // *The Oxford handbook of Holinshed's Chronicles...* P. 154–159. Джордж Бьюкенен, с которым Китинг был знаком, тоже критиковал гальфридианский миф о Бруте, однако в своих этимологических рассуждениях автор «Основы знаний» не ссылается на него.

⁶⁰ *Vine A.* In defiance of time. Antiquarian writing in early modern England. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 51–79.

⁶¹ См. с. 179–184.

⁶² *Camden W.* Hibernia... §8; *Hanmer M.* The Chronicle of Ireland. Collected by Meredith Hanmer in the Yeare 1571. Dublin: Hibernia Press, 1809. P. 16, 21–23.

⁶³ *Keating G.* FFÉ. Vol. II. P. 68–67.

Китинг также полемизирует с шотландскими интеллектуалами. В первую очередь речь идет о Гекторе Боэции и Томасе Демпстере⁶⁴, пытавшимися выстроить отдельный шотландский нарратив, отказавшись от ирландской идентичности Шотландского королевства. В центре этой полемики были вопросы контекстуализации страны «Скоттия» и «скоттов» в источниках, а также истории королевской власти в Шотландии. В отличие от Мак ан Вардя и О'Хоса, Китинг принимает участие в этом диспуте и акцентирует гентильное и культурное родство гэлов Ирландии и Шотландии. Он последовательно опровергает существование отдельных шотландских «скоттов» в источниках, подчеркивая ирландское происхождение гэлов Шотландии⁶⁵. Гэлы Ирландии и Шотландии принадлежат народу скоттов (*cine Scuit*), к которому относится и династия Стюартов⁶⁶.

В «Основе знаний» ирландский историописец пишет о нескольких волнах колонизации Шотландии гэльскими племе-

---

⁶⁴ *Hector Boethius*. *Scotorum Historia* (1575 version) / ed. by D.F.Sutton. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/boece/> (дата обращения: 02.11.2022); *Thomae Dempsteri Historia ecclesiastica gentis Scotorum, sive de Scriptoribus Scotis*. Editio altera. In 2 vol. Edinburgi: Excudebat A. Balfour cum sociis, 1829. Хотя Китинг не упоминает Демпстера, Каннингем считает, что ирландский историописец был наверняка знаком с дискуссией по поводу его «Церковной истории народа скоттов», развернувшейся в ирландской католической среде на континенте. В этой работе шотландский ученый заявил, что термин 'Scotus' в средневековых источниках относится исключительно к родившимся в Шотландии, следовательно раннесредневековые святые, такие как Бригитта, Патрик, Колум Килле, которых было принято считать ирландцами, на самом деле были шотландцами. Тем самым Демпстер повышал статус шотландцев в иерархии европейских народов, приписывая им заслуги в христианизации не только Британских островов, но и всей Европы. *Cunningham B*. *The world of Geoffrey Keating...* P. 86. О самом споре см.: *Caulfield D*. *The Scotie debate: Philip O'Sullivan Beare and his Tenebriomastix // Making Ireland Roman: Irish Neo-Latin writers and the republic of letters* / ed. by J. Harris. K. Sidwell. Cork: Cork University Press, 2009. P. 109–125.

⁶⁵ *Keating G*. FFÉ. Vol. II. P. 58–61, 374–375.

⁶⁶ *Ibid*. Vol. I. P. 208.

нами. В начале туда мигрировал вышеупомянутый Британ Лысый⁶⁷. Затем верховный король Эремон отправляет в Шотландию племя круитнов (пиктов) (судя по всему, обладающих не-гэльским происхождением, согласно «Основе знаний»), которых сопровождают гэльские женщины⁶⁸. После пиктов в Шотландии поселяются еще ряд гэльских племен, среди которых наиболее выдающуюся роль сыграли Дал Риата, победившие пиктов. Именно их и стали величать «скоттами» в источниках⁶⁹. При помощи ирландского верховного короля Ниалла Девяти Заложников они называют северную часть Британии Скоттией: «... именно он назвал Альбу Скоттией по просьбе Дал Риата и народа скоттов, при условии, что будет она называться малой Скоттией (Scotia Minor) в то время, как Ирландия называлась бы Великой Скоттией (Scotia Maior). И из-за Скоты, дочери фараона Нектонибуса, жены Галама, которого также называли Милем Испанским, от кого они происходили, Дал Риата выбрали название Скоттия для Альбы вместо Ибернии»⁷⁰.

Разделение между Великой и Малой Скоттией символизирует отношения верховенства между Ирландией и Шотландией. В «Основе знаний» Китинг не только опровергает историческую легитимацию не-ирландских оснований шотландской идентичности, но и происхождения королевской власти в Шотландии. Он критикует популярную с правления Александра II (1214–1249) генеалогию шотландских королей включавших не только правителей Дал Риаты, но и шестьдесят пиктских королей⁷¹. По его мнению, до воцарения Фергуса между Ирландией и Шотландией существовали даннические

⁶⁷ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 186–187.

⁶⁸ Ibid. Vol. II. P. 106–117.

⁶⁹ Ibid. Vol. II. P. 378–381.

⁷⁰ Ibid. P. 372–373.

⁷¹ Anderson M. Kings and kingship in early Scotland. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1973. P. 52–53.

отношения⁷². История независимого королевства Шотландия также начинается с санкции ирландского верховного короля Мухертаха мак Эрка, передавшего Фергусу камень Лиа Фаль.⁷³

Что касается истории святых, то Китинг специально указывает на ирландское происхождение Колума Килле и на то, что он крестил пиктов.⁷⁴ Тем самым ирландский историк-писец дезавуирует не только англоцентричный британский, но и шотландский нарративы: он защищает историко-культурное наследие Ирландии от возможной апроприации со стороны шотландских интеллектуалов, критикует попытки реинтерпретировать ирландский *origo gentis*, касающийся гэльского населения Ирландии и Шотландии, а также выдвигает встречные претензии, подчеркивая ирландские корни шотландской монархии.

Полемическая структура «Основы знаний», определившая ее британское измерение, активизировала эссенциалистские и эпохалистские черты протонационального дискурса. С эссенциалистской точки зрения, «Основа знаний» развенчивала англоцентричный имперский дискурс тюдоро-стюартовской монархии, в рамках которого Ирландия представлялась извечным владением королей бриттов, а затем Англии⁷⁵, и рассматривалась всего лишь как западная провинция Британии. В своем произведении Китинг отстаивал этническую и политическую самобытность гэлов. В дискуссии же с шотландскими и валлийскими интеллектуалами ирландский

⁷² *Keating G.* FFÉ. Vol. I. P. 208–209.

⁷³ *Ibid.* P. 206–207. Во втором томе Китинг упоминает, что освобождение королей Шотландии от вассальных обязательств произошло чуть позднее, уже в правление Аэда мак Анмире. *Keating G.* Foras Feasa ar Éirinn: the history of Ireland / ed. by P. S. Dinneen. In 4 vol. Vol. III. London: Irish Texts Society, 1908. P. 96–97.

⁷⁴ *Ibid.* Vol. III. P. 84–87, 102–103.

⁷⁵ *Bradshaw B.* Geoffrey Keating: apologist of Irish Ireland // *Representing Ireland: literature and the origins of conflict, 1534–1660* / ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield, W. Malley. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 171–172.

историописец доказывал еще и культурную самобытность гэлов Ирландии. Таким образом, в эссенциалистском смысле «Основа знаний» представляла историческую легитимацию аргумента о равном статусе Ирландии с остальными композитами Британской монархии.

Историки совсем не обращают внимание на эпохалистскую сторону ирландского протонационального дискурса в «Основе знаний». В полемике со своими оппонентами Китинг выдвигал встречные претензии Ирландии на историко-культурное первенство в древности Британии. Во-первых, гэлы первыми заселили Британские острова. Во-вторых, они еще и внесли весомый вклад в историю архипелага. Они дали название Британии и Шотландии и стояли у истоков королевства Шотландия. Кстати, в отношении Шотландии Китинг использовал схожие дискурсивные механизмы, которые английские интеллектуалы использовали для подчинения Ирландии.

В-третьих, Китинг превозносит военную мощь гэлов в древности, сопоставимую только с римлянами⁷⁶. Согласно «Основе знаний», до саксонского завоевания гэлы истязали Британию своими набегами. Король Ирландии Ниалл Девяти Заложников даже изображается как гэльский аналог короля Артура. За время своего правления он завоевывает внушительную часть Британских островов и доходит до Бретани⁷⁷. Именно Ирландия оставалась единственной страной на Британских островах до англо-нормандского завоевания, согласно Китингу, которая никогда не была завоевана иноземцами⁷⁸. Он противопоставляет ее Британии (под которой в данном контексте он подразумевает Англию), подчиненную потомками Британа, пиктами, потомками Брута, римлянами, саксами, скандинавами и наконец — Вильгельмом Завоевателем вместе с французами⁷⁹. Более того, полемизируя с гиральдианским

⁷⁶ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 6–7.

⁷⁷ Ibid. Vol. II. P. 372–381, 402–405.

⁷⁸ Ibid. Vol. I. P. 16.

⁷⁹ Ibid. Vol. II. P. 66.

дискурсом о варварстве гэлов, еще одним столпом англоцентричного британского имперского дискурса⁸⁰, Китинг подчеркивает, что Ирландия культурно влияла на народы Британии и Европы, принимая участие в их христианизации и распространении учености и защищая прибывающих на Зеленый остров иноземцев от римского и другого насилия⁸¹.

Таким образом, необходимо отметить, что эпохалистский ресурс ирландского гэлоцентричного дискурса об исторической Британии в «Основе знаний» позволял ему конкурировать с англоцентричным гальфридианским дискурсом, в отличие от валлийского, который последний дезавуировал⁸².

Б.Брэдшоу проводит параллель между валлийским культом Тюдоров и гэльской династической легитимацией Стюартов, прослеживаемой в том числе и в «Основе знаний». Китинг обосновывает власть Якова I и Карла I не только их происхождением от одного из сыновей Миля, Эбера⁸³, но и странствием камня Лиа Фаль, традиционно служившим символическим знаком одобрения ирландских верховных королей. После того, как камень попал в Шотландию, он был силой перемещен в Англию во время правления Эдуарда I⁸⁴. В этом сюжете Брэдшоу видит только эссенциалистский аспект — радость по поводу возобновления правления в Ирландии туземной династии, прерванной в результате англо-нормандского завоева-

⁸⁰ Об этом см.: *Campbell I.* Renaissance humanism and ethnicity before race: the Irish and the English in the seventeenth century. Manchester: Manchester University Press, 2013. P. 53–82; *Carroll C.* Circe's cup... P. 11–27; *Leerssen J.* Mere Irish & fior-ghael... P. 36–63; *Montano J. P.* The roots of English colonialism in Ireland. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 335–385.

⁸¹ *Keating G.* FFÉ. Vol. I. P. 16, 78.

⁸² Я благодарен С. Е. Федорову за это замечание, позволяющее выявить современность дискурсов о Британии в композитах. О комплементарности валлийского и гальфридианского дискурса об исторической Британии в XVI–XVII вв. см.: *Pryce W.* Writing Welsh history... P. 269–304, 338–347, 354–363; *Roberts P.* Tudor Wales, national identity and the British inheritance // *British consciousness and identity*... P. 15–16, 23–26, 32–40.

⁸³ *Keating G.* FFÉ. Vol. I. P. 208.

⁸⁴ Ibid.

ния⁸⁵. Однако в контексте «Основы знаний» данный сюжет мог быть прочитан и с эпохалистских позиций — возвращение того золотого века, когда гэлы доминировали на Британских островах, как, к примеру, во время правления Ниалла Девяти Заложников.

В этом смысле высказывание о Британии в «Основе знаний» по своему размаху было гораздо шире, нежели рассмотренные ранее панегирики Якову. Произведение Китинга демонстрирует, что вопреки мнению Морли, британский вопрос был интересен и для ирландоязычной аудитории, поскольку его нельзя было обойти в полемике о статусе Ирландии. Более того, пример «Основы знаний» показывает, что эпохалистский ресурс британского дискурса мог быть привлекателен и для периферийных интеллектуалов, поскольку представлял пространство для самовыражения за пределами современных политических границ и позволял оспаривать исторические основания английского доминирования. Альтернативная версия британской истории, содержащаяся в «Основе знаний», была условно кельтоцентричной, в противовес романизирующим и германизирующим англоцентричным концепциям «британскости»⁸⁶. Здесь в центре британской версии было «ирландское начало», и она ориентировалась на единое островное пространство, в котором в первую очередь переплетались истории Ирландии, Шотландии и Уэльса. В то же самое время такой вариант исторического нарратива еще преждевременно называть кельтским, ибо до Поля Ива Пезрона, то есть до второй половины XVII в., не было идеи о языковом единстве кельтских народов, как и панкельтистского дискурса как такового⁸⁷.

⁸⁵ Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist... P. 171.

⁸⁶ Об этом: Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс ранне-стюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013. С. 41–42.

⁸⁷ Kidd C. British identities before nationalism: ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600 – 1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

В «Основе знаний об Ирландии» скорее реализовывался эссенциалистский, нежели эпохалистский сценарий⁸⁸. Несмотря на декларируемое Китингом «ирландское начало» британской истории, он, в отличие от, допустим, шотландского юриста Томаса Крэйга⁸⁹ или валлийского антиквария Хамфри Луйда⁹⁰, не предлагал альтернативного общего знаменателя, сплачивающего современные народы.

Р. 66–70; *Morgan P. The Abbe' Pezron and the Celts // Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*. 1965. P. 286–95.

⁸⁸ Необходимо подчеркнуть, что восприятие эпохалистских и эссенциалистских черт ирландского протонационального дискурса XVII в. зависит от ракурса рассмотрения. По отношению к англоцентричным и другим британским дискурсам ирландский дискурс позиционировался скорее эссенциалистским в силу своей большей иберноцентричности. Однако в этой статье я обозначаю и его эпохалистские черты, хоть и игравшие второстепенную роль. В рамках же Зеленого острова ирландский протонациональный дискурс XVII в. скорее применял похожие на англоцентричный британский дискурс эпохалистские концепты в попытке консолидировать два сообщества, гэлов и старых англичан, с различным происхождением и принадлежностью к разным культурным средам. Ирландский протонациональный дискурс предлагал его носителям отдавать приоритет иным критериям общности: проживанию на общей территории, религии, общему прошлому, подданству. Однако данный сюжет не входит в центр внимания настоящей статьи. Об этом см.: *Левин Ф. Е. Протонациональный миф и история в «Основе знаний об Ирландии» Джоффри Китинга: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03. М., 2018. С. 222–234; Fyodorov S., Levin F. Cultural practices and local identities...*

⁸⁹ *De unione regnorum Britanniae tractatus* by Sir Thomas Craig / ed. by Charles Sanford Terry. Edinburgh: Printed at the University Press by T. and A. Constable for the Scottish History Society, 1909. Ch. II–XII. О позиции Крэйга: *Levack B. Law, sovereignty and the union // Scots and Britons: Scots and Britons: Scottish political thought and the Union of 1603*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994 P. 213–37, *Burgess G. British political thought, 1500–1660: the politics of the post-reformation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 157–161; 1603: *Mason R. 1603: Multiple monarchy...* P. 415–420.

⁹⁰ *Llwyd H. Commentarioli Britannicae descriptionis fragmentum*. Coloniae Agrippinae: Apud Ioannem Birckmannum, 1572. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/view/bsb10174233> (дата обращения: 02.11.2022). Об идее «британскости» у Луйда см.: *Schwyzler P. The age of the Cambro-Britons...* P. 428–429, 435–436.

Для Китинга так же, как для Мак ан Вардя и О'Хоса, трехчастность, подразумевающая автономию композитов, оставалась ключевой характеристикой современной Британской монархии. Упоминание в тексте старшинства Ирландией над Шотландией и родства населяющих обе страны гэлов скорее относились к прошлому, чем к будущему. Ирландский историк-описец отдает предпочтение территориальной, иберноцентричной перспективе и поэтому в тексте последовательно разделяет гэлов Ирландии и Шотландии⁹¹. Территориальный акцент позволял вписать в ирландский нарратив его самого, ибо Китинг обладал не-гэльским, староанглийским происхождением⁹². Эпохалистский же компонент текста Китинга скорее усиливал аргумент о самодостаточности Ирландии как композита в составе монархии и обосновывал ее претензии на равный статус с остальными композитами.

Британская рамка использовалась для концептуального осмысления прошлого Ирландии, без которой невозможно было очертить ее особую идентичность внутри строящейся монархии. В противовес английским, шотландским и валлийским негативным репрезентациям Ирландии, Китинг предлагал позитивно осмысленную инаковость ирландцев в рамках британского пространства. Для Китинга было принципиально опровергнуть свидетельства, лишавшие Ирландию территориальной субъектности. Так же, как и шотландские интеллектуалы⁹³, Китинг обращался к историческому аргументу с целью легитимации особого статуса Ирландии, обосновываемого самой древней на Британских островах и непрерывной традицией королевской власти и независимостью от иноземных правителей.

⁹¹ *Keating G.* FFÉ. Vol. II. P. 58, 374, 386.

⁹² *Ibid.* Vol. I. P. 76.

⁹³ *Mason R.* Certain matters concerning the Realm of Scotland: George Buchanan and Scottish self-fashioning at the union of the Crowns // *The Scottish Historical Review*. 2013. Vol. XCII, 1. N. 233. P. 41–45.

Вопрос «Британии» провоцировал дискурсивную борьбу между представителями композитов, в результате которой кристаллизовывались дискурсы самодостаточности. Инсулярный дискурс прослеживается и в «Основе знаний». Этот дискурс был модификацией позднесредневекового английского дискурса самодостаточности в Ирландии, обозначенного еще на парламенте в Дрогеде в 1460 г.:

«Ирландская земля есть, и всегда была, самостоятельной корпорацией (*corporate of itself*) по древним законам и обычаям, распространенным в ней, и была свободна от гнета любого особого закона английского королевства, кроме законов, проведенных, допущенных, принятых, утвержденных и провозглашенных в Парламенте духовными и светскими лордами и общинами»⁹⁴.

Похожий инсулярный язык можно найти в «Основе знаний»: «Saoilim nachar thuig Stanihurst gurab amhlaidh do bhí Éire 'na **ríoghacht ar leith léi féin, amhail domhan mbeag**» (Думаю, что не понял Станихерст, что на самом деле Ирландия — это **само по себе отдельное королевство, маленький мир...**⁹⁵). На основании примеров из поэмы Мак ан Варда и текста Китинга можно заключить, что инсулярный язык, при помощи которого обсуждалась «сущность Британии» и ее частей, особенно в раннестюартовскую эпоху, проникает и в ирландоязычный дискурс. Более того, хотелось бы отметить связь лексической конструкции Китинга с известной прокламацией Якова I 1604 г. о титуле короля Великой Британии, где он охарактеризовал Британию как «маленький мир сам по себе» (*a little world within it self*)⁹⁶. Это сходство может говорить

⁹⁴ Declaration of independence of the Irish parliament, 1460 // Irish historical documents, 1172–1922 / ed. by E. Curtis and R. B. McDowell. New York: Barnes & Noble, 1968. P. 174.

⁹⁵ Keating G. FFÉ. Vol. I. P. 38–39.

⁹⁶ A proclamation concerning the Kings Majesties Stile, of King of Great Britaine // Stuart royal proclamations, Volume I. Royal proclamations of king James I: 1603–1625 / ed. by J. F. Larkin. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 95.

не только о близком образовательном бэкграунде знати и интеллектуалов, но и внутридискурсивном обмене, задававшем язык описания композитарности⁹⁷.

И Мак ан Вардь, уподобляя Ирландию острову, и Китинг, уподобляя Ирландию маленькому миру, указывают на политическую самодостаточность (а ирландский историописец акцентирует еще и культурную инаковость ирландцев) композита⁹⁸. В отличие от своих староанглийских современников⁹⁹, оба определяли особое положение Ирландии не парламентскими свободами, когда-то дарованными английским королем, а отдельной самостоятельной гэльской историей.

Любопытно, что несмотря на то, что Китинг, как и Мак ан Вардь, признавал, что символ королевской власти в Ирландии располагается в Лондоне¹⁰⁰, он также подразумевал отдельную ирландскую корону. Китинг пишет о том, что в 1092 г. ирландская знать, конфликтовавшая с Доннхадом мак Брианом, передала власть над островом папе Урбану II, а в 1155 г. папа Адриан IV издал буллу *Laudabiliter*, в которой в свою очередь передал власть над островом королю Англии Генриху II¹⁰¹. Если в «Основе знаний» ирландская знать передает папству, а затем английскому королю, владение (*sealbh*) и власть

⁹⁷ Последняя часть вывода все же больше касается Китинга, вовлеченного в полемику, нежели Мак ан Вардя.

⁹⁸ *Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist...* P. 172.

⁹⁹ *Clarke A.* 1) *Old English in Ireland, 1625–42.* Ithaca: Cornell University Press, 1966. P. 140–52; 2) *Patrick Darcy and the constitutional relationship between Ireland and Britain // Political thought in seventeenth century Ireland / ed. by J. Ohlmeyer.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 35–55.

¹⁰⁰ Это скорее говорит о том, что, с точки зрения ирландских католических кругов, суверенитет над Ирландией воплощался в фигуре монарха и потому располагался в Лондоне, а не в Дублине. Ирландская католическая знать и джентри не всегда признавали лордов-наместников как полноценных *locum tenens* английского монарха в Ирландии и поэтому периодически обращались к английским королям напрямую, минуя его представителя в Дублине. *Canny N. P. Making Ireland British, 1580–1650.* Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 408.

¹⁰¹ *Keating G. FFÉ. Vol. III.* P. 346.

(*ceannas*) над Ирландией, то в анналах Клонмакнойса, появившихся в 1627 г., где впервые встречается этот сюжет, сам Доннхад передает Урбану II именно ирландскую корону (*Crown of Ireland*)¹⁰². Китинг не использует этого понятия напрямую и, более того, в некоторых местах пишет об английской короне в отношении Ирландии¹⁰³, однако трактует англо-нормандское завоевание в духе *translatio imperii*, что позволяет говорить об иных основаниях власти английского короля в Ирландии по сравнению с прописанными в акте 1541 г. Власть Генриха II покоилась не только на завоевании, но и на факте передачи папой ему королевства, врученного ранее понтифику ирландской знатью. Китинг дополняет, что ирландская знать сама скрепила этот выбор, присягнув королю¹⁰⁴. Эта линия легитимации власти английских королей над Ирландией подкреплялась еще и гэльским происхождением современной Китингу династии.

Так или иначе, «Основа знаний» транслировала альтернативные представления о статусе Ирландии, характерные для гэльской и гаэлизированной среды. Согласно этим представлениям, во-первых, королевский статус Ирландии имел автохтонное происхождение, а не был производным от статуса английской имперской короны. В этой связи английские короли унаследовали титул королей Ирландии от их ирландских предшественников. Идея отдельной ирландской короны была зафиксирована еще в неоформленном виде в поэме Мак ан Вардя, анналах Клонмакнойса и «Основе знаний», однако даже уже в таком виде она предполагала автономность власти английского короля от его власти в Англии¹⁰⁵. Более того, она

¹⁰² *Mageoghagan C.* The annals of Clonmacnoise: being annals of Ireland from the earliest period to A.D. 1408 / ed. by D. Murphy. Dublin: Royal Society of Antiquaries of Ireland, 1896. P. 179.

¹⁰³ См. с. 191.

¹⁰⁴ *Keating G.* FFÉ. Vol. III. P. 342.

¹⁰⁵ *O'Buachalla B.* The crown of Ireland. P. 43.

ставила под вопрос ключевое положение акта 1541 г. о неразрывной связи ирландской и английской корон.

Во-вторых, в рамках этих представлений акцентировался консентуальный характер власти над Ирландией¹⁰⁶: ирландское политическое сообщество либо добровольно подчинялось правителю, либо могло передать империй другому властителю, пригодному для управления Зеленым островом¹⁰⁷. В «Основе знаний» ирландская знать выступала посредником передачи власти над Ирландией английским королям. Согласно «Основе знаний», автономность Ирландии заключалась в том числе и в самодостаточности местного политического сообщества, что манифестировалось не только в принятии решения о будущем правителе, но и в древней традиции представительных собраний еще с дохристианских времен¹⁰⁸. Таким образом, Китинг предлагал полностью островные основания самодостаточности Ирландии, указывая на туземное происхождение всех ее институтов и их независимость.

При всех политических импликациях обозначенного островного дискурса необходимо еще раз подчеркнуть, что протонациональный дискурс в «Основе знаний» и размышления об Ирландии в поэмах Мак ан Вардя и О'Хоса несли характер партикулярного дискурса внутри Британской компо-

¹⁰⁶ Подробнее об этом: *Левин Ф. Е.* Протонациональный миф и история... С. 240–246.

¹⁰⁷ На протяжении тюдоровской эпохи гэльские и гаэлизированные династы периодически пытались передать власть над островом тому или иному иностранному правителю-католику: королю Шотландии Якову V и императору Карлу V в 1540, королю Франции Генриху II в 1551 г., эрцгерцогу Альбрехту Австрийскому в 1580–90-х. *Lyons M.A.* Franco-Irish relations, 1500–1610. Politics, migration and trade. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2003. P. 100; *Maginn C.* Whose island?: sovereignty in late medieval and early modern Ireland // *Eire-Ireland*. 2009. Vol. 44:3&4. P. 37–41; *Morgan H.* Hugh O'Neill and the Nine Years War in Tudor Ireland // *The Historical Journal*. 1993. Vol. 36. N. 1. P. 33–34.

¹⁰⁸ *Keating G.* FFÉ. Vol. I. P. 118. Китинг называет это собрание парламентом. Ibid. Vol. II. P. 132.

зитарной монархии. Мак ан Вардь прославлял Якова, О'Хоса воспевал объединение трех композитов в фигуре нового монарха, а Китинг, подобно валлийским интеллектуалам¹⁰⁹, подчеркивал лояльность местной католической знати английским королям. «Я спрашиваю у Станихерста, кто был более достоин, более благодарен или более верен английской короне, или кто лучше сохранял Ирландию для английской короны — колонисты из новых англичан, или старые англичане, живущие сейчас в Ирландии: граф Килдар, заключивший союз с Маккарти Риах, с О'Нилом и с другими представителями гэльской знати; граф Ормонд, породнившийся с О'Брайенами, Мак Гилла Патриками, и О'Кэроллами; или граф Дезмонд, породнившийся с Маккарти Мор, или граф Кланрикад — с О'Руарком... Более того, очевидно, что гораздо чаще английская корона доверяла защиту и сохранение Ирландии вышеозначенным графам, заключавшим союз с гэлами, чем колонистам, когда-либо проживавшим на территории английского Пэйла»¹¹⁰.

Вывод

Р. Мэйсон, говоря о Шотландии после унии 1603 г., обращает внимание на желание шотландцев не только локализовать свое королевство во времени и пространстве, но и обозначить его место таким образом, чтобы особость Шотландии внутри большей Британской монархии не была поглощена более крупным, богатым и гораздо лучше представленным в текстуальной традиции соседом¹¹¹. Данная статья демонстрирует, что это наблюдение верно и в отношении раннестюартовской ирландоязычной аудитории, которая, вопреки доминирующему мнению в историографии, интересовалась вопросом Британии. Восшествие на престол династии, которая воспри-

¹⁰⁹ *Roberts P.* Tudor Wales... P. 14–16, 25–26.

¹¹⁰ *Keating G.* FFÉ. Vol. I. P. 32–35.

¹¹¹ *Mason R.* Certain matters concerning... P. 58.

нималась в гэльской и гаэлизированной среде как своя, и на которую возлагались большие ожидания, а также рецепция литературы, принижающей положение Ирландии, способствовали интересу к этому вопросу.

Как говорилось во введении, моя статья только намечает контуры более широкого исследования, которое позволит продемонстрировать многообразие языков описания Британии в раннее Новое время, ведь размышлять о Британии можно было не только на латыни и английском языке. Ирландоязычный вернакулярный дискурс о Британии в узком смысле был связан с осмыслением вопросов престолонаследия и нового территориального образования, появившегося в результате унии 1603 г. В широком смысле он включал в себя рефлексия по поводу роли Ирландии в прошлом Британских островов и ее современного статуса.

Мак ан Вардь, О'Хоса и Китинг в своей попытке осмыслить текущую ситуацию применяли более широкую пространственную рамку, выходящую за пределы собственно Зеленого острова. Адаптация подобного ракурса, несомненно, являлась следствием дискурсивной аккультурации¹¹², под которой здесь понимается готовность рассматривать себя с точки зрения властного категориального аппарата. Кристаллизовавшийся в процессе этой рефлексии дискурс о Британии был эклектичным. Он вбирал в себя как элементы языков описания и форм мышления о композитарности, характерные для подобных дискурсов по другую сторону Ирландского моря, так и обращался к туземному наследию. К примеру, Мак ан Вардь и Китинг определяли основания суверенитета Якова I и Карла I при помощи туземных конвенций. Более того, Китинг обращался к источникам на ирландском языке, чтобы найти ответы на свои вопросы о древнем прошлом Британских островов.

¹¹² О самом термине см.: Федоров С. Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25—39.

Общей чертой рассмотренных текстов было представление о Британской монархии как о союзе трех королевств, где доминирующим объединяющим фактором была фигура правящего монарха. Судя по всему, этот союз осмыслялся как *aeque principaliter*¹¹³, в котором составляющие его части виделись как отдельные, равные между собой единицы. В рамках подобной репрезентации Ирландия описывалась как отдельное тело, и такое прочтение ее статуса отличалось от властной трактовки акта 1541 г. Исторические основания такого прочтения статуса Зеленого острова содержались в «Основе знаний об Ирландии». В этой связи необходимо отметить определенное сходство ирландского и шотландского¹¹⁴ восприятия идеальной структуры композитарной монархии.

На примере «Основе знаний», можно сказать, что дискурс о Британии с его эпохалистскими и эссенциалистскими концептами оставался востребованным и в композитах. В тюдоровскую и раннестюартовскую эпоху велась дискурсивная борьба между гегемонным дискурсом о Британии и его региональными вариантами. Более того, как видно из «Основы знаний», полемика вокруг британской истории шла не только с ее англоцентричными версиями, но и между ее «национальными» версиями. В этой полемике интеллектуалы пользовались схожими дискурсивными стратегиями, почерпнутыми друг у друга, однако только более широкое исследование вернакулярных дискурсов о Британии на разных языках позволит полноценно контекстуализировать эти механизмы.

Тем не менее, даже на основании данной статьи можно сделать несколько выводов о характере дискурсивной борьбы на Британских островах в раннестюартовскую эпоху.

¹¹³ По поводу проблематики такой формы союзов в контексте композитарных монархий раннего Нового времени см.: *Elliott J. A Europe of composite monarchies // Past and Present. 1992. N. 137. P. 52–53.*

¹¹⁴ *Mason R. A. Debating Britain in seventeenth-century Scotland... P. 4–24.*

Гальфридианский дискурс создавал определенное напряжение и пытался подавить альтернативные прочтения истории Британских островов, а англоцентричный британский проект, основанный на нем, практически низводил региональные идентичности до культурных¹¹⁵. Воспринимая это как угрозу размыwania собственной инаковости, интеллектуалы из национальных композитов пытались предложить собственные версии прошлого Британии, закреплявшие роль их народов и их политический и культурный престиж. В процессе этой полемики они вписывали «национальную» историю в британское пространство, не только защищая свои композиты от возможной внешней апроприации, но и делая встречные выпады. Тем самым они прибегали не только к эссенциалистским, но и к эпохалистским стратегиям.

Подобный ответ мы наблюдаем в «Основе знаний об Ирландии». В противовес английским репрезентациям, лишившим ирландскую идентичность политической субъектности, а сам Зеленый остров представлявшими провинцией Британии, Китинг предложил прочтение ирландской идентичности как политического феномена, обоснованного древностью ирландских политических институтов. Важно, что ирландская идентичность формулировалась именно в рамках британской рамки воображения. Ирландский протонациональный дискурс раннестюартовского периода носил характер партикулярного дискурса, немаловажной частью которого было обсуждение вопроса «сущности Британии». «Основа знаний об Ирландии» не только предлагала островные основания политической самодостаточности Ирландии как композита, но и в своей гэллоцентричной версии истории Британских островов фиксировала историко-культурную важность ирландского народа для самого британского пространства, у истоков которого он стоял, с точки зрения Китинга.

¹¹⁵ *Fyodorov S., Levin F. Cultural practices and local identities...*

Остается дискуссионным вопрос политической направленности таких вернакулярных дискурсов о Британии. С одной стороны, в образе прошлого интеллектуалы видели модель идеального построения отношений, которые можно было реконструировать в современности¹¹⁶, и в этой связи исторические нарративы использовались для возвращения политической субъектности и для демонстрации лояльности. Однако несмотря на наличие ресурса политизации, возможно, не стоит преувеличивать политическую составляющую такой инструментализации. Я бы хотел сослаться на Ф. Дженкинса, рассуждавшего о схожих вопросах валлийской идентичности в XVII в. и утверждавшего, что «валлийскость» была все же культурной, а не политической конструкцией¹¹⁷. Это утверждение может касаться и интерпретации «Основы знаний». Протонациональный дискурс произведения можно прочесть не как политическое высказывание, нацеленное на изменение статуса Ирландии в составе Британской монархии, а как всего лишь атрибут ученой и литературной полемики о прошлом Британских островов. Текст мог ориентироваться на подъем культурного, а не политического самосознания, ирландоязычной аудитории. В таком случае «Основа знаний» повышала именно культурный престиж ирландцев за счет указания на наличие у них не менее достойных культурных и политических традиций, чем и у других британских народов. Гордость по поводу самих древних политических институтов могла быть элементом позитивно осмысленной культурной инаковости, сообщавшей ирландцам чувство собственного достоинства в противовес доминирующим негативным репрезентациям.

¹¹⁶ Паламарчук А. А. Национальный дух или англоцентричная империя... С. 485–486.

¹¹⁷ Jenkins P. Seventeenth-century Wales... P. 232–234.

Peripheral perspective on the composite monarchy: the case of early Stuart Ireland

Левин Феликс Евгеньевич, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Российская Федерация, Санкт-Петербург.

Levin Feliks, Associate professor, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg.

Аннотация. Формирование Британской композитарной монархии в XVI–XVII вв. создало новые дискурсивные возможности, которыми пользовались интеллектуалы для осмысления текущей ситуации. В отличие от англоцентричных версий композитарной монархии и британской идентичности, альтернативные видения нового территориального образования редко попадают в поле зрения ученых. Такое невнимание порождает ошибочные интерпретации, согласно которым идеи композитарной монархии, по сути, оставались не востребованными за пределами Лондона. Это не так, ибо шотландские, валлийские и ирландские интеллектуалы также размышляли о «сущности Британии» и об отношениях между композитами, адаптируя и переосмысляя английские (и не только английские) концептуальные схемы, а также используя собственные вернакулярные ресурсы.

В настоящей статье на примере панегириков «Три короны в хартии Якова» Фергала Ога Мак ан Вардя и «Много чего не хватает в работе Овидия» Эохайда О'Хоса, а также исторического нарратива «Основы знаний об Ирландии» Джоффри Китинга я анализирую видение современной композитарной монархии и прошлого Британских островов, характерное для гэльской и гаэлизированной среды в раннеюгославскую эпоху, и помещаю его в общebritанский контекст.

Данное исследование демонстрирует, что британский вопрос был действительно интересен для ирландоязычной аудитории. Ирландоязычный вернакулярный дискурс о Британии в узком смысле был связан с осмыслением вопросов престолонаследия и нового территориального образования, появившегося в результате унии 1603 г. В широком смысле он включал в себя рефлексии по поводу

роли Ирландии в прошлом Британских островов и ее современного статуса.

В статье я обращаю внимание на то, что ирландская идентичность формулировалась внутри британского пространства в раннестюартовскую эпоху. Рассмотренные тексты показывают, что позитивно осмысленная политическая и культурная инаковость ирландцев изображалась в контексте британского пространства. Эпохалистский ресурс британского дискурса был привлекателен и для интеллектуалов из национальных композитов, в том числе и для ирландцев, поскольку представлял пространство для самовыражения за пределами современных политических границ и позволял оспаривать исторические основания английского доминирования.

Ключевые слова: Британия; композитарная монархия; Ирландия; ирландская идентичность; «сущность Британии»; ирландская бардическая поэзия; Джоффри Китинг; новая британская история.

Abstract. The formation of British composite polity in the 16th–17th centuries created new discursive frameworks which were used by intellectuals for reflection on current situation. In contrast to well-examined anglocentric versions of composite monarchy and concepts of British identity, alternative visions of composite monarchy remain outside of the scholarly scope. This scarce attention contributes to a false impression that the ideas of composite monarchy were not relevant beyond London. However, Irish, Scottish, and Welsh intellectuals reflected on the ‘matter of Britain’ and on the relationships between composites adopting and reconsidering English (and not only English) conceptual schemes, and exploiting the resources of their own vernaculars.

On the basis of panegyrics *Trí coróna i gcairt Shéamais* (Three crowns in James’s charter) by Fearhgal Óg Mac an Bhaird and *Mór theasda dh’obair Óivid* (Much is wanting from Ovid’s work) by Eochaidh Ó hEódhusa, and historical narrative *Foras Feasa ar Éirinn* (Foundation of Knowledge on Ireland) I analyse the vision of contemporary composite monarchy and the past of the British Isles in the Gaelic and Gaelicized Irish environment and put in the wider British context.

This article demonstrates that the Irish-speaking audience exercised interest in the issue of Britain in the early Stuart period. Vernacular dis-

course about Britain, in a narrower sense, was connected with thinking about issues of succession and about new polity emerged as a result of the Union of the Crowns of 1603. In a wider sense, it involved reflection on the role of Ireland in the past of the British isles and on its current status within the British monarchy.

I also put emphasis on the British framework of imagining Irish identity in early Stuart period. The examined texts show that positively inflected political and cultural otherness of the Irish was portrayed in the context of British landscape. The intellectuals of national composites including the Irish were attracted by the epochalist resource of the discourse of Britain since it provided them with a framework for self-expression transcending current political borders and enabled to contest historical foundations of English domination.

Keywords: Britain; composite monarchy; Ireland; Irish identity; 'the matter of Britain', Irish bardic poetry; Geoffrey Keating; new British history.

Библиография

Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004.

Левин Ф. Е. Протонациональный миф и история в «Основе знаний об Ирландии» Джоффри Китинга: дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.03. М., 2018.

Паламарчук А. А. Национальный дух или англоцентричная империя // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2011. С. 474–488.

Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Антикварный дискурс раннестюартовской Англии. СПб.: Алетейя, 2013.

Федоров С. Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2013. N. 3. С. 75–81.

Федоров С. Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25–39.

Федоров С.Е. Новая британская история: единый дискурс или контексты национальной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 10 (33). URL: <http://history.jes.su/s207987840000968-3-1>(дата обращения: 20.10.2022).

Anderson M. Kings and kingship in early Scotland. Edinburgh: Scottish Academic Press, 1973.

Asche L. Holinshed and mythical history // The Oxford handbook of Holinshed's chronicles / ed. by F. Heal. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 155–171.

Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the myth of British national identity // British Politics. 2021. Vol. 16. Iss. 2. P. 117–132.

Bradshaw B. 'And so began the Irish nation': nationality, national consciousness and nationalism in pre-Modern Ireland. Farnham: Ashgate, 2015.

Bradshaw B. Geoffrey Keating: apologist of Irish Ireland // Representing Ireland: literature and the origins of conflict, 1534–1660 / ed. by B. Bradshaw, A. Hadfield, W. Malley. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 166–191.

Brown K. British history: a sceptical comment // Three Nations – a Common History? England, Scotland, Ireland and British History c. 1600 – 1920 / ed. by R. Asch. Bochum: Universitätsverlag N. Brockmeyer, 1993. P. 117–127.

Burgess G. British political thought, 1500–1660: the politics of the post-reformation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Caball M. Faith, culture and sovereignty: Irish nationality and its development, 1558–1625 // British consciousness and identity. The making of Britain, 1533–1707 / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 112–139.

Campbell I. Renaissance humanism and ethnicity before race: the Irish and the English in the seventeenth century. Manchester: Manchester University Press, 2013.

Canny N. Imagining Ireland's pasts: Early modern Ireland through the centuries. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Canny N. Irish, Scottish and Welsh responses to centralisation, c. 1530 – c. 1640: a comparative perspective // *Uniting the kingdom? The enigma of British history* / ed. by A. Grant, K. Stringer. London: Routledge, 1995. P. 147–69.

Canny N. P. *Making Ireland British, 1580–1650.* Oxford: Oxford University Press, 2001.

Canny N. The intersections between Irish and British political thought of the early-modern centuries // *British political thought in history, literature and theory, 1500–1800* / ed. by D. Armitage. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 67–88.

Canny N. Writing early modern history: Ireland, Britain, and the wider world // *The Historical Journal.* 2003. Vol. 46. No. 3. P. 723–747.

Carroll C. *Circe's cup: cultural transformations in early modern writing about Ireland.* Cork: Cork University Press, 2001.

Carroll C. *Exiles in a Global City: the Irish and early modern Rome, 1609–1783.* Leiden: Brill, 2018;

Caulfield D. The Scotie debate: Philip O'Sullivan Beare and his *Tenebriomastix* // *Making Ireland Roman: Irish Neo-Latin writers and the republic of letters* / ed. by J. Harris. K. Sidwell. Cork: Cork University Press, 2009. P. 109–125.

Clarke A. *Old English in Ireland, 1625–42.* Ithaca: Cornell University Press, 1966.

Clarke A. Patrick Darcy and the constitutional relationship between Ireland and Britain // *Political thought in seventeenth century Ireland* / ed. by J. Ohlmeyer. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 35–55.

Coira Piá M. *By poetic authority: the rhetoric of panegyric in Gaelic poetry of Scotland to c. 1700.* Edinburgh: Dunedin Academic Press, 2012. P.

Coolahan M.L. Whither the archipelago? Stops, starts, and hurdles on the four nations front // *Literature Compass.* 2018. Vol. 15. Iss. 11. P. 1–12.

Cronin A. Sources of Keating's *Forus Feasa ar Éirinn* // *Éigse.* 1945. Vol. IV. P. 235–279.

Cronin A. Sources of Keating's *Forus Feasa ar Éirinn*: 2, manuscript sources // *Éigse*. 1945–47. Vol. V. P. 122–135.

Cunningham B. The world of Geoffrey Keating: history, myth and religion in seventeenth century Ireland. Dublin: Four Court Press, 2004.

Elliott J. A Europe of composite monarchies // *Past and Present*. 1992. N. 137. P. 48–71.

Ellis S. The collapse of the Gaelic world, 1450–1650 // *Irish Historical Studies*. 1999. Vol. 31. N. 124. P. 449–469

Ellis S., Maginn C. The making of the British Isles the state of Britain and Ireland, 1450–1660. London: Routledge, 2013. P. 297–298, 375–378.

Ferguson A. *Clio unbound: perception of the social and cultural past in renaissance England*. Durham: Duke University Press, 1979.

Fyodorov S., Levin F. Cultural practices and local identities in early modern Britain // *Figurationen und Personifikationen des Nationalen im frühneuzeitlichen Europa | National Figurations and Personifications in Early Modern Europe* / hrsg. von M. Müller, K. Pietschmann, T. Maissen. Bielefeld: Transcript Verlag, 2023 (in print)

Hadfield A. Edmund Spenser's Irish experience: wilde fruit and salvage soyl. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Hayward K., McManus C. Neither/Nor: The rejection of Unionist and Nationalist identities in post-Agreement Northern Ireland // *Capital & Class*. 2019. Vol. 43(1). 139–155

Henderson A., Jones R.W. Englishness: the political force transforming Britain. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Herendeen W. William Camden: A life in context. Woodbridge: The Boydell Press, 2007.

Jenkins P. Seventeenth-century Wales: definition and identity // *British consciousness and identity. The making of Britain, 1533–1707* / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 213–235;

Kane B. The Nine Years' War in Ireland (1594–1603) as problem of government // *Political and religious practice in the early modern*

British world / ed. by P. Bulman, F. C. Dominguez. Manchester: Manchester University Press, 2022. P. 181–202.

Kane B. The politics and culture of honour in Britain and Ireland, 1541–1641. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P.

Kidd C. British identities before nationalism: ethnicity and nationhood in the Atlantic world, 1600–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Kidd C. The matter of Britain and the contours of British political thought // British political thought in history, literature and theory, 1500–1800 / ed. by D. Armitage. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 47–66.

Langlands R. Britishness or Englishness? The historical problem of national identity in Britain // Nations and Nationalism. 1999. Vol. 5. Iss. 1. P. 53–69.

Leerssen J. Mere Irish & fíor-ghael: studies in the idea of Irish nationality, its development, and literary expression prior to the nineteenth century. Amsterdam: John Benjamins Publ. Co, 1986.

Levack B. Law, sovereignty and the union // Scots and Britons: Scottish political thought and the Union of 1603 / ed. by R.A. Mason. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 213–37.

Levack B. The formation of the British state: England, Scotland, and the Union 1603–1707. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Literature and Union: Scottish Texts, British Contexts / ed. by C. Kidd, G. Carruthers. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Lyons M.A. Franco-Irish relations, 1500–1610. Politics, migration and trade. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2003.

Mac Craith M. Creideamh agus athartha. Ide-éolaíocht pholaitíochta agus aos léinn na Gaeilge i dtús an seachtú haois déag // Nua-Léamha: gnéithe de chultúr, stair agus polaitíocht na hÉireann c. 1600 – c. 1900. Baile Átha Cliath: An Clóchomhar, 1996. P. 7–19.

Maccoll A. The construction of England as a protestant ‘British’ nation in the sixteenth century // Renaissance Studies. 2004. Vol. 18. N. 4. P. 582–608.

Maginn C. Whose island?: sovereignty in late medieval and early modern Ireland // *Éire-Ireland*. 2009. Vol. 44:3&4. P. 229–247.

Mason R. A. 1603: Multiple monarchy and Scottish identity // *History*. 2020. Vol. 105. Iss. 366. P. 402–421.

Mason R. Certain matters concerning the Realm of Scotland: George Buchanan and Scottish self-fashioning at the union of the Crowns // *The Scottish Historical Review*. 2013. Vol. XCII, 1. N. 233. P. 38–65.

Mason R. A. Debating Britain in seventeenth-century Scotland: multiple monarchy and Scottish sovereignty // *Journal of Scottish Historical Studies*. 2015. Vol. 35. N. 1. P. 1–24.

McCabe R. Ireland's Eliza: queen or cailleach? // *Elizabeth I and Ireland* / ed. by B. Kane, V. McGowan-Doyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 15–39.

McEwen N. Irreconcilable sovereignties? Brexit and Scottish self-government // *Territory, Politics, Governance*. 2022. Vol. 10. Iss. 5. P. 733–749.

McLeod P. Divided Gaels: Gaelic cultural identities in Scotland and Ireland c. 1200–c. 1650. Oxford: Oxford University Press, 2004.

McQuillan P. 'Nation' as pobal in seventeenth-century Irish // *Early modern Ireland: new sources, methods, and perspectives* / ed. by S. Covington, V. P. Carey, V. McGowan-Doyle. London: Routledge, 2019. P. 113–129.

McQuillan P. Native and natural: aspects of the concepts of "right" and "freedom" in Irish. Notre Dame, 2004. P

Montano J.P. The roots of English colonialism in Ireland. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Morgan H. Hugh O'Neill and the Nine Years War in Tudor Ireland // *The Historical Journal*. 1993. Vol. 36, N. 1. P. 21–37.

Morgan P. The Abbe' Pezron and the Celts // *Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion*. 1965. P. 286–95.

Morley V. Ó Chéitinn go Raiftearaí: mar a cumadh stair na hÉireann. Baile Átha Cliath: Coiscéim, 2011.

Morley V. The idea of Britain in eighteenth-century Ireland and Scotland // *Studia Hibernica*. 2004/2005. N. 33. P. 101–124.

Morrill J. Thinking about the New British History // British political thought in history, literature and theory, 1500–1800 / ed. by D. Armitage. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 23–46.

Ó Buachalla B. James our true king: the ideology of Irish royalism in the seventeenth century // Irish political thought since the seventeenth century / ed. by D. G. Boyce, R. R. Eccleshall, V. Geoghegan. London: Routledge, 1993. P. 7–36.

Ó Buachalla B. Na Stíobhartaigh agus an taos léinn: Cing Séamas // Proceedings of the Royal Irish Academy. Section C: Archaeology, Celtic Studies, History, Linguistics, Literature, 1983. Vol. 83C. P. 81–134.;

Ó Buachalla B. The crown of Ireland. Galway: Arlen House, 2006.

Ohlmeyer J. The aristocracy in seventeenth-century Ireland: wider contexts and comparisons // History Compass. 2014. Vol. 12. N. 1. P. 33–39.

Pocock J. G. A. British History: a plea for a new subject // Journal of Modern History. 1975. Vol. 47. N. 4. P. 601–621.

Pocock J. G. A. Two kingdoms and three histories? Political thought in British contexts // Scots and Britons. Scottish political thought and the union of 1603 / ed. by R. A. Mason. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 293–312.

Pryce W. Writing Welsh history: from the early Middle Ages to the twenty-first century. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Roberts P. Tudor Wales, national identity and the British inheritance // British consciousness and identity. The making of Britain, 1533–1707 / ed. by B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 8–42.

Schwyzer P. Archipelagic History // The Oxford handbook of Holinshed's chronicles / ed. by F. Heal. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 592–608.

Schwyzer P. The age of the Cambro-Britons: hyphenated British identities in the seventeenth century // The Seventeenth Century. 2018. Vol. 33. Iss. 4. P. 427–439.

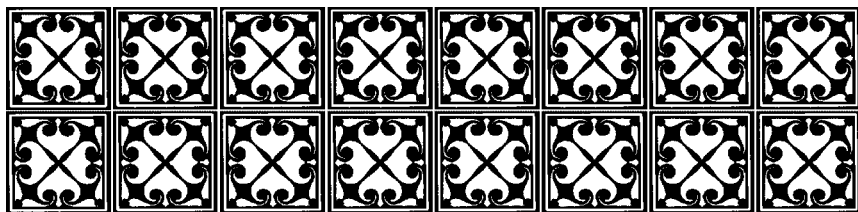
Siegfried B.R. Recognising Elizabeth I: grafting, sovereignty, and the logic of icons in an instance of Irish bardic poetry // *Elizabeth I and Ireland* / ed. by B. Kane, V. McGowan-Doyle. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 86–112.

Todd J. Unionism, identity and Irish unity: paradigms, problems and paradoxes // *Irish Studies in International Affairs*. 2021. Vol. 32. N. 2. P. 53–77.

Vine A. In defiance of time. Antiquarian writing in early modern England. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Williamson A. H. David Hume, Richard Verstegan, and the Battle for Britain // *The Oxford handbook of the age of Shakespeare* / ed. by R. M. Smuts. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 322–345.

Williamson A. Scottish national consciousness in the age of James VI: the apocalypse, the union and the shaping Scotland's public culture. Edinburgh: John Donald, 1997.

Т. Л. Лабутина

Борьба за свободу слова в раннебуржуазной Англии

В либеральной модели демократии важное место занимают демократические свободы (слова, совести, собраний, митингов и др.). Наиболее важной среди них является, на наш взгляд, свобода слова. И хотя в последнее время эта свобода приняла в ряде капиталистических государств весьма ограниченный характер, от этого она не потеряла своей первоначальной ценности.

Как известно, родиной либеральной демократии являлась Англия, а ее создателями – интеллектуалы, к которым принадлежали прежде всего идеологи просветительского движения, чья деятельность пришлась на конец XVII – начало XVIII вв. Английские просветители неоднократно высказывались в поддержку гражданских свобод, и прежде всего свободы слова, поскольку хорошо понимали, что «призрачны все остальные свободы при отсутствии свободы печати»¹. Они приняли самое активное участие в борьбе за достижение в стране бесцензурной печати. О том, как это происходило, и пойдет речь в предлагаемой статье. Заметим, что в отечественной историографии, помимо автора², к истории английской прессы вто-

¹ Маркс Ф., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 83.

² См.: Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982. С. 173–176; она же. «Памфлетная

рой половины XVIII – первой половины XIX вв. обращалась М.П. Айзенштат³. Нам представляется, что указанная проблема еще нуждается в дальнейшем изучении российскими историками.

Борьба за свободу слова, которую вели английские просветители, имела свою предысторию. Со времени правления Генриха VIII (1509–1547 гг.) в английской печати существовала цензура. «Звездная палата» охраняла в печати авторитет короля и государственной церкви. При Карле I Стюарте за сочинение и распространение «опасных», по мнению властей, книг виновных по приговору Звездной палаты подвергали наказаниям: облагали высокими штрафами, били плетью, выставляли к «позорному» столбу, рвали ноздри, клеймили щеки каленым железом и сажали в тюрьму. Революция упразднила Звездную палату в 1641 г., однако цензура в печати продолжала действовать, лишь только контроль над печатью от короля перешел к парламенту. Однако радикальные партии выступили с требованием отмены цензуры. Особенно активную позицию в борьбе за свободу слова заняли революционеры Джон Лильберн и Джон Мильтон⁴.

После Реставрации «строгая цензура», по словам известного британского историка К. Хилла, «покончила с относительной свободой политических дискуссий, которые проходили в 1649–1660 гг.»⁵. В течение 19 лет после 1660 г. только

война»: Английская публицистика в эпоху раннего Просвещения // Публицистика эпохи Просвещения. СПб., 1992; она же. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения. (1689–1714). М., 1995. С. 166–173.

³ См.: Айзенштат М.П. Власть и общество Британии. 1750–1850 гг. М., 2009; она же. Парламентские материалы Британии XVIII–XIX веков. Запреты и преодоления // Новая и новейшая история. М., 2016, № 5. С. 16–25.

⁴ Подробнее об этом см.: Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005. С. 30–38.

⁵ Hill C. Republicanism after the Restoration // New Left Review. 1960. № 3. P. 47.

правительственные газеты печатались с разрешения закона. Опасаясь нежелательных высказываний в адрес правительства со стороны «инакомыслящих», парламент всегда выступал против любых неугодных режиму реставрации высказываний в книгах, памфлетах, трактатах и т.д.

В ноябре 1660 г. в палате общин разгорелся спор о наказании некоего мистера Дрейка, написавшего «мятежную» книгу «Долгий парламент ожил». Депутаты единодушно потребовали сожжения «недозволенного произведения», поскольку, как выразился оратор из партии Двора Финч, «сжигая книгу, мы тем самым подавляем всякие надежды на разжигание пламени в королевстве»⁶.

По вопросу о наказании виновного мнения разделились. Представитель оппозиции полковник Фибус заявил, что «прошлые заслуги мистера Дрейка могут явиться искуплением настоящего его проступка». Депутат Энсли, считая «жестокостью наказание за первую ошибку, предлагал ограничиться сожжением книги, а раскаявшегося автора простить. Однако большинство членов палаты общин настаивали на осуждении и строгом наказании виновного, чтобы на его примере другие поостереглись печатать «возмутительные произведения»⁷.

В 1661 г. парламент принял указ «О регулировании книгопечатания», преследовавший своей целью заставить замолчать всех недовольных режимом Реставрации. Парламент разработал ряд мер, направленных на розыск «возмутительных, подозрительных, скандальных и запрещенных книг, памфлетов, бумаг в книжных лавках и типографиях»⁸. Началось открытое преследование оппозиционно настроенных к режиму Реставрации памфлетистов. Так к публичному сожжению

⁶ The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803 / Ed. W.Cobberr. L., 1807, vol. IV (далее – Parl. Hist.). P. 147.

⁷ Ibid. P. 147–148.

⁸ Calendar of State Papers. Domestic Series. L. 1894–1913. (далее – CSPD). Vol. XI. P. 654.

«рукой палача» были приговорены «мятежные» книги Дрейка, Джона Мильтона, Джона Гудвина и других республиканцев, оправдывавших «ужасное» убийство Карла I. Было объявлено также об изъятии «мятежных» памфлетов, книг, речей известных лидеров оппозиционной режиму партии вигов – Джона Локка, графа Шефтсбери, герцога Бэкингема. Типограф Джон Твин, без разрешения цензора напечатавший памфлет антиправительственного содержания, в котором утверждал, что власть должна принадлежать народу, был арестован и подвергнут жестокой казни (его повесили, затем четвертовали, выставив части тела у разных ворот Лондона).

Между тем, число недовольных правительством было столь велико, а их ненависть к порядкам и законам реставрационного режима столь сильна, что никакие статуты парламента не могли заставить замолчать его противников. В «Календаре государственных бумаг» сохранилась масса свидетельств о том, что «мятежные бумаги и памфлеты» издаются и разыскиваются, а их авторы и издатели, а также те, кто распространяет запрещенные книги, привлекаются к судебной ответственности⁹.

Правительство то и дело издавало указы «о принятии мер для закрытия всех типографий, не имеющих законного разрешения», о расследованиях дел о «мятежных памфлетах» и т.д. В 1669 г. был издан указ «о розыске возмутительных, подозрительных, скандальных и запрещенных книг, памфлетов, бумаг в книжных лавках и типографиях и о наказании их авторов»¹⁰. Аналогичные распоряжения правительства были сделаны в 1672, 1674 и 1675 гг.¹¹ Любопытная запись указа в «Календаре...» от 29 марта 1670 г., где сообщается о «розыске»

⁹ Ibid. Vol. X. P. 30, 121, 133, 266, 353; vol. XII. P. 301, 315, 370; vol. XIV. P. 195, 350; vol. XV. P. 77, 380, 563, 599; vol. XVI. P. 123; vol. XVII. P. 181, 393, 395; vol. XVIII. P. 106, 247.

¹⁰ CSPD. Vol. XI. P. 654.

¹¹ CSPD. Vol. XIII. P. 673; vol. XVI. P. 347, 567; vol. XVII. P. 405.

и «изъятии» «мятежных» памфлетов, книг, речей известных лидеров партии вигов – Джона Локка, графа Шефтсбери, герцога Бэкингема. Интересно, что парламентарии попали под действие законов, которые сами принимали в парламенте. Этот факт как нельзя лучше объясняет тягу вигов к «свободе» слова, которую они горячо отстаивали в спорах со своими противниками из партии тори.

Установленная режимом Реставрации цензура в печати ущемляла права даже тех авторов, которые в своих произведениях не допускали никакой крамолы. Государственный секретарь Уильямсон получил 3 июня 1676 г. анонимное послание, автор которого жаловался на цензора Лестранжа, который «превышает свои полномочия, вверенные ему законом ... притесняет бедных авторов, а богатым позволяет себя подкупать ... вымогает деньги за публикацию книг нонконформистов, утверждая, что его должность равноценна по своему значению должности государственного секретаря»¹². И подобных чиновников среди королевских цензоров было немало.

Попытки короля Карла II усилить действие цензуры не имели успеха: памфлетная война продолжалась¹³. Жестокие репрессии по отношению к авторам «мятежных» и «возмутительных» памфлетов со стороны правительства далеко не всегда оказывались эффективными. Запрещенные книги и памфлеты, содержащие критические высказывания в адрес правительства, продолжали распространяться по стране. Сам король Карл II был признателен бессилию правительственной политики в борьбе с «возмутительной» литературой. 11 августа 1669 г. он обратился с письмом к компании книгоиздателей Лондона, в котором отмечал: «Множество изменнических,

¹² CSPD. Vol. XVIII. P. 143.

¹³ *Speck W.A. Political Propaganda in Augustan England // Transactions of the Royal Historical Society. 5 ser. Vol. 22. L. 1972. P. 20; Лабутина Т.Л. «Памфлетная война»: Английская публицистика в эпоху раннего Просвещения // Публицистика эпохи Просвещения. СПб., 1992.*

мятежных и запрещенных книг и памфлетов издано вами... В 1663 г. мы назначили главного цензора... были наказаны некоторые члены вашей компании, но все это оказалось малодейственным»¹⁴.

Король Яков II Стюарт, вступивший на трон после смерти брата в 1685 г., придерживался той же политики контроля над печатью, что и его предшественник, но во время Славной революции 1688–1689 гг. этот контроль, как признает американская исследовательница Д. Сквайер, был в значительной степени ослаблен¹⁵. На протяжении нескольких недель появилось множество памфлетов, трактатов, газет, в которых освещались политические события и парламентские новости. Но уже в январе 1689 г. Вильгельм Оранский издал указ, предписывающий цензорам разыскивать все «скандальные и мятежные» книги, газеты и памфлеты, привлекая к судебной ответственности их авторов. Так возобновилось действие закона «о цензуре».

Нуждаясь в средствах массовой информации для оказания влияния на общественное мнение, буржуазия активно включилась в борьбу за свободу печати. Требование «свободы слова» сделалось одним из главных в программах партий тори и вигов. Наиболее активными борцами за свободу слова сделались просветители. Когда в январе 1704 г. парламент занялся рассмотрением вопроса о регулировании печати, известный литератор Д. Дефо на страницах своего журнала «Ревю» расценил установление цензуры как покушение на свободу. Он опубликовал памфлет «Очерк о регулировании печати», в котором подробно останавливался на тех сложностях, которые возникают в обществе, где существует цензура в печати. Даже частичный запрет на публикацию книг, по его мнению, нарушает процесс образования, препятствует приобретению

¹⁴ CSPD. Vol. XI. P. 446.

¹⁵ *Schwoere J. G.* Press and Parliament in the Revolution of 1689 // *The Historical Journal*. Vol. 20. №. 3, 1977. P. 562.

знаний, увеличивает число контрабандных изданий, приводит знания образованных людей в упадок. Дефо также обращал внимание на тот факт, что при существовании цензуры авторы попадают в полную зависимость от цензора, который может запретить публиковать книгу только потому, что она не нравится лично ему. Установление цензуры создает также благоприятную почву «для подкупа, обмана и всяческих злоупотреблений», поскольку цензор разрешает печатать книгу потому, что «получил соответствующее вознаграждение», давая подобное разрешение. Вручение нескольких золотых гиней цензору, подчеркивал Дефо, тотчас сделает книгу «ортодоксальной и лояльной» и устранил любые «конструктивные замечания» по ее содержанию¹⁶.

Дефо отмечал, что существующую в печати цензуру нередко используют для достижения своих целей в политической борьбе партии. Любая из партий, став у руля правления, получает право утверждать своих людей на должность цензора, тем самым приобретая «исключительное право распоряжаться печатью, предоставляя своим сторонникам высказываться в ее поддержку, но одновременно лишая свободы слова другую партию»¹⁷. Таким образом, подчеркивал Дефо, при наличии цензуры печать приобретает партийный характер, становясь «рабой партии»¹⁸.

Выступая против цензуры, Дефо в то же время предлагал издать несколько законов с целью регулирования вопроса о печати. Как твердый защитник интересов буржуазии Дефо желал, прежде всего, обезопасить имущие классы от «подстрекательских и мятежных элементов, которые под видом подачи петиций в парламент, нередко производят волнения и беспорядки»¹⁹. Для этой цели он предлагал оговорить зако-

¹⁶ [Defoe D.] An Essay on the Regulation of the Press // Luttrell Reprints. № 7. Oxford, 1948. P. 9–10.

¹⁷ Ibid. P. 17.

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ Ibid. P. 18–19.

ном допустимое количество подателей петиций, а также, чтобы эти податели непременно принадлежали к имущим слоям. Более того, Дефо считал необходимым издание указа о том, чтобы отдельные вопросы, касающиеся государственного и церковного правления, не обсуждались в печати вообще, нарушители же этого закона должны понести соответствующее наказание. Совершенно очевидно, что подобными законами буржуазный просветитель надеялся обезопасить власть имущих от выступлений недовольных существующим режимом народных масс Англии.

Требования отмены цензуры нередко звучали в стенах парламента. Так лорд Галифакс, выступая в палате лордов в 1693 г., потребовал упразднения цензуры, поскольку считал, что она способствует «подчинению всей информации об истинном положении дел в стране воле и желаниям корыстного, а порой и невежественного цензора»²⁰.

Активное участие в борьбе за отмену цензуры принял известный философ Джон Локк. Весной 1695 г. он представил в парламент документ, в котором подверг критике существующий закон о печати. «Я не понимаю, почему люди не могут свободно печатать то, о чем желают высказаться», – заявлял Локк²¹. Он считал, что правительство тем самым поощряет издание анонимной литературы, авторов которой невозможно ни найти, ни наказать. В результате ответственность за этих авторов несут издатели и книготорговцы, которые подвергаются наказаниям. Проведение подобной политики, по мнению просветителя, резко ограничивает издание книг. «Из-за этого закона Англия в целом проигрывает, особенно страдают ученые, и никто не выигрывает, кроме ленивых, безразличных цензоров», – констатировал Локк²².

²⁰ Цит по: *The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750.* L., 1928. P. 53.

²¹ Цит по: *Bourne Fox H.R. The Life of John Locke.* L., 1876. Vol. 2. P. 312.

²² *Ibid.* P. 314.

Примечательно, что Локк в ограничении свободы слова видел не только ущемление гражданских свобод человека, как большинство просветителей, но также унижение человеческого достоинства. Он указывал, что существующий закон о печати дает право констеблю обыскивать любой дом в поисках запрещенной литературы. Локк недоумевал, как же джентри, более того, как пэры Англии могут подвергаться процедуре обыска только по подозрению в том, что в их домах находятся разыскиваемые «мятежные» книги. Для просветителя даже «тень подозрения», которая ложится на подозреваемого в сокрытии запрещенных книг, а также то, что его жилище может быть подвергнуто обыску, отождествлялась с «проявлением рабства», с которым, на взгляд Локка, предки никогда бы не смирились²³.

Усилия борцов за свободу слова увенчались успехом в феврале 1695 г., когда закон о цензуре, наконец-то, был отменен. Английский исследователь Л. Хэнсон считал, что отмена данного закона произошла потому, что он не достиг своей цели. Желая не допускать в печать «подстрекательские» и «мятежные» памфлеты и предусматривая за их публикацию суровые наказания, правительство не предполагало, к каким последствиям этот закон может привести. Во всяком случае, ни церковь, ни государство не желали, как подчеркивал Хэнсон, разорения граждан от тех штрафов, которыми их облагали за «недозволенные» публикации²⁴. На наш взгляд, уничтожение цензуры в английской печати объяснялось насущными потребностями укреплявшей свои позиции буржуазии, нуждавшейся в средствах, с помощью которых можно было свободно пропагандировать свои идеи, формировать в нужном направлении общественное мнение, оказывая идеологическое воздействие на сограждан. Упразднение цензуры в печати, конечно же, имело прогрессивное значение для всей политической жизни

²³ Bourne Fox H.R. The Life of John Locke. P. 315.

²⁴ Hanson L. Government and the Press. (1695–1763). L., 1936. P. 7.

Англии. Однако не будем забывать, что плодами достигнутой свободы могли воспользоваться лишь представители имущих слоев.

Как же развивались события в Англии после отмены цензуры? Обрела ли печать ту самую свободу, за которую несколько десятилетий вела борьбу прогрессивная буржуазия? По мнению Хэнсона, уничтожение цензуры не позволило добиться в Англии «полной свободы слова»²⁵. Вместе с тем, отмена закона о цензуре в значительной мере активизировала печатное дело. С 1702 г. в Лондоне впервые начала выходить ежедневная газета «Дейли курант». Вслед за ней еще ряд газет объявили о своем существовании: «Инглиш курант», «Постмен», «Постбой», «Уикли Ньюс Леттер» и другие. За пять лет тираж газет возрос с 44 до 67 тыс.²⁶ Появилось также 30 новых журналов. Примечательно, что многие издания имели партийную окраску. К примеру, «Обсерветор», «Спектейтор», «Ревю», «Инглишмен» и «Гардиан» отличались «вигской» направленностью, а «Экзаминер» и «Рихезел» были известны как «торийские» журналы.

Появление столь значительной для начала XVIII века периодики в Англии, бесспорно, позволило власти имущим оказывать влияние на формирование общественного мнения в стране. Однако следует напомнить, что читателями прессы оставались по преимуществу представители высших и средних слоев Англии: аристократия, джентри, купечество, духовенство, интеллигенция. Основная же масса населения Англии, неграмотная по большей части, газет и журналов не читала, статей и памфлетов не писала и потому мало интересовалась судьбой закона о печати, равно как и его отменой. Этого нельзя было сказать об имущих слоях. Добившись долгожданной свободы слова, правящие классы уже не желали с ней расставаться ни под каким видом. И, когда в 1697 г. в палате

²⁵ Hanson L. Government and the Press. (1695–1763). L., 1936. P. 1.

²⁶ Speck W.A. Op. cit. P. 20.

общин был внесен на обсуждение проект о возобновлении закона о цензуре, депутаты дружно (200 голосами против 16) его отклонили.

Добившись отмены цензуры, буржуазия завоевала свободу исключительно для своего класса. А затем она начала изыскивать средства, с помощью которых было бы возможно подавлять выступления, как своих политических противников, так и всех инакомыслящих. Одним из таких средств явилось введение 10 июня 1712 г. «штемпельного» налога, с помощью которого правительство (напомним, что в это время правил торийский кабинет) надеялось заставить замолчать наиболее «крикливых и назойливых» своих оппонентов, через закрытие газет и журналов, разоряя их владельцев. И действительно, эта мера оказалась эффективной. Многие периодические издания не выдержали налога и прекратили свое существование. Об этом в своем дневнике сообщал известный литератор Джонатан Свифт: «... С прошлой недели Граб-стрит (улица в Лондоне, где располагались издания некоторых газет и журналов – Т.Л.) почил и уже не воскреснет. ... «Наблюдатель» приказал долго жить, «Всякая всячина» слилась с «Летучей почтой», «Экзаминер» смертельно болен»²⁷. Так правительство и в условиях существования бесцензурной печати нашло способ закрыть рот всем недовольным.

Впрочем, не менее активно свободой слова продолжали пользоваться и политические партии. В условиях становления двухпартийной системы, когда тори и виги попеременно входили в правящий кабинет, оппозиционная партия начинала выступать с критикой в адрес правящей партии. В свою очередь, та партия, которая стояла у руля правления, применяла всевозможные меры, чтобы «утихомирить» своих политических противников. Но стоило партиям поменяться местами, вчерашним оппозиционерам сделаться правящей партией,

²⁷ Свифт Дж. Дневник для Стелы. М., 1981. С. 321.

а тем, кто был у руля правления, превратиться в критиков правительственной политики, как все начиналась сначала: преследование инакомыслящих и свобода слова только для правящей партии. Ярким подтверждением вышесказанного может послужить пример Свифта. В известном произведении «Сказка бочки» Свифт выступал как сторонник самой широкой свободы слова. Он отмечал, что существующая в Англии свобода слова имеет ограниченный характер. «Вы можете безопасно пустить в ход все свое красноречие против человеческого рода, – писал он, – ... свободно можете проповедовать в Ковент-Гардене против щегольства, блуда и кое-чего еще; против чванства, лицемерия и взяточничества – в Уайт-холле; можете обрушиться на грабеж и беззаконие в капелле квартала юристов, а с кафедры городских церквей громить сколько вам угодно скупость, ханжество и лихоимство... Но с другой стороны, стоит только человеку... публично обронить самый отдаленный намек, что такой-то уморил с голода половину матросов, а другую почти отравил; что такой-то из высоких чувств любви и чести не платит никаких долгов, кроме карточных и проституткам; что такой-то схватил триппер и просяживает свое состояние; что Парис, подкупленный Юноной и Венерой (деньги и любовница – очень соблазнительные взятки для судьи...), чтоб не обидеть ни одной из сторон, проспал весь процесс, восседаая в судейском кресле; или что такой-то оратор произносит в сенате длинные речи, весьма глубокомысленные, мало вразумительные и совершенно не относящиеся к делу. Стоит только... кому-нибудь вдаться в подобные частности, и он должен ожидать тюрьмы за величайший скандал, вызова на дуэль, преследования за клевету и привлечения к суду»²⁸. Как видно, Свифт обличал тех, кто ущемлял право подданных на свободу слова. Он защищал право граждан свободно высказывать свои взгляды по любому

²⁸ Свифт Дж. Сказка бочки. М. 1976. С. 57.

вопросу, допуская даже критику государственного правления. Но вот изменилась политическая обстановка, к власти пришли тории, которых поддерживал Свифт, и куда только делись его речи о свободе слова! Теперь уже сам Свифт, вчерашний поборник свободы слова, требует от государственного секретаря «примерно наказать» тех, кто «чересчур рьяно» нападает на кабинет министров, настаивает на аресте вигского памфлетиста, который оскорбил его самого. «Эти чертовы мошенники с Граб-стрит, – писал Свифт в «Дневнике», – ... бесцеремонно поносят лорда-казначея Болингброка и меня. Мы возбудили против одного из этих негодяев судебное преследование»²⁹. Таким образом, торийский памфлетист требовал свободы слова только для своей, правящей партии, лишая таковой ее политических противников – вигов.

Не только политические партии, но и правительство стремилось заручиться поддержкой видных писателей и журналистов, чтобы через них оказывать давление на общественное мнение. Для этой цели оно использовало политику «кну-та и пряника» – поощряло ортодоксальных памфлетистов и журналистов и сурово расправлялось с инакомыслящими. Французский исследователь XIX в. А. Белжам приводил данные о том, как правительство отблагодарило тех писателей и журналистов, которые своими произведениями его поддерживали: Джон Локк вошел в Совет по делам торговли; поэт Арбетнот был назначен лекарем королевы Анны; журналист Стиль получил должность главного редактора официальной «Лондонской газеты», драматург Конгрив вошел в казначейство; поэт Гэй, начинавший свой жизненный путь учеником торговца шелком, в двадцать пять лет стал секретарем посольства; памфлетист Мэтью Прайор получил назначение посла в Гаагу, а затем в Версаль; Свифт стал настоятелем собора св. Патрика в Дублине. Впрочем, А. Белжам убежден, что если бы

²⁹ *Свифт Дж.* Дневник для Стелы. С. 207, 219.

Свифт не написал своей «Сказки бочки», содержащей острую критику духовенства, то не исключено, что он стал бы епископом³⁰. Ученый полагал, что писатели и журналисты были приняты в высшее общество наравне со знатными людьми. Так, Прайор приглашал к себе в дом министра Харли; Свифт часто встречался, обедал вместе с государственным секретарем лордом Болингброком; Конгрив дружил с дочерью герцога Мальборо; Аддисон женился на графине Уорвик. Сделались членами парламента Конгрив, Аддисон, Стиль. Все они вошли в знаменитый клуб «Кит-Кэт» вместе с влиятельными политиками графами Дорсетом, Сандерлендом, герцогами Сомерсетом, Ньюкаслем и Мальборо³¹. Таким образом, правительство хорошо оплачивало (деньгами и должностями) находящихся у него на службе литераторов, которые хотя и ратовали за свободу слова, но сами были вынуждены в силу убеждений, политических симпатий, либо по меркантильным соображениям продавать собственное перо.

Иная судьба была уготована тем писателям и журналистам, кто попадал в ряды оппозиционеров. Правительство расправлялось с неугодными литераторами так же сурово, как поступали когда-то короли. Издатель газеты «Флаинг Пост» У. Харт дважды выставлялся у «позорного» столба, два года провел в тюрьме, подвергся разорительному штрафу; Дефо за памфлет «Кратчайший путь расправы с диссентерами» был выставлен у «позорного» столба, приговорен к тюремному заключению, оштрафован; издатель «Обсерветора» Тэтчин избит толпой фанатиков, приговорен парламентом к розгам. Священник Стивенс оштрафован и только случайно избежал «позорного» столба за написание памфлета в защиту т. н. «неприсягнувших». За памфлет «Кризис» был исключен из парламента Р.Стиль. Издатель Дж. Ридпат провел несколько

³⁰ *Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century. 1660–1744. L. 1948. P. 218.*

³¹ *Ibid. P. 220.*

месяцев в тюрьме, выйдя из которой, опасаясь новых преследований, вынужден был бежать из страны. Тюремное заключение являлось самой распространенной формой воздействия на инакомыслящих: только за один день государственный секретарь лорд Болингброк отправил в тюрьму 14 книгоиздателей и журналистов³².

Самые суровые преследования и репрессии со стороны правительства не могли, однако, заставить замолчать всех тех, кто отстаивал право на свободу слова. «Не успеваем выпускать кого-нибудь из них под залог, – сетовал Свифт, – как они тотчас снова берутся за свое. Тогда мы снова их арестовываем, но они опять вносят залог, и каждый раз все начинается сначала»³³. Литераторы продолжали писать, а взамен прежних, закрытых, газет и журналов выходили новые издания.

Примечательно, что произведения находящихся в опале у правительства авторов нередко пользовались большей популярностью, чем работы ортодоксальных литераторов. Так, памфлет Дефо «Чистокровный англичанин» выдержал за четыре года 21 издание. За короткий срок 80 тыс. экземпляров его были распроданы на улицах Лондона. Известная проповедь доктора Сечверелла, направленная с критикой в адрес правительства, напечатанная в количестве 40 тыс., разошлась в несколько дней. Две тысячи экземпляров памфлета Свифта «Поведение союзников» было распродано за два дня³⁴.

В том, что запрещенная литература встречалась публикой с таким интересом, не было ничего удивительного. Как известно, запретный плод сладок. В результате, в разряд преследуемых авторов порой попадали люди, которые отнюдь не являлись действительными противниками существующего строя Англии. Напротив, они защищали этот строй, но лишь

³² *Ehrenpreis I.* Swift on Liberty // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 13. 1952. № 2. P. 138.

³³ *Свифт Дж.* Дневник для Стелы. С. 330.

³⁴ *Beljame A.* Op. cit. P. 309.

допускали отдельные критические замечания в адрес правящей партии, либо кого-либо из министров. Однако в условиях ограниченной свободы слова даже подобные выступления считались «мятежными», а их авторы причислялись в разряд инакомыслящих. В результате подобной политики среди преследуемых памфлетистов нередко оказывались как истинные борцы с существующим режимом правления, так и сторонники этого режима, лишь иногда выступавшие в роли критиков отдельных негативных его сторон.

Итак, как мы могли убедиться, свобода слова, сводившаяся, главным образом, к отмене цензуры в печати, была достигнута в Англии в результате острой политической борьбы. Инициатором и главной участницей этой борьбы явилась буржуазия, нуждавшаяся для укрепления собственных позиций в контроле над печатью, единственного в то время средства массовой информации, с помощью которого она могла осуществлять свое влияние на общественное мнение. Добившись отмены цензуры, буржуазия начала использовать обретенную свободу слова исключительно в интересах своего класса. В результате свобода слова в Англии с самого начала приобрела социальную ограниченность. Отстаивая свои узкоклассовые интересы, буржуазия допускала использование свободы слова лишь для представителей имущих слоев, лишая этого права народные низы. Впрочем, не каждый представитель и из имущих слоев мог воспользоваться данной свободой, а лишь тот, кто выражал ортодоксальные взгляды, поддерживал правящую партию и правительство. Всех инакомыслящих ждали тюрьма, «позорный столб», разорительные штрафы. Таким образом, достигнутая в Англии свобода слова становилась свободой лишь для избранных.

The struggle for freedom of speech in Early Bourgeois England

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока.

Labutina T.L. – Doctor in History, professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Russian Federation.

Аннотация. В статье речь идет о борьбе за свободу слова в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. Слабо разработанная в отечественной и зарубежной историографии проблема в свете современных событий в странах Запада, отличается необычайной актуальностью. Опираясь на оригинальные источники (парламентские материалы, календари государственных бумаг, публицистика, труды идеологов Просвещения), автор прослеживает процесс формирования либеральной модели демократии, одной из важных составляющих которой являлась свобода слова. Инициатором и главной участницей борьбы за демократические свободы стала буржуазия, нуждавшаяся для укрепления собственных позиций, прежде всего в контроле над печатью, с помощью которой она могла осуществлять свое влияние на общественное мнение. Добившись отмены цензуры, буржуазия начала использовать обретенную свободу слова исключительно в интересах своего класса. В результате свобода слова в Англии приобрела социальную ограниченность, оставаясь свободой лишь для избранных.

Ключевые слова: Англия, XVII–XVIII вв., либеральная модель демократии, свобода слова, буржуазия, общественное мнение.

Abstract. The article deals with the struggle for freedom of speech in England on the XVII–XVIII centuries. The problem, poorly developed in domestic and foreign historiography in the light of modern events in Western countries, is extremely relevant. Relying on original sources (parliamentary materials, calendars of state papers, journalism, works of

Enlightenment ideologists), the author traces the process of formation of a liberal model of democracy, one of the important components of which was freedom of speech. The initiator and the main participant in the struggle for democratic freedoms was the bourgeoisie, which needed to strengthen its own positions, first of all, control over the press, with which it could exercise its influence on public opinion. Having achieved the abolition of censorship, the bourgeoisie began to use the acquired freedom of speech exclusively in the interests of its class. As a result, freedom of speech in England has acquired social limitations, remaining freedom only for a select few.

Keywords: England, XVII–XVIII centuries, liberal model of democracy, freedom of speech, bourgeoisie, public opinion.

Источники и литература

Свифт Дж. Дневник для Стелы. М., 1981

Свифт Дж. Сказка бочки. М. 1976

Calendar of State Papers, Domestic Series. L. 1894–1913.

[Defoe D.] An Essay on the Regulation of the Press // Luttrell Reprints. № 7. Oxford, 1948.

The Parliamentary History of England from the Earliest Period to 1803 / Ed. W.Cobberr. L., 1807, vol. IV.

Beljame A. Men of Letters and the English Public in the Eighteenth Century. 1660–1744. L., 1948.

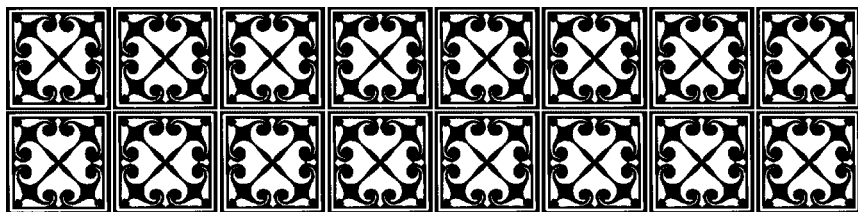
Hanson L. Government and the Press. (1695–1763). L., 1936.

Schwoere J. G. Press and Parliament in the Revolution of 1689 // The Historical Journal. Vol. 20. №. 3, 1977.

The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650–1750. L., 1928.

Speck W.A. Political Propaganda in Augustan England // Transactions of the Royal Historical Society. 5 ser. Vol. 22. L., 1972.

М.П. Айзенштат

Прошлое в частной и политической жизни Британии второй половины XVIII в.

Представления о прошлом, интерпретация фактов и событий минувших десятилетий и веков неизменно присутствовали в политической мысли и практике в Средневековых государствах¹. В раннее Новое время значимость истории в формировавшейся политической культуре переходного периода заметно усилилась. При этом в различных странах на разных этапах их истории она имела как общие, так и специфические черты, обусловленные своеобразием складывавшейся социально-политической обстановки. Исследование особенностей взаимосвязи прошлого и политической культуры создает возможность углубленного изучения мира политики и, вместе с тем, уровня и характера исторического знания политического общества. Несмотря на те перспективы, которые открывает использование комплексного подхода на стыке истории исторического знания и политической истории, подобного рода исследования остаются фрагментарными. Отчасти существующие лакуны восполнены в настоящей статье,

---

¹ Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992; Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008 и др.

благодаря результатам изучения подобного взаимодействия на примере британской практики второй половины XVIII столетия.

Для избранного периода характерны глубокие изменения в социально-политической жизни общества, обусловленные реализацией преобразований, проведенных в ходе революций XVII в., и наступлением начального этапа промышленной революции. А также серьезными подвижками, проявившимися в укреплении положения молодой Ганноверской династии, размывании политических сил, появлении на политической арене радикальной мысли и движения. На фоне всех этих перемен осуществлялась внешняя и колониальная политика, участие в европейских и заморских конфликтах, потеря североамериканских колоний и расширение владений на Востоке. Совокупность всех этих перемен и событий не могли не отразиться на взаимосвязи прошлого и политической культуры при выработке политических взглядов, представлений и действий; позиции противоборствующих сторон в ходе законотворческого процесса и политического противостояния в борьбе за власть, когда оценка современных событий осуществлялась в контексте прошлого опыта.

К середине XVIII в. политическая культура Британии определялась закреплением основных тенденций государственно-политического развития и эволюции властных институтов. Утверждение династии Ганноверов с 1714 г. сопровождалось дальнейшим ограничением прерогатив короны в осуществлении функций исполнительной власти. Усиление финансовой зависимости монархов от парламента вынуждало их регулярно собирать обе палаты на сессии. Ежегодные сессии, регулярные выборы коммонеров каждые три, а затем – 7 лет превратились в важный фундамент процесса политического размежевания. Полемика между представителями сформировавшихся группировок вигов и тори в парламенте и прессе по ключевым проблемам внутренней и внешней политики

способствовала выработке мировоззрения, политических взглядов и политического поведения в новых условиях. Упрочился статус оппозиции, что явилось свидетельством наступления нового этапа становления двухпартийной системы. Состав оппозиции не был ни однородным, ни стабильным. Недовольные линией администрации, либо отстраненные от власти представители правящей группировки заключали временные альянсы в целях свержения кабинета. Это свидетельствовало не столько об их тактической «гибкости», сколько об идейной и организационной аморфности политических группировок, отсутствии партийной дисциплины. В то же время неразвитость партийных структур и их мировоззренческих позиций явились одной из важнейших причин роста коррупции и злоупотреблений, казнокрадства; так как подкуп депутатского корпуса превратился в основной инструмент достижения консенсуса в законотворческом процессе. А подкуп избирателей – победы на выборах.

В складывавшемся мировоззрении тори и вигов представление о прошлом играло двоякую роль. С одной стороны, политические убеждения определяли оценку и интерпретацию давних событий. С другой – сама интерпретация превращалась в важный компонент политических принципов и представлений, диктовала выработку позиции обеих сторон в политическом противостоянии. Так, тори в событиях прошлого были склонны видеть вмешательство высших сил. А виги же склонялись к мысли о роли человека в ходе истории. Отсюда проистекало убеждение в значимости действий их предков в отстаивании прав личности и собственности, свобод народа (под которым подразумевался слой собственников земли) перед монархами прошедших веков. Эта убежденность сформировала их представление о заслугах вигов в осуществлении Славной революции 1688–1689 гг., которая восстановила закон в Англии.

Немаловажную роль в воззрениях вигов и тори занимали

различные исторические мифы². Среди них главенствовало представление о существовании древней конституции Англии. Распространившись в предреволюционные годы противостояния Карла I и парламента, позднее оно было развито в радикальных сектах. А в двадцатые годы XVIII в. актуализировано тори в борьбе за смещение с поста главы кабинета Р. Уолпола. Историческая аргументация служила доказательством исконного происхождения конституции. Её появление относили к временам до нормандского завоевания. В основе представлений о конституции лежала идея права как веками накопленной мудрости, приобретшей нормативный характер. Убежденность в существовании древней конституции превратилась в важный компонент политических взглядов вигов. Не удивительно и то, что она стала краеугольным камнем, фундаментом зарождения радикализма и обоснования требований проведения реформы парламента. А с преобразованиями системы представительства связывалось возвращение народу его прав³.

Вера в мифы, которые рассказывали о прошлом и объясняли его, проистекала из интереса к истории семьи, края, страны; состояния исторического знания и условий повседневной жизни.

В XVIII столетии история не рассматривалась современниками самостоятельной отраслью знания, а воспринималась важной отраслью литературы. Притом в русле идей гуманистической историографии ей отводилось весьма важное мо-

---

² См., например.: *Браун Е.Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. СПб., 2016.

³ *Айзенштадт М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019. С. 140–147; *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008. С. 138, 165; *Роскокс J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge, 1987; *Greenberg J.* The Radical Face of The Ancient Constitution. Cambridge, 2001, etc.

рально-этическое, воспитательное место в жизни человека⁴. В просветительской мысли, воспринявшей эти идеи, получило распространение утверждение об особой значимости истории в воспитании детей. Вместе с тем, предпринимались серьезные попытки взглянуть на прошлое с философских позиций, определить методы исторического познания⁵. Этот прорыв в историографии в 1750-е годы совершили Генри Болингброк и Д. Юм, когда началась публикация их произведений в Британии. Они разрабатывали философию истории, её методологию, высказали новые взгляды на ключевые проблемы истории Англии. Немаловажное значение имело и развитие идей Просвещения, среди которых значимое место занял отказ от договорной теории возникновения государства⁶. Сочинения Болингброка и Юма привлекли внимание интеллектуалов не только в Британии, но и Европе, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания их трудов. Однако это не означало широкого распространения новых идей в английском обществе. Книги были дороги и доступны лишь небольшому кругу состоятельного и грамотного слоя населения.

Представления о прошлом формировались с ранних лет под влиянием среды и окружения, услышанных сказаний и легенд. К середине века проявились перемены, которые происходили в повседневной жизни титулованной знати, состоятельных слоев сквайров и джентри. В поместьях титуло-

⁴ Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008. С. 50–51.

⁵ Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк. / Болингброк Г. Письма о пользе и изучении истории. М., 1978; Барг М.А., Авдеева К.Д. От Маккиавелли до Юма: становление историзма. М. 1998; Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков. Саратов, 2012

⁶ Bolingbroke. The Works of Lord Bolingbroke with a Life. Vol. I–V. L., 1844; Hume D. The History of England from the invasion of Julius Caesar to Revolution in 1688. Vol. 1–10. L., 1803.

ванного дворянства возводились дворцы, которые отразили приверженность к классицизму. К концу столетия в его кругах наметилось увлечение готикой⁷. Им подражало нетитулованное дворянство в своих владениях. Наряду с другой обстановкой там помещались галереи и библиотеки. На стенах галерей висели картины, портреты предков и покровителей семьи. На полках шкафов в библиотеках хранились книги и рукописи, число которых в некоторых домах доходило до нескольких сотен, а то и тысяч наименований. Печатные книги и рукописные сочинения имелись и в небогатых домах, хотя и в меньшем объеме. Таким образом, с первых шагов дети погружались в атмосферу прошлого, проживая в домах, которые переходили по наследству из поколения в поколение; их окружали предметы быта, собиравшиеся десятилетиями и веками; познавали семейные предания о подвигах и деяниях предков, рассматривали их портреты и пользовались книгами из библиотеки. Таким образом, последующим поколениям передавался культурный код, формировались взгляды, модели поведения и образ мышления, проходило обучение манерам и морали⁸. Однако отношение к прошлому и политические представления складывались не только средой, но и целенаправленными наставлениями родных. Рождение в семье, принадлежавшей к клану вигов, предопределяло принадлежность к этой политической группировке в подавляющем большинстве случаев на протяжении всей жизни. Целенаправленно взрослые формировали у девочек и мальчиков негативное отношение к тори, враждебное мнение об их политических взглядах и поступках, совершенных в прошлом. Подобная позиция исключала возможное общение подрастающего поколения и, разумеется, браки между юношами и девушками

⁷ Вороникина Л.Н. Англия. / Искусство XVIII века. Исторические очерки. М., 1966. С. 336–337, 360–361.

⁸ Axtell J. Introduction. / Locke J. The Educational Writings of John Locke. A critical Edition With Notes by J. Axtell. Cambridge, 1963. P. 19.

из противоположных политических лагерей, способствовала их разобщенности⁹. Точно так же воспитывали детей и тори в неприятии своих политических соперников, разоблачая утверждения вигов о подвигах отцов.

В соответствии с устоявшимися традициями подростки сыновья поступали в привилегированные школы, затем университеты. Выбор образовательного учреждения осуществлялся в соответствии с политическим размежеванием. В связи с тем, что история, несмотря на значительные подвижки в методологии и методах изучения, появление новых книг, не являлась специальным предметом ни в школах, ни университетах, её изучение происходило опосредованным путем. А также в русле наставлений отца, либо опекуна.

В привилегированных школах не действовало единой программы, однако во всех значительное внимание уделялось изучению древних и современных языков. Для вигов наиболее предпочтительными были те, где главным предметом являлся латинский язык. Учебников не было. Язык изучали по произведениям древнеримских авторов: Цицерона, Овидия, Вергилия, Саллюстия и др.; по которым ученики овладевали языком и одновременно познавали историю Древнего Рима. При этом подбор книг и авторов различался от школы к школе. Знание латинского языка и истории Рима было обусловлено тем, что они рассматривались родителями как наиболее важные для успешной карьеры будущего парламентария, судьи, адвоката, поверенного в делах, священнослужителя. Мотивация родителей была продиктована тем, что юриспруденция и парламентская практика основывались на прецедентном праве.

Достижению этой же цели служили, в том числе, наставления отцов и опекунов относительно самостоятельных занятий мальчиков в школе. Переписка с детьми позволяет уяснить их взгляды на историю, её место в воспитании. Советы взрослых

⁹ *Mitchell L. The Whig world. L., N.-Y., 2007. P. 35.*

раскрывают их собственные представления об истории, необходимом объеме знаний детей о ней. Направленность рекомендаций свидетельствует о понимании значения истории, задач и путей её изучения. Иллюстрацией могут служить высказывания вигов, изложенные в корреспонденции, позднее опубликованной наследниками.

Безусловно, наибольший интерес представляют «Письма к сыну» четвертого графа Честерфилда. Интеллектуал, в молодости близко познакомившийся со скрытыми пружинами политики, не стал активным участником политических баталий и интриг. Воспитанию (навыкам чистоплотности, манерам, взаимоотношениям со сверстниками и женщинами и т.д.) и образованию единственного сына Честерфилд уделял большое внимание. Он мечтал о блестящем будущем сына на дипломатическом поприще, а впоследствии в парламенте. Еще юному отпрыску он изложил концепцию истории Англии вигов. В русле идей Вольтера и Болингброка он наставлял юношу в изучении истории, естественно – истории дипломатии¹⁰. Подход Честерфилда можно рассматривать как «интеллектуальный прагматизм»: история формирует личность, а накопленные знания призваны способствовать продвижению по служебной лестнице.

Близкий подход характерен для писем к племяннику Уильяма Питта старшего, лорда Чаттэма. Он отмечал значимость сочинений римских авторов в качестве примеров чести, смелости, бескорыстия, любви к правде и т.д. Чаттэм составил список авторов, произведения которых юный Томас Питт должен был изучать самостоятельно в свободное от школьных занятий время. Подбор авторов, по мнению опекуна, был призван сберечь время и сократить путь ученика к освоению нужными знаниями¹¹.

¹⁰ *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии. С. 93–97.

¹¹ Там же. С. 98.

Подход памфлетиста и политика Филиппа Фрэнсиса представляется более рациональным, чем Питта старшего. Он настоятельно рекомендовал воспитателю сына направить усилия на изучение истории. Учебу следует начинать с истории греков и римлян. Особое значение Фрэнсис придавал пользе от занятий при параллельном обзоре хронологического хода событий. Историю Англии, подчеркивал Фрэнсис, следует начинать изучать с современных событий. И только потом продвигаться вглубь веков, что позволит лучше узнать наиболее интересный период истории страны, т.е современность. Свою позицию политик объяснял тем, что дети не знают, например, обстоятельства вступления нынешнего короля на престол. Тогда как прекрасно разбираются в перипетиях древней римской истории¹².

После окончания университетского курса юноши завершали образование длительным туром по европейским странам. Его протяженность во времени и пространстве зависела от кошелька родителей и интересов самих путешественников. Обычно юноши выбирали Францию и Италию, некоторые – германские государства. Во время посещения Италии они имели возможность увидеть следы прошлого, покупать старинные книги, рукописи, картины и различные предметы, пополняя личные библиотеки.

Интерес к истории Англии и Античности, привычка к чтению предопределяли образ жизни в дальнейшем. Многие виги и тори примыкали к сообществу антиквариев, собирали разнообразные свидетельства прошлого, порой становились авторами исторических сочинений, совмещая творчество с политической деятельностью, либо отойдя от неё. Примеров тому масса. Достаточно упомянуть имена лорда Болингброка, Ф. Честерфилда, Х. Уолпола, Ф. Фрэнсиса, Дж. Монтагю, Ч.Д. Фокса и других. Характерна в этом плане судьба Джорд-

¹² *Frances Ph. Memoirs of Sir Phillip Frances. L., vol. 1. P. 407–409.*

жа Литтлтона. После отставки с поста министра финансов он удалился от публичной жизни. Занялся литературным творчеством, опубликовал сочинения религиозного характера, написал историю Генриха II. В повседневной жизни они часто обращались к опыту прошлого, что проявлялось в пересказах исторических анекдотов, разговорах и переписке¹³.

Таким образом, среда, воспитание и образование, традиции семьи, графства и города, взрослая жизнь – всё это отчасти стирало грань между настоящим и прошлым. Подобный феномен подметил отечественный исследователь М.А. Барг в отношении жителей средневековой Вероны, обитавших, по словам историка, в «декорациях» прошлого¹⁴.

Погружение в прошлое способствовало укреплению сложившихся представлений вигов и тори об истории страны и роли их предков в ключевых событиях. Так, виги полагали, что их прадеды, несмотря на «высокую цену», отстояли перед поползновениями монархов на свободы подданных и спасли «бесценный дар», доставшийся по наследству от них. А именно: парламент, представительство народа, вольности и свободы, неприкосновенность собственности. Эта интерпретация вигов вела к формированию позиции главного участника, если не собственника – хозяина в стенах парламента¹⁵. Подобная убежденность подкреплялась утверждениями о том, что именно виги сохранили трон для Ганноверов. А это, в свою очередь, ставило монархов молодой династии как бы в зависимость от вигов. «На протяжении XVIII в. виги не испытывали угрызений совести, читая нотации королям по поводу их обязанностей и ограничений их власти. ... История давала им право поступать подобным образом и создавала чувство

¹³ *Cavendish W.* Memoranda or state of Affairs; the Devonshire diary. 1759–1762. L., 1982. P. 57–58; *Walpole H.* The Letters of Horace Walpole, Earl of Oxford. L., 1840. Vol. 2. P. 278, 285, 312, 325; etc.

¹⁴ Барг М.А. Эпохи и идеи. С. 205–206.

¹⁵ Mitchell. L. Op. cit. P. 12.

равенства между ними и королями» – писал британский исследователь¹⁶. Тем самым, трактовка прошлого определяла не только политические представления, но и поведение вигов в отношениях с монархом и политическими противниками.

Положение и взгляды вигов подкреплялись крахом последней попытки Стюартов вернуть престол в 1745 г. и, как следствие окончательно рухнувших надежд на их возвращение, постепенным переходом большинства тори на сторону власти. А она на протяжении десятилетий находилась в руках вигов.

С середины столетия обозначается, а затем и углубляется кризис в политических группировках. Тори, пребывавшие десятилетия в оппозиции, теряли сторонников. У них не было серьезного притока молодых сил и новых идей, ощущался недостаток авторитетных лидеров. В среде вигов наметилось складывание разнообразных объединений вокруг лидеров, обычно принадлежавших к одному из аристократических кланов. Их авторитет основывался на финансовом и политическом влиянии, обладании значительного числа мест в нижней палате, в том числе, благодаря обширным земельным владениям с мелкими избирательными округами. Это позволяло оказывать влияние на ход выборов, а затем получать поддержку в палате со стороны своих депутатов.

Положение изменилось с восшествием на престол Георга III в 1760 г. Он с детства не любил вигов и намеревался покончить с их всесильем и коррупцией. Тем не менее, ему пришлось опираться на тех вигов, кто поддержал его, а также – на тори. Часть вигов перешла в оппозицию, которая не представляла собой сплоченной группировки¹⁷.

Практика парламента опиралась, как отмечалось выше, на прецедентное право и силу традиций. В связи с этим в по-

¹⁶ *Mitchell. L. Op. cit. P. 20.*

¹⁷ Подробнее о политической обстановке тех десятилетий см. *Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009. С. 59–70; Christie I. The Changing Nature of Parliamentary Politics, 1742–1789. L., 1987. P. 103.*

лемике коммонеры, лорды и представители администрации ссылались на ранее принятые законы. В середине столетия чаще всего это были статуты и акты, как прецеденты со времен правления Тюдоров и более позднего периода. В качестве иллюстрации тех или иных утверждений упоминались также примеры из истории Рима, факты прошлого Франции, России, Турции и других государств. За исключением Рима, зачастую они носили негативную окраску.

История Англии в речах коммонеров представляла в виде упрощенной схемы завоеваний и череды монархов. Англосаксонское завоевание рассматривалось как время установления политического, экономического и социального устройства королевства, целиком сохранившихся до XVIII в. Представление большинства коммонеров (за редким исключением) о неизменности этого устройства говорило об укорененном в их умах отрицании развития народа и государства¹⁸.

Помимо рутинных ссылок на прецедент, имевший место в прошлом, апелляция к нему осуществлялась в ходе обсуждения предложений кабинета министров, либо ситуации, складывавшейся в стране, заморских владениях, или других государствах, и приобретала характер безоговорочного аргумента. Неопровержимым значением примеры из прошлого наделялись верой в то, что история представляет собой источник, кладезь мудрости. Среди поводов обращения к истории был затянувшийся на длительное время конфликт с североамериканскими колонистами, который завершился военным поражением метрополии и потерей колоний. Парламентские дебаты тех лет иллюстрируют превращение прошлого в важный компонент политической дискуссии.

Начало длительному обсуждению «американского вопроса» положила попытка кабинета решить хотя бы часть возникших в ходе и после окончания Семилетней войны финансовых

¹⁸ *Айзенштат М.П.* Историческое знание в политической культуре Британии. С. 124.

проблем за счет увеличения налогового бремени населения и в том числе колонистов введением за океаном Гербового сбора. Это новшество подкреплялось ссылками на акты Генриха VIII и Карла II. Апеллировали к прошлому как сторонники, так и противники этой меры. Так, лорд Кэмден утверждал, что политика кабинета не согласуется с принципами, провозглашенными Биллем о правах. Который он характеризовал в качестве «великого оплота наших свобод»¹⁹. Введение Гербового сбора вызвало протест в колониях, негодующие обращения в парламент колонистов, британских купцов и производителей в связи с затруднениями в торговле с Северной Америкой и нехваткой сырья. Министр финансов ушел в отставку, а вскоре налог был отменен. Однако напряженность в отношениях центра и владений не ушла, а, напротив, постепенно возрастала.

На фоне фактов, событий, легенд и эпох истории Британии и других стран в семидесятые годы в парламентской полемике превалировали проблемы предела прерогатив власти и прав народа. Ситуация за океаном обострялась, чему в немалой степени способствовали политика кабинета и настрой монарха. Георг III любое недовольство или критику в адрес министров воспринимал болезненно, принимая на свой счет оппозиционные высказывания. В связи с ухудшением экономических связей с колониями проявляли недовольство терпевшие убытки торговцы и предприниматели, использовавшие американское сырье. В британском обществе наметился раскол по вопросу о политике в отношении колоний. Он коренился в неоднозначном решении проблемы права метрополии наказывать взбунтовавшихся колонистов. Немногочисленная оппозиция в лице вигов отстаивала интересы британских деловых кругов и высказывалась за разрешение конфликта мирным путем.

¹⁹ The Parliamentary History of England. L. (Далее – PH). V. 16. P. 192. См. также P. 180, 197–198.

Характер взаимоотношений метрополии и колоний, их взаимные претензии неизбежно вызвали параллели с бурными и драматическими переменами предшествовавшего столетия, что повлекло частое упоминание отдельных событий правления Карла I, Реставрации и Славной революции. Так, мистер Джонсон говорил, что народ Америки преисполнен таким же настроением и решительным духом, как и англичане в отдаленные времена. Американцы, продолжал он, побуждаемы тем же энтузиазмом, с которым наши предки противостояли притязаниям короны в дни правления Карла I. Тогда они сопротивлялись ущемлению их свобод, лишение которых могло бы низвести их до уровня обитателей владений Франции или Испании²⁰. Неоднократно раздавались призывы обратиться к историческому опыту²¹. Оппозиционеры утверждали, что уроки прошлого помогут избежать ошибочных шагов в настоящем и будущем²².

Подготовка к военным действиям состояла в увеличении ассигнований на флот и сухопутную армию, обсуждение финансовой политики в нижней палате провоцировали частое упоминание легенд, связанных с конфликтной ситуацией между отцом и сыном. В них отец обычно заблуждался и был неправ, в чем позднее глубоко раскаивался²³. А внесенный билль о милиции спровоцировал негативный отклик оппозиции. Д.Савиль заметил, что вооружение ополчения было ошибкой Карла I, которая вызвала «главное напряжение» между королем и парламентом²⁴. Упоминались сходные ситуации времен правления королевы Елизаветы. В критический момент, утверждали виги, она потребовала от министров выяснить причину недовольства народа, прежде чем приступить

²⁰ PH. Vol. 18. P. 60.

²¹ PH, vol. 17. P. 47, 135; vol. 18. P. 345, 502, 798–818 834; vol. 19. P. 77, etc.

²² PH. Vol. 18. P. 1148.

²³ PH. Vol. 18. P. 190, 306, 309, 341, 343, 348–349, etc.

²⁴ PH. Vol. 18. P. 860.

к решительным действиям²⁵. Итак, оппозиция косвенно и прямо предостерегала монарха и администрацию от непродуманных действий, предрекала пагубность их последствий, используя при этом в качестве главного аргумента примеры из истории страны и ссылки на легенды.

Известие о Бостонском чаепитии, когда жители Бостона выбросили в воду весь груз чая, вызвало бурную реакцию кабинета. Возглавлявший его лорд Норт заявил о необходимости сурово наказать город и привел примеры решительных действий властей в схожих обстоятельствах. На что оппозиция не преминула вспомнить о введении корабельного налога Карлом I и его последствиях для монарха и страны²⁶.

Решения американского конгресса 1775 г. одобрил лорд Чаттэм. Ссылаясь на Фукидида, он заявил, что с древних времен во всей истории не было более благородного собрания, чем конгресс в Новом Свете²⁷.

Эдмунд Бёрк, выступления которого отличались от речей многих коммонеров и лордов историческим подходом к решению возникавших проблем, выступал за мирное разрешение кризиса. Он неоднократно подчеркивал назидательный, дидактический характер истории, значимость исторического опыта. Насколько современный парламент отличался от того, который был в древности, скорее является предметом споров антиквариетов, утверждал Бёрк. Для нас важен другой вопрос. Для раскрытия своей позиции Бёрк обратился к сравнению Ирландии и Уэльса. На примере последнего он доказывал, что эта часть острова была источником проблем для Англии. И это продолжалось до тех пор пока уэльсцы не получили права граждан Англии. Тем самым, подчеркивал оратор, не военная сила, а гражданская власть и политический порядок позволи-

²⁵ PH. Vol. 18. P. 229.

²⁶ PH. Vol. 18. P. 1146, 1203, 1211.

²⁷ PH. Vol. 18. P. 134.

ли сменить былую враждебность²⁸. Так, опираясь на прошлое, Бёрк предлагал пойти на частичные уступки взбунтовавшимся колонистов.

Оппозиция неизменно реагировала на обвинения в адрес колонистов в том, что они развязали бунт против королевской власти, звучавшие со стороны этой власти. Один из влиятельных вигов лорд Шельбурн утверждал: Славная революция защитила права и привилегии тех, кто заседал в парламенте. Если сопротивление законной власти является государственной изменой (такие обвинения звучали из уст представителей властей – М.А.), то виги в дни и месяцы революции были бунтовщиками. Король Яков II был законным правителем. Однако виги имели все основания для выступления против негодного монарха и отстаивать свои права²⁹. А Джон Уилкс заявлял: это было не сопротивление, а восстание против незаконной власти, основанное на законах божьих и людских, законах сопротивления тирану³⁰. Темпл Латрелл подкреплял право подданных на сопротивление монарху ссылкой на историю Британии. С Вильгельма Завоевателя за 800 лет, говорил он, в Англии из 33 правителей только 13 всходили на трон по наследственному праву. Остальные получили корону благодаря «энергии народа», действовавшего в поддержку конституционных свобод. От имени народа и непосредственно во имя его интересов, защитником его свобод выступал парламент³¹.

Темпл Латрелл подчеркивал в своем выступлении, что все подданные Британской империи имеют право на то, чтобы ими управляли в соответствии с духом древней конституции. А она предусматривала, что ни один свободный человек не может облагаться налогами без согласия личного либо через

²⁸ PH. Vol. 18. P. 510–513.

²⁹ PH. Vol. 18. P. 1386.

³⁰ PH. Vol. 18. P. 239.

³¹ PH. Vol. 18. P. 64–867.

своих представителей³². По сути Латрелл, подведя юридическую базу, оправдал отказ колонистов уплачивать налоги на том основании, что их представители не заседают в имперском парламенте.

Мистер Демпстер возражал против языка ультиматумов правительства, сомневаясь в разумности и эффективности подобной политики. Нельзя, полагал он, ставить колонистов перед дилеммой, надеясь заставить их сложить оружие. Так поступал Карл I в споре с парламентом, таким языком разговаривали все тираны, начиная с Вильгельма Завоевателя. Однако едва ли эта политика сегодня приведет администрацию к успеху, высказал сомнение оратор³³.

Призывы оппозиции не увенчались успехом. Однако в условиях поражения британской армии и флота в рядах оппозиционеров забрезжила надежда на скорейшее мирное урегулирование конфликта. И вновь виги обратились к истории. Сэр Грей Купер заговорил о генерале Монке и его роли в Реставрации Стюартов. Купер утверждал: большая заслуга Монка состояла в том, что в момент, когда бразды правления выпали из слабых рук Ричарда Кромвеля, он своими действиями поддержал настроения и желания нации. И с «великим мастерством» способствовал их осуществлению – возвращению сына казненного короля на престол³⁴.

Между тем, отсутствие реальных шагов администрации на фоне паники в прибрежных графствах, жители которых опасались возможной высадки войск противников, известий о беспорядках в Ирландии, усилили проявления недовольства в обществе и парламенте. В начале парламентской сессии 1779 г. общественные настроения побудили вигов активизировать критику в адрес короля, упорство которого являлось основным препятствием для мирных переговоров. Порой

³² PH. Vol. 18. P. 868.

³³ PH. Vol. 18. P. 1062.

³⁴ PH. Vol. 19. P. 793.

нападки на монарха носили не столько скрытый, завуалированный характер, сколько довольно явные угрозы. Они прозвучали в выступлении молодого лидера оппозиции Ч. Дж. Фокса. Он заявил: нынешний суверен оказался на престоле только в силу несчастливой судьбы Дома Стюартов, о чем не должен забывать. Также он должен всегда помнить и о том, что именно поведение министров привело к столь печальным последствиям. Король должен полагаться на ответственных министров, а нынешние министры не способны добиться успеха. Воображение народа поражают не победы, а потери, которые несет британская сторона. Заверения генералов, что через неделю они с легкостью усмирят колонистов, стали вызывать насмешки, заявляли лорд Тауншенд и Фокс³⁵. Фокс утверждал: лорд Чаттэм, король Пруссии и даже Александр Великий ни разу не смогли добиться захвата больших территорий на протяжении одной кампании, чем благородный лорд (глава кабинета лорд Норт) сумел потерять. Он потерял целый континент³⁶. К этой теме Фокс впоследствии возвращался не раз, развивая её в различных ракурсах. И каждый раз он подчеркивал результат длительного конфликта, заключавшегося в потере Америки и жизни 25 тыс. человек, а также высокую цену – 30 млн. ф. ст., которую за всё это заплатила казна³⁷.

Итак, кризисная ситуация стала причиной использования оппозицией прошлого в политической полемике по поводу правительственного курса в отношении заморских владений.

А другой кризис, связанный с событиями в соседней стране, привел к иным не менее значимым по своим последствиям спорам. А именно – реакции британского общества на новости, поступавшие из Франции. Уже первые известия о начавшейся революции во Франции вызвали необычайное оживление общества в Британии. Перемены на континен-

³⁵ PH. Vol. 20. P. 1029, 1248.

³⁶ PH. Vol. 18. P. 765.

³⁷ The speeches of the Right Honorable Charles James Fox. Vol. 1. P. 173.

те с радостью отмечали радикалы и виги. В них они видели повторение событий Славной революции, произошедшей за столетие до этого, и расценивали их как упразднение деспотической власти Бурбонов. Восторженно писали об этом журналисты радикальной направленности. В Париж направлялись приветственные обращения³⁸.

Однако открывшаяся в начале 1790 г. парламентская сессия выявила широкий разброс мнений. В палате лордов виконт Фэлмут отметил борьбу за свободу на континенте, выработку нового государственно-политического устройства. Во французской конституции он видел превосходство конституции британской, которая послужила образцом для французов. А в нижней палате виконт Вэллетор говорил об ужасных беспорядках во Франции, которые вызывали опасения за собственную свободу в соседних с ней государствах³⁹. Разнообразие позиций, в которых интерпретация прошлого заняла значимое место, вслед за обсуждением послания короля обнаружилось во время рассмотрения военного бюджета. Фокс выступил за сокращение не только бюджета, но и армии. Он не видел смысла в дополнительных расходах и увеличении армейских соединений. Фокс полагал, что армия не способна подавить беспорядки внутри страны. Слова Фокса спровоцировали непродолжительную дискуссию. В ней мистер Пултини поддержал Фокса. Он припомнил, что Лондон послал 10 тыс. солдат в Северную Америку, где их никто не хотел видеть. И солдаты в этих условиях не смогли исполнить свой долг⁴⁰. С Фоксом по вопросу об ассигнованиях был согласен и его соратник Э.Бёрк. Но в этом выступлении он решительно высказался против зла, которое коренилось в прошлом и заключалось в деспотизме. Кроме того, утверждал он далее, зло заключено в людях, которые не знают умеренности во взглядах на правление, в анархии и попытках претворить рефор-

³⁸ Айзенштат М.П. Историческое знание. С. 189–190.

³⁹ РН. Vol. 28. P. 301, 304.

⁴⁰ РН. Vol. 28. P. 340.

мы. Не будучи, по его словам, врагом реформ, Бёрк отстаивал те преобразования, которые призваны устранять недостатки. Во Франции, по его мнению, совершалось разрушение страны, но не избавление от зла. Именно из-за этого различия в интерпретации прошлого и настоящего Бёрк решительно высказался против сравнения событий во Франции с английской Славной революцией. Он подчеркивал: принц Оранский принадлежал к королевской крови Англии (он был племянником и зятем Якова II), его призвал цвет английской аристократии защитить древнюю конституцию, но не изменять её положения. К принцу присоединились аристократические лидеры со своими военными частями, чтобы официально вручить ему управление страной. Таким образом, заключал Бёрк, в ходе английской революции фундамент конституции не был изменен, остался тот же порядок, те же законы собственности и положение Церкви. Законы были тщательно препарированы, а не разрушены. В результате этих действий государство сегодня процветает. Великобритания поднялась выше, чем прежде, и везде выступает защитницей свободы. Вместе с тем, беспокойство Бёрка вызывали распространение идей равенства и появление в стране различных радикальных обществ, требовавших реформ⁴¹. Неприятие Бёрком Французской революции углубило схематизацию и мифологизацию истории Славной революции в его представлениях о ней. Едва ли правомерно утверждать, что принц Оранский являлся законным правителем Англии во время прибытия в страну, когда у Якова II родился сын и наследник. Не аристократические лидеры, обратившиеся к нему, а парламент вручил власть одновременно его супруге Марии и ему после длительных споров по проблеме престолонаследия. Лишь позднее Мария отказалась от короны в пользу Вильгельма III. Более того, «препарирование» законов и государственного устройства не подправило его, а привело к серьезным изменениям впоследствии.

⁴¹ PH. Vol. 28. P. 354–362.

Данной речи Бёрк придавал принципиальное значение. Он полагал, что пресса исказила её содержание. Поэтому позднее он издал текст речи отдельной брошюрой. Взгляды Бёрка на события во Франции и Славной революции в Англии получили дальнейшее развитие, которые он воплотил в известном памфлете «Размышления о революции во Франции», встретившего одобрение консервативных кругов Британии и Европы.

Ч.Фокс придерживался иного мнения, заявляя, что находится на стороне французов, сражавшихся за свободу. Он не разделял представлений Бёрка о свободе. Фокс утверждал, что «действительная свобода может существовать только в союзе и кооперации различных властей, составляющих законодательную и исполнительную власть». Английская конституция прекрасна в теории и на практике. Однако властные ветви имеют различия в применении, чего Бёрк, по мнению Фокса, не замечал. Фокс оправдывал насилие, когда оно применяется для свержения тирана и деспотизма. Его результатом становится более благоприятное положение в стране. В толковании событий Славной революции Фокс также расходился с Бёрком, так как видел большое сходство между обеими революциями. В 1688 г., утверждал он, главным стало подкрепление нашей свободы⁴². В ответ Бёрк подчеркивал: он хотел лишь «защитить основы конституции, которые должны оставаться неприкосновенными». Он был поражен непониманием сути его высказываний. И ещё раз подробнее разъяснил свою позицию. Она состояла не только в неприятии деспотизма, но и неприятии демократии с её уравниванием общества и устранением всех различия в нем⁴³.

Расхождение Э. Бёрка и Ч. Фокса в оценке современной и прошлой революций привело к уже ранее обозначившемуся разрыву между бывшими соратниками и расколу в среде оппозиции. Фокса покинули те, кто разделял позицию его оппо-

⁴² PH. Vol. 28. P. 365–366.

⁴³ PH. Vol. 28. P. 366–370.

нента. «Это был настоящий массовый уход вигов, и в поредевших рядах оппозиции остались лишь сторонники Фокса. Если в прошлом оппозиция обладала в палате общин ста шестьюдесятью голосами (примерно четверть палаты – М.А.), то под конец она не насчитывала двадцати пяти» – писал исследователь истории взаимоотношений вигов той эпохи⁴⁴.

Углубление революции во Франции вызвало разочарование многих бывших её сторонников и придало силы её противникам в Британии. Их позиции укрепились после казни короля и королевы в Париже, за которой последовало присоединение Британии к антиреволюционному альянсу Австрии и Пруссии.

Накануне вступления Британии в контрреволюционную коалицию наметилось изменение характера прошлого в апелляциях к нему. Оно заключалось в актуализации недавней истории Франции и взаимоотношений Британии с ней. Частое перечисление действий революционных правительств, «обид», нанесенных ими Лондону, существенно отличались от прежних, довоенных ссылок на прошлое. Они получили пропагандистскую окраску, выставляя противоположную сторону варварами, людьми жестокими и беспринципными, нарушителями всех прежних договоренностей и т.д. С одной стороны, подобные речи оправдывали деятельность британской администрации по подготовке к войне и в то же время способствовали росту антифранцузских настроений.

Нельзя не отметить ещё одно изменение. Оно заключалось в расширении функций прецедента. Таковым стала война с колонистами, названная в Британии того времени «Американская война». Прежде всего, к ней обратилась немногочисленная группировка вигов сторонников Ч.Фокса. Как сам лидер, так и его окружение являлись сторонниками мирного урегулирования конфликта с Францией и выступали против военных приготовлений. Американская война явилась чрез-

⁴⁴ Шервин О. Шеридан. Пер. с англ. М., 1978. С. 209.

вычайно удобным прецедентом, притом прецедентом недавним (т. е. «свежим» в памяти общества – М.А.), для критики администрации. Значительное число раненых и убитых, слишком большие затраты – все это являлось тем неопровержимым аргументом, использование которого напоминало о тяжелом ударе по престижу страны и национальной гордости британцев, плюс – экономические потери из-за отпадения колоний с налаженными деловыми связями с метрополией. При каждом удобном случае оппозиция напоминала министрам об этой войне. Более того, прецедент превратился в весьма удобный аргумент и для министерской стороны, и для плантаторов Вест-Индии. Так, уроками Американской войны обосновывалась необходимость выдать щедрые субсидии Португалии – ведь Британия потерпела поражение из-за отсутствия союзников, утверждалось в палате общин. А плантаторы угрожали последовать примеру американцев и выйти из состава империи, если будет запрещена работоторговля⁴⁵.

Подводя итог довольно краткого рассмотрения обширной и разноплановой темы, представляется необходимым обрисовать наметившиеся грядущие изменения, которые несла новая эпоха. На рубеже веков обозначились социально-экономические проявления промышленной революции. Ей сопутствовал быстрый рост численности населения и его миграция как внутри страны, так и в расширявшиеся заморские владения. А это влекло за собой определенный разрыв с традициями родного края и перенос языка, культуры, представлений и привычек на иную почву. С другой стороны, революционные и наполеоновские войны затрудняли поиск прецедентов в давней английской истории. И хотя порой противостояние Британии и Франции сравнивалось с конфликтом Рима и Карфагена, сопровождавшееся уверенностью в собственной победе, происходила актуализация недавнего прошлого.

⁴⁵ Айзенштат М.П. «Американская война» в парламентских дебатах 1790-х годов. / Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2021. С. 295–308.

The Past in the Private and Public life in the Eighteenth Century Britain

Айзенштам Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва.

Ayzenshtat Marina, Senior Research Fellow of the Institute of World History, Institute of World History RAS, Russian Federation, Moscow.

Аннотация. В статье анализируется место прошлого в жизни британцев с детских лет до, практически, последних дней жизни. История рассматривалась современниками как источник мудрости, который помогал определить нравственные ориентиры в жизни и удовлетворял естественное для человека любопытство. В политике история была тесно взаимосвязана с воззрениями тори, вигов и радикалов, определяла политическую платформу и являлась важным компонентом парламентских дебатов. Между тем, представления об истории формировались на основе легенд, рассказов родных и воспоминаний очевидцев.

Ключевые слова. Британия XVIII в., история исторического знания, тори, виги, радикалы, парламентская полемика.

Abstract. The article analyzes the place of the past in private and political lifetime of Britons from the childhood to the almost days of life. The history was the source of wisdom for them, which helped look for moral ideas and satisfied the curious. History tied together with political ideas of the Tories, the Whigs and the Radicals and was important components of parliamentary debates, whereas theirs "history" consisted of legends, stories and memoirs of natives and eyewitnesses.

Keywords:

Britain in the XVIIIth century, the History of Historical knowledge, the Tories, the Whigs, the Radicals, Parliamentary debates.

Литература

Axtell J. Introduction / *Locke J.* The Educational Writings of John Locke. A critical Edition With Notes by J. Axtell. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.

Bolingbroke. The Works of Lord Bolingbroke with a Life. Vol. I–V. L.: H. G. Bohn, 1844.

Cavendish W. Memoranda or state of Affairs; the Devonshire diary. 1759–1762. L.: Offices of the Royal Historical Society, 1982. 199 p.

Fox Ch. J. The speeches of the Right Honorable Charles James Fox. Vol. 1. L.: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown 1815. 386 p.

Frances Ph. Memoirs of Sir Phillip Frances. Vol. 1. L., Kessinger Publishing, 2010. 498 p.

Greenberg J. The Radical Face of The Ancient Constitution. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 356 p.

Hume D. The History of England from the invasion of Julius Caesar to Revolution in 1688. Vol. 1–10. L.: Printed for Christie & Son, 1803.

Mitchell L. The Whig world. L., N.-Y.: UNKNO, 2007. 256 p.

Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 424 p.

The Parliamentary History of England. L. Vols. 15–33. L.: T.C. Hansard, 1813–1815.

Walpole H. The Letters of Horace Walpole, Ear of Oxford. Vol. 2. L.: R. Bentley, 1840.

Айзеништат М.П. «Американская война» в парламентских дебатах 1790-х годов. Люди и тексты. Исторический альманах. 2021. № 14. С. 295–308.

Айзеништат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.

Айзеништат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН 2019. 190 с.

Барз М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / Болингброк Г Письма о пользе и изучении истории. М.: Наука, 1978. С. 274–316.

Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 353 с.

Барз М.А., Авдеева К.Д. От Маккиавелли до Юма: становление историзма. М.: ИВИ РАН, 1998. 306 с.

Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М.: Издательство «КДУ», 2008. 252 с.

Браун Е.Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.

Власть и политическая культура в средневековой Европе / Под ред. Е.В. Гутновой. М.: ИВИ РАН, 1992. 360 с.

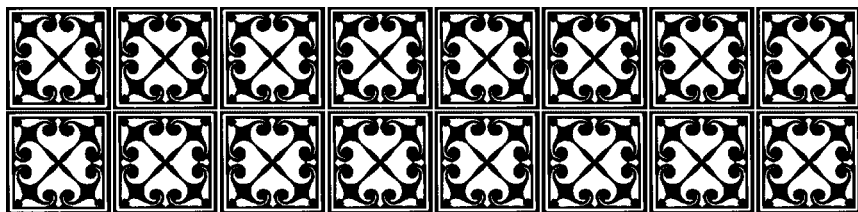
Воронихина Л.Н. Англия / Искусство XVIII века. Исторические очерки. М.: Искусство, 1966. С. 330–367.

Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 180 с.

Семенов С.Б. Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара: изд-во Самарского государственного педагогического университета, 2008, 360 с.

Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с.

Шервин О. Шеридан. Пер. с англ. М.: Искусство, 1978. 293 с.

С. К. Цатурова

**Кто основал парламент?
Мифология, историческая память
и французские эрудиты**

Поиск истоков институтов, происхождения инсигний и иных атрибутов власти диктовался различными, но часто тесно взаимосвязанными интенциями. Прежде всего, для средневекового мышления в целом характерна была опора на незапамятную древность как легитимацию всего и вся, от институтов и обычаев до статусов отдельных людей. Безупречная родословная, будь то человека или институции, являлась наилучшей гарантией высокого положения. И чем древнее была родословная, тем более прочным считался этот статус. Даже реформы в Средние века «смотрели назад» и выдавались за «возврат к добрым старым временам и обычаям».

В контексте складывающихся в позднее Средневековье и раннее Новое время национальных централизованных монархий в Западной Европе особую заинтересованность в построении собственной безупречной исторической генеалогии испытывала сама верховная светская власть. Как справедливо отмечал Б. Гене, исследуя становление истории и исторической культуры на средневековом Западе, власть правителей изначально была слишком слаба и не имела достаточно уверенных средств доминирования, чтобы обойтись без отсылок

к исторической памяти о славных предках и без возвеличивая правящего рода. Так история стала, именно в контексте специфики средневекового сознания, наилучшей опорой власти и оправданием растущих прерогатив монархии¹. Наконец, в раннее Новое время, когда произошел окончательный разрыв единого тела Христианского мира на отдельные национальные монархии, история на службе государству и его идеологии включилась в общий процесс построения этнокультурной идентичности страны². Каждая страна подчеркивала свою особенность, отличие от других, а главное – наиболее авторитетную древность, историю и славу.

В случае Франции общая для монархий Западной Европы изначальная слабость социальной базы и узость средств властвования верховного правителя была особенно драматичной. Движение французской монархии от частной, патримониальной к публично-правовой, ставшее стержнем становления национального централизованного государства, должно было преодолеть специфику вассальных связей и победить сильных соперников в лице знати, чтобы превратить короля в сюзерена, а затем и в суверена, в верховного арбитра для всех слоев общества³.

На этом пути история монархических институтов была одной из самых значимых опор властного дискурса. Она была неременной и органичной частью построения монархической идеологии и прославления правящей монархии. Незапамятная древность институтов королевской власти, их славное историческое прошлое и безупречная генеалогия призваны были подкрепить монархический культ и идеологические

¹ *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980. P. 332–333.

² См. подробнее: *Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е.* Рождение национального историописания в Англии и во Франции. СПб., 2021.

³ Подробнее об этом процессе см.: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.

основы властвования. В этой связи, хотелось бы подчеркнуть, что обращение к истории монархических институтов не имело ничего общего с праздным любопытством или учеными развлечениями знатоков древностей. Напротив, изучение, написание и осмысление истоков и истории институтов власти призваны были служить общей задаче усиления монархии и ее авторитета в обществе. И эти изыскания всегда были тесно связаны с актуальными вопросами и политическими коллизиями в обществе.

Но у обращения к истории институтов власти была и иная мотивация, определявшаяся политическими интересами, социальными амбициями и конкретными задачами текущего момента самих чиновников. В их интерпретации история собственных институтов была обоюдоострым оружием: она могла не только укреплять монархию, но и вступать с ней в конфронтацию с помощью исторических прецедентов и мифологических истоков ведомств.

Заинтересованность самих служителей короны Франции в прославлении истории ведомств наиболее ярко воплощалась в позиции членов Парламента – верховного суда французской монархии. В силу исключительного места права в реализации властных полномочий, определявшего специфику средневекового общественного устройства в целом, а также ввиду главенства судебных полномочий монарха как главной священной миссии правителя «по образу Бога», Парламент занимал особое место в структуре власти и стоял на вершине иерархии ведомств и служб короны Франции⁴. Парламент соучаствовал в двух главных функциях верховной власти – в судебной и законодательной. Как верховный суд Французского королевства Парламент выносил приговоры «именем короля» и начиная с середины XIII в. зачастую без его прямого участия. На эти приговоры нельзя было никуда апеллировать, только просить

⁴ Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012.

помилования непосредственно у короля. Более того, все «генеральные ордонансы» и важнейшие указы короля подлежали верификации, регистрации и оглашению в Парламенте, только после чего они считались вступившими в силу. С середины XIV в. Парламент получил также право высказать возражение (ремонстрацию), если очередной указ короля нарушал прежние нормы или не соответствовал «интересам короля», как их нередко интерпретировали сами парламентарии. Парламент позиционировался как эманация королевской власти, как институт, «представляющий без посредников персону монарха» и его власть, и, следовательно, как равный ему по компетенции и прерогативам в сфере правосудия, которое в то время охватывало едва ли не все стороны жизни общества.

Этому высокому статусу в полной мере соответствовали и политические амбиции парламентариев, и господствовавшие в парламентской среде мифы, и историческая память. Излюбленным историческим мифом сделался образ римского Сената как древнего аналога Парламента. Разумеется, этот миф относился скорее к «политическому воображаемому» (*imaginaire politique*), но это нисколько не умаляло его значимость. Вот как об этом говорил в своей речи 7 января 1412 г. президент Парижского парламента Анри де Марль во время торжественного заседания по случаю первого посещения верховного суда дофином Людовиком: «Как город Рим не только отстраивался зданиями, но был основан, дабы вершить правосудие, сотней достойных людей, называемых сенаторами, точно также эта курия была создана и основана, дабы свершать суд»⁵.

Важно обратить внимание на то, что подобная аналогия была широко воспринята в кругах французских интеллектуалов, включая людей университета, что свидетельствует о ее принятии политическим обществом. Достаточно привести

⁵ Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417 / Éd. A. Tuetey. 2 vols. Paris, 1885, 1888. Т. 2. Р. 41–42.

слова выдающегося французского теолога, университетского интеллектуала, ученого и иерарха церкви Никола Орема (1320–1382), которому король Карл V Мудрый поручил перевести на французский язык Аристотеля. Перевод Орема замечателен еще и тем, что был снабжен обширными комментариями переводчика, и они по объему даже превышали основной текст трактата. В этих комментариях Орем писал, что Парламент, подобно римскому Сенату, соучаствует в управлении государством, обладая равным с королем суверенитетом⁶.

Надо заметить, что только верховный суд французской монархии возводил свою генеалогию к столь древнему институту, все прочие по большей части не стремились искать так далеко в прошлом свои истоки. И это вовсе не случайно: подобные амбициозные аналогии легитимировали и политические притязания парламентариев на соучастие в главных властных полномочиях короля, и претензии на благородный статус по службе, а не по королевской грамоте, и растущие привилегии и налоговые льготы. Но со временем они могли превращаться и в оружие противостояния Парламента с монархами, посягающими на права и привилегии членов верховного суда. В любом случае, тога римских сенаторов оставалась практически до конца монархического правления во Франции важнейшим атрибутом самоидентификации французских парламентариев.

Основным посылом исторических мифов и генеалогии института в среде парламентариев и правоведов было стремление максимально удреветь историю Парламента, укоренить институт в самых древних обычаях страны и в седой старине. В этом контексте к рубежу XIV–XV вв. четко обозначилась тенденция возвести исток Парламента к первым французским королям, по большей части мифологическим. Самый

---

⁶ «les roys avoient la souveraineté, mes en plusieurs grandes choses il ne poient rien sans l'autre princey, lequel par aventure comme seroit parlement en France, ou comme fu aucune foiz le senat de Romme» (*Oresme, Nicole. Le livre de Politique d'Aristote / Publ. A.D. Menut. Philadelphia, 1970. P. 242*).

яркий образец такого рода посылы – труды Жана Жувеняля дез Юрсена (1388–1473). Отпрыск славной династии королевских чиновников, юрист, доктор обоих прав, опытный правовед-практик, сделавший блестящую чиновную карьеру (мэтр Палаты прошений и советник короля, затем королевский адвокат и член Парламента), прежде чем стать архиепископом Реймским и пэром Франции, он был крупным политическим мыслителем и автором ряда политико-юридических трактатов. Разумеется, Жувеналь тоже полагал, что «Суд Парламента, собственно говоря, составляют те, кого во времена римлян именовали сенаторами». При этом он утверждал, что не только уже «король Хлодвиг имел резиденцию и Парламент в Бордо», чем Жувеналь доказывал исконную принадлежность Гиени к французской короне, но сами истоки Парламента он погружал в глубокую и мифологическую древность. Согласно Жувеналю, король Фарамон (Фарамунд), «будучи герцогом Лютетии, ныне именуемой Парижем, решил во главе всего поставить правосудие... и дабы управлять делами своей большой и могущественной сеньории, установил сто человек как сенаторов... кои именовались Парламентом». Парламент Жувеналь называет главой всей судебной системы королевства, именуя его Сенатом (*qui Senatus vocatur*)⁷.

Фигура легендарного короля Фарамона как основателя Парламента была тесно связана с господствовавшим в Средние века троянским мифом о происхождении сначала франков, а позднее и галлов. Согласно этой легенде, возникшей еще при Меровингах и трансформировавшейся под пером Ригора в начале XIII в., троянцы под предводительством Франсиона покинули горящую Трою и основали Сикамбрию на Дунае, а в IX в. до н.э. возглавляемые Ибором пришли в Галлию, основав Лютетию. Наконец, в IV в. сюда пришли другие троянцы во главе с Маркомиром и признали в жителях Лютетии

⁷ Juvénal des Ursins, Jean. *Écrits politiques* / Éd. P.S. Lewis. 2 vols. Paris, 1978, 1985. T. I. P. 203, 344–345, 513.

«братьев по крови». Сын Маркомира, Фарамон и стал королем франков. В этом мифе о Фарамоне парламентарии особое значение придавали приписываемому этому «первому королю франков» переименование города Лютеции в Париж, в честь Париса, поскольку столь древние истоки столицы повышали ее статус и придавали дополнительный ореол находящимся здесь верховным ведомствам короны Франции⁸.

Эта же тенденция удревить и несколько мифологизировать истоки Парламента останется главным лейтмотивом в исторических трудах следующего затем поколения французских парламентариев и интеллектуалов. Они также будут заняты поиском древних истоков верховного суда, и эти поиски будут подогреваемы явными политическими амбициями складывающегося «четвертого сословия» юристов-чиновников. История сделалась в их руках оружием в борьбе за привилегированный статус и общественный авторитет.

Однако в эпоху Возрождения произошли радикальные перемены в сфере исторических представлений и, в целом, в области истории, ставшей отныне отдельной научной дисциплиной. «Рождение истории» знаменовалось появлением новых методов исторической критики и обращением к иным, более разнообразным источникам сведений. Важно иметь в виду, что новые методы исторического познания зарождались именно в среде юристов и правоведов, которые и стали первыми эрудитами во Франции. И это не случайно: они одни имели достаточный опыт поиска и анализа прецедентов, изучения архивных собраний и критики источников. Первый выдающийся историко-правовой труд, знаменовавший появление новых методов исторической критики, был написан Гийомом Бюде (1468–1540), выходцем из чиновной семьи, юристом и королевским чиновником, – «Об ассе и ее частях»

---

⁸ *Beaune C.* Naissance de la nation France. P., 1985; *Bove B.* Aux origines du complexe de la supériorité des parisiens: les louanges de Paris au Moyen Âge // *Être parisiens* / Éd. C. Gauvard, J.-L. Robert. P., 2004. P. 423–443.

(1515 г.). Под его влиянием во Франции складывается так называемая Буржская школа права, где посредством соединения истории и права вырабатывались и применялись новые методы исторических исследований и критики источников. Она оказала решающее влияние на историко-правовые труды эрудитов XVI–XVII вв.

Образцовым, эталонным представителем зарождающегося движения французских эрудитов стал Этьен Паскье (1529–1615). Он был во многих отношениях знаковой фигурой: ученый юрист, успешный королевский чиновник и знаменитый парламентский адвокат, гуманист и эрудит, Паскье по праву считается «отцом французской истории». Свой главный исторический труд «Разыскания о Франции» (*Recherches de la France*, первое издание вышло в 1560 г.) он писал и дополнял до последних дней жизни. Это был остро полемический и актуальный исторический труд, где прошлое реконструировалось для разрешения насущных вопросов сегодняшнего дня. При этом Паскье широко применял новые методы исторической критики источников, имея за плечами хорошую школу – коллеж Прель и университеты в Париже, Тулузе, Болонье и Павии. Более того, как истинный эрудит, он впервые соединил в ткани своего исторического повествования самые разнообразные по характеру источники – письменные документы (хроники, архивы ведомств короны), эпиграфику, королевские инсигнии и т.д.⁹

Особую ценность в контексте данного исследования имеет обращение Паскье к парламентским архивам, а точнее – сама возможность к ним обратиться. Это связано со спецификой хранения и использования архивов Парижского парламента, по сути, закрытых для посторонних глаз и превратившихся в опору общественного статуса корпорации парламентариев.

⁹ О новаторских методах исторического исследования Паскье см. подробнее: *Huppert G. Naissance de l'histoire de France: les «Recherches» d'Estienne Pasquier // Annales. É. S. C. 1968. No. 1. P. 69–105.*

Парламентский архив был подлинным символическим и политическим капиталом членов Парламента, поскольку никто, кроме них, не имел права с ним работать. Даже адвокатов в него пускали только под присмотром секретарей, которые ревностно следили, чтобы посетитель не выходил за рамки поиска документов по конкретному судебному делу. И даже королей Франции сюда не пускали, нехотя скопировав для короля лишь четыре тома первых регистров (Olim). Разумеется, никто из чужаков, тем более чужеземцев также не имел возможности обратиться к этому богатейшему собранию.

А собрание было, действительно, огромным. Хотя архив Парламента существенно пострадал от пожаров 1618 и 1776 г., хотя в нем есть пропуски за ряд лет из-за нерадивости секретарей, есть и политически мотивированные подчистки нежелательных сведений, но регистры слушаний дел, приговоров и заседаний Совета велись регулярно с 1254 г. вплоть до 14 октября 1790 г., когда Парламент был упразднен, а его архив запечатан и затем, в 1847 г. перевезен в особняк Субизов-Роганов. К тому времени накопилось 10500 регистров заседаний Парламента, не говоря уже о регистрах регистрации ордонансов и королевских указов, приговоров и т.д. И все эти регистры сохранились до наших дней почти целиком.

Первый директор Национальных архивов Франции в эпоху Второй Империи граф Л. де Лаборд в предисловии к изданию актов Парижского парламента за 1254–1328 гг. написал гневную инвективу в адрес парламентариев за их излишне ревностное отношение к этому собранию. По его мнению, парламентарии относились к нему как к семейному архиву, как к «святая святых» корпорации. Но такая политика, по мнению де Лаборда, была весьма прагматичной и расчетливой, поскольку парламентарии использовали из архива ведомства только то, что служило интересам их касты. Они умело манипулировали этими данными, извлекая максимальную выгоду и искажая подлинную канву событий. Все так называемые

анналы, истории и хроники Парламента, написанные до ликвидации ведомства, принадлежат перу исключительно парламентариев; всем прочим предлагалось лишь использовать эти труды и брать сведения «из вторых рук». В итоге, по словам де Лаборда, все эти компиляции не имеют никакой ценности, отражая только узко корпоративные интересы, злобу дня или бушевавшие внутри Парламента страсти¹⁰.

Но историю институтов королевской власти в эпоху Возрождения уже невозможно было писать без обращения к их архивам, и тот факт, что Паскье, а затем и его последователи, максимально использовали эти свои возможности как члены парламентской среды, придает их историческим трудам исключительную ценность. Сам Этьен Паскье был, без сомнения, плоть от плоти этой авторитетной юридической касты и вполне разделял ее идеи, представления и самооценку, опираясь также на корпоративную историческую память. Вместе с тем, как подлинный ученый и эрудит, Паскье решительно отвергал всё то, что не имело под собой достаточно убедительной опоры на источники.

Паскье выстроил стройную и убедительную концепцию происхождения Парламента, которая оказала влияние на все последующие труды эрудитов и историков XVI–XVII вв. Вкратце схема возникновения института выглядит следующим образом: первыми учредили Парламент майордомы, «дабы завоевать сердца подданных» и не провоцировать гнев грандов и знати, поскольку эти майордомы были узурпаторами власти при последних Меровингах. Парламенты этого времени представляли собой ежегодные собрания в мае месяце, на которых председательствовали короли и принимали участие бароны, решая крупные дела и споры. Обычай соблюдался и при воцарении Пипинидов, в особенности при Карле Великом, в виде генеральной ассамблеи баронов, именуемой

¹⁰ Actes du Parlement de Paris. 1254–1328 / Éd. E. Boutaric. 2 vols. P., 1863–1866. T. 1. P. IV–CVII (особенно LXXXVIII–XCII).

Парламентом. С восшествием на престол Гуго Капета, который формально «лишь носил имя короля», но не мог соперничать в могуществе со знатью, Парламент стал собираться еще чаще. Короли династии Капетингов вынуждены были считаться с мнением знати, которая, хотя на словах и признавала их власть, но на деле постоянно оспаривала prerogative короны, так что подчинялись владельцы сеньоры только решениям Парламента, принятым с их согласия и совета. Однако компетенция этой «ассамблеи» постепенно расширялась, она успешно и последовательно усиливала власть короля, стояла на страже права, принимала апелляции на приговоры герцогов и графов, и вскоре даже знать сама обзавелась в Парламенте постоянными прокурорами (представителями) для защиты собственных интересов в суде. Он стал собираться дважды в год, а король Филипп II Август, уезжая в крестовый поход, определил Париж как место заседания Регентского совета (Парламента); наконец Филипп IV Красивый указом от 1302 г. закрепил и периодичность, и место проведения Парламента, что считалось отныне датой окончательного оседания верховного суда в столице, прежде якобы перемещавшегося вслед за королем. Этьен Паскье обильно использовал сведения о ранней истории Парламента из первых регистров для доказательства тех или иных положений об авторитете и компетенции верховного суда (иски знати, обращения иностранных правителей к королю Франции и т.д.). Но, как известно, сами регистры Парламента берут начало лишь в 1254 г., ранее этой даты никаких архивов о заседаниях верховного суда не сохранилось. В этой связи, более седая древность фигурирует в труде Паскье лишь как аналогия: но теперь это не римский Сенат, а обычай древних галлов до прихода Рима, хотя и разделявших в то время на «лиги», но собиравшихся на общее судебное заседание под председательством друидов. В целом, Паскье в своей концепции происхождения верховного судебного ведомства соединил функции совета и суда,

возводя исток Парламента к общим собраниям свободных людей, на которых решались важные вопросы и споры начиная с раннего Средневековья. По сути, эти собрания выглядят как прообраз Королевского совета¹¹. Вопрос же о происхождении самого слова «парламент» не слишком затрудняет ученого автора. Считая истоком Парламента «общие собрания баронов» (*assemblees generales des Barons*), Паскье пишет далее: «Такие собрания назывались *Парламентами*, как мы именуем ныне собрания, где заключаются договоры о мире, *Переговорами о мире*». И далее, описывая собрания по поводу важных государственных дел: «подобные конгрегации, каковые наши латинские историографы именуют *Placita*, а наши старейшие французские истории – *Парламентами*», – такова этимология термина, в интерпретации Паскье. Согласно ему, такого рода «парламенты» часто фигурируют в старинных хрониках Сен-Дени, а также в хрониках правления Пипина Короткого, Карла Великого и Людовика Благочестивого. В итоге, Паскье признает, что форма Парламента не скоро оформилась, и с течением времени он принимал различные очертания¹².

К началу XVI в. ежегодные собрания древних галлов под председательством друидов становятся вторым, наряду с Сенатом, прообразом Парламента, причем именно в трудах юристов начиная с XVI в. Упоминание об этом в труде Паскье придало такой аналогии еще большей авторитетности. Она будет использоваться всякий раз, когда парламентарии захотят позиционировать свою институцию как более древнюю, чем институт монархии во Франции, т. е. в скрытой форме как аргумент в ходе оппозиции непродуманным действиям самого монарха, которые парламентарии регулярно пытались оспорить. Стародавние и смутные, теряющиеся в глубине ве-

¹¹ *Pasquier, Estienne*. Les recherches de la France, livre premier et second. P., 1581. P. 77–84v.

¹² «Telles assemblees s'apelloient *Parlement* comme nous apellons maintenant celle ou se fait un traité de paix, *Pourparler de paix*» (Ibid. P. 78r, 79v.).

ков истоки Парламента – выросшего из неких общих собраний то ли свободных людей, то ли знатных и могущественных сеньоров – не просто уравнивали «по возрасту» верховное судебное ведомство с институтом монархии, но делали его, в глазах парламентских историков, древнее самого монархического правления.

Яркий образец авторитетности предложенной Паскье генеалогии Парламента служит фундаментальный труд Пьера де Мирольмона (1550–1611) «О происхождении и учреждении суверенных курий и подчиненных им низших юрисдикций, находящихся в старинном королевском Дворце в Париже», 1584 г. издания. Здесь воспроизведены все основные положения, высказанные Паскье: Парламенты были установлены со времен первых королей, собиравших сеньоров и баронов при своем дворе для обсуждения государственных вопросов и для суда. Первыми это стали делать майордомы при Меровингах «для завоевания сердец и преданности подданных», но главное, ради овладения властью королей. Так поступал Карл Мартелл, затем король Пипин Короткий и, наконец, Карл Великий. Подобные собрания с тех пор и до сего дня именуются Парламентами. По характеру своему это были одновременно заседания королевского Совета и собрания сеньоров. Проходили они там, где пожелает король, но раз в год – в мае. С Людовика Благочестивого они собирались дважды в год, из-за неотложности дел судопроизводства. Наконец, при Филиппе IV Красивом «для удобства подданных» было решено окончательно собирать Парламент дважды в год и только в Париже. А при Людовике X Сварливым «для большей пышности» заседаний Парламент обосновался в старинном королевском Дворце на острове Сите. В обширном трактате Мирольмона упоминается и римский Сенат, по аналогии с которым в Парламенте королю принадлежит первое место, а статус членов Парламента сходен с сенаторским и с функциями центумвиров. Соглашась, в итоге, что никаких сведений о более раннем существо-

вании Парламента найти не удастся, Мирольмон замечает: «но если кто захочет глубже взглянуть на подобные ассамблеи и собрания судей Франции, то он обнаружит, что до правления Фарамона во Франции или в провинции Франкия, где он правил, уже проходили подобные собрания и ассамблеи, о каковых поведал Юлий Цезарь в своих «Записках»... и каковые собрания делались друидами и рыцарям нашей Галлии»¹³.

В этом контексте нельзя обойти молчанием труды выдающегося правоведа и юриста, адвоката в Парламенте и успешного королевского чиновника Шарля Луазо (1566–1627). В них он не затрагивал специально вопрос о происхождении Парламента, однако детальное политико-юридическое обоснование им привилегированного статуса французских судей, юристов и парламентариев раскрывает его представление происхождения и функциях членов верховного суда. Стержнем позиции Луазо являлось уподобление Парламента римскому Сенату: отсюда проистекали, в его трактовке, и почести службы, и титулатура чиновников, и их внешние знаки благородства (мантии, шапочки), и дворянский статус по должности. По мнению Луазо, во Франции во всем пытались имитировать Рим, в том числе и Сенат как главный орган власти. Вместе с тем, Луазо напоминает и о более древних аналогиях – о друидах из «Записок» Цезаря как предтечах парламентариев, поскольку столь авторитетный автор «включал в дворянство и друидов, кто были членами совета, отвечая за жертвоприношения и государственные дела». Более того, он уподобляет «сообщество друидов» (*Compagnie des Druides*) римскому Сенату¹⁴. Таким образом, трактовка Луазо истоков, статуса и функций Парла-

¹³ *Miraulmont, Pierre de*. Sur l'origine et institution des cours souveraines et autres juridictions subalternes, enclos dans l'ancien Palais royal de Paris. P., 1584. P. 1r–4v.

¹⁴ «comprenant sous la Noblesse, et les Druides, qui estoient les gens de conseil servans aux sacrifices, et aux affaires d'État» (*Loyseau, Charles*. Traité des Ordres et simples dignité // *Les Œuvres*. Lyon, 1701. P. 25).

мента органично вписывается в самоидентификацию парламентариев как исконных советников короля и судей, а также как полноправных участников принятия политических решений по важнейшим государственным вопросам.

Все эти мифы, исторические аналогии и политико-идеологические стратегии самоидентификации французских парламентариев нашли наиболее полное воплощение в фундаментальном труде – «Тринадцать книг о Парламентах Франции», написанном Бернаром де Ла Рош Флавеном (1552–1627). Это был правовед, королевский советник (член Частного совета короля), советник Парижского парламента, а затем председатель Палаты прошений Тулузского парламента. Разбирая истоки Парламента, Ла Рош Флавен вновь обращается к образу римского Сената. В самом начале трактата, восхваляя магистратов как «основу, опору и поддержку (*pivots, appuis et fondemens*)» монархии, он приводит слова Цицерона о Сенате – «сердце, разум и дух Государства (*l'ame, la raison, l'intelligence*)». Исследуя происхождение слова «парламент», Ла Рош-Флавен выстраивает в один ряд такие понятия, как «синод», «совет», «суд» и «сенат», последний относя к обычаю римлян, а также итальянцев. Однако не забывает он и про друидов: ссылаясь на авторитет «Записок о галльской войне» Цезаря, он квалифицирует собрания друидов и древних галлов как «Сенат, Парламент или Совет». Собрания друидов Ла Рош Флавен квалифицирует именно как судебные заседания. Но еще важнее в глазах автора являлась функция совета, которую в древней Галлии на этих общих собраниях осуществляли друиды¹⁵. Особого внимания заслуживает тот факт, что в этом капитальном труде о статусе, прерогативах, функциях и обычаях Парламентов во Франции почти полностью была воспроизведена схема происхождения института, созданная Этьеном Паскье. У Бернара де Ла Рош Флавена подробно описано и как

¹⁵ *La Roche Flavin, Bernard de. Treze livres des Parlemens de France. Bordeaux, 1617. P. 1–5.*

майордомы практиковали обычай этих древних собраний «Совета или Парламента для завоевания сердец», и как Пипин и Карл Великий продолжили их собирать, будучи «узурпаторами», как Филипп Красивый установил место и время заседаний Парламента в Париже. Как истинный эрудит, Бернар де Ла Рош Флавен утверждал, что опирался в своих построениях на исследование «архивов и регистров Парламента в Париже и в Тулузе». Однако в вопросе о происхождении Парламента он признает, что архивы не помогают, поскольку не найдено ни одного регистра от столь давнего времени.

В этом обширном труде представителя парламентской корпорации еще более отчетливо, чем это было у Паскье, выступают политические амбиции парламентариев, переживших весьма непростые времена в эпоху Религиозных войн. Напомнив, что суды везде и всегда были основой правления, а во Франции эту задачу исполняют Парламенты, «неколебимые колонны и аркбутаны государства», Бернар де Ла Рош Флавен возводит их исток к «ассамблеям князей, коронных чинов, прелатов, крупных сеньоров, почтенных людей церкви и дворянства для обсуждения государственных вопросов». Как и у Паскье, в трактате Ла Рош Флавена имеет место смешение и легкая подмена функций суда и совета. Выводя традиционно этимологию слова «парламент» от глагола «говорить», Ла Рош-Флавен так описывает предысторию института: «Каковые генеральные ассамблеи, вершившие правосудие, при первых двух династиях наших королей именовались судебными заседаниями (Plaids), поскольку там судились; залами, ибо проходили они в больших залах; или же, раз там судили согласно первым салическим законам галлов, соборами по примеру генеральных соборов церкви». Но ввиду того, что слово «парламент» означает в общем виде любые «переговоры», «обсуждение» и т.д., то оно вполне подходит к этому органу, где якобы обсуждались дела государства («les affaires de l'Etat»). Смешение функций совета и суда Ла Рош Флавен

усматривает и в другом названии Парламента – «Двор»: «во Франции свита короля именуется Двором, и где находится король, там и его Двор; а поскольку Парламент не следует за королем, то для его отличия от Двора короля он именуется Двором Парламента. Иногда под словом Двор подразумевается место, где проходит Совет»¹⁶. Наконец, и на это стоит обратить особое внимание, у Бернара де Ла Рош Флавена впервые столь отчетливо и недвусмысленно выражено притязание Парламентов на статус представительного органа власти. В трактате об этом сказано в главе, анализирующей этимологию слова «парламент»: «Англичане до сих пор называют собрания их генеральных штатов Парламентами, поскольку на них говорят о делах королевства»¹⁷.

Претензия парламентариев выступать от имени всего общества и тем самым заместить собрание трех сословий, Генеральные Штаты, с особой настойчивостью высказывалась в раннее Новое время, когда короли Франции стали реже советоваться с обществом в форме созыва представительных органов. Но эта претензия обозначила большие политические амбиции парламентариев, для которых у них не было достаточных оснований.

Наиболее характерной и яркой, но слабо пока изученной фигурой среди парламентариев этого периода является Жан Лёнен (1613–1698). Выходец из чиновной и парламентской семьи, он сделал вполне успешную карьеру в Парижском парламенте. Но главный его труд, вписавший его имя в историю Парламента, заключался в том, что он на протяжении жизни исследовал архивы верховного суда, помечал все самые ин-

¹⁶ «...en France la suite du Roy s'appelle la Cour: et la part, où le Prince est, on dict tousiours que là est la Cour: et parce que le Parlement estant deambulatoire à la suite des Roys, à la differance de la Cour du Roy, on l'appelloit la Cour de Parlement. Quelque fois ce mot de Cour se prend pour le lieu, où se tient le Conseil» (Ibid. P. 4).

¹⁷ « Et les Anglois encores appellent leurs assemblées de leurs estats generaux, Parlements; par ce qu'on y parle des affaires du Royaume » (Ibid. P. 3).

тересные и важные дела и события, отраженные в регистрах, и содержал штат писцов, которые скопировали ему помеченные фрагменты. Получился архив Парижского парламента в миниатюре, к тому же, сам отбор «важного» отражал взгляды парламентария. Но и это не самое значительное. Ленен составил указатель к своему собранию и расположил его по темам: например, «Авторитет Парламента», «Церемонии и ритуалы, в которых участвуют парламентарии», «Советники», «Секретари» и т.д. – всего получилось 83 фолианта¹⁸. И этот указатель Жана Ленена являлся единственным источником и руководством к поиску документов в гигантском хранилище верховного суда к моменту ликвидации Парламента!

Особый интерес вызывают и комментарии самого Ленена, которые, как правило, открывают каждый том его указателя. В контексте темы данной статьи весьма любопытны рассуждения Ленена об учреждении Парламента, открывающие том указателя, посвященного основанию ведомства, его перемещениям, структуре палат и номенклатуре должностей. Вначале он прямо заявляет, что определить, чем изначально был Парламент, когда он осел в Париже и сколько в нем работало человек, дело довольно трудное, усугубляемое разногласиями мнений большинства авторов, писавших об этом. Самым авторитетным автором для Ленена остается Этьен Паскье, чью концепцию он подробно излагает. Среди прочих авторов он упоминает и Мирольмона с его идеей о Парламенте как «государственном собрании» (*assemblée publique comme d'États*) и ровеснике монархии. Наконец, он дает свою интерпретацию этого вопроса, и в ней ясно обозначена интенция уравнивать Парламент с Королевским советом, как и отнести его учреждение ко времени установления монархии во Франции: «Что до меня, – заключает Жан Ленен, – я считаю самым правдоподобным мнением при подобной неясности (сведе-

¹⁸ См. подробнее: *Le Grant L. La Table de Le Nain et les registres du Parlement de Paris // Le Bibliographe moderne. 1907. No 2–3. P. 92–112.*

ний – С.Ц.) то, что Парламент при своем возникновении был Государственным собранием, где решались дела государства и правосудия, и государи принимали жалобы своих подданных, каковое собиравлось тогда и там, где было угодно государю, и обычно дважды в год»¹⁹.

Как видим, туманные исторические корни позволяли Парламенту ассоциировать себя с древними общими собраниями свободных людей, трансформированными в совет при государе. Именно в раннее Новое время парламентарии во Франции строят свою генеалогию от галльских и германских собраний и позиционируют себя как «совет при государе». Это, в известной мере, придавало сходство историческим истокам двух важнейших ведомств – Парламента и Штатов во Франции²⁰.

О сходстве и различиях Парламента в Англии и Генеральных Штатов во Франции детально написала Н.А. Хачатурян, отмечая в качестве парадоксального источника силы английского представительного органа именно нерасчлененность функций суда и совета, ввиду раннего оформления Парламента в Англии. И напротив, строгое разделение во Франции первоначальной Королевской курии на три ведомства – совет, суд и финансы, ограничивало компетенцию Парламента исключительно судебными функциями, хотя он, тем не менее, постоянно стремился ее расширить за счет политических prerogatives и всячески подчеркивал свою генетическую связь

¹⁹ «Pour moy ie croy que la plus vraye semblable opinion dans cette obscurité est que le Parlement dans son institution estoit une assemblée d'Estat ou se traitoient les affaires d'Estat, et de la Justice et les Princes recevoient les plaintes de leurs sujets, qui se tenoient en temps et tel lieu qu'il plaisoit au Roy, et se tenoient ordinairement deux fois l'an» (Archives Nationales de France. Série U 507 L'Établissement du Parlement, ses translations, créations de Chambres, créations et suppressions d'offices, fol. 1–17)

²⁰ Цатурова С.К. «Парламент при своем возникновении был Государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) // Средние века. Вып. 75 (3–4). М., 2014. С. 9–42.

с изначальной курией²¹. Даже сходство термина уже могло быть основанием для возникновения у французских парламентариев убеждения, что их «суверенная курия» является аналогом английского Парламента²². Характерно в этой связи, что те же тенденции в поисках происхождения Парламента характерны для английских антиквариюв, юристов и парламентариев XVI в.: они также находили древние истоки Парламента в англо-саксонских временах и в обычаях кельтов, также считали его советом при государе и также уравнивали статус представительного собрания с римским Сенатом²³.

Безусловно, претензии парламентариев на древность института Парламента и на его благородные корни призваны были придать больше блеска и авторитета верховному суду французского королевства, а тем самым и самой монархической власти. В этом плане исторические экскурсы французских парламентариев, правоведов и эрудитов укрепляли власть короля. Однако те же претензии могли стать оружием в противостоянии Парламента и монарха, если их интересы сталкивались, что явилось лейтмотивом взаимоотношений королей и Парламентов при Старом порядке.

---

²¹ См. подробнее: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество... С. 156–227 (особенно С. 210–211).

²² На это первым обратил внимание Р. Фавтье. См.: *Fawtier R.* Parlement d'Angleterre et États Généraux de France au Moyen Âge // Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Comptesrendues des séances. P., 1953. No 3. P. 275–284.

²³ См. подробнее: *Дмитриева О.В.* Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021. С. 301–391.

Who founded the Parliament? Mythology, historical memory, and french erudites

Цатурова Сусанна Карленовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (г. Москва).

Tsaturova Susanna, – Doctor of Sciences in History; Leading Researcher, Department of Medieval and Early Modern Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Аннотация. В статье анализируются взгляды французских правоведов, юристов, парламентариев и интеллектуалов на истоки Парламента, верховного суда Французского королевства. Парламент постепенно выделился из Королевский курии и сохранял эту генетическую связь. Ввиду медленного процесса разделения курии на совет, суд и финансы точной даты основания Парламента не существует. При этом он соучаствовал в двух главных функциях верховной светской власти – в правосудии и законотворчестве через регистрацию и оглашение указов, а также в форме подачи возражений (ремонстраций). Всё это в сочетании с политическими амбициями членов Парламента создало благоприятную почву для мифотворчества. Начиная с XIV в. Парламент позиционировал себя как аналог Римского Сената. Эта идентификация сохранялась до конца Старого порядка. Но в эпоху Возрождения и «рождения» истории как научного знания с опорой на критику источников появляются новые концепции истоков Парламента в трудах французских эрудитов из числа юристов и парламентариев. В них истоки Парламента возводили к древним германским обычаям общих собраний, ставшим при Каролингах и Капетингах советами знати. С целью удревнить истоки Парламента ряд авторов возводили его происхождение к собраниям друидов в Галлии, ссылаясь на «Записки» Юлия Цезаря. Смешение функций совета и суда в статусе Парламента отвечало социальным и политическим притязаниям парламентариев. Оно превращалось в период кризисов в мощное идеологическое оружие противостояния Парламента с королем Франции.

Ключевые слова: Французская монархия, Парламент, эрудиты, историческая память, политические мифология.

Abstract. The article analyzes the views of French jurists, lawyers, parliamentarians, and intellectuals on the origins of the Parliament, the Supreme Court of the French Kingdom. The Parliament gradually separated from the Royal Curia and maintained this genetic link. Due to the slow process of dividing the curia into council, court and finance, there is no exact date for the foundation of the Parliament. At the same time, he participated in two main functions of the supreme secular power – in justice and law-making through the registration and announcement of edicts, as well as in the form of giving objections (remonstrations). All this, combined with the political ambitions of the members of Parliament, created a favorable ground for myth-making. Since the 14th century the Parliament positioned itself as an analogue of the Roman Senate. This identification persisted until the end of the *Ancien Régime*. But in the Renaissance and the “birth” of history as scientific knowledge, based on the criticism of sources, new concepts of the origins of Parliament appear in the works of French erudites from among lawyers and parliamentarians of 16th–17th centuries. In them, the origins of Parliament were traced back to the ancient Germanic customs of general assemblies, which became councils of the nobility under the Carolingians and Capetians. In order to make the origins of the Parliament more ancient, a number of authors ascribed its root to the meetings of the druids in Gaul, referring to the “Commentaries” of Julius Caesar. The mixing of the functions of council and court in the status of Parliament corresponded to the social and political claims of parliamentarians. It turned into a powerful ideological weapon of confrontation between the Parliament and the King of France in times of crisis.

Keywords: French Monarchy, Parliament, erudites, historical memory, political mythology.

Библиография

Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. М., 2021.

Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и во Франции. СПб., 2021.

Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.

Цатурова С.К. «Парламент при своем возникновении был Государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) // Средние века. Вып. 75 (3–4). М., 2014. С. 9–42.

Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012.

Beaune C. Naissance de la nation France. P., 1985

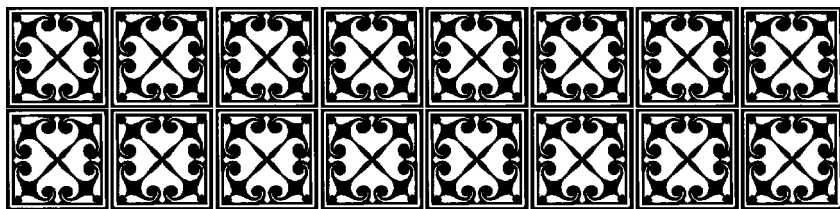
Bove B. Aux origines du complexe de la supériorité des parisiens : les louanges de Paris au Moyen Âge // Être parisiens / Éd. C. Gauvard, J.-L. Robert. P., 2004.

Fawtier R. Parlement d'Angleterre et États Généraux de France au Moyen Âge // Académie des Inscriptions et Belles Lettres. Comptesrendues des séances. P., 1953. No 3. P. 275–284.

Guenée B. Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.

Huppert G. Naissance de l'histoire de France: les «Recherches» d'Estienne Pasquier // Annales. É. S. C. 1968. No. 1. P. 69–105.

Le Grant L. La Table de Le Nain et les registres du Parlement de Paris // Le Bibliographe moderne. 1907. No 2–3. P. 92–112.

Е. А. Терентьева

Эрудитская филология и идентитарные процессы во Франции XVI в.: Клод Фоме о происхождении и истории французского языка

Ренессансный интерес к вернакулярным языкам, получивший продолжение и развитие в раннемодерную эпоху, неразрывно связан с процессом формирования раннемодерного протонационального самосознания европейцев. Тесно переплетенная с историописанием нового типа (антикварным, или эрудитским), филология играла значительную роль в идентитарных процессах эпохи.

Во Франции с рубежа XV–XVI вв. внимание власти оказалось приковано к проблемам языка, его развития, унификации и придания ему официального статуса как языка делопроизводства, науки, литературы и образования. В последнее десятилетие эти сюжеты последовательно рассматриваются в рамках филолого-лингвистических и историко-культурных исследований¹. В 1539 г. издание Франциском I орлонанса

---

¹ См., например: *Walter H.* La norme linguistique dans le dictionnaire de l'académie française // *La linguistique*. 2016. №1. Vol. 52. P. 55–68; *Короленко О.И., Бухтина М.А.* Институционализация Французской Академии посредством создания системы знаков власти // *Гуманитарные научные исследования*. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/03/14445>; и др.

Вилле-Котре положило начало использованию французского языка в качестве официального языка делопроизводства². К началу XVII в. французский язык, конкуренцию которому в тот момент составляли итальянский и испанский, оказался едва ли не предметом культа; к концу «великого века» французский уже соперничал в европейской науке с латынью и греческим, на нем заговорили чуть ли не при всех европейских дворах, а во Франции он стал знаком образованности и культуры³. Этому немало способствовал тот факт, что в 1635 г. покровительство короны, официальный статус и официальное название получила возникшая десятилетием ранее как частное общество Французская академия, целью которой было «сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки»⁴.

Перемены в восприятии французского языка были частью сложного социокультурного и социально-политического процесса формирования французской нации, который окончательно завершился лишь после падения Старого режима, но его тенденции явно прослеживаются в XVI–XVII вв. Не являясь уникально французским явлением, во Франции этот процесс оказался во многом подконтрольным французской короне, став частью своеобразной «культурной политики» французских монархов. Формирующийся французский абсолютизм сочетал в этом смысле покровительство французскому языку

² *Soleil S.* L'ordonnance de Villers-Cotterêts, cadre juridique de la politique linguistique des rois de France? // Colloque de Rennes des 7 et 8 décembre 2000 Langue(s) et Constitution(s). URL: <http://partages.univ-rennes1.fr/files/partages/Recherche/Recherche%20Droit/Laboratoires/CHD/Membres/Soleil/Villers-Cotterets.pdf> (дата обращения: 30.08.2017 г.).

³ *Soleil S.* L'ordonnance de Villers-Cotterêts, cadre juridique de la politique linguistique des rois de France? // Colloque de Rennes des 7 et 8 décembre 2000 Langue(s) et Constitution(s). URL: <http://partages.univ-rennes1.fr/files/partages/Recherche/Recherche%20Droit/Laboratoires/CHD/Membres/Soleil/Villers-Cotterets.pdf> (дата обращения: 30.08.2017 г.).

⁴ *Walter H.* La norme linguistique dans le dictionnaire de l'académie française // *La linguistique*. 2016. №1. Vol. 52. P. 55–68. P. 55.

со значительно менее очевидным, но также вполне реальным покровительством историописанию нового типа. Последнее развивалось в рамках эрудитского интеллектуального течения, зародившемся во Франции по инициативе Франциска I.

Слабая дифференцированность раннемодерного знания вообще и гуманитарного знания в частности определила тесное переплетение развития французского языка и деятельности эрудитов. В сферу их интересов входили как институциональные аспекты прошлого страны и генеалогические материалы, так и история классических и вернакулярных языков и общие вопросы филологии, воспринимаемые через призму современных эрудитам социокультурных и социально-политических процессов. Кроме того, эрудиты занимались критическим изданием разнообразных текстов (преимущественно, но отнюдь не исключительно исторических). В то же время с самого своего возникновения эрудитское интеллектуальное течение было связано с французским королевским двором, сначала через прямое покровительство монархов его основоположникам, затем уже более формально, через должность королевского историографа, которую с XVI в. занимали преимущественно эрудиты. В первой половине XVII в. связь эрудитства с короной укрепилась благодаря деятельности кардинала Ришелье, в том числе его «литературного кабинета»⁵. Однако в целом эрудитское историописание не получило из рук короны такого очевидного и существующего на регулярной основе институционального воплощения, каким Французская академия стала для французской литературы и французского языкознания: замещение должности королевского историографа не было четко регламентировано и постоянно зависело от доброй воли монарха, а иных институтов, ни академического, ни какого-либо иного толка, в области интересов эрудитов не возникло.

---

⁵ *Thuau E.* Raison d'Etat et pensée politique à l'époque de Richelieu. Paris, 2000. P. 169, 177.

И все же именно в кругу эрудитов зарождались новые подходы и методы изучения не только истории, но и языка. Оба эти компонента одновременно играли определяющую роль в формировании протонационального самосознания французов и целенаправленно использовались королевской властью в качестве инструментов политической консолидации страны. Таким образом, комплексное восприятие и анализ тех изменений в историописании и филологии, которые происходили в раннее Новое время, с одной стороны, предопределены спецификой развития гуманитарного знания той эпохи, а с другой – позволяют составить более целостное представление об обеих сферах.

Новую страницу в истории французского языка открыл эдикт 1539 г., установивший его статус как языка делопроизводства. Многие исследовали склонны видеть в этом решении Франциска I свидетельство того, что национальный язык стал инструментом политического объединения страны⁶. Однако перемены происходили не только в статусе языка. В результате распространения во Франции идей Возрождения, развития книгопечатания и расширения круга образованных и просто грамотных людей началось бурное развитие французской литературы самых разных жанров, в том числе новых, заимствованных из литературы античной. Одновременно была осознана необходимость изучения и «улучшения» французского языка – как с точки зрения стиля, так и с точки зрения правописания (в частности, его унификации). К решению этих задач обратились гуманисты и эрудиты; пик появления работ такого рода приходится на 1530–1560-е гг.⁷. Одно из наиболее известных произведений этого направления – «Защита поэзии» Жоашена дю Белле, хотя этот труд не был ни первым, ни наиболее последовательным из всех. Проект девятитом-

⁶ *Boulard G.* L'ordonnance de Villers-Cotterêts: le temps de la clarté et la stratégie du temps // *Revue historique*. 1999. № 609. P. 45.

⁷ *Monferran J.-Ch.* Preface // *Du Bellay J.* La deffence, et illustration de la langue Françoyse & l'Olive / Ed. par J.-Ch. de Monferran. Paris, 2007. P. 13.

ного «Французского оратора» Этьена Доле так и остался неосуществленным. Авторы трактатов стремились превратить французский в инструмент, отвечавший требованиям времени⁸, и одновременно повысить его статус.

Общей тенденцией многих, если не большинства подобных сочинений было стремление обогатить родной язык структурами, жанрами и т. п., заимствованными из классических языков – греческого и латыни (что вполне соответствовало ренессансному преклонению перед античными образцами). Анри Этьен предпринял даже попытку продемонстрировать родство французского языка с греческим в «Диалоге о превосходстве французского языка»⁹ – впрочем, довольно быстро опровергнутую его современником Клодом Фоше. Однако постепенно, с третьей четверти XVI столетия, прослеживается склонность интеллектуалов обращаться за вдохновением не только к классической античности. Все большую ценность с точки зрения ученых обретало изучение вернакулярных, а не античных, истории и филологии. Тот же Анри Этьен почти одновременно с «Диалогом о превосходстве» опубликовал «Два диалога об итальянизированном и иначе искажаемом французском языке»¹⁰, в котором критиковал сложившуюся при дворе практику итальянизации французского и выступал за очищение языка, подчеркивая его самостоятельную ценность.

Зачастую один и тот же ученый создавал труды и по истории, и по языкознанию. Яркий пример подобного сочетания исторических и филологических штудий представляет Клод Фоше (1530–1602) – один из крупнейших французских эрудитов, в разные периоды жизни дипломат, магистрат, королевский историограф, которого еще в XX в. считали значительной

---

⁸ *Monferran J.-Ch.* Preface // *Du Bellay J.* La deffence... P. 14.

⁹ *Estienne H.* La Precellence du Langage françois. Paris: M. Patisson, 1579. 482 p.

¹⁰ *Estienne H.* Deux dialogues du nouveau langage françois italianizé et autrement desguizé. Genève, 1578. 340 p.

фигурой во французской медиевистике¹¹. Во второй половине XIX в. его исследование французской средневековой литературы и вовсе использовалось как актуальное учебное пособие¹², и до сих пор оно обладает определенной ценностью¹³. Тем не менее, сегодня Клод Фоше в основном остается на периферии внимания историков. Его наследие исследовалось в последней трети XIX – первой трети XX вв., однако говорить об исчерпанности темы пока рано, притом, что труды Фоше представляют богатый материал для исследования протонациональной проблематики во Франции раннего Нового времени.

К. Фоше известен своими работами по раннесредневековой истории Франции (все его труды были опубликованы посмертно в одном томе, который увидел свет в 1610 г.¹⁴), однако главным по значимости его произведением действительно можно считать «Сборник о происхождении французского языка и поэзии, рифмы и романов. А также названия и краткое изложение произведений 127 французских поэтов, живших до 1300 года»¹⁵, впервые увидевший свет в 1581 г. Он был

¹¹ *Samaran Ch.* Janet Girvan Espiner-Scott. Claude Fauchet. Sa vie, son œuvre. Paris, E. Droz, 1938. In-8°, XXXVIII–450 pages, ill. – Documents concernant la vie et les œuvres de Claude Fauchet. Ibid., 291 pages. Claude Fauchet. Recueil de V origine de la langue et poésie françoise. Rymes et Romans. Livre Ier, édité par J. G. Espiner-Scott. Ibid., 153 pages [compte-rendu] // Bibliothèque de l'école des chartes. 1939. Vol. 100. №1. P. 184–185. URL: http://www.persee.fr/docAsPDF/bec_0373-6237_1939_num_100_1_449191_t1_0184_0000_2.pdf. P. 184. (Дата обращения: 30.08.2017 г.)

¹² Fauchet (Claude) // Larousse. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. T. 8: F-G. Paris, 1865. P. 139.

¹³ *Samaran Ch.* Janet Girvan Espiner-Scott... P. 184.

¹⁴ *Fauchet C.* Les Œuvres de feu M. Claude Fauchet premier president en la cour des monnyes. Revues et corrigees en ceste derniere edition, suppléées & augmentées sur la copie, memoires & papiers de l'Autheur, de plusieurs passages & additions en divers endroits. A quoi ont encore esté adjoustees de nouveau deux Tables fort amples, l'une des Chapitres & sommaires d'iceux, l'autre des matieres & choses plus notables. Paris, 1610.

¹⁵ *Fauchet C.* Recueil de l'origine de la langue et poesie françoise, ryme et romans. Plus les noms et sommaire des œuvres de CXXVII. poetes François, vivans avant l'an M.CCC. Paris, 1581. 209 p.

переиздан в 1938 г. французской исследовательницей Жане Жирван Эпинэ-Скотт в виде третьего тома ее фундаментального труда, посвященного К. Фоше¹⁶, а затем переиздавался факсимильным способом в 1972, 1989 и 1990 г.

«Сборник», как и все произведения К. Фоше, написан на французском – притом, что его знаменитый современник Ж.-О. Де Ту все еще писал на латыни. Выбирая вернакулярный язык изложения, Фоше не только ориентировался на широкую читательскую аудиторию, но и сознательно вступал в ряды тех, кто воплощал в жизнь витавшие в обществе уже несколько десятилетий идеи о превращении французского в язык культуры и искусства. К. Фоше был прекрасно осведомлен о том, что происходило в то время с французским языком, упоминая и тех, кто «работает, дабы украсить наш французский язык и согласовать написание с произношением или же реформировать французскую поэзию в соответствии с поэтическим искусством... греков и римлян»¹⁷. В «Сборнике» содержится своеобразный манифест пишущего интеллектуального сообщества Франции той поры: «если ученые мужи продолжат записывать свои теории на народном (*vulgaire*) языке, это сможет вернуть нам былую славу: постоянно обогащая его через множество точных переводов греческих и латинских книг: но более... через стольких ученых особ, использующих силу своего живого ума к прибавлению французской поэзии»¹⁸.

Сам Клод Фоше на деле воплощал в жизнь идеи, которые декларировал. Говоря о ценности переводов античных книг на французский, он вместе с Этьеном Лапланшем работал над переводом трудов Тацита, который увидел свет на следующий год после «Сборника»¹⁹. Таким образом, он вполне добросовестно выполнял то, чего требовал от других современников: писал

¹⁶ Samaran Ch. Janet Girvan Espiner-Scott... P. 185.

¹⁷ Fauchet C. Recueil... P. 78.

¹⁸ Ibid. P. 48.

¹⁹ Les œuvres de Cornelius Tacitus, chevalier romain, traduites en françois / trans. Claude Fauchet, Etienne La Planche. Paris: Abel l'Angelier, 1582. 602 p.

трактаты по-французски и переводил на родной язык классиков; акцентируя внимание на необходимости «прибавления французской поэзии», он посвятил целый труд истории французского поэтического искусства. В том, что касалось высокой оценки поэзии как искусства, Фоше представлял собой весьма типичный для своей эпохи пример – она столь же высоко ценилась и другими интеллектуалами XVI в. Отдавая должное поэтическим достижениям своих современников, Фоше назвал Ронсара «принцем нашей французской поэзии»²⁰. Аналогичной точки зрения придерживались Блез де Виженер²¹, Жоашен дю Белле, Тома Себийе²² и другие их современники. Некоторые из их сочинений так же, как и работа Фоше, сопровождались своего рода краткими хрестоматиями; однако Фоше был единственным из всех, кто анализировал собственно французскую средневековую поэзию. Кроме того, любопытно, что К. Фоше упоминал о поэзии как об одном из «актов памяти», «*actes de memoire*»²³, что в очередной раз демонстрирует существование тесной связи между раннемодерным изучением языка, литературы и различных аспектов прошлого, а также говорит об их общей включенности в культуру памяти того времени.

Среди целей составления «Сборника», декларированных автором, особо подчеркивалась задача предоставить тем, кто занимается возрождением французского языка и поэзии с учетом греко-римских принципов, своего рода справочник французской поэзии периода ее расцвета (который, с точки

²⁰ *Fauchet C. Recueil...* P. 85.

²¹ *McGowan M.M. Interpreting the Past: the Commentaries of Blaise de Vigenère and 'l'enrichissement de nostre parler' // Conceptions of Europe in Renaissance France. Essays in Honour of Keith Cameron / ed. David Cowling. Amsterdam; New York; NY, 2006. P. 65.*

²² *Sébillet Th. Art poetique francoys, pour l'instruction des jeunes studieux, & encor peu avancez en la poésie francoyse: avec le Quintil Horatian sur la Defense & illustration de la langue françoise. Auquel est inséré à la fin un recueil de poésie françoise, pour plus facilement entendre ledict art. Paris, 1555. 118 f.*

²³ *Fauchet C. Recueil...* P. 49.

зрения Фоше, относился к периоду середины XII–XIII вв.)²⁴. Таким образом, французская поэзия оказывалась включенной в категорию классики, то есть того материала, без которого, по словам Фоше, было невозможно обновление современно-го ему французского языка. Для оживления языка Фоше рекомендовал также, соблюдая умеренность, возвращать в употребление забытые старофранцузские слова²⁵. В результате старофранцузский язык и средневековая французская поэзия должны были стать источником вдохновения для создания поэзии современной. В совокупности эти тезисы формировали идею ценности французских языка и литературы наравне с античными.

Мотив гордости собственной страной, собственным народом и его достижениями присутствовал во многих эрудитских сочинениях, даже когда речь шла о трагических аспектах современной авторам французской истории. Так, Религиозные войны, потрясавшие французское общество на протяжении долгих лет, воспринимались многими интеллектуалами как зло, которого следует избежать любыми способами. Тот же Фоше писал о Религиозных войнах, потрясавших французское общество на протяжении десятилетий, как об угрозе нового погружения страны во мрак Темных веков и варварства²⁶; подобные оценки обнаруживаются у многих его современников, особенно из партии «политиков». Однако подобные сетования не только не противоречат идее величия всего французского, но и в определенной мере подпитывают ее, подчеркивая, что Франции есть, что терять.

²⁴ *Fauchet C. Recueil...* P. 87.

²⁵ *Ibid.* P. 88.

²⁶ «...ученость погибает, как и эти благородные умы (Евтропий, св. Иероним, Августин и др. – *E. T.*): ибо все, что последовало – лишь варварство. И только во времена наших отцов она начала возвращаться к жизни, которая, однако, угрожает не быть долгой, если гражданские войны за религию продлятся еще несколько лет» // *Fauchet C. Antiquités gauloises et françoises.* Paris, 1579. F. 70 verso–71.

Присутствие на страницах «Сборника о происхождении французского языка и поэзии, рифмы и романов» мотива протонациональной гордости и даже чувства патриотизма вполне очевидно. Уже в посвящении королю Генриху III Фоше говорил, что книга была написана для «славы французского имени (*la gloire du nom François*)»²⁷, и будет приятна королю, поскольку он известен любовью к родине (*patrie*)²⁸. Здесь примечательно само употребление именно такого термина, который, как считается, вошел в широкое употребление значительно позднее, во второй половине XVII в. Мотив прославления родины встречался в исторических сочинениях многих эрудитов XVI–XVII вв., а восприятие труда по истории французского языка и поэзии как служащего «славе французского имени» – очередное свидетельство того, что язык и литература в раннемодерной Европе составляли важный и хорошо осознаваемый современниками элемент формировавшихся протонациональных идентичностей.

Свою концепцию о закономерностях изменений и распространения языков К. Фоше предварил выражением надежды на широкое распространение в ближайшем будущем французского языка, при этом отметив стремление Генриха III «изыскивать способы» поддерживать королевство «в мире и единстве»²⁹ – и это не было только церемониальным жестом выражения почтительности действующему монарху. Учитывая же ту важную роль, которую образ монарха играл в формировавшихся социо-политических и социокультурных идентичностях французов³⁰, можно также утверждать, что этот

²⁷ *Fauchet C. Recueil...* F. aij v.

²⁸ *Ibid.* P. aij.

²⁹ *Ibid.* F. aij v.

³⁰ Подробнее об этом см.: Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Издательство СПбГУ, 2021. 308 с.; Пронина Е. А. История на службе у короля и кардинала: отец и сын Дюшены // Клио. № 2 (53). 2011. С. 39–43; Пронина Е. А. «Отцы истории» Франции и Великобритании: Андре Дюшен

комплимент королю был непосредственно связан с идеей возвеличивания всего королевства и выражением патриотического чувства. Более того, авторитет королевской власти оказывался напрямую связан с развитием языков и литературы, потому что, согласно концепции Фоше, «языки усиливаются в той мере, в которой растет величие государей, которые на них говорят»³¹. Таким образом, рост власти французских государей становился (и эту мысль Фоше транслировал своим читателям) обязательным условием для развития и прославления французской учености, литературы и поэзии. Для Фоше была верна и обратная логика, то есть идея тождества славы языка и славы тех, кто на нем говорит: именно язык «сможет вернуть нам былую славу»³², – писал он в том же трактате.

Несмотря на внимание к созданию условий для процветания французского языка и литературы, для Фоше их слава являлась не только делом будущего, но и уже некогда бывшей данностью, свершившимся фактом. Он писал, что «было больше людей, ценивших наш язык, нежели теперь», и выражал надежду, что «к нашему языку будут стремиться другие народы, как это было некогда»³³. Более того, в «Сборнике» встречаются значительно более смелые претензии на международное значение французского языка и французской литературы в средневековом прошлом. К. Фоше писал, что в немецкой, испанской и даже итальянской литературах присутствовали

и Уильям Кэмден (к вопросу о зарождении национального историописания в странах Европы раннего нового времени) // Клио. № 2 (62). 2012. С. 86–88; Пронина Е. А. Этнокультурные идентичности в исторических сочинениях французских эрудитов и английских антиквариев (на материале наследия А. Дюшена и У. Кэмдена) // Нации и этничность в гуманитарных науках. СПб.: Алетейя, 2015. С. 372–379; Терентьева Е.А., Паламарчук А.А. Рождение национального историописания во Франции: труды и исторический метод Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 80–92.

³¹ *Fauchet C. Recueil...* P. 43.

³² *Ibid.* P. 48.

³³ *Ibid.*

значительные заимствования из средневековой французской, а именно из наследия «труверов, певцов, сказителей и жонглеров»: использовались придуманные ими сюжеты и даже стилистические находки. Фоше заявлял, что именно французской поэзией вдохновлялся Петрарка; а Боккаччо, учившийся в Сорбонне, обладал французской манерой речи и заимствовал несколько сюжетов своих новелл для «Декамерона» (сюжеты некоторых даже указываются вместе с их французскими авторами)³⁴. К. Фоше всячески подчеркивал связь французской литературы с итальянской, в частности, доказывая ее наличием в них одних и тех же поэтических жанров³⁵, но при этом не забывая продемонстрировать первенство французской. К. Фоше даже отверг бытовавшую версию изобретения рифмы итальянцами или испанцами в пользу провансальцев³⁶, то есть французов, и не без удовлетворения отмечал, что римляне в начале нашей эры отправляли детей изучать греческий не в Афины, а в Марсель³⁷. Таким образом, Фоше декларировал первенство французской словесности по отношению к итальянской ренессансной литературе, которая воспринималась и в тот момент, и в последующие эпохи как образец для любых вернакулярных литератур.

И все же, несмотря на всю значимость, которой с точки зрения Фоше обладала французская литература и французский язык, и то первенство во многих вопросах, которое он неоднократно им приписывал, соотнесение с классическими образцами и классической культурой оставалось для него весьма важным. Об этом свидетельствует его стремление выстроить преемственность между современной французской и античной культурой через язык в первой, лингвистической части своей работы. Фоше подчеркивал, что после римского завое-

³⁴ *Fauchet C. Recueil...* P. 47–49, 106, 162.

³⁵ *Ibid.* P. 47.

³⁶ *Ibid.* P. 69.

³⁷ *Ibid.* P. 40.

вания древнегалльский язык многое заимствовал из латыни, и к моменту прихода франков назывался «романда». Франки же, обладавшие более низким уровнем культуры, чем завоеванное население Галлии, вопреки законам распространения языков пожелали сами заговорить на языке побежденных. Таким образом, писал Фоше, в современном французском значительно больше романского, нежели германского³⁸. Это теоретическое построение эрудита тем интереснее, что в своей работе «Галльские и франкские древности» он указывал на преобладание франкского фактора во всех остальных сферах жизни французского общества после германского завоевания.

Как собственно язык и литература, так и их изучение в раннемоде́рной Франции играли значительную роль в процессе формирования французской протонациональной идентичности. Язык был одновременно предметом гордости, объектом применения интеллектуальных усилий по его улучшению и развитию, а также живым наследием великого французского прошлого, не уступающим ни древним классическим, ни современным итальянским образцам. Филологические и лингвистические штудии французских эрудитов были характерны как для собственно эрудитского интеллектуального течения, так и для формирования основ протонациональной французской идентичности с середины – второй половины XVI в. Следующее столетие принесет популярность новым темам исследований и добавит новые акценты в самовосприятие подданных французской короны.

---

³⁸ *Fauchet C. Recueil...* P. 26.

The erudite philological studies and the identity processes in sixteenth-century France: Claude Fauchet on the origin and the history of the French language

Терентьева Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Terenteva Ekaterina Anatolyevna – candidate of history, St Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034.

Аннотация. В XVI в. французский язык оказался объектом пристального внимания как со стороны королей Франции, так и со стороны сообщества французских интеллектуалов. 1539 г. стал точкой отсчета новой эпохи в его истории. Одновременно наблюдался всплеск работ по истории и теории французских языка, поэзии и прозы; началась работа по их реформированию. Объектом настоящего исследования стали дискурсивные практики французских эрудитов, ее предметом — наследие одного из крупнейших эрудитов XVI в. Клода Фоме. Его работа «Сборник о происхождении французского языка и поэзии, рифмы и романов. А также названия и краткое изложение произведений 127 французских поэтов, живших до 1300 года», опубликованная в 1581 г., представляет яркий пример сочетания филологических штудий с изучением прошлого и неоспоримое свидетельство восприятия языка как одного из ключевых элементов этнокультурной и этнополитической идентичности французов.

Ключевые слова: Клод Фоме, Франция, этнокультурная идентичность, эрудиты, язык, XVI в.

Abstract. In the sixteenth century French has become an object of attention of both French kings and the French intellectual community. The year 1539 might be considered as the beginning of a new era of the history of the French language. There has been a surge of works concerning the history and theory of the French language, poetry and prose which were also being reformed at the moment. This paper will focus on the French erudite discourse of the XVI-th century, and in particular on the heritage

of an eminent erudite Claude Fauchet. His paper “Recueil de l’origine de la langue et poesie françoise” published in 1581 provides a striking example of the link between the philological studies and the studies of the past, being a decisive testimony of the perception of the language as one of the key elements of the Early Modern French identities.

Key words: Claude Fauchet, erudites, ethno-cultural identity, France, language, sixteenth century.

Литература

Короленко О.И., Бухтина М.А. Институционализация Французской Академии посредством создания системы знаков власти // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2016/03/14445> (дата обращения: 11.11.2022).

Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Федоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Издательство СПбГУ, 2021. 308 с.

Пронина Е. А. История на службе у короля и кардинала: отец и сын Дюшены // Клио. № 2 (53). 2011. С. 39–43.

Пронина Е. А. «Отцы истории» Франции и Великобритании: Андре Дюшен и Уильям Кэмден (к вопросу о зарождении национального историописания в странах Европы раннего нового времени) // Клио. № 2 (62). 2012. С. 86–88.

Пронина Е. А. Этнокультурные идентичности в исторических сочинениях французских эрудитов и английских антиквариетов (на материале наследия А. Дюшена и У. Кэмдена) // Нации и этничность в гуманитарных науках. СПб.: Алетейя, 2015. С. 372–379.

Терентьева Е.А., Паламарчук А.А. Рождение национального историописания во Франции: труды и исторический метод Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 80–92.

Терентьева Е. А. Французское придворное историописание как форма манифестации королевской власти (конец

XVI –первая половина XVII в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. Т. 13 [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840018884-1-1/> (дата обращения: 11.11.2022).

Bermejo S.M. The Reception of Tacitus's Works in the Vernacular Languages of Europe, 16th–17th Centuries. Pisa: Plus-Pisa University Press, 2010. 158 p. (Doctoral dissertations; 15).

Boulard G. L'ordonnance de Villers-Cotterêts: le temps de la clarté et la stratégie du temps // *Revue historique*. № 609 (Janvier/Mars 1999). P. 45–100 (in French).

Du Bellay J. La deffence, et illustration de la langue Françoise & l'Olive, ed. par Jean-Charles de Monferran. Paris: Droz Publ., 2007. 390 p. (in French).

Fauchet C. Les Œuvres de feu M. Claude Fauchet premier president en la cour des monnyes. Revues et corrigees en ceste derniere edition, suppléées & augmentées sur la copie, memoires & papiers de l'Auteur, de plusieurs passages & additions en divers endroits. A quoi ont encore esté adjoustees de nouveau deux Tables fort amples, l'une des Chapitres & sommaires d'iceux, l'autre des matieres & choses plus notables. Paris: David Le Clerc, rue Frementel, au petit Corbeil, prez le puits Certain, 1610. 320 f. (in French).

Fauchet C. Recueil de l'origine de la langue et poesie françoise, ryme et romans. Plus les noms et sommaire des œuvres de CXXVII. poetes François, vivans avant l'an M.CCC. Paris: Mamert Patisson, au logis de Robert Estienne, 1581. Au Roy, Indice, Privilege, 209 p. (in French).

Fauchet C. Recueil des antiquitez Gauloises et Fançoises. Paris: chez Jacques du Puys, Libraire Juré, à la Samaritaine, 1579. Au Lecteur, Table, Privilege, 139 f. (in French).

Holmes U. T., Radoff M. L. Claude Fauchet and His Library // *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*. № 44. 1 (March 1929). P. 229–242.

Les œuvres de Cornelius Tacitus, chevalier romain, traduites en françois, trans. Claude Fauchet, Etienne La Planche. Paris: Abel l'Angelier, 1582. 602 p., Annotations.

McGowan M.M. Interpreting the Past: the Commentaries of Blaise de Vigenère and 'l'enrichissement de nostre parler' // Conceptions of Europe in Renaissance France. Essays in Honour of Keith Cameron, ed. David Cowling. Amsterdam; New York; NY: Rodopi Publ., 2006. 204 p. P. 55–76.

Samaran Ch. Janet Girvan Espiner-Scott. Claude Fauchet. Sa vie, son œuvre. Paris, E. Droz, 1938. In-8°, XXXVIII-450 pages, ill. – Documents concernant la vie et les œuvres de Claude Fauchet. Ibid., 291 pages. Claude Fauchet. Recueil de V origine de la langue et poésie françoise. Rymes et Romans. Livre Ier, édité par J. G. Espiner-Scott. Ibid., 153 pages [compte-rendu] [Electronic resource] // Bibliothèque de l'école des chartes, Vol. 100, N°1 (1939). P. 184–185. // Persee.fr [Site]. URL: http://www.persee.fr/docAsPDF/bec_0373-6237_1939_num_100_1_449191_t1_0184_0000_2.pdf.

Sébillet Th. Art poetique francoys, pour l'instruction des jeunes studieux, & encor peu avancez en la poésie françoise: avec le Quintil Horatian sur la Defense & illustration de la langue françoise. Auquel est inséré à la fin un recueil de poésie françoise, pour plus facilement entendre ledict art. Paris: la veuve François Regnault, 1555. 118 f. (in French).

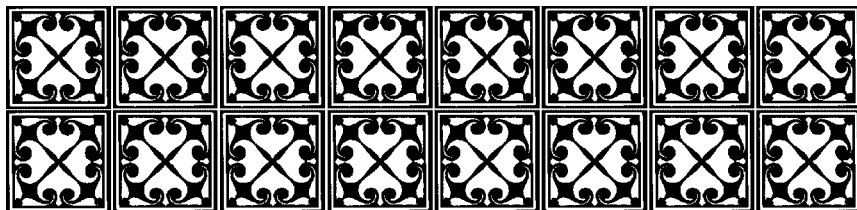
Soleil S. L'ordonnance de Villers-Cotterêts, cadre juridique de la politique linguistique des rois de France? // Colloque de Rennes des 7 et 8 décembre 2000 Langue(s) et Constitution(s) [Electronic resource] // Partages.univ-rennes1.fr (Site). URL: <http://partages.univ-rennes1.fr/files/partages/Recherche/Recherche%20Droit/Laboratoires/CHD/Membres/Soleil/Villers-Cotterets.pdf>.

The emergence of the modern language sciences. Studies of the transition from historical-comparative to structural linguistics in honour of E.F.K. Koerner, ed. Sheila Embleton, John E. Joseph,

Hans-Joseph Niederehe. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins Publ. Co., 1999. 311 p.

Thuau E. Raison d'Etat et pensée politique à l'époque de Richelieu. Paris: Albin Michel Publ., 2000. 504 p.

Walter H. La norme linguistique dans la dictionnaire de l'académie française // La linguistique. 2016. N°1. Vol. 52. P. 55–68. P. 55.

Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин

**От текста к знанию: Проблема достоверности
сочинений о морских путешествиях французских
мореплавателей Жака Картье (1492–1557)
и Андрэ Теве (1517–1592)**

Современное исследование представлений о мире и историческом описании в Западной Европе в целом и во Франции XVI века, в частности, на наш взгляд, не может не учитывать распространение и развитие новых географических знаний, появившихся у европейских мореплавателей в контексте путешествий в Новый Свет. Сочинения французских первопроходцев Жака Картье (1491–1557) и Андрэ Теве (1516–1590) стали одними из главных источников информации по плаваниям в Новый Свет и по географии земного шара. Данные сочинения хорошо известны исследователям эпохи Великих географических открытий, однако возможности их изучения далеко не исчерпаны.¹ Фактологическое содержание интересных

---

¹ *Копелев Д. Н.* Топонимика Нового Света и европейская экспансия XVI–XVII вв. // Известия русского географического общества. 2007. Т. 139, № 1. С. 67–74; *Акимов Ю. Г.* Французы на острове Принца Эдуарда в 10–30 гг. XVIII в. // Труды кафедры американских исследований. Сборник статей памяти Нины Павлевны Бахаревой. СПб., 2019; *Исаева Е. В.* Прецедентные феномены и образ «Новой Франции» // Канадский ежегодник. 2013. Вып. 17. С. 129–140; *Акимов Ю. Г.* «Укорениться в новых землях»: Попытки создания французских поселений в Канаде в последней четверти XVI в. // История. Общество. Политика. 2017. 2 (2). С. 21–29.

нас географических трудов хорошо известно и не вызывает сомнений. В настоящем исследовании нам хотелось бы обратиться к теме жанровых особенностей этих сочинений, поскольку традиционные подходы к ним кажутся устаревшими в результате развития современных достижений, основанных на нарратологии, деконструкции и конструирования текста. В частности, представляется, что эти источники надо исследовать в контексте сложившейся к XVI веку матрицы развития историописания, являвшейся неотъемлемой частью культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени. Если учесть всю сумму знаний о развитии историографии именно как системы особого свойства нарративов, из которых каждый соответствовал определенной стадии развития культуры, то, как нам хотелось бы показать, повествования о географических открытиях во Франции можно назвать полностью соответствующими концепции развития историографии и научного знания в целом. Современные представления позволяют говорить о географических сочинениях и описаниях Нового Света как соответствующих традиционным для XVI века стадиям в формировании историографического нарратива.

Мы не будем рассматривать *Esmeraldo de situ orbis* Хосе Мануэля Перейры, поскольку дата происхождения этого трактата не может считаться точно установленной, а история текста обладает рядом трудно объяснимых черт. Поскольку нас интересуют не столько сами географические открытия, сколько жанровые особенности изложения историй о них, то в настоящей статье мы не будем останавливаться и на информации о путешествиях Дж. Кабота (1450–1500) или Дж. Верразано (1485–1528), так как от них не осталось описаний от первого лица, а основные данные подтверждались только картами.² Мы ограничимся двумя французскими первооткрывателями, поскольку сочинения, оставшиеся от них или приписываемые

² Morison S. E. European Discovery of America: The Northern Voyages. Oxford, 1971. P. 490.

им, были написаны с учетом той традиции высокой средневековой учености, которая была характерна для Франции. Итак, сочинениями, на примере которых можно попытаться выявить закономерности в формировании жанра литературы о географических открытиях, были труды Жака Картье и следующего за ним по хронологии французского мореплавателя Андрэ Теве.³ В настоящей статье мы рассмотрим нарративные стратегии каждого из них, чтобы отметить, во-первых, особенности изменения и трансформации жанра в контексте перестройки западноевропейского общества, и во-вторых, связь этих изменений с формированием новой «европейской идеи» и новых концепций по репрезентации формирующихся национальных государств.

Наше исследование построено на предположении, что к жанру географических повествований следует подойти с той же точки зрения, с которой обращаются к истории развития жанров и методов в историописании в период перехода от позднего Средневековья к раннему Новому времени. По нашему мнению, жанр повествований о географических открытиях претерпел существенные изменения в XVI веке, повторив в своем развитии ступени, которые в целом прошла историография вышеупомянутого переходного периода. Новая концепция стадий развития историописания была построена с учетом основополагающих работ М. Фуко и принимала во внимание тот факт, что старое деление на Средневековье как время всемирных хроник и раннее Новое время как эпоху риторико-политического или эрудитского подхода к истории

³ *Cartier J.* Bref récit et succincte narration de la navigation faite en MDXXXV et MDXXXVI. Paris, 1545; *Cartier J.* Bref récit et succincte narration de la navigation faite en MDXXXV et MDXXXVI. Paris, 1863; *Histoire d'André Thevet Angoumois, cosmographe du Roy, de deux voyages par luy faits aux Indes Australes, et Occidentales* André Thevet; édition critique. Genève, 2006; *Thevet A.* A Cosmografia Universal De Andr'e Thevet Cosm'ografo Do Rei. 2009; *Thevet A.* André Thevet North America: A Sixteenth-Century View. Montreal, 1986.

в начале XXI века устарело.⁴ Специалисты в области философии истории отметили, что переход развития от историописания в Средние века к историописанию раннего Нового времени можно интерпретировать как переход от «истории-текста» к «истории-знанию».⁵ Это предполагало, что у современных историков поменялся подход к историям и историческим сочинениям XVI века, поскольку они стали искать различия не столько в теме (всеобщая христианская история или античная история как модель), сколько в форме презентации материала. «История-знание» предполагала, что авторы стремились обнаружить причинно-следственные связи, не относящиеся к идее божественного предопределения, и больше уделяли внимание точности в определении имен, дат, и т. п. Одновременно, как писал об этом М. Фуко, авторы XVI–XVII веков, потерявшие интерес к сравнению как основному методу анализа и изложения, пытались структурировать свои сочинения на основании эвристических, взятых из опыта принципов. Можно ли применить эту модель к описаниям путешествий французских мореплавателей в Новый Свет?

Путешествие Жака Картье было первой французской попыткой найти очертания нового континента, ранее открытого Колумбом в 1492 году.⁶ Картье родился в Сен-Мало в Бретани.

---

⁴ Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. М., 1977. 405 с.; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.

⁵ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история : в 2 т. М., 2003. С. 30–55; М. И., Полетаев А. В. Значение и смысл «истории» // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / под ред. И. М. Савельева. М., 2011. С. 199–153.

⁶ Cartier J. Bref récit et succincte narration de la navigation faite en MDXXXV et MDXXXVI; Cartier J. Bref récit et succincte narration de la navigation faite en MDXXXV et MDXXXVI; Ramé A., Michelant H. Relation originale du voyage de Jacques Cartier au Canada en 1534 : documents inédits sur Jacques Cartier et le Canada (ms. no. 5, portefeuille LVII de Fontette, Bibliothèque nationale, Paris). Paris, 1867; Hoffman B. Cabot to Cartier: Sources for a Historical

Он принадлежал к местной знати, которая уважала его как отважного моряка, и был призван Франциском I завершить исследование восточного побережья нового континента, начатое флорентийским исследователем Джованни де Верразано по заказу французского короля в 1524 году. Историки выдвигали версию, что, возможно, Картье участвовал в экспедиции Верразано, поскольку его не было в Бретани в период с 1524 по 1534 год.⁷ Однако эти чисто гипотетические предположения не подтверждаются документами и мало что добавляют к истории открытия северо-восточной части Северо-американского континента. Первое плавание Картье проходило в 1534 году. За лето команде корабля, на котором он путешествовал, удалось исследовать Ньюфаундленд, Лабрадор и залив св. Лаврентия с островами. Считается, что основной заслугой его путешествия с чисто географической точки зрения было описание залива св. Лаврентия, выполненное целиком, а не

Ethnography of Northeastern North America 1497–1550. Toronto, 1961. P. 131–167; *Dionne N.-E.* Vie et voyages de Jacques Cartier. 3-е изд. Qu'ebec, 1934 ; *Braudel F., Mollat du Jourdin M.* Le monde de Jacques Cartier : l'aventure au XVIe siècle. Paris, 1995. 316 p.; *Taillemite É.* Marins français à la découverte du monde : de Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999. 725 p.; *Taillemite É.* Dictionnaire des marins français (nouvelle édition revue et augmentée. Paris, 2002. 573 p.; *Gordon A.* The Hero and the Historians : Historiography and the Uses of Jacques Cartier. Vancouver, British Colombia, Canada, juillet/2010. 248 p.; *Soyez J.-M.* L'Amérique à portée de voile // Quand l'Amérique s'appelait Nouvelle-France (1608-1760). Paris, 1981. P. 15-46; *Gomez-Géraud M.-C.* Le procès d'une relation coupable. De quelques interprétations des récits de Jacques Cartier // Études françaises. 1986. T. 22, n° 2. P. 63-72; *Blashfield J. F.* Cartier: Jacques Cartier in search of the Northwest Passage. 2002; *Cartier J.* The Voyages of Jacques Cartier / ed. by R. Cook. Toronto, 1993; *Greene M.* Jacques Cartier: Navigating the St. Lawrence River. 2004; *Guitard M.* Jacques Cartier in Canada. Ottawa, 1984; *Trudel M.* The Beginnings of New France, 1524–1663. Toronto, 1973; *Gordon A.* The Hero and the Historians: Historiography and the Uses of Jacques Cartier; *Brezina C.* Jacques Cartier: Navigator Who Claimed Canada for France. New York, 2016.

⁷ *Lancot G.* Jacques Cartier devant l'histoire. Montréal, 1947. P. 55.

фрагментарно, как у других путешественников.⁸ Стоит отметить, что многие из земель этой части Северной Америки позже считались открытыми не Жаком Картье: в 1497 году Джованни Каботто, также известный как Джон Кабот (1450–1500) мог высадиться на восточной оконечности полуострова Авалон острова Ньюфаундленд в рамках экспедиции, заказанной английским королем Генрихом VII. Правда, это могло быть легендой, принесенной английскими поселенцами. В 1520 году, как считается, Жоао Альварес Фагундес высадился на островах, которые сегодня называются Сен-Пьер и Микелон.⁹ Именно там в 1536 году в рамках своей второй экспедиции ненадолго высадился Жак Картье, который объявил этот остров принадлежащим Франции. Второе и третье путешествия в 1535–1536 и 1542 годах дали больше информации о Северной Америке и в частности показали, что река св. Лаврентия ведет к Великим озерам. У Картье было несколько контактов с аборигенами в рамках обоих путешествий. В целом экспедиция была успешной и заложила основы французского присутствия в Новом Свете.

Сразу отметим, что состояние источниковой базы по путешествиям Жака Картье оставляет желать лучшего. Отчет, составленный от имени Жака Картье, сохранился только о первом путешествии. Он датируется 1545 годом, был опубликован в 1565 году итальянцем Рамузио, затем его издал

⁸ Voyages de découverte au Canada entre les années 1534 et 1542 par Jacques Cartier, Le Sieur de Roberval, Jean Alphonse de Xantoigne. Quebec, 1843. P. 3.

⁹ Hoffman B. Cabot to Cartier: Sources for a Historical Ethnography of Northeastern North America 1497–1550. P. 25 ; 1516–1521. Descobertas de Joao Alvares Fagundes // Archivo dos Acores. 1882. T. IV. C. 466–67; Bettencourt E. A. de. Descobrimentos, guerras e conquistas. Lisboa, 1881. C. 132–35; Morison S. E. European Discovery of America: The Northern Voyages. P. 228–231; Cortes~ao A. Cart'ografia e cart'ografos portugueses dos s'eculos XV e XVI: в 2 т. Lisboa, 1935. I, c. 287–288; Harris H. The discovery of North America: a critical, documentary, and historic investigation, with an essay on the cartography of the new world. London, 1892. P. 182–88.

по-английски Флорио в 1580 году и только потом он вышел во Франции у издателя Рафаеля дю Пти-Валя в 1598 году. Рукопись BN coll. Moreau 841, к сожалению, является только копией исчезнувшего на настоящий момент оригинала. Описание второго путешествия было напечатано в 1545 году, но без указания имени автора. Существуют 3 рукописи с отчетом о втором путешествии: BN fr. 5589 (которую некоторые считали оригиналом), BN fr. 5644 (неполная и с ошибками) и BN fr. 5653 (опубликована в 1843 году). На данный момент исследователи уверены, что ни одна из них не является оригиналом и что мы имеем дело только с копиями.¹⁰ Сообщение о третьем путешествии Жака Картье было известно только Ричарду Хаклюйту, который видел его в 1583 году и издал его в 1600 году.¹¹ Таким образом, в отношении первого и второго путешествий мы имеем, на самом деле, ряд проблемных рукописных источников и старопечатных книг, а о третьем путешествии мы знаем только из упомянутого Ричардом Хаклюйтом отчета. Таким образом, приходится признать, что описание путешествий Жака Картье строится на источниках, являющихся попытками закрепить память о событии через много лет после самого события, поэтому его описание должно попасть в категории записанной памяти, а не отчета по непосредственно наблюдавшимся событиям. Это можно объяснить тем, что мореплаватели той эпохи могли и не вести детальные судовые журналы при плавании в неизвестные земли.

Рассмотрим текст отчета Жака Картье о первом плавании не просто с точки зрения информации о путешествии, но как повествование, в формах нарратива которого можно попытаться найти определенную стратегию рассказа или идею автора. Заметим, что рассказ был действительно техническим отчетом: в нём путь корабля и в особенности география

¹⁰ *Le Blant R.* Les écrits attribués à Jacques Cartier // *Revue d'histoire de l'Amerique francase.* 1961–62. Vol. XV. P. 90–103.

¹¹ *Ibid.*

точек остановки, а также события в жизни экспедиции, как-то встреча с аборигенами, описывались максимально четко для того, чтобы не вызвать сомнений в искренности писавшего. Важной темой для Картье были контакты с местным населением. Но как и следовало ожидать от моряка, в сочинении был хорошо описан маршрут кораблей и показано, как капитан попытался исследовать Ньюфаундленд (пойдя на северо-восток), увидел неуютные скалы, и затем повернул на запад в устье реки св. Лаврентия. В этом смысле Жак Картье делал все, чтобы объяснить логику мореплавателей наиболее понятным для читателей образом. Его сочинение служило одной цели: объяснить людям, не знакомым с особенностями мореходства, логику путешествия, в котором мореплаватели практически не высаживались на берег и не искали «северо-восточного прохода» вокруг Северной Америки в Индию и Китай, а ограничивались лишь обзором побережья залива св. Лаврентия. Он описал три случая, когда исследователи имели возможность пообщаться с аборигенами, сообщая каждый раз только минимум информации о названии места, о его местоположении, в то время как информация об аборигенах была сведена к минимуму. Целью отчета Жака Картье было показать, что навигация в неизвестной ранее части океана и вдоль берегов неизвестного континента сама по себе представляет собой значительное достижение. Представляется, что с учетом всех требований к морякам и капитану на парусном корабле составлять описание всего увиденного было достаточно сложно.

Суммируя вышесказанное, мы можем отметить, что описания путешествий Жака Картье во-первых, страдают от проблем с аутентичностью, поскольку ни оригинальных книг, ни рукописей не осталось, а во-вторых, характеризуются скорее как довольно сумбурные записки моряка, а не первооткрывателя или этнографа как такового.¹² Возможно, это случилось

¹² Gomez-Géraud M.-C. Le procès d'une relation coupable. De quelques interprétations des récits de Jacques Cartier. P. 63.

из-за записи устных рассказов или из-за проблем с передачей рукописной традиции, или при редактировании печатного текста.

Андрэ Теве представлял собой совершенно другой случай. В 1537 году он совершил морское путешествие в Левант и плывал около 5 лет. Он сообщал, что совершил путешествие в Новый Свет в 1550 году с капитаном Гильомом Тесту, но сейчас это утверждение считается ложным. С 1555 по 1556 год Теве был казначеем вице-адмирала Бретани Вийганьона (Villegaignon) в Бразилии, куда тот прибыл, чтобы создать французскую колонию. Получив должность персонального казначея (*aumonier*) при Марии Медичи, Андрэ Теве затем стал королевским историографом и космографом. Он прослыл компилятором и псевдо-ученым, который без разбору записывал практически все, что мог найти. Считается, что многое он заимствовал из описаний других путешественников и от аборигенов Северной Америки, которые были привезены в Европу Жаком Картье. О путешествии в Новый Свет Теве оставил два текста: «*Le grand insulaire et pilotage d'André Thevet...*» (BN Ms. Fr. 15452–53) и *Les singularitez de France Antarctique...*¹³ Интересно, что Андрэ Теве начал описывать свои путешествия тогда, когда книга Жака Картье только что вышла. Исследователи обращают на данный факт внимание, поскольку получилось, что эти два сочинения стали конкурировать за внимание читателей. Возникает вопрос, не мог ли Теве позаимствовать у Картье каких-либо сведений о Новом Свете? И действительно,

¹³ *Gaffarel P.* André Thevet / sous la dir. de P. Gaffarel. Paris. P. v-xxxiii; *Thevet A.* Les singularitez de la France Antarctique. Paris; *Thevet A.* Les singularitez de la France Antarctique / sous la dir. de P. Gaffarel. Paris; *Thevet A.* Cosmographie universelle. Paris, 1575; *Thevet A.* Cosmographie D'Andre Thevet 1575 / sous la dir. d'A. Matthew. Marlborough, Wiltshire, 2019; *Thevet A.* André Thevet North America: A Sixteenth-Century View; *Thevet A.* A Cosmografia Universal De Andr'e Thevet Cosm'ografo Do Rei; *Histoire d'André Thevet Angoumoisins, cosmographe du Roy, de deux voyages par luy faits aux Indes Australes, et Occidentales André Thevet; édition critique.*

уже в XVI веке стало известно, что Теве не написал всего, что ему приписывалось. Но одновременно, стоит отметить, что сочинение Теве было уже компилятивной космографией, а не описанием отдельного путешествия. В своем труде он пытался дать больше информации в виде описаний географических особенностей открытых территорий именно как частей единого целого, т. е. всего мира.¹⁴ Его сочинение уже не было попыткой моряка рассказать о своем плавании, но представляло собой проект по созданию полноценной картины открытия двух, а не одного, новых континентов. В тоже время, исследователи текста Андре Теве отмечают, что он включил в свое повествование описания тех берегов Северной Америки, у которых он никогда не был, но которые в свое время прошел Дж. Верразано в 1524 году. Он описывал свой маршрут так, как будто корабли по возвращению в Европу пошли не самым быстрым путем в направлении Западной Африки, а совершили проход вдоль береговой линии Северной Америки, т. е. там, где в 1520 году прошли суда экспедиции Дж. Верразано.

Таким образом, началом эпохи повествований о географических открытиях во Франции был отчет о путешествиях Жака Картье, который показал свою высокую образованность и специальную морскую подготовку. В сочинении же Андре Теве можно отметить переход от последовательного нарратива к попытке создания энциклопедии по новым географическим открытиям и по островам мира. Нам представляется, что процесс сдвига интереса путешественников от описания отдельных событий в рамках времени «короткой протяженности» (например, первых путешествий в Северную Америку Жака Картье), до описания уже более длительных периодов в несколько десятилетий (как это было у Андре Теве) можно

¹⁴ Destombes M. André Thevet (1504–1592) Et Sa Contribution À La Cartographie Et À L'océanographie // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Section B. Biology. 1972. T. 72, éd. 1. P. 123–131; Thevet A. Le Brésil d'André Thevet: Les singularitez de la France Antarctique, 1557. 2011.

вполне истолковать в рамках цикла перехода от «истории-текста» к «истории-знанию», поскольку простое повествование от имени мореплавателя сменилось компиляцией из разных источников. Знание, а не целостность нарратива, стало настолько важным, что Андрэ Теве был готов рисковать своей репутацией, но все-таки создать космографию именно как источник, энциклопедию сведений по мореплаванию. Как нам представляется, французские путешественники и географы, по-видимому, были более связаны историографической традицией позднего Средневековья и раннего Нового времени, чем путешественники других стран, описывавших свои плавания.

From Text to Knowledge: Veracity and Authenticity in Jacques Cartier's (1492–1557) and André Thevet's (1517–1592) Travel Narratives

Кулешова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия).

Старостин Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Россия).

Аннотация. Началом эпохи повествований о географических открытиях во Франции был отчет о путешествиях Жака Картье (1491–1557) и сочинения Андрэ Теве (1517–1592). В них можно отметить переход от последовательного нарратива к попытке создания энциклопедии по новым географическим открытиям. Нам представляется, что процесс сдвига интереса путешественников от описания отдельных событий в рамках времени «короткой протяженности»

(например, первых путешествий в Северную Америку Жака Картье), до описания уже более длительных периодов в несколько десятилетий (как это было у Андрэ Теве) можно вполне истолковать в рамках цикла перехода от «истории-текста» к «истории-знанию», поскольку простое повествование от имени мореплавателя сменилось компиляцией из разных источников. Как нам представляется, французские путешественники и географы, по-видимому, были более связаны историографической традицией позднего Средневековья и раннего Нового времени, чем путешественники других стран, описывавших свои плавания.

Ключевые слова: Жак Картье, Андрэ Теве, история Великих географических открытий, Канада, историография.

Abstract. The report of Jacques Cartier (1491–1557) about his expedition to North America and two books of André Thevet (1517–1592) were the beginning of geographical genre in early Modern France. One may find in them, we argue, an apparent shift from a linear narrative to the attempt to create a geographical encyclopedia about the new lands. We argue that one may justify this turn from the «short-duration» reports, to the description of the periods of «longue durée» in the geographical exploration can be interpreted within the concept of M. Foucault, I. M. Savel'eva and A. V. Poletaev that postulated this time to be that of the shift from «history as a narrative» to «history as knowledge», because a seaman's report on his voyages was replaced by a compilative encyclopedia that contained all available knowledge even though it was «borrowed» by A. Thevet from various sources without acknowledging it. Thus we suggest that French seaman and geographers were influenced in their texts by the traditions of historiography and of approaches to science that had long taken hold in France.

Keywords: Jacques Cartier, André Thevet, Great geographical discoveries, Canada, historiography.

Список литературы

Акимов Ю.Г. «Укорениться в новых землях»: Попытки создания французских поселений в Канаде в последней четверти XVI в. // История. Общество. Политика. 2017. 2 (2). С. 21–29.

Акимов Ю. Г. Французы на острове Принца Эдуарда в 10–30 гг. XVIII в. // Труды кафедры американских исследований. Сборник статей памяти Нины Павлевны Бахаревой. СПб., 2019.

Исаева Е. В. Прецедентные феномены и образ «Новой Франции» // Канадский ежегодник. 2013. Вып. 17. С. 129–140.

Копелев Д. Н. Топонимика Нового Света и европейская экспансия XVI–XVII вв. // Известия русского географического общества. 2007. Т. 139, № 1. С. 67–74.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Значение и смысл «истории» // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / под ред. И. М. Савельева. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 199–153.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история : в 2 т. М. : Наука, 2003.

Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгин, Н. С. Автономова. М. : Прогресс, 1977.

Bettencourt E. A. de. Descobrimentos, guerras e conquistas. Lisboa, 1881.

Blashfield J. F. Cartier: Jacques Cartier in search of the Northwest Passage. Compass Point Books, 2002.

Braudel F., Mollat du Jourdin M. Le monde de Jacques Cartier : l'aventure au XVIe siècle. Paris : Berger-Levrault, 1995.

Brezina C. Jacques Cartier : Navigator Who Claimed Canada for France. New York : Rosen Publishing, 2016.

Cartier J. Bref récit et succincte narration de la navigation faite en MDXXXV et MDXXXVI. Paris, 1545.

Cartier J. Bref récit et succincte narration de la navigation faite

en MDXXXV et MDXXXVI. Paris : Librairie Tross, 1863.

Cartier J. The Voyages of Jacques Cartier / ed. by R. Cook. Toronto : University of Toronto Press, 1993.

Cortesao A. Cartógrafia e cartógrafos portugueses dos séculos XV e XVI : en 2 v. Lisboa, 1935.

Descobertas de Joao Alvares Fagundes 1516–1521 // Archivo dos Açores. 1882. Vol. IV. P. 466–67.

Destombes M. André Thevet (1504-1592) Et Sa Contribution À La Cartographie Et À L'océanographie // Proceedings of the Royal Society of Edinburgh. Section B. Biology. 1972. T. 72, éd. 1. P. 123–131.

Dionne N.-E. Vie et voyages de Jacques Cartier. 3rd edition. Québec, 1934.

Gaffarel P. André Thevet / sous la dir. de P. Gaffarel. Paris : Maisonneuve. P. v-xxxiii.

Gomez-Géraud M.-C. Le procès d'une relation coupable. De quelques interprétations des récits de Jacques Cartier // Études françaises. 1986. V. 22, no 2. P. 63–72.

Gordon A. The Hero and the Historians : Historiography and the Uses of Jacques Cartier. Vancouver, British Colombia, Canada : UBC Press, juillet/2010.

Greene M. Jacques Cartier: Navigating the St. Lawrence River. Rosen Central, 2004.

Guitard M. Jacques Cartier in Canada. Ottawa : National Library of Canada, 1984.

Harris H. The discovery of North America: a critical, documentary, and historic investigation, with an essay on the cartography of the new world. London, 1892. P. 182–88.

Histoire d'André Thevet Angoumois, cosmographe du Roy, de deux voyages par luy faits aux Indes Australes, et Occidentales André Thevet; édition critique. Genève : Droz, 2006.

Hoffman B. Cabot to Cartier: Sources for a Historical Ethnography of Northeastern North America 1497–1550. Toronto : University of Toronto Press, 1961.

Lanctot G. Jacques Cartier devant l'histoire. Montréal, 1947.

Le Blant R. Les écrits attribués à Jacques Cartier // Revue d'his-

toire de l'Amerique française. 1961–62. Vol. XV. P. 90–103.

Morison S. E. European Discovery of America: The Northern Voyages. Oxford : Oxford University Press, 1971.

Ramé A., Michelant H. Relation originale du voyage de Jacques Cartier au Canada en 1534 : documents inédits sur Jacques Cartier et le Canada (ms. no. 5, portefeuille LVII de Fontette, Bibliothèque nationale, Paris). Paris : Tross, 1867.

Soyez J.-M. L'Amérique à portée de voile // Quand l'Amérique s'appelait Nouvelle-France (1608–1760). Paris : Fayard, 1981. P. 15–46.

Taillemite É. Marins français à la découverte du monde : de Jacques Cartier à Dumont d'Urville. Paris, 1999.

Taillemite É. Dictionnaire des marins français (nouvelle édition revue et augmentée. Paris : éditions Tallandier, 2002.

Thevet A. Cosmographie universelle. Paris : Pierre d'Huillier, 1575.

Thevet A. André Thevet North America: A Sixteenth-Century View. Montreal : McGill-Queen's University Press, 1986.

Thevet A. A Cosmografia Universal De André Thevet Cosmógrafo Do Rei. Fundação Darcy Ribeiro, 2009.

Thevet A. Le Brésil d'André Thevet: Les singularitez de la France Antarctique, 1557 / Ed. F. Lestringant. Paris: Chandeigne, 2011.

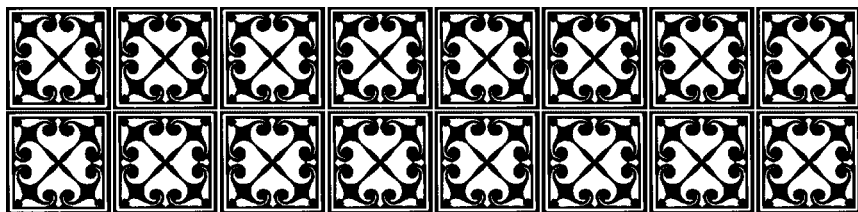
Thevet A. Cosmographie d'André Thevet 1575 / sous la dir. d'A. Matthew. Marlborough, Wiltshire : Adam Matthew Digital, 2019.

Thevet A. Les singularitez de la France Antarctique. Paris : Chez les heritiers de Maurice de la Porte, S. Claude, 1558.

Thevet A. Les singularitez de la France Antarctique / sous la dir. de P. Gaffarel. Paris : Maissonneuve.

Trudel M. The Beginnings of New France, 1524–1663. Toronto : McClelland, Stewart, 1973.

Voyages de découverte au Canada entre les années 1534 et 1542 par Jacques Cartier, Le Sieur de Roberval, Jean Alphonse de Xantoigne. Quebec : William Cowan et fils, 1843.

И. А. Краснова

Законы и практики их применения в оценках граждан Флорентийской республики (конец XIII–XIV вв.)

В рефлексиях жителей города на Арно по поводу коммунального законодательства значительное внимание уделялось законам в разного рода записях и кодексах. Интерес к законодательно-правовым темам объяснялся рядом обстоятельств. Во-первых, социально-политическая неустойчивость являлась неотъемлемой чертой всех коммунальных сообществ средневековой Италии, что приводило к частой смене политических режимов, а также партий и группировок, приходящих к власти и неизбежно производящих реформы законодательной системы. Американский историк XX века Дж. Брукер, рассматривая флорентийское законодательство и судебную систему, отмечал несколько важных обстоятельств: быстрое устаревание принятых статутов из-за выхода новых законов, трансформировавших конституциональную структуру¹. Когда принимались новые законы, старые не всегда упразднялись, продолжая

---

¹ См.: *Brucker G.A. Florentine Politics and Society. 1343–1378. Princeton. 1962. P. 58.* Брукер прежде всего имел в виду слабость и неустойчивость самой законодательной базы, непостоянство статутов, принятых в XIV в.: кодификации статутов 1328, а затем 1355 г.

сосуществовать рядом с вновь введенными. В XIII в. сменялись партийные режимы гвельфов и гибеллинов, переплетаясь с противостояниями народа, объединенного в цехи (пополаны, от *popolo* – народ), и знати, владельцами земель и замков, «мастерами войны» (гранды – могущественные, основным занятием которых считалась война)². Пополаны окончательно пришли к власти в 1293 г. тогда как партийные антагонизмы продолжались между белыми и черными гвельфами вплоть до окончательной победы черных гвельфов в 1301–1302 гг.³. После 40-а лет относительной устойчивости социально-политической ситуации раздоры между пополанами и грандами привели к установлению диктатуры Готье де Бриенна, герцога Афинского, продолжавшейся 11 месяцев (1342–1343 гг.), когда преобладали гранды, а после его свержения вновь установилось народное правление⁴. Затем наступила относительная социально-политическая стабильность, в 1358 г. сменившаяся противостоянием между диктаторским правлением глав партии гвельфов (архигвельфами) и большинством общества Флоренции, приведшее в июле 1378 г. к восстанию городских низов – чомпи, окончившемуся преобладанием в правлении членов младших цехов, продолжавшимся до февраля-марта 1382 г. После свержения диктатора младших цехов в город вернулись архигвельфы и обществу пришлось противостоять их попыткам снова утвердить диктатуру вплоть до конца 90-х гг. XIV в. Все эти смены режимов сопровождались изменениями коммунального законодательства.

Дж. Брукер, характеризуя судебную-правовую систему флорентийской республики, подчеркивал также фактор соци-

² См.: Юсим М. А. Хроника гражданской смуты эпохи Данте // Компаньи Дино. Хроника событий случившихся в его время / Пер. с ит. М.А. Юсима. С. 17–21. См. также: Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и примечания М.А. Юсима. М., 1997. 7. 14–16. С. 209–212.

³ См: Компаньи Д. Хроника. I. 27. С. 106–107; II. 2–23. С. 109–154; Виллани Дж. Новая хроника. 8. 49. С. 238–241.

⁴ Виллани Дж. Новая хроника. XII. 1–22. С. 397–424.

ально-имущественного неравенства граждан перед судом. Богатые нанимали компетентных адвокатов, могли запугать свидетелей или подкупить должностных лиц, поэтому члены знатных и богатых флорентийских семейств, обвиненные в преступлениях, часто выпускались на волю после того как свидетели отказывались давать показания против них⁵. Слабость флорентийской системы правосудия Дж. Брукер видел в той легкости, с которой преступники могли бежать из города, а позже договориться о прощении или уменьшении меры наказания⁶, в результате чего, если именитого гражданина официально приговаривали к смерти, его голова редко выставлялась на плахе. Даже самые ужасные преступления могли быть прощены с разрешения властей. Например, Андреа дельи Строцци, приговоренный к смерти в 1343 г. за руководство попыткой восстания против политического режима, избежал наказания, и спустя 15 лет был все еще жив и свободен, находясь в городе, пока в 1359 г. его снова не осудили за грабеж⁷.

Неудивительно, что правовое поле республики постоянно балансировало на грани хаоса, не отличаясь определенностью и неизменностью, а коммунальное общество вряд ли можно считать в полном смысле этого слова правовым и законопослушным. Джованни Виллани в своей хронике высказывал не-

---

⁵ *Brucker G. Florentine Politics. P. 62.* Записи уголовных судов полны обвинений, которые были аннулированы из-за недостатка улик. Например, в январе 1368 г. Леонардо ди Никколо Фрескобальди был обвинен в нападении на Джованни ди Франческо Магалотти, но освобожден, когда все вызванные свидетели обвинения отреклись давать какие бы то ни было показания о нападении

⁶ *Brucker G. The Medici in the Fourteenth Century // Speculum. XXXII. 1957, P. 13;* Дж. Брукер утверждал, что такой способ обычно использовался отдельными лицами, имевшими деньги и влиятельных друзей. Часты случаи, когда семейство обеспечивало отмену приговора для обвиняемого (Например, был отменен смертный приговор в отношении Андреа ди мессер Аламманно де Медичи. Этот автор указывал, что из 5-и членов семейства Медичи, приговоренных к смерти между 1343 и 1360 гг., ни один не был казнен.

⁷ *Brucker G. Florentine Politics. P. 64.*

довольство неустойчивостью флорентийских законов: «Наш поэт Данте Алигьери укорял флорентийцев за непостоянство в 6-й песне «Чистилища» своей Комедии»⁸.

Смены режимов сопровождались периодами гражданской войны, беззакония и произвола. Флорентийский гибеллин Нери Стринати повествовал о том, «как Карл Валуа, брат короля Франции Филиппа IV Красивого, вошел во Флоренцию 27 октября 1301 г., а 2 ноября город подвергся грабежу и погромам домов гибеллинов и белых гвельфов: «Контадо было разграблено и сожжено, как я говорил... Люди дома делла Тоза со знаменем и их гербами пришли в наш дом на Старом Рынке ночью... и разграбили его, взяв все, что они там нашли; а мы вечером снесли туда вещи из многих домов; и эту маснаду послали мессер Одальдо и мессер Розилино делла Тоза. До того, когда мы были ограблены, мессер Одальдо послал предупредить наших женщин, чтобы нас, мужчин, там не было, чтобы мы спрятались (укрылись) накануне вечером, и так в один миг был разорван наш мир с сыновьями делла Тоза»⁹. Но погромы несчастной семьи в эту ночь еще не закончились: «Тогда же пришла к нам в дом маснада Медичи., и Аверардо де Медичи тоже посылал предупредить наших женщин. Я не желал бы писать о том, что в эту ночь они оставили нагими детей, мальчиков и девочек, на их матрасах, и унесли их одежду и покрывала, чего не делали даже сарацины в Акре, творящие и худшие дела». Естественно, любая, пусть даже ограниченная

⁸ *Виллани Дж.* Новая хроника. 12. 19. С. 419. Он приводил широко известные слова Данте: «Тончайшие уставы, мастера, Ты в октябре примеришь их, бывало, и сносишь к середине ноября». См.: *Данте А.* Божественная Комедия. Чистилище. VI. 142–144.

⁹ *Strinati N.* Cronichetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati // *Storia della Guerra di Semifonne*, scritta da mess. Pace da Certaldo e chronichetta di Neri degli Strinati. Firenze, 1753, P. 115–116. Автор с благодарностью вспоминал своего соседа Пинуччо ди Нанни, который старался заступиться за них... «а также много сделал, чтобы сохранить и отдать нам по своей доброте наши вещи», которые мы бы утратили.

сила сдерживающего закона должна была цениться выше, чем самочинные расправы, погромы, открытое сведение счетов.

О последнем столь же выразительно повествовал Нери Стринати: «Когда мессер Россо делла Тоза стал должностным лицом над гибеллинами, отказавшимися подчиниться коммуне, у нас были разрушены три дома сыновей Маработтини..., и заставил он разрушить дом на вилле Скандиччо ди Бальдо, изрубить виноградник и фруктовые деревья, а также захватил чаны и другой домашний скarb, отправив все это в свой дом; а прежде были мессер Брунетто де Брунеллески и мессер Арриго ди мессер Россо, не желавшие проявить никакой жалости»¹⁰. Такого рода описания часто встречаются в хрониках, семейных книгах и переписке флорентийских граждан.

Тем не менее погромы белых гильфов и гибеллинов, как и последующие, часто сопровождались одной упомянутой Нери Стринати деталью: в обоих случаях враги, желающие свести счеты, воспользовавшись своим преимуществом в сложившейся политической ситуации, предупреждали своих жертв о том, что их ожидает. Здесь, видимо, имел место элемент семейного права – закон вендетты, обозначающий не разбой, но месть.

Современный итальянский исследователь Андреа Дзорци отмечал значение семейного права и обычая вендетты в системе флорентийского правосудия: «Конфликтные практики и способы их решения не оставляли места только прогрессирующему утверждению публичного права, но являлись частью более комплексного процесса социального взаимодействия, который давал место множеству социальных практик и институциональных конфигураций. Ясно, что судебный плюрализм соответствовал наступлению эволюции городского итальянского общества, комплексного по разнообразию фамильных и социальных групп, которые его структуриро-

¹⁰ *Strinati N. Cronicchetta di Neri di Alfieri...* P. 116.

вали, по артикуляции общественных форм, которые создавали его тело, по экспериментированию в области решений социальной интеграции и институциональной конфигурации сил, действующих внутри его, по богатству культурной работы, которая сопровождала его трансформацию между XII и XIV веками». Как полагал историк, «рассматривать следует не только процессуальную фазу юстиции, деятельность трибуналов и магистратур, но также и те внесудебные практики и не санкционированные практики, которые с ней интегрировали, что позволит очертить более богатый кадр городского общества позднего средневековья»¹¹. Семейное право во многих случаях преобладало над коммунальными законами. Не удивительно поэтому, что многие судебные казусы решались по традициям вендетты или давних обычаев. Таким образом, вряд ли стоит утверждать, что городской социум представлял собой сложившееся правовое общество. Механизм формирования законов отличался сложностью и неустойчивостью, предопределенной кратковременностью полномочий должностных лиц Синьории, находящихся у власти в данном составе всего лишь 2 месяца. Многие законы так и оставались проектами, изложенными в петициях, поскольку их начинала рассматривать Синьория в одном составе, на смену которой приходили другие, которые откладывали законопроект или вовсе отвергали его. Законодательной инициативой в республике обладали не только должностные лица Синьории, но и большое число граждан.

Согласно данным итальянского историка и правоведа Гвидубальдо Гвиди процесс утверждения закона был достаточно громоздким: после того как новые законы были предложены, их приводил в систему в соответствии с кано-

---

¹¹ Zorzi A. Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // *Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age* (Actes du colloque international), Avignon, 2001./ a cura di J. Chiffolleau – C. Gauvard – A. Zorzi. Distribuito in formato digitale da “Reti Medievali”. P. 3–4.

нами юридической науки специальный нотариус Синьории (Riformagione). Затем законы утверждала Синьория, которая потом выносила их на голосование в Советах Народа и Коммуны. В случае одобрения Советами они внедрялись в практику. Процесс был настолько затяжным, что в 1408 г. решили упростить его, ограничив голосование за проект закона в Советах Народа и Коммуны до 15 раз. Но тут же и усложнили: с 1410 г. ввели апробацию еще на Совете Двухсот. На разных этапах прохождения законопроекта требовалось разное большинство голосов: Гонфалоньер справедливости и Приорат должны были утверждать закон абсолютным большинством голосов (8 из 9), от 16-и Гонфалоньеров компаний и «12-и добрых людей» требовалось подать за него 2/3 голосов. После 1325 г. статуты Флоренции подвергались ревизии трижды в год, чтобы изъять из обращения те законы, которые уже изжили себя¹². Путь от законопроекта к закону был долг и тернист, законы часто менялись. Вряд ли возможно в таких условиях говорить о диктате закона в гражданском обществе Флоренции в конце XIII – начале XV в.

В данном случае нас интересует, каким образом переживали и осмысливали граждане флорентийского общества действие своих законов. Тем более ситуация в городе на Арно сложилась так, что их высказывания являются, пожалуй, единственным источником, откуда можно почерпнуть оценки законодательно – правовой и судебной систем городским социумом.

Во всех рассуждениях, касающихся оценки законов, заметна устойчивая формула, встречающаяся в самых разнородных записях. Это топос, в котором, как правило, положительно оценивается закон, как акт правопорядка, противостоящего хаосу и насилию, но неизбежно осуждается практика его применения и соблюдения. Это заметно уже в начале «Хроники» Дино

¹² Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo Quattrocento. – Firenze, 1981. Т. 1 – Politica e diritto pubblico. P. 51–62.

Компаньи, в аннотации о деятельности первых трех приоров, избранных в 1282 г.: «Их законы должны были на деле сохранять имущество коммуны, обеспечить правосудие со стороны властей для всех, защитить слабых и бессильных от произвола великих и могущественных. При соблюдении этих правил была бы великая польза для народа, но все быстро изменилось, потому что граждане, вступившие в эту должность, не стремились соблюдать законы, но нарушали их». Первых приоров Дино Компаньи обвинял в пристрастности – не наказывали своих друзей и родственников; в присвоении коммунальных средств из казны; в несоблюдении принципа социального равенства, ими декларируемого, – «слабые не получали помощи, а защищали они грандов и жирных пополанов,... породнившихся с грандами»¹³. Разумеется, следует иметь в виду, что суждения Дино Компаньи высказывались после того, как он был отстранен от участия в управлении государством, являясь сторонником потерпевших поражение и изгнанных из города белых гвельфов, поэтому сгущение негативных оценок не должно удивлять. Хронист в некоторой степени не идентифицировал себя с коммунальным устройством, когда писал, являясь скорее политическим сектантом, отвергающим прежнюю систему ценностей. Позже, характеризуя принятие «Установлений справедливости», Дино, который представлял себя сторонником Джано делла Белла, одобрял новые законы и гордился тем, что, будучи в 1293 г. гонфалоньером справедливости, приказал разрушить дома грандов Галлигаи, называл по именам «порочных судей», которые стали «подвергать софистике» «Установления справедливости», то есть извращать их, что привело к ослаблению правосудия: «некоторые преступники могли бежать, многие не были наказаны по закону»¹⁴. Дино не скрывал того, что избираемые на два месяца «ректоры», которые «не имели ни защиты, ни прощения»

¹³ Компаньи Д. Хроника. I. 5. С. 54–55.

¹⁴ Там же. I. 11–12. Р. 45–49.

по истечении срока своих полномочий, не решались выносить оправдательные приговоры грандам¹⁵, то есть представителям могущественных домов. Гранды были крайне недовольны суровыми мерами наказания, которые все-таки применялись к ним, и говорили: «Если бегущий конь ударит хвостом в рожу одному пополану, или в лавке кто-то нечаянно заденет другого, или детишки подерутся, и кто-то на них донесет: так разве следует поэтому подвергать дома разрушению»?¹⁶.

И для историка Маттео Виллани, хроника которого охватывала более мирный и благоприятный период флорентийской истории, характерны похожие оценки флорентийского законодательства. Утверждая позитивное значение коммунального законодательства, он делал относительное исключение только в оценке закона 1358 г., усилившего полномочия капитанов гвельфской партии, и других, принятых позднее, но направленных к той же цели¹⁷: «Все граждане оказались под подозрением..., отчего воспоследовали безобразные несправедливости и великие опасности в нашем городе...»¹⁸. Но негативная оценка законов конца 50-х гг., направленных в пользу партии гвельфов, не являлась однозначной в повествовании хрониста: «Ясно было для каждого сведущего, что закон, принятый в пользу партии, хотя и был добрым, но плохо применялся и служил для того, чтобы сводить счета, приведя к бесчестным спекуляциям, что сильно не нравилось истин-

¹⁵ То есть, могущественным и авторитетным гражданам.

¹⁶ *Компаны Д. Хроника*. I. 12. С. 70–71.

¹⁷ Закон 1358 г. разрешал Капитанам партии гвельфов «аммонировать» граждан, то есть лишать их права избираться на коммунальные должности только по подозрению в гибеллинизме, если же подозрение было доказанным, горожане подлежали немедленной высылке из Флоренции. И то, и другое обвинение партийные органы выносили автономно, без каких-либо санкций со стороны Синьории и коммунальных Советов. Это означало установление диктатуры партии над обществом.

¹⁸ *Villani M. Cronica. // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corrate da una prefazione del professore M. Sartorio*. Milano, 1848, Libro VIII. Cap. XXIV. P. 37.

ным гвельфам; и было вредно для мира и спокойствия нашей коммуны»¹⁹. Подобный дискурс в оценке закона 1358 г. характерен и для хрониста следующего поколения Джованни Морелли: «И действительно, хотя это и стало причиной разрушения нашего города, но было создано ни для чего другого, как для блага, и если бы несправедливо не применяли его, то тогда были бы аммонированы лишь немногие, и... никому не причинили бы несправедливостей»²⁰.

Маркьонне ди Коппо Стефани, младший современник Маттео Виллани, также сокрушался о неэффективности коммунального законодательства, в частности, о том, что горожане злоупотребляли своими политическими правами: «Эти законы были бы хороши, если бы правильно их применяли, но мало толку было от них из-за дурного их использования» – формула, которая часто употребляется в хронике Стефани по отношению к коммунальному законодательству²¹. В этом случае речь шла о законе, утверждающем расширение флорентийской демократии, имевшее место с 40-х годов XIV в. после свержения диктатуры герцога Афинского, что выразилось в принятии закона о петициях 1354 г. Согласно этому постановлению любой человек мог подать прошение в Синьорию с целью объявить кого-либо грандом или суперграндом. Закон был подтвержден весной 1372 г. в пользу пополанов: любой человек, которого оскорбит более знатный, мог подавать петицию в Синьорию о том, чтобы обидчика объявить грандом. С сокрушением М. Стефани констатировал: «Но эта возможность не приводила к цели тех, кто подавал петиции, потому что дурно использовали ее, ведь подавались петиции о том, чтобы сделать грандом должника, которому заняли 10 лир

¹⁹ *Villani M.* Cronica. Libro IX. Cap. LI. P. 234.

²⁰ *Morelli G.* Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze, 1956. P. 305

²¹ *Stefani M.* Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / A cura di N. Rodolico. // *Rerum Italicarum Scriptores*. Citta di Castello, 1903–1913. T. XXX. Rubr. 732. P. 282.

мелочью». Казалось бы, закон утверждал демократические начала в коммунальном социуме. В своих петициях граждане также могли предлагать проекты реформ и новые законы, непосредственно участвуя в процессе законотворчества. Но противоречивость между содержанием этого закона, который он одобрял, и его действием в коммунальном социуме глубоко занимала ум Стефани: «И при исполнении не соблюдался истинный смысл буквы закона. Хотя всякое дело не может быть исполнено точно по написанному, но этот закон применяли очень плохо: если кто-то находил карту 100-летней давности о том, что его дед или прадед дали займы кому-то некую сумму, он тотчас же решал: «Я должен получить с предков такого-то свои деньги. А в случае отказа подавал петицию, в которой извращал и приукрашивал дело, обвиняя должника в том, что тот оскорблял его и угрожал с ножом в руке. Поскольку семьи подвергались огромному риску за старые долги, многие были схвачены без вины и давали облыжные показания на других»²². В начале 1376 г. Приоры во главе с Гонфалоньером справедливости Мильоре ди Вьери Гваданы потребовали существенно ограничить право подачи петиций. Но народ им не доверял, потому что в составе Приората преобладали видные функционеры партии гвельфов, а в обществе опасались дальнейшего усиления диктатуры партии : «Не должны были они своей властью исправлять то, что сделал весь народ, Коммуна и Советы»²³. В 1381–1382 гг., когда складывались предпосылки для свержения режима «тощего народа», М. Стефани указывал на недолговечность и переменчивость законов коммуны: «Во Флоренции думали, что наступило такое сочетание звезд, о каковом говорили, что Марс снова оказался под Луной или каким-нибудь другим изменчивым знаком, поэтому ни крепости, ни стабильности у нас не было ни в законах, ни в их

²² *Stefani M. Cronaca fiorentina. Rubr. 732. P. 282.*

²³ *Ibid. Rubr. 766. P. 301–302.*

реформировании, но каждый день принимались новые законы, и часто одни противоречили другим так, что доходило до конфуза. Угодно было Господу, чтобы... законы были хороши или не столь уж противны, но сомнительны были способы их применения в конкретных случаях»²⁴ – тот же топос о справедливости большинства законов, но порочности практики их применения.

Несоблюдение законов являлось особой проблемой, часто попадающей в поле зрения хронистов в периоды политических кризисов. Выразительная картина упадка уголовной юрисдикции и разгула преступности в период правления младших цехов (1380), когда из-за несоблюдения законов «совершалось много громадных злодеяний, чудовищных дел и убийств по причине всяких мелочей», возникала под пером М. Стефани: например убийство некоего Якопо, брата приходского священника, сказавшего в таверне во время игры какую-то грубость Ламберто ди Скьятта Рикки, который через 2 месяца убил этого Якопо; Герардоццо Филиппи из-за спора, вызванного игрой, много дней спустя подвергся нападению одного из Макиавелли, после которого «стал хуже чем мертвый» из-за ранений: ему отрубили три пальца на руке, и он провел в постели несколько месяцев. Стефани сам отмечал, что все выше-названные были «известными людьми», не говоря о многих других людях, «не столь известных». Автор хроники весьма одобрял суровые законы, принятые в августе 1380 г., с целью ужесточения уголовного законодательства²⁵. Но как видно из анонимного дневника его младшего современника, суровые законы не сыграли особой роли. 16 февраля 1394 г. на Новом рынке на Гонфалоньера компании Якопо Борси напал Бартоло ди Никколо Чини, портной, который «ударил Якопо Борси тесаком по голове». Бартоло был схвачен и передан в руки Ка-

²⁴ *Stefani M. Cronaca fiorentina. Rubr. 884. P. 385.*

²⁵ *Ibid. Rubr. 864. P. 377.*

питана Балии Франческо да Кантиано, по приговору которого на следующий день его повесили на Новом Рынке и оставили в таком состоянии до окончания светового дня²⁶. Даже статус неприкосновенности должностного лица не являлся достаточной гарантией его безопасности. Анонимный хронист повествовал, как 2 марта 1382 г. некий Келаццо из отряда Капитана народа за игрой в кости выхватил палаш против Конестабилля (аналог полицейского), убил его, пронзив горло, и бежал²⁷. Этот же аноним отмечал: «Во вторник 23 ноября 1395 Корсо ди Никколо Дьетифечи, находящийся на Новом Рынке за столом с Франческо Ардингелли и другими компаньонами, был атакован Папино Адимари, Бенедетто дельи Спины и Лиончино ди мессер Гуччо де Нобили, причем у одного из них в руках был клинок. Они нанесли ему много ран, от которых он скончался прежде чем они ушли... и невозможно было узнать причину, вследствие которой они его убили. Очень недовольны были граждане тем, что на Новом Рынке убивают людей таким образом». Именно этот прецедент спровоцировал принятие нового антиуголовного закона: если кто ранит кого-то на Новом Рынке, на площади Синьории и на расстоянии 25 локтей от этой площади, то убийца должен быть лишен правой руки и оштрафован на 2000 лир, если нанесет 2 раны, то будет лишен правой руки и правой ноги и оштрафован на 4000 лир, а каждый, схвативший такого преступника, получит в награду из кассы Коммуны от 500 мелких лир до 1500 лир и пожалования трех гербов, в зависимости от тяжести ранения. Коммуна категорически запрещала консортам преступника мстить родственникам потерпевшего, а также тому, кто схватил убийцу или совершившего покушение²⁸. Думается,

²⁶ Alle bocche della Piazza. Diario d' anonimo fiorentino (1382–1401) / a cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze, 1986. 80. P. 167. Аноним указывал, что его имущество конфисковали, двух его братьев объявили мятежниками, а остальных консортов сделали грандами.

²⁷ Diario d' anonimo fiorentino. 9. P. 32–33.

²⁸ Ibid. 88. P. 182–183.

что в данном случае несовершенство законодательства налицо: действие сурового закона пространственно ограничивалось даже в пределах городских стен.

Множество примеров уголовных деяний, совершенных, видимо, под влиянием импульса, приводили и другие хронисты. Даже тюремное заточение не спасало от расправы. Автор анонимного дневника повествовал, что в январе 1393 г. видный гражданин мессер Гуччо ди Дино Гуччи вынужден был поместить в тюрьму своего сына Томмазо для исправления и избавления от разорительных долгов, которые тот наживал²⁹. Но вскоре мессер Гуччо умер, а Томмазо, второй по рождению сын, решил убить своего старшего брата, будучи уверенным в том, что сумеет уговорить младших братьев, чтобы они освободили его. Находясь в тюрьме, он подослал убийцу, который осуществил преступный замысел, но был схвачен и во всем признался производящему дознание Экзекутору, который немедленно привлек к допросу с пристрастием Томмазо ди Гуччо и приговорил его к казни, назначенной на 17 января³⁰. Этот же автор в одной из аннотаций свидетельствовал, как в тюрьме Подеста 31 декабря 1394 г. был убит спящим Бальдо

²⁹ Во Флоренции в традициях семьи-консортерии издавна существовал этот патриархальный обычай: отец, не справляющийся с воспитанием сына, имел право поместить его в коммунальную тюрьму, но в этом случае он был обязан содержать его там за свой счет.

³⁰ Ibid. 72. Р. 146–147. Случай попал в поле зрения анонимного автора, потому что стал причиной больших беспорядков в городе. 17 января праздновали день Св. Антония, и Синьория по этой причине запретила Экзекутору проводить казнь в этот день. Но тот, не посчитавшись с запретом, под своим вымпелом вывел преступника для казни. Улицы были так переполнены собравшимся на праздник народом, что Томмазо ди Гуччо воспользовался давкой и бежал от стражи Экзекутора, но был задержан знатным гражданином Риччардо де Риччи и передан страже Синьории, которая вновь отправила его к Экзекутору, и тот на рассвете 18 января совершил казнь, приказав «ужасным образом отрубить Томмазо голову и даже не позволив никому сказать «Иди с Богом!», тогда как собравшийся люд забрасывал тело и голову братоубийцы камнями».

ди Орландини двумя арестантами, которые украли у него 200 золотых флоринов и бежали³¹.

Даже один из самых рьяных критиков и ругателей коммунального общества, хронист Джованни Кавальканти признавал великую общественную пользу, проистекающую от справедливых и добрых законов, и прославлял граждан, которые считались лучшими законодателями. Среди них он называл Нери ди Джино Каппони, сыну которого Джино ди Нери он посвятил свой трактат, Микеле ди Ландо, возглавившего правление чомпи в 1378 г., «рожденного от бесполезных плебеев, но предотвратившего преступления и установившего мир в этой земле», Мазо дельи Альбицци, облегчившего налоговое бремя и ограничившего спекуляции продуктами первой необходимости, Филиппо Гаччето, предложившего принять налоговый Кадастр 1427 г. Над ними витал в качестве идеального архетипа образ спартанского законодателя Ликурга³². Автору трактата, как и другим представителям этого общества, присуще убеждение в необходимости всеобщего равенства перед законом, диктат которого должен распространяться на самих законодателей, на правителей и судей, на тех, кто занимает самое высокое положение в государстве³³.

В этом случае возникает вопрос, почему изначально граждане республики были склонны положительно оценивать большинство законов, принимаемых в их городе-государстве? Прежде всего, следует отметить, что Флорентийская республика в XIV – первой трети XV вв. отличалась тем, что достаточ-

³¹ Diario d' anonimo fiorentino. 84. P. 174.

³² *Cavalcanti G.* Il Trattato politico-morale /Grendler M. The “Il Trattato politico-morale” of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 156, 135, 137, 139.

³³ Ibid. P. 141–142. Помимо Доффо дельи Спини он приводит в пример античных героев и флорентийского гражданина Джакомо Росси, который приказал казнить своего сына, нарушившего установленный отцом закон. Этот эпизод подтверждает хроника Джованни Виллани. См.: *Виллани Д.* Новая история. IV, 31.

но широкий слой полноправных граждан мог в той или иной мере проявлять законодательную инициативу. Определенное число горожан каждые два месяца избиралось в состав главного правящего органа города-государства – Синьории, которая обладала прерогативой выдвигать законопроекты, обсуждаемые и утверждаемые затем Советом народа и Советом коммуны. Широкая коллегиальность выработки законопроектов обеспечивала высокую степень информативности всего социума. В XIV в. были широко распространены такие формы непосредственной демократии, как Парламенто и подача петиций от граждан. Парламенто – близкое подобие народного собрания – созывалось на площади Синьории вследствие необходимости реформировать государство или по причине каких-то экстраординарных обстоятельств. В указанный период Парламенто обычно принимало решение о создании Балии – чрезвычайной комиссии, призванной разработать проект необходимых преобразований или урегулировать сложную внутри- или внешнеполитическую ситуацию, но были случаи, когда законы и программы реформ обсуждались непосредственно на этом собрании, становясь достоянием большинства граждан.

Наконец, по мере того, как республика на Арно концентрировала вокруг себя земли и крепости, расширяя свое контадо, ее граждане часто избирались на должности подеста и капитанов народа в населенные места подчиненной Флоренции округи. Необходимость исполнять судебные функции обязывала их быстро разобраться в местном законодательстве, отобрать из него наиболее полезные и эффективные нормы, а в ситуациях, когда казусы не имели аналогий и не отражались в правовых уставах, самим изобретать законы.

Эти тенденции обуславливали проявление достаточно активной законодательной инициативы граждан. Их наличием можно объяснить и тягу к законотворчеству, заметную на протяжении всего XIV века. Облегчение возможности обрете-

ния прав гражданства после 1348 г. усиливало политическую активность со стороны членов младших и средних цехов, которые также приобщались к созданию коммунального законодательства. Не удивительно, что история создания того или иного закона часто попадала в поле зрения горожан Флоренции, становилась объектом живого обсуждения с полным пониманием того, кто и почему явился создателем нового закона, в чью пользу и против кого он направлен.

Топосы о законах отличались устойчивостью. Как правило, в установлении законов граждане видели важнейшую ценность городского сообщества и одобряли почти все принимаемые законы. Новые законы и их содержание чаще оценивались позитивно, как важнейшая ценность городского социума, противостоящая насилию, произволу и любым формам дикости и хаоса. Это тем более понятно, поскольку гражданам довольно часто приходилось переживать периоды обострения социально-политических или межпартийных антагонизмов, сопровождающиеся или неким подобием гражданской войны внутри городских стен, или утверждением «права сильного» – диктаторской властью одного правителя, клана или партии.

Но даже идеальные правовые нормы часто извращались самой практикой их применения, о чем свидетельствовали морально-этические дискурсы о порче нравов, о недобросовестности и пристрастности судей и должностных лиц, о коррупции членов коллегий, которым следовало приводить законы в действие. В сознании граждан Флоренции складывались установки, предписывающие уважение к законам и необходимость их соблюдения, о чем свидетельствовали дидактические наставления, содержащие кодексы лояльного поведения, без которых не обходились дневники, мемуары и другие записки частного характера. Конечно, этот ментальный стереотип представлял скорее идеальную модель, однако само его наличие и распространенность свидетельствуют о признании правовых отношений основой жизни городского социума. Го-

воря о том или ином конкретном законе, граждане склонны одобрять его, но сетовать по поводу его использования в общественной практике.

Но такого рода ментальные установки относятся все-таки в первую очередь к идеальным представлениям. В сознании граждан, соприкасающимся с публично-правовой практикой, гарантией социально-политической стабильности и правопорядка в государстве являлось не только и не столько соблюдение твердо установленных законов, сколько мудрость и справедливость очередного состава Синьории, личностей, кланов и политических группировок, пользующихся на данном этапе особенно сильным влиянием. В наставлениях о лояльности и гражданской добропорядочности в первую очередь имеется в виду не подчинение законам и неукоснительное соблюдение норм права, а верность правящей партии или находящимся у власти лицам, от которых зависело, какие законы будут приняты, сохранены для исполнения или уничтожены. Закон часто не отделялся от казуса, вызвавшего его к жизни, был лишен анонимности, персонифицирован в образах и деятельности конкретных людей, обусловивших его появление и дальнейшее претворение в жизнь, поэтому он не вызывал в сознании граждан уверенности в его объективности, универсальности, справедливости и полезности для всех. Такое представление о законах, принятых государством, не способствовало окончательному изживанию остатков семейно-родового права и произвола отдельных личностей, заметного как в деятельности должностных лиц, по своему желанию трактующих и отбирающих нормы для исполнения, так и в поступках граждан, у которых стремление руководствоваться статутами государственного законодательства далеко не всегда становилось первичным импульсом, определяющим стратегию индивидуального выбора.

Law and Legal Practice in Public Opinion of the Late XIIIth – XIVth century Florentine Republic

Краснова Ирина Александровна, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский Федеральный Университет, г. Ставрополь.

Krasnova I.A., Professor. Chair of the Foreign History, Politology and Foreign affairs, North Caucasus Federal University, Stavropol.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия законотворчества и практик правоприменения во Флоренции конца XIII–XIV веков. Прослеживаются представления о необходимости правовых норм в коммунальном социуме с развитыми формами народовластия, выражающиеся, как правило, в положительной оценке законов, принимаемых на основе демократических принципов. Предпринимается также попытка выявить проявления, как правило, критического отношения к принципам и практикам правоприменения в условиях частой сменяемости составов правления, партийно-политических режимов и высокой степени дифференцированности коммунального сообщества.

Ключевые слова: Республика Флоренция, судебно-правовой плюрализм, семейное право, законотворчество, практики правоприменения, законодательная инициатива, право петиций, принципы уважения к законам.

Abstract. The article describes the peculiar features characteristic for the lawmaking and court practices in Florence in the late XIIIth – XIVth centuries. The idea of necessity of legal norms in the communal state with the highly developed forms of the popular sovereignty, expressive in positive estimation of the laws based on the principles of democracy is analyzed. The article discusses a number of critical attitudes for the legal principles and legal practices under frequent governmental changes, party and political concurrence within the highly differentiated communal society.

Keywords: Florentine republic, Legal pluralism, Family law, Lawmaking, Legal practice, Lawmaking initiative, Right of petition, respect for the Law.

Литература

Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / Пер., статья и примечания М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.

Юсим М. А. Хроника гражданской смуты эпохи Данте // Компаньи Дино. Хроника событий случившихся в его время / Пер. с ит. М.А. Юсима. С. 5–43.

Alle bocche della Piazza. Diario d' anonimo fiorentino (1382–1401) / a cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze: Olshki, 1986. 248 p.

Brucker G. The Medici in the Fourteenth Century // *Speculum*. XXXII. № 1. 1957. P. 1–26.

Brucker G.A. Florentine Politics and Society. 1343–1378. Princeton: Princeton University press, 1962. 446 p.

Cavalcanti G. Il Trattato politico-morale / Grendler M. The “Trattato politico-morale” of Giovanni Cavalcanti. Geneva: Droz, 1973. 251 p.

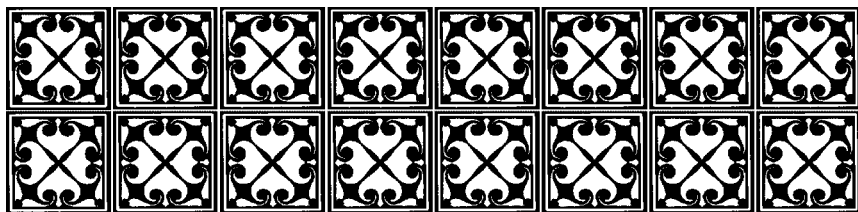
Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior' lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredane da una prefazione del professore M. Sartorio. Milano: per Boroni e scotti, 1848. 317 p.

Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo Quattrocento. Firenze: Olschki. 1981. T. 1. Politica e diritto pubblico. P. 51–62.

Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / A cura di N. Rodolico. // *Rerum Italicarum Scriptores*. Citta di Castello, 1903–1913. T. XXX.

Strinati N. Cronicchetta di Neri di Alfieri di Strinato di Ramingo degli Strinati // *Storia della Guerra di Semifonne*, scritta da mess. Pace da Certaldo e *chronicchetta di Neri degli Strinati*. Firenze: nella stamperia imperial, 1753. 157 p.

Zorzi A. Pluralismo giudiziario e documentazione: il caso di Firenze in età comunale // *Pratiques sociales et politiques judiciaires dans les villes de l'Occident à la fin du Moyen Age (Actes du colloque international)*, Avignon, 2001/ a cura di J. Chiffolleau – C. Gauvard – A. Zorzi. Distribuito in formato digitale da “Reti Medievali”.

М. И. Дмитриева

**Сиена и ее святые покровители
(по материалам городских хроник XIV–XV вв.)**

Каждый средневековый итальянский город имел своих святых патронов: Св. Петр и Павел – покровители Рима, Св. Амвросий – Милана, Св. Георгий – Генуи. Главной покровительницей средневековой Сиены выступает Дева Мария, которой «помогают» четверо раннехристианских святых: Св. Ансано считается крестителем Сиены; Св. Савино – епископ – великомученник; св. мученики Крещенций, осужденный за веру в эпоху Диоклетиана и Виктор воин-христианин, происходивший из Сирии, который стал патроном Сиены позже остальных (1288).

Целью данного исследования является изучение представлений пополанских хронистов – горожан Сиены¹ о святых патронах родного города, начиная с главной небесной покровительницы города – Девы Марии до его «новых» святых²: знаменитых средневековых мистиков Джованни Коломбини и Екатерины Сиенской. Для этого будут проанализированы тексты сиенских городских хроник XIV–XV вв.³ а также

¹ *Дмитриева М.И.* Городские хроники Сиены XIV века как источники по изучению представлений пополанов об обществе и власти. В кн.: Гуманитарный научный вестник. 2018. № 3. С. 37–43.

² Екатерина Сиенская была канонизирована в 1461 г. папой Римским Пием II, Джованни Коломбини – Григорием XIII в конце XVI в.

³ Главными особенностями данных хроник являются: их светский

источники, посвященные жизни и деятельности «новых» сиенских святых, речь о которых пойдет ниже.

Главную роль в представлениях сиенских горожан на протяжении всей изучаемой эпохи играла Дева Мария, которая всегда почиталась в средневековой Сиене, но настоящий культ Мадонны начался победы гибеллинской Сиены над гвельфской Флоренцией в битве при Монтеаперти (4 сентября 1260 года). В ходе этого сражения ополчение Сиены, поддержанное гибеллинскими силами Манфреда, победило превосходящие силы Флоренции и других гвельфских городов, и именно заступничество Мадонны, по мнению городских хронистов (анонима XIV в.⁴ и автора хроники Паоло ди Томмазо Монтаури XV в.⁵), позволило сиенцам одержать эту блестящую победу. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури описана торжественная процессия горожан, которая, накануне сражения, символически вручила Мадонне ключи от города: хронист отмечает, что в этой процессии вместе с гибеллинским правительством Двадцати четырех Синьоров (1236/40–1270) принял участие епископ города, ранее поддерживавший гвельфов⁶, а также все жители Сиены. Благодаря этому единению горожан, во время кровопролитной битвы Дева Мария простерла над Сиеной защитное знамя Палио (Palio), тем самым обеспечив городу победу над превосходящими силами противника.

Описания битвы при Монтеаперти в городских хрониках Сиены XIV–XV вв., свидетельствуют о том, что память о ве-

---

характер, пополанское происхождение авторов и итальянский язык (*volgare*). *Cronache senesi* / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: *Rerum Italicarum Scriptores*. Bologna: Zanichelli, 1931–1939, XV, 6.

⁴ *Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fin no al 1391 di autore anonimo della meta del secolo XIV* / Ed. A. Lisini e F. Iacometti In.: *Rerum Italicarum Scriptores*. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

⁵ *Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri* / Ed. A. Lisini e F. Iacometti In.: *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252.

⁶ *Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri*. P. 201.

ликой победе, одержанной городом под покровительством Девы Марии, прочно вошла в историческое сознание сиенцев, став, своего рода, «точкой сборки» их гражданского сознания. Рассказывая о ней, хронисты создают коллективный образ «сиенцев». По мнению анонима XIV века, их основными чертами являются: великодушие, благоразумие, сила и отвага⁷. «Сиенский народ – самый свободный, самый отважный и самый доблестный во всей Тоскане и Ломбардии»⁸ – сообщается в хронике Паоло ди Томмазо Монтаури. Конечно, успех при Монтеаперти городские пополанские хронисты объясняют и собственными заслугами сиенцев и их союзников (финансовой помощью семьи Салимбени, военной – рыцарей Манфреда, а также трудом горожан–ремесленников)⁹, но, очевидно, что заступничество Девы Марии за них перед Богом играет в представлениях хронистов главную роль.

Мадонна «помогла» народу и властям Сиены решить их военно-политическую задачу в критический момент гвельфо-гибеллинской распри. В 1264 году благодарные сиенцы возвели купол над Дуомо – главным городским Собором, посвященном Деве Марии и заказали для него алтарный образ – икону Богоматери, за образец для написания которой была взята византийская «Богоматерь Одигитрия»¹⁰. Впоследствии новый алтарный образ получил название «Мадонна дель voto» («Madonna del voto», 1267). С его появлением, во второй

⁷ Cronaca senese di autore anonimo... P. 57–60.

⁸ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 206.

⁹ Cronaca senese di autore anonimo... P. 57–62; Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 194–214.

¹⁰ Автором «Мадонны дель voto» обычно называют Диетисальви ди Спеме, но есть и другие точки зрения. Современные исследователи предполагают, что за образец для написания этой сиенской иконы был взят византийский образ из церкви кармелитов. Подробнее см.: Пугачева И. В. Византийская икона как особо почитаемый образ в Италии XIII в.: на примере сиенской Одигитрии из церкви кармелитов. В кн.: Вестник Московского университета. 2020. № 1. С. 145–157. С. 148.

половине XIII века, начала формироваться новая иконография образа Девы Марии – «Мадонна во славе» или «Маэста»¹¹.

На протяжении девяти лет после Монтеапери Сиена продолжала стойко придерживаться гибеллинов, даже после гибели потомков Фридриха II Штауфена, в то время как все города Тосканы (кроме нее и Пизы) уже стали гвельфскими. Небесное покровительство Девы Марии продолжало оставаться актуальным и в эти годы, ведь после Монтеапери папа Александр IV (1185–1261) отлучил от церкви всех сторонников короля Манфреда в Тоскане, отчего пострадала финансовая и деловая репутация сиенских банкиров: итальянские и иностранные заемщики могли теперь не возвращать им долги.

Новый папа Урбан VI (1261–1264) снял церковное отлучение с остальных горожан, но ввел санкции против купцов и банкиров, из-за которых сиенские магнаты Толомеи, Малавольти и Салимбени были вынуждены уже в начале 60-х гг. XIII века перейти в лагерь гвельфов. Сиена совершила этот переход после поражения, нанесенного ей Флоренцией в битве у Колле ди Вальдельса (1269), ставшего для Флоренции, своего рода, реваншем за Монтеапери.

Переход Сиены в лагерь гвельфов в целом положительно сказался на ее политическом и экономическом развитии: первая половина XIV века стала временем относительного спокойствия и процветания. Первое народное правительство «Девяти Синьоров и Защитников народа Сиены» (1287–1355) приняло новую Конституцию 1309–1310 гг., закрепившую победу богатых купцов-гвельфов (представителей Мерканции и Ланы) и отстранение от власти прежней городской аристократии – нобилей и гибеллинов, в том числе, владельцев банковско-торговых предприятий, обеспечивавших процветание Сиены в XIII веке. Девять стремились войти в историю в каче-

¹¹ Коваленко Н. А. Сиенская школа живописи 1260–1300 гг.: К проблеме изучения образов Богоматери. В кн.: Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. № 2. С. 223–229.

стве «доброго правления», о чем свидетельствует их внутренняя политика, их отношения с «исключенными» нобилиями, их архитектурные и художественные проекты¹².

В начале XIV века Сиена закрепила за собой гордое наименование «Города Девы», это название появилось на ее печати. К этому же времени относится официальное утверждение порядка проведения ежегодного праздника Палио (16 августа), который был «прописан» в новой Конституции. Праздник был приурочен к Успению Девы Марии и назывался Палио дель Ассунта (Palio dell'Assunta). В этот день было запрещено заниматься торговлей и все городские лавки были закрыты. Сиенцы зажигали большие свечи, которые вместе с образом Мадонны, торжественно проносили по городу в знак благодарности за ее покровительство, позволившее Сиене отстоять свою независимость, одержав славную победу над соседкой и соперницей – Флоренцией. Торжественная процессия в честь Девы Марии стала, таким образом, «идейной» частью праздника¹³.

Развивалась иконография образа Богоматери, которая «обрастала» значительной свитой: «Маэста» («Maesta») Дуччо Буонинсенья (1308–1311) и «Маэста» Симоне Мартини (1315) – многофигурные композиции, в которых Мадонна с младенцем окружена святыми. Грандиозная «Маэста» Дуччо стала наивысшей точкой в развитии изображений Богоматери данного типа, соединив в себе тронную фигуру Девы Марии и алтарный образ – центральную часть полиптиха¹⁴. По

¹² *Дмитриева М. И.* Правительство Девяти Синьоров (1287–1355) в Сиене: образ власти в памятниках архитектуры. В кн.: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–3 (53). С. 51–53.

¹³ Подробнее о Палио см.: *Дмитриева М. И.* Праздники в Сиене эпохи Треченто (по страницам городских хроник). В кн.: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2015. № 12. С. 238–251.

¹⁴ *Коваленко Н. А.* Сиенская школа живописи 1260–1300 гг.: К проблеме

нашему мнению, изображение на первом плане обеих композиций святых покровителей Сиены: Св. Ансано, Св. Савино, св. мучеников Крещенций и Виктора, подчеркивает их важное значение в представлениях сиенцев эпохи Треченто.

Величие образа «Маэста», созданного Дуччо, его громадную значимость для сиенцев хорошо передает автор анонимной хроники описывая торжественную церемонию установления огромной иконы в Дуомо¹⁵: «В тот день (9 июня 1311 г. – *М.Д.*), когда ее помещали в Дуомо, закрылись все лавки и епископ устроил великолепную процессию из священников и монахов, сопровождаемых Девятью Синьорами, всеми должностными лицами коммуны и всем народом. Рядом с иконой... шли самые достойные со свечами в руках, позади них женщины и дети; все с благоговением сопровождали икону от Кампо до Собора, звонили все колокола во славу этой прекрасной иконы... и весь этот день люди продолжали молиться и подавать милостыню беднякам, обращаясь к Богу и Богоматери, нашей защитнице, с просьбой охранять от всех бедствий и всякого зла и оберегать от предателей и врагов Сиены»¹⁶.

С приходом в 1348 году в Сиену Черной смерти началась «эпоха бедствий»¹⁷: вся вторая половина XIV века стала для города временем потрясений и испытаний: чума сократила население, прервала торговые связи, изменила социальную и политическую структуры города. На смену «крупным» купцам Девяти, пришли средние пополаны Двенадцать Синьоров (1355–1368), которых затем сменила коалиция Реформаторов

изучения образов Богоматери. В кн.: Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. № 2. С. 223–229. С. 228.

¹⁵ «Маэста» Дуччо заменила собой «Мадонну дель вото», которая в свою очередь, заменила образ «Мадонны с большими глазами», которой сиенцы вручали ключи от города, накануне битвы при Монтеапелти.

¹⁶ Cronaca senese di autore anonimo. P. 90.

¹⁷ Дмитриева М.И. «Эпоха бедствий»: Сиена во второй половине XIV века. В кн.: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2014. № 11. С. 90–103.

(1368–1385) с участием «мелкого» народа, конец столетия ознаменовался целой серией краткосрочных народных коалиций, в которых участвовали представители четырех народных «партий», так называемых «монти»: «новески», «додичини», «рифформатори» и «пополари», представленные бывшими участниками и сторонниками народных правительств.

Авторы городских хроник этого периода (Большой хроники¹⁸, хроники Донато Нери и его сына Нери¹⁹, хроники Паоло ди Томмазо Монтаури²⁰), подробно описали политические перевороты и восстания, сопровождавшие смену правительств, кондотьерские рейды на территорию сиенской республики, неурожайные и голодные годы и вызванные ими волнения и новые эпидемии чумы. После Черной смерти город подвергся новым эпидемиям. Как свидетельствуют городские хроники, в этот период чума посетила Сиену еще пять раз: в 1363, 1374, 1383, 1389, 1399–1400 годах²¹.

Эпоха бедствий оказала сильное влияние и на общественное сознание, в городских хрониках начал звучать мотив ожидания конца света. В хронике Паоло ди Томмазо Монтаури подробно описаны потрясения конца XIV века, сопровождавшиеся войной, голодом и чумой: «... все кампании, приходившие в Сиену, были посланы флорентийцами...» и «был величайший недостаток всего...», «... была великая смерть во всем мире. Умирали и старики, и молодые, и дети, и богатые, и бедные, не оставалось никого в доме, где это случалось, за

¹⁸ Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

¹⁹ Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

²⁰ Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri (1381–1431) / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 689–835.

²¹ Cronaca Maggiore. P. 555; Cronaca di Donato Neri. P. 599, 653–654; Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 697, 728, 760.

один или два дня умирали сразу все .... Целый мир оказался потревоженным и разрушенным, отчего каждый говорил, что пришел конец света...»²². Наступившая эпоха вывела на историческую арену «новых» святых, знаменитых сиенских «социальных мистиков» второй половины XIV века Джованни Коломбини и Екатерину Сиенскую.

Джованни Коломбини (ок. 1300–1367) – первый из сиенских мистиков и основатель ордена иезуатов (джезуатов)²³. Уроженец Сиены и представитель городского патрициата, большую часть своей жизни занимался торговлей и политикой. Свою религиозную деятельность начал в очень зрелом возрасте, обратившись в веру под воздействием чтения жития Св. Марии Египетской. Он обеспечил свою семью, затем вложил оставшееся состояние в строительство больницы и двух монастырей и стал нищенствовать в родной Сиене. Зачастую Коломбини вел себя так непонятно и «неприлично», что привлекал неодобрительное внимание горожан²⁴, когда же он начал вовлекать в свою деятельность молодых представителей знатных городских семей, то недовольные сиенцы добились его изгнания из города (1363). Судя по «Жизни блаженного Джованни Коломбини, основателя нищенствующих иезуатов...»,

²² Cronaca di Paolo di Tommaso Montauri. P. 727–729.

²³ Название «иезуаты» (gesuati) закрепилось за орденом, благодаря горожанам Витербо, которые постоянно слышали от Коломбини и его компании выражение «Хвала Иисусу Христу!» («Viva, riva il santissimo nome di Gesù!»). С самого начала своего основания иезуаты особенно почитали Св. Иеронима: полное название ордена: «Апостольские клирики святого Иеронима» («Clerici apostolici sancti Hieronimi Jesuati»).

²⁴ «Житие» Коломбини содержит истории о том, как он нанимался работником на кухню во Дворец коммуны (Palazzo comunale), где некогда заседал как приор и демонстративно не получал денег за свою работу, одевался в лохмотья, ездил по городу на осле. Однажды, отправившись в свое бывшее имение, он заставил волочить себя по земле голым и с веревкой на шее – во искупление несправедливостей, допущенных им, когда он был его хозяином. См: *Топорова А.В.* Очерки по истории жанров средневековой религиозной литературы Италии XIII–XV вв. М.: Изд-во РГГУ, 2020. С. 191.

написанной в XV веке флорентийцем Фео Белькари²⁵, в сопровождении двух десятков сподвижников (которых он сам называл «бригатой» – «brigata»), он отправился в Тоскану. Коломбини посетил Ареццо, Читта-ди-Кастелло, Пизу и другие города, проповедуя и исцеляя больных. Вскоре после изгнания Коломбини, в Сиене началась очередная эпидемия чумы. «Смерть была в Сиене как и по всей Италии», – сообщается в хронике Донато ди Нери и его сына Нери²⁶. Ее последствия усилили голод, новые набеги кондотьеров²⁷, а также активность нобилей, выступавших в союзе с частью народа²⁸. Когда началась чума, сиенцы просили Коломбини вернуться, опасаясь Божьего гнева.

Когда папа Урбан V (1362–1370) ненадолго возвратился в Рим (1367), Коломбини просил его утвердить орден иезуатов и его устав: в обязанности членов ордена входил уход за больными, погребение мертвых, молитва и строгое умерщвление плоти (ежедневное самобичевание). Известно, что вскоре орден был учрежден, а через неделю после этого Джованни Коломбини умер (1367), возвращаясь в Сиену. Сохранилось 94 письма Коломбини, адресованные настоятельницам и монахиням монастыря Св. Бонды. Как отмечает А. В. Топорова, они написаны простым, почти разговорным языком, которые хорошо отражают эволюцию внутренней жизни их создателя²⁹, его мистический опыт, который он стремится передать своим адресатам.

²⁵ Vita del beato Gio. Colombini da Siena fondatore de' poveri gesuati con parte dellavita d'alcuni primi suoi compagni scritta da Feo Belcari ristampata sull'edizione dell'abate Antonio Cesari di Verona. Milano: Per Giovanni Silvestri. 1832.

²⁶ Cronaca di Donato di Neri. P. 599.

²⁷ Ibid. P. 600–602.

²⁸ Подробно об этом в статье: *Дмитриева М. И.* Джованни д'Аньолино Салимбени и правительство Двенадцати Синьоров в Сиене. В кн.: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 4. С. 231–236.

²⁹ *Топорова А.В.* Очерки по истории жанров средневековой религиозной литературы Италии XIII–XV вв. М.: Изд-во РГГУ, 2020. С. 192.

В сиенской хронике Донато Нери и его сына Нери о Коломбини и создании ордена джезуатов сообщается единожды и весьма лаконично: «Джованни ди Пьетро Коломбини отправился в Рим к папе, и упомянутый папа дал ему одежду с белым капюшоном и серым плащом и он вернулся и образовал Орден джезуатов в Сиене. И его называли Блаженным Джованни»³⁰. В этой записи, появившейся, очевидно, в память о Коломбини, хронистов-современников, очевидно, волнует лишь «форма одежды», а также, возможно, сам факт принадлежности основателя нового ордена к городскому сообществу Сиены.

В учении и деятельности знаменитой Св. Екатерины Сиенской (1347–1380), чье мистическое бракосочетание с Христом и принятие собственной миссии произошло в тот самый год, когда умер Джованни Коломбини, мистические настроения достигли своего апогея. Терциарка доминиканского ордена известна не только своими молитвами, видениями и проповедями, но и активной политической позицией. Деятельность Екатерины началась в Сиене: здесь дочь красильщика еще в детском возрасте осознала свое призвание; здесь она вступила в ряды мантеллатов (1364)³¹; здесь вокруг нее постепенно собралась группа учеников – ее, так называемая, «фамилия» (*famiglia*), в которую вошли люди разного социального положения и происхождения, записывавшие письма и проповеди Екатерины и сопровождавшие ее во время поездок; здесь ей было дано видение ее мистического бракосочетания с Иисусом Христом (1367)³² и понимание цели своей миссии –

³⁰ Cronaca di Donato di Neri... P. 617.

³¹ Терциариев доминиканского ордена в Сиене называли мантеллатами (от итал. *mantilla* – накидка). В черно-белом одеянии с накидкой Екатерина Сиенская обычно изображается на картинах. Так она изображена на портрете, работы Андреа Ванни – фреске в соборе Сан Доменико в Сиене, которая является единственным прижизненным изображением святой.

³² На фронтоне дома Екатерины на улице Фонтебранда в Сиене сохраняется надпись: «Это дом Екатерины, Невесты Христовой». По обычаю,

поддержания мира и защита церкви. Социально-политическая обстановка в Сиене последующих лет стала, по-видимому, немало укрепила это осознание. В 1370–1371 годах города Тосканы, в том числе и Сиену, вновь опустошил голод³³, ставший одной из главных причин крупного народного восстания в Сиене (июль 1371 г.)³⁴. На следующий год был раскрыт заговор против правительства Реформаторов, в котором участвовали «додичини» вместе с нобилями Салимбени (апрель 1372 г.), «додичини» (среди которых был и сам хронист Нери Донато³⁵) были осуждены, а Салимбени заплатили крупный штраф³⁶, но в октябре ситуация повторилась³⁷.

Обстановка постоянной вражды сильно влияла на мировосприятие горожан – современников, поэтому, например, после описания в 1372 году хорошего урожая, обеспечившего город в изобилии вином и зерном, Нери Донато поместил едкое замечание о том, что «стало изобилие всего необходимого для жизни, кроме любви, денег и искренней веры»³⁸. В 1374 году Сиену снова охватила эпидемия чумы, последствия которой усугубил голод³⁹, на следующий год на территорию Сиенского государства вновь вторглись кондотьеры под командой Джона Хоквуда⁴⁰, продолжавшие разорять его территорию.

Деятельность Екатерины Сиенской в это время уже приобрела итальянский (и даже европейский), масштаб: она писала многочисленные и эмоциональные письма папам и ита-

---

в последний день карнавала никому не разрешалось проходить по улице Фонтебранда, где была отпразднована эта свадьба.

³³ Cronaca di Donato di Neri. P. 633

³⁴ Ibid. P. 639–640

³⁵ Хронисты представляли оппозиционную правительству Реформаторов партию «додичини». Так, Донато Нери (отец) в 1370 году, а Нери Донато (сын) в 1372 году присуждались к уплате штрафов, о чем они сообщили в своей хронике. Ibid. P. 634, 645, 649.

³⁶ Ibid. P. 645.

³⁷ Ibid. P. 647

³⁸ Ibid. P. 648.

³⁹ Ibid. P. 653–655.

⁴⁰ Ibid. P. 658

льянским правителям, призывая их к любви и примирению. В 1375 году, когда обострились отношения между Авиньоном и итальянскими городами⁴¹, она написала папе Григорию XI и флорентийцам, а затем сама отправилась в Авиньон (1376), чтобы побудить враждующие стороны договориться и стремясь добиться возвращения Папы в Рим⁴². В начале Великой схизмы она обратилась к французскому королю Карлу V⁴³ и неаполитанской королеве Джованне I⁴⁴, призывая их повиноваться папе Урбану VI, как законному главе церкви. Активная деятельность Екатерины Сиенской, направленная на возрождение былого величия церкви, продолжалась вплоть до самой ее кончины в Риме в 1380 году, куда она приехала вместе со своей «семьей» (1379) для переговоров с кардиналами.

Хотя деятельность Екатерины Сиенской вышла за пределы Сиены, ей удалось внести значительный вклад и в политику родного города, о чем свидетельствуют ее письма, обращенные ко всему городскому сообществу, а также к представителям влиятельных городских семей. В этих письмах, адресованных сиенским властям и горожанам⁴⁵ и влиятельным сиенцам⁴⁶, Екатерина старается убедить своих адресатов в необходи-

⁴¹ Города-государства Тосканы, считавшие, что Григорий XI ограничивает их свободу, объединились в антипапскую лигу (Флоренция, Сиена, Пиза и Лукка). Глава этой лиги Флоренция вступила в союз с врагом пап – миланским правителем Бернабо Висконти (1354–1385 гг.).

⁴² *Топорова А.В.* «Письма» святой Екатерины Сиенской. В кн.: Екатерина Сиенская. Письма. М.: Ладомир: Наука, 2013. С. 290–291.

⁴³ Письмо 19 (350). В кн.: Екатерина Сиенская. Письма. С. 88–89.

⁴⁴ Письмо 22 (317). Там же. С. 105–106.

⁴⁵ Письмо 28 (121) Господам защитникам и капитану народа Сиены – из аббатства Святого Анфима. С. 140–144; Письмо 29(123) господам защитникам города Сиены. Там же. С. 145–150; Письмо 38(318) Сано ди Мако и всем чадам во Христе, сиенским мирянам. Там же. С. 183–190.

⁴⁶ Письмо 31 (170) Мессеру Пьетро, маркизу дель Монте, подеста Сиены. С. 156–157; Письмо 34(114) Аньолино ди Джованни д'Аньолино де'Салимбени да Сиена, Письмо 35(115) Монне Изе, дочери Джованни д'Аньолино де'Салимбени. С. 171–172. Письмо 39(48) Маттео ди Джованни Коломбини из Сиены. С. 191–194.

мости направить их собственные усилия на отказ от дурных привычек и намерений, на нравственное совершенствование и любовь к Богу. С ее точки зрения, только это может привести к положительным результатам в решении любых, в том числе, политических проблем. Так ей удастся примирить членов сиенского рода Толомеи, а позже (пусть и ненадолго) – двух крупнейших семейств нобилей Сиены: Толомеи и Салимбени⁴⁷.

Несмотря на широкую, прижизненную популярность Екатерины Сиенской, в городские хроники Сиены и других тосканских городов будущая прославленная святая «вошла» очень скромно: ее имя один раз упоминается во флорентийской хронике Маркьонне ди Коппо Стефани и единожды появляется в сиенской хронике Донато Нери и его сына Нери, в связи со смертью (1380)⁴⁸.

В год смерти Екатерины Сиенской в небольшом городке на территории Сиенской республики (Масса-Маритима) на свет появился Бернардин Сиенский (1380–1444) – францисканец и известнейший средневековый проповедник, который станет основателем бернардинской ветви францисканцев, чья деятельность тоже начнется в Сиене в начале XV века.

Анализируя тексты сиенских городских хроник XIV–XV вв., можно заметить, что их авторы четко связывают центральное событие истории Сиены – победу над флорентийцами в битве при Монтеаперти (1260) с главной небесной покровительницей города – Девой Марией, чей образ часто упоминается и в описаниях событий городской истории первой половины XIV века. «Эпоха бедствий» порождает мистические настроения в обществе, яркими выразителями которых становятся «новые» святые – Джованни Коломбини и Екатерина Сиенская. Описывая бурные события городской истории второй половины XIV века, авторы хроник, уделяют гораздо больше внимания восстаниям, смене правительств, набегам кондотьеров

⁴⁷ Топорова А.В. «Письма» святой Екатерины Сиенской. С. 292.

⁴⁸ Cronaca di Donato di Neri. P. 678

и другим политическим проблемам. Джованни Коломбини и Екатерина Сиенская, несмотря на их известность и прижизненную популярность, описаны в городских хрониках Сиены XIV–XV вв. очень скромно, буквально одной строкой.

Siena and its holy patrons (according to the materials of the city chronicles of the XIV–XV centuries)

Дмитриева Марина Игоревна, к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Dmitrieva Marina Igorevna, Ph.D., associate professor. Saint Petersburg State University (199034, Universitetskaia nab. 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation).

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений авторов городских хроник XIV–XV вв. о святых покровителях Сиены, начиная с главной небесной покровительницы города – Девы Марии до средневековых мистиков Джованни Коломбини и Екатерины Сиенской.

Ключевые слова: Дева Мария, городские хроники Сиены, Джованни Коломбини, Екатерина Сиенская.

Key words: Virgin Mary, Chronicles of Siena, Giovanni Colombini, Catherine of Siena.

Список источников и литературы

Дмитриева М. И. Городские хроники Сиены XIV века как источники по изучению представлений пополанов об обществе и власти. В кн.: Гуманитарный научный вестник. 2018. № 3. С. 37–43.

Дмитриева М. И. Джованни д'Аньолино Салимбени и правительство Двенадцати Синьоров в Сиене. В кн.: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2006. Вып. 4. С. 231–236.

Дмитриева М. И. Правительство Девяти Синьоров (1287–1355) в Сиене: образ власти в памятниках архитектуры. В кн.: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–3 (53). С. 51–53.

Екатерина Сиенская. Письма / Изд. подг. А. В. Топорова. М.: Ладомир: Наука, 2013. – 520 с.

Коваленко Н. А. Сиенская школа живописи 1260–1300 гг.: К проблеме изучения образов Богоматери. В кн.: Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. № 2. С. 223–229.

Пугачева И. В. Византийская икона как особо почитаемый образ в Италии XIII в.: на примере сиенской Одигитрии из церкви кармелитов. В кн.: Вестник Московского университета. 2020. № 1. С. 145–157.

Топорова А. В. Очерки по истории жанров средневековой религиозной литературы Италии XIII–XV вв. М.: Изд-во РГГУ, 2020.

Топорова А. В. «Письма» святой Екатерины Сиенской. В кн.: Екатерина Сиенская. Письма / Изд. подг. А. В. Топорова. М.: Ладомир: Наука, 2013. С. 277–305.

Cronache senesi / ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: Rerum Italicarum Scriptores. Bologna: Zanichelli, 1931–1939, T. XV, 6. P. 1–944.

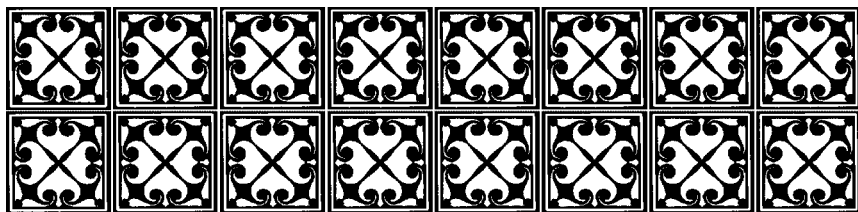
Cronaca senese attribuita ad Agnolo di Tura del Grasso detta la Cronaca Maggiore / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: Rerum Italicarum Scriptores, XV, 6. Bologna, 1937. P. 253–564.

Cronaca senese, conosciuta sotto il nome di Paolo di Tommaso Montauri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: Rerum Italicarum Scriptores, T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 179–252; P. 689–835.

Cronaca senese dall'anno 1202 al 1362, con aggiunte posteriori fino al 1391 di autore anonimo della metà del secolo XIV / Ed. A. Lisini e F. Iacometti In.: *Rerum Italicarum Scriptores*. T. XV, 6. Bologna, 1937. P. 42–162.

Cronaca senese di Donato di Neri e di suo figlio Neri / Ed. A. Lisini e F. Iacometti. In.: *Rerum Italicarum Scriptores*, XV, 6. Bologna, 1937. P. 569–685.

Vita del beato Gio. Colombini da Siena fondatore de' poveri gesuati con parte della vita d'alcuni primi suoi compagni scritta da Feo Belcari ristampata sull'edizione dell'abate Antonio Cesari di Verona. Milano: Per Giovanni Silvestri. 1832, 341 p.

А. И. Филюшкин

**«Человек пограничья германского мира»:
жизнь и творчество Пауля Одерборна**

Европейское «Столетье войн» 1550–1648 гг. сопровождалось бурными социальными процессами. Помимо прочих, оно формировало особый тип людей, которые жили на границе между противоборствующими мирами и именно здесь находили свою судьбу. Одной из таких контактных зон в конце XVI в. была Юго-Восточная Балтия. Здесь сошло с исторической сцены государство Немецкого ордена (Прусская ветвь в 1525 г., Ливонская в 1560–1562 гг.), от которого осталось только формальное имя¹. Священная Римская империя потеряла свою восточную провинцию, формальную власть над которой, впрочем, оформила достаточно поздно, только в 1530 г. Это не означало ухода из региона «германского мира», он оставался и в культуре, и в религии, и в экономике, и в социальном строе. Но в него вторгались соседи, пытавшиеся перекроить карту Балтики под себя. Шведское, Датское и Польское королевства, Великое княжество Литовское, Российское царство, каждое на свой манер, пытались откусить свой кусок «ливон-

---

¹ См.: Вебер Д.И., Филюшкин А.И. «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

ского пирога». Эту ситуацию В.В. Пенской очень точно назвал «войной за ливонское наследство»².

Война порождала особые социальные типы: наемника, служившего нескольким королям, беженца, ищущего спасения в сравнительно благополучной Европе, «спасителя мира» от «московитских варваров» (таковыми мнила себя часть польской шляхты) и т.д. В данной статье мы рассмотрим тип своеобразного культуртрегера, целью и смыслом своей жизни выбравшего работу в польско-литовско-ливонском приграничье. Немецкий пастор Паул Одерборн приехал сюда, чтобы нести свет истинной, евангельческой веры жителям Великого княжества Литовского. Он оказался вовлечен в борьбу против России, даже немного поучаствовал в боевых действиях. Но главным поприщем для него оказалась роль своего рода «военного корреспондента»: он писал на Родину, в Германию, рассказы о происходящих событиях, и в этом видел своей вклад в борьбу с «Московитом». Почувствовав литературный успех, ощущая себя «глазами германского мира» на восточной границе, он сочинил первую в Европе биографию тирана, правителя России Ивана Грозного. Помимо литературной деятельности, он пытался практически участвовать в насаждении протестантизма в Риге и Ковно, но здесь оказался куда менее успешным. Биография Одерборна – это биография своего рода религиозного и культурного миссионера XVI века, миссионера, пришедшего из Центральной Европы в Европу Восточную.

Биография Одерборна изучена мало, в основном на уровне энциклопедических статей, которые повторяют информацию друг друга³. Известно, что он родился в городке Барт (Barth)

² Пенской В.В. Какую войну проиграл Иван Грозный? (Была ли Ливонская Война главной войной Ивана Васильевича?) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 38–46.

³ *Gadebusch F. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung*. Riga, 1777. Theil II. S. 298–303; *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrtenlexikon*

в герцогстве Вольгаст. Социальный статус семьи Одерборна неизвестен. В 1570 г. он стал студентом-магистрантом факультета теологии Университета Ростока. В 1574 г. он закончил Ростокский университет со степенью магистра философии⁴. Он оказался среди немецких пасторов, которые выполняли в Великом княжестве Литовском миссию распространения протестантизма лютеранского толка. С 1577 г. Одерборн исполнял обязанности проповедника в лютеранской церкви в Вильно.

В 1579 г. пастор в качестве полевого священника вступил в армию Стефана Батория и принял участие в походе на Полоцк. После боев он вернулся в Ковно, где стал приходским священником. Участие в контрнаступлении Речи Посполитой, вдохновение от реванша за все поражения на фронтах Ливонской войны вызвали обращение Одерборна к литературному творчеству. В 1579 г. с помощью Георгия Остенберга он издает в Кёнигсберге (Крулевце) панегирик польским королям⁵. Сочинение представляет собой подбор глорификационных четверостиший на латыни, каждое из которых посвящено восхвалению одного монарха, от легендарного Леха I до Стефана I, одержавшего великую триумфальную победу над «москами» (московитами).

Одерборн писал в Германию письма о войне. Его адресатом был его учитель в Ростокском университете, профессор Давид Хитрей (ректор Ростокского университета в 1563, 1567, 1573,

---

der Provinzen Livland, Esthland und Kurland / *Adelung F.* Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Eggers, 1846. S. 356–358; *Napiersky C., Beise T.* Nachträge und Fortsetzung. Mitau, 1861. Bd. 1. S. 82; *Narzyński J.* Oderborn Paul // *Polski Słownik Biograficzny*. T. XXIII. Wrocław, 1978. S. 533–534; *Graham H. F.* Oderborn, Paul // *Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*. 1981. T. 25. P. 186–187; *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Iowa, 2008. P. 83; Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: Материалы к биобиблиографическому словарю / Сост. П. Д. Малыгин. М., 2018. С. 110

⁴ *Narzyński J.* Oderborn Paul. S. 533.

⁵ *Odrobornius, Paulus.* Reges Poloni, a prima gentis origine usque ad Stephanum I., brevissime descripti. Königsberg: Regio Monti Borussiae, 1579.

1585 и 1597 гг.), известный богослов, автор протестантского катехизиса. Одерборн собирал для него сведения о переговорах Поссевино с дипломатами Ивана Грозного в Киверовой горке в 1581–1582 гг., об осаде Пскова, характеристики участников боевых действий. Материалы, присланные Одерборном, а также некоторые фрагменты его корреспонденции Хитрей публиковал⁶.

А. Каппелер со ссылкой на переписку Одерборна и Хитрея атрибутирует ковенскому пастору брошюру о подведении итогов Ливонской войны и условиях перемирия, заключенного в 1581 г. в Яме Запольском польской делегацией во главе с Антонио Поссевино⁷. Акцент делается на освободительной миссии Польши и победах Стефана Батория над Иваном Грозным. Между брошюрой и сочинением Одерборна в самом деле есть ряд текстуальных совпадений, поэтому версию Каппелера можно считать аргументированной. Также Каппелер считает, что существовала недошедшая до нас в полном виде записка Одерборна о рейде на Старицу отряда Криштофа Радзивилла в 1581 г.⁸

⁶ *Literae, quibus res à se in bello Moschico, post captum Vielico Lukum, gestas, et consilia rerum deinceps gerendarum explicat et comitia Warsoviensia indicit; Item de legatione Turcicj & Tartaricj imp. mense Novembri, Vilnae audita. Et alia lectu non iniucunda.* Rostock: Möllemann, 1581. А. Каппелер, у которого это издание приводится без указания на место издания и издателя, отмечает, что часть опубликованных здесь текстов своим происхождением связаны с Одерборном (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes.* Bern, H. Lang, 1972. S. 63. F. 151). Д. Бенга приводит ссылки на несколько писем Одерборна Хитрею о боях на фронтах Ливонской войны (*Benga D. David Chytraeus (1530–1600) als Erforscher und Wiederentdecker der Ostkirchen. Seine Beziehungen zu orthodoxen Theologen, seine Forschungen der Ostkirchen und seine ostkirchlichen Kenntnisse.* Wittenberg, 2006. S. 184).

⁷ *De Plescoviae obsidione et pacificatione secuta, illiusque conditiones. Item. De Livonicis et Turcicis rebus, narrationes lectu non indignae: proxime praeterito mense ex Lithuania scriptae.* S. l., 1582 (*Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 64–65).

⁸ *Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel ...* S. 67. F. 165.

В 1581 г. Одерборн написал, а в следующем году опубликовал работу, посвященную описанию религии русинов и татар⁹. В основу труда были положены личные наблюдения Одерборна, сделанные им во время выполнения пасторских обязанностей в Вильно, Ковно и особенно во время Полоцкого похода 1579 г., то есть в фокусе оказалась религия русинов Великого княжества Литовского¹⁰. Адресатом сочинения Одерборна выступал Хитрей¹¹.

Здесь пастора ждал первый крупный успех. Миссия Антонио Поссевино 1581 г., слухи о желании Ивана Грозного заключить католическую унию, религиозные диспуты православных, католиков и протестантов в 1580-е гг. порождали рост интереса к религии народов будущей Восточной Европы, прежде всего русинов. Показателем востребованности стало то, что сочинение Одерборна стало включаться в различные подборки, объединяясь с трудами других авторов: Давида Хитрея¹², Александ-

---

⁹ Oderbornius, Paulus. De Rvssorvm religione, ritibvs nyptiarvm, fvnerum, victu, vestitu, &c.: et de Tartarorvm religione ac moribus: vera & luculenta narratio ad D. Davidem Chytraeum recens scripta; Alia eiusdem argumenti de religione et sacrificiis veterum Borussorum ad CL. V. Georgium Sabinum olim missa. Rostock, 1582. Неполный обзор изданий см.: Лукьяненко Н. А. Издание сочинений Пауля Одерборна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 2. С. 153–155.

¹⁰ *Benga D. David Chytraeus...* S. 187.

¹¹ Хитрей также рассчитывал на консультации Одерборна об армянской церкви (на основе наблюдений над армянской общине во Львове), но такое письмо Одерборна неизвестно (*Benga D. David Chytraeus (1530–1600)...* S. 102).

¹² Daudis Chytraei Oratio de statv ecclesiarum hoc tempore in Graecia, Asia, Boemia, &c. Epistolae Constantinopolitanae & aliae circiter XXX. Qvibvs in hac editione aliquot epistolae Graecae ac Latinae, Confessio fidei a Gennadio Patr. Mahometi II. Imp. Turc. exhibita, De Russorum & Tartarorum religione ac moribus [auctore Paulo Oderbornio], & veterum Borussorum sacrificijs [auctore Io. Meletio], & alia accesserunt. Adiuncta item Epistola Constantinopolitanae Ecclesiae ad Boemos. Francofurti : Haeredes Andreae Wecheli, 1583.

ра Гваньини¹³ и Яна Ласицкого¹⁴. Тракта Одерборна о религии русинов стали включать в «страноведческие» подборки о землях будущей Восточной Европы¹⁵. В составе таких сборников он неоднократно переиздавался.

В 1583 г. из под пера Одерборна выходит панегирик роду литовского магната Яна Глебовича¹⁶. Содержание поэмы весьма красочное: музы встречаются на р. Неман с Нептуном, который выходит из реки и показывает герб Яна Глебовича. Муза истории Клио рассказывает о четырех знатных литовских родах, чьи символы размещены на гербе Глебовича, с экскурсами в историю Великого княжества Литовского. В 1585 г. выходит первая в мире иностранная биография правителя России – жизнеописание Ивана IV. Выход книги сделал Одерборна если не знаменитым, то известным – его труд был последним в XVI в. ярким памятником «иванианы» – цикла европейской «Россики» об Иване Грозном, сочинений второй половины XVI в. Он как бы венчал собой немецкое и польское направления в развитии «иванианы» в этом столетии.

Несмотря на всю одиозность, книга Одерборна не стала предметом специального исследования. Краткие обзоры из-

¹³ Guagnini, Alessandro. *Rerum Polonicarum Tomi tres Quorum Primus Omnium Poloniae Regum, A Lecho Primo Gentis Duce, Ad Stephanum Bathorem*. Francofurti: Excudebat Ioann. Wechelus : impensis Sigis. Feyerabendij, 1584.

¹⁴ *De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, &c., et de tartarorum religione ac moribus*. Lipsiae, ex officina Abrahami Lambergi, 1589.

¹⁵ См. например: *Orbis terrae svccincta explicatio ... maria item, littora ... peninsulae ... oceani ... a Michaele Neandro. Denuò adiecta sunt alia aliorum auctorum scripta ... (Hodoeporicon sive itinerarivm D. Solomonis svveigkeri svltzensis ... conscriptum a Martino Crvsio) (De statv ecclesiae et religionis in aethiopia sub precioso Iohanne. Matthaei dresseri ...)(De rvssorum religione, ritibvs nuptiarvm ... et de tartarorum religione ... [v.Paul Oderborn])(De religione et sacrificiis veterum Borussorum, epistola Io. Meletii)*. Leipzig, 1597.

¹⁶ *Hymnvs De Antiqva Et Illystri Heleboviciorum Gente Scriptvs Ad Illystrem Et Magnificvm Dominvm D. Ioannem Helebovicium, Castellanum Minscensem & Mag. Ducat Lith. Thesaurarium terrestrem*. Vilnae, 1583. О нем см.: Narbutas S. *Nežinoma Pauliaus Oderborna poema apie Lietuvą // Senoji Lietuvos Literatūra*. 2018. Issue 45. P. 80–108.

даний приводятся в работах А. Каппелера, М. По, Т. Мунда, А. Л. Хорошкевич, Н. А. Лукьяненко¹⁷. Наиболее полный обзор взглядов Одерборна на царя Ивана содержится в книге А. Каппелера¹⁸, статье И. И. Полосина¹⁹ и серии статей А. Л. Хорошкевич²⁰. Но все эти исследования фрагментарны, в целом сочинение Одерборна еще ждет своего научного изучения.

В 1587 г. Одерборн был в Гродно на встрече нового короля Речи Посполитой – Сигизмунда III Васы, и написал в его честь панегирик²¹. Затем пастор отправился в Ригу, которая до конца войны за Ливонию, до 1581 г. сохраняла свой независимый статус и только после победы над Россией подчинилась пре-

¹⁷ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel ... S. 73, 262; *Mund S.* Orbis russiarum: Genèse et développement de la représentation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève, 2003. P. 178–179; *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy... P. 89; *Хорошкевич А. Л.* Иван III и его потомки в представлении Пауля Одерборна: источники памфлета и историческая память // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Вып. I. СПб., 2006. С. 49–58; *Лукьяненко Н. А.* Издание сочинений Пауля Одерборна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 2. С. 153–155.

¹⁸ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel... S. 77–81.

¹⁹ *Полосин И. И.* Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И. И. Социально-экономическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 192–217.

²⁰ *Хорошкевич А. Л.* Иван III и его потомки в представлении Пауля Одерборна: источники памфлета и историческая память // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Вып. I. СПб., 2006. С. 49–58; ее же. Великий Новгород и Средневековая Русь: Поход Ивана Грозного на Новгород в 1569 г. в изображении Пауля Одерборна // Великий Новгород и Средневековая Русь: сборник статей. М., 2009. С. 313–320; ее же. П. Одерборн о взятии Казани // Сословия, институты и государственная власть в России) Средние века и Раннее Новое время). Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 137–140

²¹ *Panegyricus ad serenissimos et potentissimos Principes ac Dominos, D. Joannem III. Suecorum, Gothorum, Vandalorumq, Regem, Magnum Principem Finlandiae, Careliae, Votschoviae, et Ingriae Ruthenorum, Estoniaeq; Livonum Ducem. Et Sigismundum III. Regem Poloniae et designatum Sveciae, Magnum Ducem Lithuaniae, Rußiae, Prußiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Volhiniae, Podlachiae, Livoniae etc.* Riga, 1589.

дыдущему королю Речи Посполитой, Стефану Баторию. Одерборн служил в соборе св. Петра, главном храме горожан Риги²². После Реформации 1520-х гг. он был передан лютеранской общине²³.

Рига с 1584 г. была охвачена т. н. «календарными беспорядками». Поводом к ним были распоряжения римского папы Григория XIII о введении григорианского календаря (1582) и короля Стефана Батория о восстановлении в правах в Риге иезуитов. Король Стефан в 1582 г. выкупил у города церковь св. Иакова и передал ее католикам. Городской совет Риги подчинился решению о введении григорианского календаря в октябре 1584 г. под угрозой штрафных санкций. Старый, юлианский календарь для горожан стал символом старой Ливонии, былого мира, неотвратимо разрушенного войной и установлением новой, польской власти. В результате в Рождество зимой 1584 г. в Риге вспыхнули беспорядки. Рижане демонстративно игнорировали праздник по григорианскому календарю и отмечали по юлианскому. Церковь Иакова была разгромлена толпой, как в 1520-е гг. во время Реформации протестантами разорялись католические храмы. Королевские войска двинулись на Ригу, а рижане отправили послов в Швецию просить о переходе Риги из под власти Короны Польской под высокую руку шведского короля²⁴. Кризис мог привести к кровавым событиям, но 9 декабря 1586 г. в Гродно внезапно умирает Сте-

²² Одерборн также участвовал в издательской деятельности протестантских книгопечатников Риги: *Berthold A. Niclas Mollyn*, First Printer of Riga, 1588–1625 // *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*. 1935. Vol. 5. No. 3. Pp. 289–300.

²³ *Narzyński J.* Oderborn Paul. S. 534.

²⁴ О событиях в Риге см.: *Bergmann B.* Die Kalenderunruhen in Riga in den Jahren 1585 bis 1590. Leipzig, 1806; *Kleeberg G.* Die Polnische Gegenreformation in Livland. Leipzig, 1931. S. 72–90; *Dsirne F.* Der Rigasche Kalenderstreit zu Ende des 16. Jahrhunderts. Riga, 1867; *Ziemlewska A.* «Rozruchy kalendarzowe» w Rydze (1584–1589) // *Zapiski Historyczne*. 2006. T. 71. Z. 1. S. 107–124; Idem. Ryga w Rzeczypospolitej polsko-litewskiej (1581–1621). Toruń, 2008. S. 190–221.

фан Баторий. С одной стороны, это предотвратило военную акцию против мятежников, с другой – Рига присягала королю Баторию, а для нового короля, Сигизмунда III, была нужна новая присяга. И для Риги здесь был шанс поторговаться.

Прибывший в 1589 г. в Ригу Одерборн оказался между двух огней. С одной стороны, он был лютеранский пастор, с другой – в последние годы всегда поддерживал королевскую власть и даже воевал под знаменем Стефана Батория. Одерборн выбрал роль посредника между радикальными кругами бюргерства и властью. Его целью было сохранить позиции лютеран в городе, в частности, удержать за ними церковь св. Иакова. При этом ситуация была сложной. Между гильдиями, зажиточным бюргерством и городским плебсом было много противоречий. Любой человек, вмешавшийся в эту борьбу, мог легко попасть в трудную ситуацию. Именно это и произошло с Одеборном.

В феврале 1589 г. Одерборн передал городскому совету королевские инструкции для депутатов сейма Речи Посполитой от Риги. В них предлагалось обеспечить принесение горожанами Риги присяги Сигизмунду III и пригласить для урегулирования «календарных беспорядков» королевских комиссаров. Однако достичь компромисса не удалось, а в октябре 1589 г., во время визита в Ригу Сигизмунда III, вину за провал переговоров возложили на Одерборна²⁵. Получилось, что его желание быть посредником и одновременно блюсти интересы и королевской власти, и рижского совета, и горожан-лютеран привело только к ссоре с ними. Одерборн уехал из Риги, это была его первая крупная неудача в жизни.

Неизвестно, рижский провал так повлиял на Одерборна или какие-то другие обстоятельства, но интенсивность его участия в церковной и интеллектуальной деятельности резко снижается. После событий в Риге 1589 г. он больше ничего

²⁵ *Narzyński J. Oderborn Paul. S. 534.*

не написал на историческую и политическую тему. Мы можем только предполагать, было ли это связано с его потрясением в дни «календарных беспорядков». Из его творчества полностью исчезают и тема войны за Ливонию, и образ Москвиты – Ивана Грозного. Хотя нельзя сказать, что эти сюжеты больше не волнуют европейского читателя, но для Одерборна его «иваниана» закончилась.

Живя в Курляндии, пастор участвует в религиозных диспутах с католиками (1599 г. – с ректором иезуитской коллегии в Риге Михалом Отто Беканом²⁶), пишет и публикует проповеди и религиозные песни²⁷. Сочиненный Одерборном гимн «Der Tag hat sich geneiget, die Sonn' mit ihrem Schein» в 1657 г. был включен в сборник протестантских песен Иоганна Крюгера²⁸. Несколько гимнов, как отметил Е. Наржинский («Ihr lieben Christen trauert nicht...» и «Der Tag hat sich geneiget...») были переведены на польский язык и вошли в польские канцоны XIX в.²⁹.

²⁶ Отчет о диспуте был опубликован: Ein Gespräch Von der Religion auff dem Fürstlichen hause zur Mittaw Zwischen Michaelē Ottonio Becano Societatis Iesv Vnd Paulo Oderbornio Superintendente in Curlandt ... gehalten anno ... 1599 in Augusto. Wilda: Durch Georgium Nigellium, 1605.

²⁷ Trost Schrift an den Edlen Gestrengen vnd Ehrnvesten Herrn Georg von Tiesenhausen, Fürstl: Durchlauchtigkeit zu Churlandt Cantzler, da Ihrer Gestreng: liebe Ehegemahlin, die Edle vnd Tugentreiche Fraw, Barbara Tiesenhausin, geborne Schwartzhoffin, seliglich aus dieser Weltdt in Christo gestorben war. Riga: N. Mollyn, 1591; Vier Predigten Von dem Bogen Gottes in den Wolcken. Riga: N. Mollyn, 1591; Trostschrift an den Edlen Gestrengen vnd Ehrnvesten Herrn Wilhelmen von Effern Fürstl: Durchl: zu Churlandt etc. Burggraffen vnd Rath, da Ihrer Gestrengigkeit einiger vnd Edler Son, Gothard von Effern auff der Vniuersitet Könipssperg seliglich aus dieser Weltdt in Christo gestorben war. Riga: N. Mollyn, 1591. Й. фон Рекке указывает также на публикацию сочинения Одерборна: Leichenpredigt auf den Bürgermeister Otto von Meppen, über Sirach., 7. Ebend. Riga, 1596 (*Recke von, J. F. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten- Lexikon Der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Vol. 3. Mitau, 1831. S. 340*), с которой нам ознакомиться не удалось.

²⁸ Указан среди источников сборника И. Крюгера на сайте: <http://www.johann-crueger.de/register.html>

²⁹ *Narzyński J. Oderborn Paul. S. 534.*

О биографии Одерборна в 1590–1592 гг. мы ничего не знаем, в 1593 г. он оказывается в Митаве, при дворе герцога Фридриха Курляндского. Он добивается благосклонности герцога и в 1597 г. при его поддержке достигает высшей точки в карьере – становится суперинтендантом всех лютеранских церквей в Курляндии. Служил он при этом в церкви св. Троицы в Митаве³⁰, до своей смерти в 1604 г., в возрасте около 50 лет. Его биография похожа на биографии многих его современников, отправившихся отстаивать позиции «германского мира» на восточные окраины Священной Римской империи, захлестнутых событиями войны за Ливонию и религиозным противостоянием католиков, протестантов и православных в Восточной Европе в конце XVI в. От них Одерборн отличался только своим литературным талантом, позволившим ему оставить след в истории первой в Европе биографией русского правителя. Следующим русским правителем, удостоенным такого внимания, станет только Петр I. Примечательно, что книга Одерборна переиздавалась в 1698 г., во время Великого Посольства³¹ – западный читатель хотел узнать, что из себя представляет правитель далекой Московии, и для этого обратился к биографии Ивана Грозного.

³⁰ *Kallmeyer T.* Die evangelischen Kirchen und Prediger Kurlands... S. 39. Церковь Троицы считается первой в Прибалтике церковью, специально построенной как лютеранская церковь (до этого лютеране пользовались захваченными и переделанными католическими храмами). Была построена в 1574 г. по приказу бывшего последнего магистра Ливонского ордена и первого курляндского герцога Готтарда Кеттлера. До наших дней церковь XVI в. не сохранилась, в восстановленном виде (2010 г.) дошла только башня церкви, возведенная в 1688 г. и перестроенная в 1862 г.

³¹ *Oderborn P.* Des grausamen Tyrannen Johannis Basilidis, sonst Iwan Wasilowitz genant, gewesenen Czaars in der Moschkau, Leben und Thaten: Benebenst einem Anhang von der Moschkowitischen Religion; Aus der alten und neuen Kirchen-Historie deutlich und gründlich zusammen getragen und heraus gegeben. Erffurth: Verlegt Johann Christian Wohlfart, 1698.

The Man of the Borderlands of the German World": the life and creation of Paul Oderborn

Филушкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета a.filushkin@spbu.ru.

Filyushkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of the Slavic and Balkan Countries, St. Petersburg State University a.filushkin@spbu.ru.

Аннотация. В статье описана биография Пауля Одерборна (около 1550–1604), немецкого пастора, протестантского проповедника, служившего в церквях в Вильно, Ковно, Риге, Митаве. В 1579 г. он участвовал в Полоцком походе польского короля Стефана Батория на Россию. Одерборн фактически выполнял функции военного корреспондента, отправляя в Германию свои наблюдения о ходе Ливонской войны. В 1585 г. он опубликовал «Жизнеописание Ивана Васильевича» – первую в истории западную биографию Ивана Грозного. Из-под его пера также вышли другие сочинения – о религии, письма о Ливонской войне, духовные песнопения. В 1589 г. Одерборн участвовал в «календарных беспорядках» в Риге, с 1597 г. стал суперинтендантом всех лютеранских церквей в Курляндии. Его биография – пример миссии немецкого протестантского проповедника в пограничных землях Священной Римской империи в контексте войны за самую восточную провинцию этой империи – Ливонию.

Ключевые слова: Ливония, Великое княжество Литовское, Реформация, Ливонская война, Иван Грозный.

Abstract. In the paper is described the biography of Paul Oderborn (circa 1550–1604), a German pastor, a Protestant preacher who served in churches in Vilna, Kovno, Riga, Mitava. In 1579, he participated in the Polotsk campaign of the Polish king Stefan Batory against Russia. Oderborn actually performed the functions of a war correspondent, sending his observations about the course of the Livonian War to

Germany. In 1585, he published “The Biography of Ivan Vasilievich” – the first Western biography of Ivan the Terrible in history. Other writings also came out from his pen – about religion, letters about the Livonian War, spiritual chants. In 1589, Oderborn took part in the “calendar disturbances” in Riga, and from 1597 he became superintendent of all Lutheran churches in Courland. His biography is an example of the mission of a German Protestant preacher in the borderlands of the Holy Roman Empire in the context of the war for the easternmost province of this empire – Livonia.

Key words: Livonia, Grand Duchy of Lithuania, Reformation, Livonian War, Ivan the Terrible.

Список литературы

Вебер Д.И., Филюшкин А.И. «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018.

Западноевропейские авторы XV–XVII вв. о России: Материалы к биобиблиографическому словарю / Сост. П. Д. Малыгин. М., 2018.

Лукьяненко Н. А. Издание сочинений Пауля Одерборна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2007. № 2. С. 153–155.

Пенской В.В. Какую войну проиграл Иван Грозный? (Была ли Ливонская Война главной войной Ивана Васильевича?) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 38–46.

Полосин И. И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И. И. Социально-экономическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 192–217.

Хорошкевич А. Л. Великий Новгород и Средневековая Русь: Поход Ивана Грозного на Новгород в 1569 г. в изображении Пауля Одерборна // Великий Новгород и Средневековая Русь: сборник статей. М., 2009. С. 313–320.

Хорошкевич А. Л. Иван III и его потомки в представлении Пауля Одерборна: источники памфлета и историческая память // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Вып. I. СПб., 2006. С. 49–58.

Хорошкевич А. Л. Иван III и его потомки в представлении Пауля Одерборна: источники памфлета и историческая память // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Вып. I. СПб., 2006. С. 49–58.

Хорошкевич А. Л. П. Одерборн о взятии Казани // Сословия, институты и государственная власть в России) Средние века и Раннее Новое время). Сб. статей памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 137–140.

Adelung F. Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Eggers, 1846.

Benga D. David Chytræus (1530–1600) als Erforscher und Wiederentdecker der Ostkirchen. Seine Beziehungen zu orthodoxen Theologen, seine Erforschungen der Ostkirchen und seine ostkirchlichen Kenntnisse. Wettenberg, 2006.

Bergmann B. Die Kalenderunruhen in Riga in den Jahren 1585 bis 1590. Leipzig, 1806.

Berthold A. Niclas Mollyn, First Printer of Riga, 1588–1625 // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 1935. Vol. 5. No. 3. Pp. 289–300.

Dsirne F. Der Rigasche Kalenderstreit zu Ende des 16. Jahrhunderts. Riga, 1867; Ziemiałowska A. «Rozruchy kalendarzowe» w Rydze (1584–1589) // Zapiski Historyczne. 2006. T. 71. Z. 1. S. 107–124.

Dsirne F. Ryga w Rzeczypospolitej polsko-litewskiej (1581–1621). Toruń, 2008. S. 190–221.

Gadebusch F. Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung. Riga, 1777. Theil II.

Graham H. F. Oderborn, Paul // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1981. T. 25. P. 186–187;

Kappeler A. Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen

Druckschriften seiner Zeit: ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Bern, H. Lang, 1972.

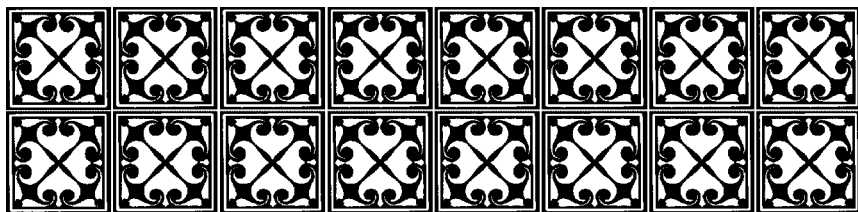
Kleeberg G. Die Polnische Gegenreformation in Livland. Leipzig, 1931.

Mund S. Orbis russiarum: Genèse et development de la representation du monde "russe" en Occident à la Renaissance. Genève, 2003.

Napiersky C., Beise T. Nachträge und Fortsetzung. Mitau, 1861. Bd. 1.

Narzyński J. Oderborn Paul // Polski Słownik Biograficzny. T. XXIII. Wrocław, 1978. S. 533–534;

Poe M. Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Iowa, 2008.

Н. А. Бережная

**Поход пфальцграфа Иоганна Казимира
во Францию в 1575–1576 гг. в корреспонденции
немецких князей**

Одним из наиболее изучаемых в настоящее время фрагментов огромного мозаичного панно под названием «Религиозные войны во Франции» является участие в боевых действиях иностранных контингентов. Гугеноты, как и католики, вербовали войска в европейских королевствах, причем большую часть — в Империи; этими войсками предводительствовали немецкие князья и дворяне¹. Среди князей, воевавших на стороне гугенотов, одним из самых известных был Иоганн Казимир, младший сын первого кальвинистского курфюрста Пфальца Фридриха III. Пфальцграф Иоганн Казимир трижды организовывал и дважды возглавлял военные экспедиции во Францию. На его счету нет блестящих побед, тем не менее он относительно успешно выполнял поставленные перед ним задачи: в 1567–1568 гг. его войска сковали армию герцога де Гиза в Шампани, в 1575–1576 гг. его наступление обеспечило

---

¹ О походах немецких князей во Францию см.: *Прокопьев, А. Ю.* Немецкое дворянство и французские религиозные войны, В кн: Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Сост. Ю. Досси, В. В. Шишкин. СПб., М., 2015. С. 185–206.

успех переговоров молодого принца Генриха де Конде с королевским двором, наконец в 1587 г., во время третьего, наименее удачного, похода армия, предводительствуемая графом Фабианом фон Дона, была разбита лигерами, но, оттянув на себя значительную часть католических сил, способствовала победе Генриха Наваррского на южном направлении (сам Иоганн Казимир не мог в тот раз возглавить армию, поскольку после смерти старшего брата, курфюрста Людвига VI, исполнял обязанности администратора Пфальца и регента при малолетнем племяннике). Среди всех имперцев, воевавших во Франции, пфальцских князей выделяли и католики, и гугеноты. Католики сравнивали Иоганна Казимира с Аттилой, его отряды наемников — с гуннами², имя пфальцграфа стало примером жестоких методов ведения войны, неоправданных опустошений и разрушений, войны ради денег (в конце каждой компании он требовал денег от французского двора, чтобы увести войска обратно в Германию). С другой стороны, гугеноты надеялись на поддержку Пфальца и были благодарны его властителям: так, французский юрист и теолог Франсуа Отман, доверенное лицо королевы Жанны Наваррской, бежавший в Женеву после Варфоломеевской ночи, посвятил Фридриху III сначала латинское, а потом и французское издания знаменитой «Франкогаллии».

Современные историки (Йенс Брунинг³, Уве Ширмер⁴,

² Шишкин В. В. Переписка немецких князей с французским двором во время Религиозных войн XVI века (по материалам из Российской национальной библиотеки), в кн: Средние века. 2016. Вып. 77 (3–4). С. 387.

³ Bruning J. Die kursächsische Reichspolitik zwischen Augsburger Religionsfrieden und Dreißigjährigem Krieg — nur reichspatriotisch und kaisertreu?, in: Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 81–94. Здесь и далее см.: Бережная Н.А. Проблема толерантности в отношениях немецких кальвинистов и французского королевского Дома в 1560-е – 1570-е гг., в кн: Вопросы истории. 2019. № 12 (2). М., 2019. С. 263–264, 271.

⁴ Schirmer U. Sachsen und die Reichspolitik, in: Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / Hrsg. von H. Junghans. Leipzig, 2005. S. 219–237.

Андрей Юрьевич Прокопьев⁵) считают 1572 год и Варфоломеевскую ночь рубежом, после которого большинство немецких лютеранских князей, в первую очередь курфюрст Август Саксонский, перестают поддерживать протестантские военные проекты за пределами Империи. В этих условиях Пфальц ненадолго перехватывает инициативу, претендуя на лидерство — или хотя бы на значимую роль — в европейском протестантском блоке. Этот период продлится вплоть до смерти Фридриха III в октябре 1576 г., после чего пфальцкий престол займет лютеранин Людвиг VI, а Иоганн Казимир будет вынужден значительно сократить свою «внешнеполитическую» активность. Бернар Фоглер, писавший о роли пфальцских курфюрстов в Религиозных войнах во Франции, по-другому расставляет акценты. Он связывает этапы участия Пфальца в этом конфликте с правлением курфюрстов Фридриха III (1559–1576) и Людвига VI (1576–1583), а также Иоганна Казимира (1583–1592), администратора в годы малолетства племянника: если кальвинисты Фридрих III и Иоганн Казимир стремились защитить единоверцев, оказывали им помощь, то лютеранин Людвиг VI «почти не проявлял интереса к внешнеполитическим проблемам»⁶. По мнению историка, в отличие от Иоганна Казимира, считавшего военные действия едва ли не основным инструментом создания европейского альянса для защиты протестантизма, Фридрих III на протяжении всего своего правления отстаивал идею договоренностей с французским королевским Домом на условиях гарантий для гугенотов: он помнил, что Генрих II оказал поддержку протестантскому союзу в период Шмалькальденских войн, и надеялся, что сыновья Генриха станут союзниками немецких князей

⁵ Прокопьев А. Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны. С. 190–191.

⁶ Vogler B. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592), in: Blätter für pfälzische Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde. Vol. 37/38. 1970–1971. S. 239–240.

против испанского короля Филиппа II в войне, разгоревшейся в Нидерландах⁷. Поэтому военные экспедиции во Францию Фридрих III пытался представить личной инициативой Иоганна Казимира. Даже Варфоломеевская ночь не изменила этот принципиальный подход, хотя пфальцский курфюрст в письмах представителям династии Валуа неоднократно высказывал возмущение и до самой смерти Карла IX отказывался вести переговоры о предполагаемом альянсе⁸. Эйке Вольгаст в статье об имперской и внешней политике Пфальца в 1559–1620 гг., напротив, утверждает, что ее основные задачи были сформулированы еще предшественником Фридриха III Отто Генрихом, и с тех пор серьезно не менялись вплоть до возвышения князя Кристиана Ангальт-Бернбургского, вдохновителя политических инициатив курфюрстов Фридриха IV и Фридриха V. На протяжении всей второй половины XVI в. конфессиональные интересы для рейнских курфюрстов были приоритетными по сравнению с территориальными и финансовыми⁹.

В настоящей статье мы попытались представить аргументацию Иоганна Казимира накануне и во время экспедиции 1575–1576 гг., обращенную к имперским протестантским кня-

⁷ *Vogler B.* Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592). S. 236–237, 240–251.

⁸ *Vogler B.* Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592). S. 246–247.

⁹ *Wolgast E.* Konfessionsbestimmte Faktoren der Reichs- und Außenpolitik der Kurpfalz 1559–1620, in: *Konfessioneller Fundamentalismus: Religion als politischer Faktor im europäischen Mächtesystem um 1600* / Hrsg. von H. Schilling. München: De Gruyter Oldenbourg, 2007. S. 167–187. Корнел Цвирлейн в работе, посвященной печатной пропаганде XVI в. и восприятию Гугенотский войн в Италии и в Германии также настаивает, что Пфальц акцентировал именно защиту «истинной» веры как главный мотив и главный аргумент пропаганды своих «политических решений», см.: *Zwierlein C.* *Discurso und Lex Dei. Die Entstehung neuer Denkrahmen im 16. Jahrhundert und die Wahrnehmung der französischen Religionskriege in Italien und Deutschland.* Göttingen, 2006. S. 549–556, 611–614, 646–691.

зьям, и реакцию последних на доводы Пфальца в пользу военного вмешательства. Какие мотивы пфальцграф акцентировал в первую очередь? На какие цели ссылался, пытаясь убедить имперские чины в необходимости участия в религиозных войнах во Франции? Изучение внешнеполитических аспектов деятельности Иоганна Казимира до конца 1576 г. важно еще и потому, что биографы пфальцграфа (Дитер Кунц¹⁰, Манфред Кун¹¹, Петер Крюгер¹²) сосредотачивались исключительно на его самостоятельном правлении после смерти Фридриха III, так как они считали, что при жизни отца Иоганн Казимир, убежденный кальвинист, был лишь исполнителем его воли. Первый период жизни пфальцграфа остается малоизученным, в то же время действия Иоганна Казимира после 1576 г., его имперские инициативы — в частности, развертывание конфессиональной пропаганды посредством печати не только в Германии, но и за ее пределами¹³, позволяют предположить, что пфальцграф был большим, чем его отец, сторонником отстаивания религиозных истин путем открытого, в том числе военного, противостояния. В качестве источников была использована корреспонденция Фридриха III и членов его семьи за 1559–1576 гг., изданная Августом Клюкхоном в 1868–1872 гг., в то время как письма самого Иоганна Казимира, опубликованные Фридрихом фон Бецольдом в 1882–1884 гг., приведены за период с конца 1576 по 1592 гг.

¹⁰ *Cunz D.* Die Regentschaft des Pfalzgrafen Johann Casimir in der Kurpfalz 1583–1592. Limburg an der Lahn, 1934.

¹¹ *Kuhn M.* Pfalzgraf Johann Casimir von Pfalz-Lautern 1576–1583. Otterbach, 1959.

¹² *Krüger P.* Die Beziehungen der Rheinischen Pfalz zu Westeuropa 1576–1582: Die auswärtigen Beziehungen des Pfalzgrafen Johann Casimir 1576–1582. Phil. Dis. München: Universitätsdruck, 1964.

¹³ *Бережная Н. А.* Религиозная пропаганда или политический манифест: «открытые письма» Иоганна Казимира Пфальцского [Электронный ресурс], В кн: Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111). DOI: 10.18254/S207987840018679–5. URL: <https://history.jes.su/s207987840018679–5-1/> (20.11.2022).

Можно выделить два мотива, которые пфальцграф Иоганн Казимир акцентирует в переписке с немецкими князьями, касающейся подготовки и обоснования похода во Францию 1575–1576 гг.¹⁴: конфессиональный и территориальный (или мотив имперской целостности), и две группы аргументов. В условиях усиливающегося антикальвинистского противостояния в самой Германии пфальцские князья стремились представить себя искренними и последовательными защитниками протестантского дела во всей Европе. В отношении территориальных мотивов следует отметить, что соседство и связи с Францией¹⁵ — от экономических и культурных до династических — традиционно имели большое значение для Пфальца, как и для всего юго-западного сектора Империи, однако это не исключало взаимные территориальные и исторические претензии. На протяжении XV – первой половины XVI в. рейнские курфюрсты были верховными ландфогтами Нижнего Эльзаса – территории, которая вошла в орбиту влияния и сделалась частью Священной Римской империи в X в., но на которую французские короли не переставали претендовать.

Главным аргументом в пользу организации очередной военной экспедиции во Францию для Иоганна Казимира является «защита бедных угнетенных христиан»¹⁶ и истинного хри-

¹⁴ О втором походе Иоганна Казимира во Францию и деталях переговоров с принцем Генрихом де Конде см.: *Johann Kasimir, Pfalz, Pfalzgraf. Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken* / Hrsg. von F. von Bezold. Bd. 1: 1576–1582. München, 1882. S. 140–182; *Vogler B. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592)*. S. 247–252.

¹⁵ *Vogler B. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592)*. S. 236–239; *Thomas A. L. A House Divided: Wittelsbach Confessional Court Cultures in the Holy Roman Empire, c. 1550–1650*. Leiden, 2012. p. 143–148; *Kuhfuß W. Eine Kulturgeschichte des Französischunterrichts in der frühen Neuzeit. Französischlernen am Fürstenhof, auf dem Marktplatz und in der Schule in Deutschland*. Göttingen, 2014.

¹⁶ *Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz, mit verwandten Schriftstücken* / Hrsg. von A. Kluckhohn. Bd. 2. Hälfte 2: 1572–1576. Braunschweig, 1872. № 846 (21.10.1575).

стианского вероучения. Ландграфа Вильгельма Гессенского пфальцкий князь уверяет: «мы предприняли этот поход не из любопытства, тщеславия или желая причинить вред французской короне, но только лишь по просьбе христианских благочестивых реформированных церквей этого королевства и его знатных чинов, придерживающихся как одной, так и другой религии»¹⁷.

Другой аргумент, который также может быть отнесен к конфессиональным, это намерение установить во Французском королевстве такой мир, который не будет разрушен смутянами через несколько месяцев (речь идет о религиозном мире, который понимается как основа земского мира). Эти доводы Иоганн Казимир часто приводит совокупно – как в письме отцу или французскому королю Генриху III. Последнему он объясняет, что выступает не против него, «а против мясников¹⁸ и преследователей нашей истинной веры, и в целом против тех, кто сеет смуту в Вашем королевстве <...> [с той целью – *Н.Б.*], чтобы Ваше Королевское Величество пребывали бы в добром и прочном мире»¹⁹. Тот же аргумент звучит в его письме императору Максимилиану II: «Ничего бы я так не желал, как видеть французское королевство в состоянии доброго мира, тогда этот поход не был бы нужен»²⁰.

Фридрих III защищал любимого сына и саму идею вмешательства в религиозные конфликты во Франции и Нидерландах перед императором и князьями, в том числе на рейхстаге в Регенсбурге в 1576 г. В инструкции своим представителям он писал, что Пфальц должен «помочь установить мир в соседних королевствах и землях», что следует добиваться, чтобы император и имперские чины отправили посольства во Францию и Испанию, чтобы «дать понять их величествам, что

¹⁷ *Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen. № 852 (28.10.1575).*

¹⁸ Это отсылка к Варфоломеевской ночи.

¹⁹ *Ibid. № 857 (11.11.1575).*

²⁰ *Ibid. № 854 (09.11.1575).*

ни император, ни имперские чины больше не будут [спокойно – *Н.Б.*] смотреть на беды, горе и погибель»²¹, творящиеся в их владениях. Однако доводы пфальцских князей пришлось по душе немногим. Даже Вильгельм Гессенский, друг Иоганна Казимира, сам под конец жизни склонявшийся к кальвинизму, убеждал пфальцграфа, что поощрять подданных сопротивляться своему государю — не то дело, которое может быть угодно Богу. «Подданные [Французского королевства – *Н.Б.*] не должны защищаться от меча их законной и природной власти, Ваша Светлость не найдет в Священном Писании ни разрешения, ни примера подобного»²². Это высказывание соотносится с лютеранскими представлениями о власти и об общественном устройстве, согласно которым сопротивление высшей власти военным путем недопустимо, да и пассивное сопротивление возможно лишь при определенных обстоятельствах (для немецкого дворянства, как рассуждал сам Мартин Лютер – при угрозе Богу, Евангелию, божественному и имперскому праву, и только в пределах своих владений)²³. Более резкий и полный иронии ответ Иоганн Казимир получил от тестя, курфюрста Саксонии Августа I, наиболее авторитетного среди лютеранских князей Империи, долгие годы являвшегося главным партнером императора Максимилиана II в деле поддержания имперского мира. «Вы решили, – пишет Август Саксонский, – ради помощи и спасения угнетенных христиан Франции сами возглавить войско. Нам хотелось бы понять, являются ли теперешняя военная ситуация и потери во Франции затеянными ради реформы религии или же [из-за намерения реформировать – *Н.Б.*] правление. Если говорить о религии, то мы не знаем, нуждается ли всемогущий предвечный

²¹ *Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen.* № 836 (20.09.1575).

²² *Ibid.* № 837 (23.09.1575).

²³ *Шиллинг Х.* Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений. М., 2017. С. 499–505; *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб., 2002. С. 37–38.

Господь в утверждении и поддержании истины своих божественных слов Вашей Светлостью или вашими войсками, и призвал ли Он Вас к этому. Однако в том, что относится к [намерению – *Н.Б.*] реформировать правление, мы не можем понять, по каким причинам Ваша Светлость считает необходимым вмешиваться в иноземные дела, подвергая опасности свою совесть и сознательно осмеливаясь лишить наше возлюбленное отечество лучших и наиболее опытных солдат во время опасного наступления турок»²⁴. Курфюрст Август объясняет беды и неудачи, постигшие французское королевство, наказанием за грехи его правителей и знати, в особенности за то, что «это королевство часто вступало в сговор с наследственным врагом христианской веры и приводило турок на бедный христианский мир».

Конфессиональные аргументы в корреспонденции Иоганна Казимира доминируют, но все же не являются единственными: их дополняет территориальный мотив, аргументы о восстановлении территориальной целостности Империи. Прежде всего, пфальцграф хотел не допустить вторжения французских армий в имперский Эльзас и рейнский округ²⁵, вероятность подобного была отнюдь не иллюзорной на протяжении всей второй половины XVI в. Наиболее важным предметом территориальных претензий Империи к Франции были эльзасские города-епископства – Мец, Туль и Верден, оккупированные французскими войсками в 1552 г. по Шамборскому договору с протестантскими князьями во главе с Морицем Саксонским²⁶. Мир в Като-Камбрези 1559 г. позволил Франции сохранить за собой эти три города, хотя окончательно они вошли в состав Французского королевства только по Вестфальскому

²⁴ *Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen.* № 849 (24.10.1575). Письмо Иоганна Казимира курфюрсту Августу не сохранилось.

²⁵ *Ibid.* № 846 (21.10.1575).

²⁶ *Бережная Н.А.* Проблема толерантности в отношениях немецких кальвинистов и французского королевского Дома в 1560-е – 1570-е гг. С. 266.

мирному договору 1648 г. Иоганн Казимир, как и многие другие немецкие князья, продолжал считать Мец, Туль и Верден частью Империи, ибо – как пфальцграф будет утверждать в «открытом письме» 1578 г., посвященном военной экспедиции в Нидерланды, – верховная власть Империи распространяется на все территории, которые когда-либо входили в ее состав и управлялись имперскими наместниками²⁷. Возвращение Меца, Туля и Вердена стало бы серьезным обоснованием претензий на лидерство среди немецких протестантов. Однако французский королевский Дом не хотел ничего слышать о переговорах по статусу этих эльзасских городов, и до середины 1570-х гг. этот вопрос официально не поднимался. В 1575 г. Иоганн Казимир попробовал вернуть эти территории, договорившись с наиболее влиятельным на тот момент гугенотским лидером, принцем Генрихом I де Конде (король Генрих Наваррский до февраля 1576 г. находился при парижском дворе фактически как заложник), пфальцграф предложил военную помощь, в которой гугеноты так нуждались²⁸. Был найден и закреплен договором от 27 сентября 1575 г. своеобразный компромисс: «Конде и его сторонники обещали не соглашаться на мир, пока король не назначит пфальцграфа губернатором и генерал-лейтенантом в городах Мец, Туль и Верден, их крепостях и постройках, причем не только функции губернатора в епископствах, но и неограниченное и свободное пользование правами и доходами будут сохраняться за ним на протяжении всей его жизни <...>. В свою очередь Иоганн Казимир должен клятвенно пообещать служить ко-

²⁷ Бережная Н. А. Религиозная пропаганда или политический манифест: «открытые письма» Иоганна Казимира Пфальцкого [Электронный ресурс], В кн: Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111). DOI: 10.18254/S207987840018679-5. URL: <https://history.jes.su/s207987840018679-5-1/> (20.11.2022). В статье рассматриваются обстоятельства создания и содержание трех известных «открытых писем» пфальцграфа Иоганна Казимира, ставится вопрос об их авторстве.

²⁸ Wolgast E. Konfessionsbestimmte Faktoren der Reichs- und Außenpolitik der Kurpfalz 1559–1620. S. 185–186.

ролю, как другие губернаторы французских провинций. <...> Он должен комплектовать гарнизоны трех названных городов и прилегающей к ним местности ни кем иным как урожденными французами реформатского вероисповедания, как офицерами, так и солдатами. <...> Только свой двор и окружение Иоганн Казимир может пополнять представителями других наций»²⁹. Очевидно, что возвращение эльзасских городов Империи не предполагалось, хотя Фридрих III – например, в письме Вильгельму Гессенскому – с осторожностью, но все же представлял это еще только обещание одного из лидеров гугенотов как успех пфальцской дипломатии и лично Иоганна Казимира, совершенный «ради общественного блага»³⁰. Немецкие князья не придавали большого значения этому договору: они сомневались в том, что дело дойдет до его исполнения. Ландграф Вильгельм писал Иоганну Казимиру: «Хотя мы желаем Вашей Светлости всяческого благополучия и процветания, чтобы Вы получили обещанные Вам города и епископства Мец, Туль и Верден, мы все же беспокоимся, что к подобным желаниям король [Франции – Н.Б.] и его окружение отнесутся как к избыточным, они не вызовут понимания»³¹.

В целом, последовательная конфессиональная аргументация Иоганна Казимира подтверждает тезис Корнела Цвирлейна и Эйке Вольгаста о том, что Пфальц на протяжении второй половины XVI в. действовал на имперской и европейской арене, исходя прежде всего из конфессиональных мотивов, защищая протестантские общины по всей Европе. Доводы Иоганна Казимира в защиту единоверцев нашли отражение в публицистике, в том числе в «открытом письме», изданном в 1576 г. от имени пфальцграфа и посвященном целям похода во Францию 1575–1576 гг.³². Текст был напечатан на немецком

²⁹ *Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen. № 859 (27.11.1575).*

³⁰ *Ibid. № 866 (14.01.1576).*

³¹ *Ibid. № 865 (31.12.1575).*

³² *Johann Kasimir, Pfalz, Pfalzgraf. Ausschreiben dess Durchleuchtigen Hoch-*

языке и адресован дворянам и солдатам, принявшим участие в походе. Тем не менее не вызывает сомнений, что данное публицистическое сочинение обращено к немецкому дворянству в целом; этим текстом Иоганн Казимир публично заявил о мотивах своих действий, которые до этого затрагивались только в личной переписке. Пфальцграф заявлял, что причиной похода было намерение «принести утешение бедным притесняемым христианам и послужить короне Франции, предотвращению возможной тирании»³³, поспособствовав заключению «постоянного доброго мира»³⁴. Следует отметить, что в этом пропагандистском сочинении вопрос о Меце, Туле и Вердене не поднимается: это может свидетельствовать как о том, что Иоганн Казимир не хотел, чтобы соображения практической выгоды заслонили в глазах читателя его заботы об «истинной вере» и единоверцах, так и о том, что текст был написан уже после того, как во Франции возобновились военные действия и стало понятно, что договор с принцем де Конде так и останется на бумаге. В корреспонденции Иоганна Казимира территориальная аргументация его «внешнеполитических» европейских инициатив скорее вторична, однако важна тем, что позволяет наблюдать за формированием представления об Империи не только как о единстве имперских чинов, но и как о совокупности всех территорий, которые когда-либо входили в ее состав.

---

gebornen Fürsten und Herrn, Herren Johann Casimirs Pfaltzgraffen bey Rhein, Hertzog in Bayern, etc. an die Obriste Rittmeyster vnd alle Kriegsleuth, des jetzigen Kriegswesens in Franckreich, vnnd fernern begerens halb. [S.l.], 1576. 4 Bl.

³³ Ibid. Bl. Ai r.

³⁴ Ibid. Ai r. – Aij.

Campaign of the Count Palatine John Casimir to France in 1575–1576 in the correspondence of the German Princes

Бережная Наталья Александровна, к.и.н., ст. преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5).

Natal'ya Aleksandrovna Berezhnaya, doctor of History, senior lecturer, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5).

Аннотация. В статье рассматривается корреспонденция пфальцграфа Иоганна Казимира и его отца, курфюрста Пфальца Фридриха III, посвященная второму походу Иоганна Казимира во Францию в 1575–1576 гг. Автор анализирует конфессиональные и территориальные мотивы пфальцграфа, его аргументы, обращенные к имперским протестантским князьям, и реакцию последних на доводы Пфальца в пользу военного вмешательства. Изучение внешнеполитических аспектов деятельности Иоганна Казимира до конца 1576 г. важно потому, что биографы пфальцграфа (Д. Кунц, М. Кун, П. Крюгер) сосредотачивались на его самостоятельном правлении после смерти Фридриха III, так как считали, что при жизни отца Иоганн Казимир был лишь исполнителем его воли. Конфессиональная аргументация пфальцграфа подтверждает тезис К. Цвирлейна и Э. Вольгаста о том, что Пфальц на протяжении второй половины XVI в. действовал на имперской и европейской арене, исходя из конфессиональных мотивов, защищая протестантские общины по всей Европе. Территориальная аргументация Иоганна Казимира демонстрирует его представление об Империи не только как о единстве имперских чинов, но и как о совокупности всех территорий, которые когда-либо входили в ее состав.

Ключевые слова: Иоганн Казимир, Пфальц, Религиозные войны во Франции, поход 1575–1576 гг., корреспонденция.

Abstract. The article examines the correspondence between Count Palatinate John Casimir and his father, Elector of the Palatinate

Frederick III, dedicated to the second campaign of John Casimir to France in 1575–1576. The author analyzes the confessional and territorial motives of the Count Palatinate, his arguments addressed to the imperial Protestant princes, and the reaction of these princes to the arguments of the Palatinate in favor of military intervention. The study of the foreign policy aspects of the activities of John Casimir until the end of 1576 is important because the biographers (D. Kunz, M. Kuhn, P. Kruger) focused on his independent reign after the death of Frederick III, since they believed that during the life of his father, John Casimir was only the executor of his will. The confessional argumentation of the count palatine confirms the thesis of K. Zwirlein and E. Wolgast that during the second half of the 16th century, the Palatinate acted on the imperial and european arena from confessional motives, defending Protestant communities throughout Europe. The territorial argumentation of John Casimir demonstrates his idea of the Empire not only as a unity of Imperial Estate, but also as the totality of all the territories that have ever been part of it.

Key words: John (Johann) Casimir, Palatinate, French Wars of Religion, campaign 1575–1576, correspondence.

Список источников и литературы

Bruning J. Die kursächsische Reichspolitik zwischen Augsburger Religionsfrieden und Dreißigjährigem Krieg – nur reichspatriotisch und kaisertreu?, in: *Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618* / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart: Steiner Franz Verlag, 2007. S. 81–94.

Cunz D. Die Regentschaft des Pfalzgrafen Johann Casimir in der Kurpfalz 1583–1592. Limburg an der Lahn: Limburger Vereinsdruckerei, 1934. 110 S.

Friedrich III., Pfalz, Kurfürst. Briefe Friedrich des Frommen, Kurfürsten von der Pfalz, mit verwandten Schriftstücken / Hrsg. von A. Kluckhohn. Bd. 2. Hälfte 2: 1572–1576. Braunschweig: C. A. Schwetschke und Sohn, 1872. XLIII, 489–1088 S.

Johann Kasimir, Pfalz, Pfalzgraf. Ausschreiben dess Durch-

leuchtigen Hochgebornen Fürsten und Herrn, Herren Johann Casimirs Pfaltzgraffen bey Rhein, Hertzog in Bayern, etc. an die Obriste Rittmeyster vnd alle Kriegsleuth, des jetzigen Kriegsweßens in Franckreich, vnnd fernern begerens halb. [S.l.], 1576. 4 Bl.

Johann Kasimir, Pfalz, Pfalzgraf. Briefe des Pfalzgrafen Johann Casimir mit verwandten Schriftstücken / Hrsg. von F. von Bezold. Bd. 1: 1576–1582. München: M. Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung, 1882. X, 590 S.

Krüger P. Die Beziehungen der Rheinischen Pfalz zu Westeuropa 1576–1582: Die auswärtigen Beziehungen des Pfalzgrafen Johann Casimir 1576–1582. Phil. Dis. München: Universitätsdruck, 1964. 173 S.

Kuhfuß W. Eine Kulturgeschichte des Französischunterrichts in der frühen Neuzeit. Französischlernen am Fürstenhof, auf dem Marktplatz und in der Schule in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 741 S.

Kuhn M. Pfalzgraf Johann Casimir von Pfalz-Lautern 1576–1583. Otterbach: Ludwigshafen, 1959. XXIV, 216 S.

Schirmer U. Sachsen und die Reichspolitik, in: Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen / Hrsg. von H. Junghans. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2005. S. 219–237.

Thomas A. L. A House Divided: Wittelsbach Confessional Court Cultures in the Holy Roman Empire, c. 1550–1650. Leiden: Brill, 2012. 403 p.

Vogler B. Die Rolle der pfälzischen Kurfürsten in den französischen Religionskriegen (1559–1592), in: Blätter für pfälzische Kirchengeschichte und religiöse Volkskunde. Vol. 37/38. 1970–1971. S. 235–266.

Wolgast E. Konfessionsbestimmte Faktoren der Reichs- und Außenpolitik der Kurpfalz 1559–1620, in: Konfessioneller Fundamentalismus: Religion als politischer Faktor im europäischen Mächtesystem um 1600 / Hrsg. von H. Schilling. München: De Gruyter Oldenbourg, 2007. S. 167–187.

Zwierlein C. Discorso und Lex Dei. Die Entstehung neuer Denkrahen im 16. Jahrhundert und die Wahrnehmung der

französischen Religionskriege in Italien und Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 900 S.

Бережная Н.А. Проблема толерантности в отношениях немецких кальвинистов и французского королевского Дома в 1560-е – 1570-е гг., В кн: Вопросы истории. 2019. № 12 (2). М.: Вопросы истории, 2019. С. 263–273.

Бережная Н. А. Религиозная пропаганда или политический манифест: «открытые письма» Иоганна Казимира Пфальцского [Электронный ресурс], В кн: Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111). DOI: 10.18254/S207987840018679-5. URL: <https://history.jes.su/s207987840018679-5-1/> (20.11.2022).

Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола 1555–1648. СПб.: Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2002. 384 с.

Прокопьев А. Ю. Немецкое дворянство и французские религиозные войны, В кн: Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Сост. Ю. Досси, В. В. Шишкин. СПб., М.: Евразия, Клио, 2015. С. 185–206.

Шиллинг Х. Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений / Пер. с нем. А. Тихомиров, О. Хмелевская. М.: Издательство ББИ, 2017. XVI – 710 с.

Шишкин В. В. Переписка немецких князей с французским двором во время Религиозных войн XVI века (по материалам из Российской национальной библиотеки), В кн: *Средние века*. 2016. Вып. 77 (3–4). С. 377–391.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
в Санкт-Петербурге:**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»

Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)

8 (812) 273 50 53   www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»

Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)

8 (812) 640 44 06   www.lavkapisateley.spb.ru

в Москве:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»

Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1

(с 09:00 до 24:00)

8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17

www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

«ФАЛАНСТЕР»

Москва, ул. Тверская д. 17

(с 11:00 до 20:00)

8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21

www.falanster.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

«ПРИОЛКОВСКИЙ»

Москва, Пятницкий пер., 8

(с 11:00 до 22:00)

8(495) 951 19 02

www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

«БУКВЫШКА»

Москва, ул. Мясницкая, 20

(пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)

8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 2960

www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

«БИБЛИО-ГЛОБУС»

Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1

(пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)

www.biblio-globus.ru

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА

www.directmedia.ru

ЛИТРЕС

www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»

www.moscowbooks.ru

OZON

www.ozon.ru

NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS

www.nkbooksellers.com

ESTERUM

www.esterum.com

БУКВОЕД

www.bookvoed.ru

ЧИТАЙ ГОРОД

www.chitai-gorod.ru

MY-SHOPRU

www.my-shop.ru

КНИЖНЫЙ БУМ

www.academbook.com.ua

Научное издание
АНГЛИЯ И ЕВРОПА:
ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ
Сборник статей к юбилею Сергея Егоровича Федорова

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *О. Ю. Марусова*
Корректор *Д. Ю. Былинкина*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru
в Минске:

«Трэгресс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com
в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl
в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Varona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 23,4. Тираж 500 экз.